

Е. В. ПЕРЕВАЛОВА

СЕВЕРНЫЕ ХАНТЫ

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
АДМИНИСТРАЦИЯ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ БЮРО

Е. В. ПЕРЕВАЛОВА

СЕВЕРНЫЕ ХАНТЫ:
этническая история

Екатеринбург
2004

УДК 39 (571.1/5)

ББК ТЗ (2Р53)0

Первалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.
ISBN 5-7691-1536-X

Книга посвящена исследованию этнической истории северных хантов. На основе архивных источников и собранных в ходе многочисленных экспедиций полевых материалов раскрывается специфика, факторы и механизмы формирования северохантыйской общности. Впервые этническая история хантов Нижнего Приобья представляется одновременно в нескольких (историческом, этнодемографическом, этносоциальном, культурно-хозяйственном) измерениях. Книга предназначена для этнографов, археологов, историков и всех интересующихся историей и культурой Севера.

Серия «Панорама культур Ямала»

Редакционная коллегия серии:
академик РАН В. В. Алексеев, чл.-корр. РАН С. А. Арутюнов,
д. и. н. И. Н. Гемуев, чл.-корр. РАН А. В. Головнёв,
д. и. н. И. И. Крупник, к. и. н. Н. В. Фёдорова

Ответственный редактор
чл.-корр. РАН А. В. Головнёв

Рецензенты:
к. и. н. Н. В. Фёдорова
к. и. н. А. Т. Шашков

Издание подготовлено в рамках
Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»

ISBN 5-7691-1536-X

© Е. В. Первалова, 2004 г.
© ИИА УрО РАН, 2004 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	5
ВВЕДЕНИЕ	7
Глава I. ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	32
Князя «большого изменного дела»	33
«Оберегая отеческую веру»	62
«Желая соблюсти пользу Его Императорского Величества»	84
«Не в состоянии достигнуть прежнего блеска»	98
Глава II. ВОЙНЫ И МИГРАЦИИ	111
Завоевание земель «лесного народа» (<i>ур ёх</i>)	112
«Люди потопа» (<i>мось, пор и послан ёх</i>)	126
Переселение «сосьвинского народа» (<i>охаль, пастэр ёх</i>)	138
Походы «людей городков» (<i>хурун ёх</i>)	151
«Пришедшие со стороны заката» (<i>русь ёх</i>)	155
Глава III. ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ	169
Численность и расселение	169
Фамильный и родовой состав	180
Направления брачных связей	198
Локальные группы	210
Глава IV. РОДСТВО И ЭТНИЧНОСТЬ	218
«Люди одного очага»	219
«Единство разных»	226
Феномен «нового» родства	237
«Младшие братишки»	238
«Бабушкой выращенный внук»	239
«Родство по божеству»	240
«Разводящие огонь»	242
«Родство по ясаку»	245
Глава V. ДВОЙСТВЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ	250
Северные «рыбоядцы»	252
Типы оленеводства и характер миграций	265
На стыке ненецкой и угорской экзогамных систем	275
Две традиции в мифоритуальном отношении к собаке и медведю	287
«Запретная» и «жертвенная» (собака)	287
«Свой» и «чужой» (медведь)	293

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	300
Приложение I. Обдорская (остяцкая) волость	305
Приложение II. Куповатская волость	333
Приложение III. Подгородная волость	348
Приложение IV. Казымская волость	355
Приложение V. Сосьвинская волость	366
Приложение VI. Ляпинская волость	377
АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ	389
ЛИТЕРАТУРА	391
СОКРАЩЕНИЯ	412

ОТ РЕДАКТОРА

Летом 1991 г. Елена Перевалова оказалась на хантыйском оленеводческом стойбище в предгорьях Северного Урала. Она приехала туда, одетая в обычную походную одежду — джинсы, штормовку, на плечах рюкзака и полевая сумка в руках. Старик Макар Сязи, хозяин чума, поначалу отнесся к ней настороженно, но вскоре почувствовал вкус к разговорам о старине и взялся наставлять гостью в знании обычаев и ритуалов. За ее стойкий интерес к хантыйским мифам и богам он дал ей прозвище *Лолх-ими* (Дух-женщина). Однажды стойбище тронулось на очередную кочевку. Елене предоставили отдельную (мужскую) нарту, на которой помогли уложить и увязать вещи. В пути произошла случайность: при переправе через горную реку гостя не сумела удержаться на плывущей нарте, рухнула в воду, вымокла до нитки и осталась без сухих вещей. Хозяева переодели ее в хантыйское платье. Старик, осмотрев ее, усмехнулся и сказал: «Теперь ты красива, как настоящая женщина». В течение нескольких дней Елена, желая оставаться «красивой», не снимала хантыйское одеяние. Тон старика в обращении с ней резко изменился. Теперь на этнографические вопросы он отвечал нечто вроде: «Пойди, помоги женщинам увязать нарты». Став «красивой» и «настоящей», Елена заняла подобающее место на стойбище, но лишилась привилегии вести со стариком «мужской разговор». Несколько недель спустя, уже покинув стойбище Макара Сязи, Елена встретилась с ним в поселке Питяяр, куда старик ненадолго приехал по своим делам. Она вновь была в полевом костюме, вокруг виднелись не горные тундры, а хилые поселковые строения. Старик был приветлив, но не словоохотлив — здесь, среди казенных домов, разговор «на серьезную тему» не получался.

Работа этнографа лишь на первый взгляд кажется немудреной: заехал погостить, попил чаю, задал вопрос, записал ответ в полевой дневник. На самом деле это всякий раз испытание не только исследуемого, который открывает гостю сокровенное знание, но и исследователя, который подвергается беспощадному тестированию на искренность и порядочность. Трудно сказать, кто кого больше исследует в этом диалоге, особенно если этнограф работает в одиночку и попадает под неусыпное наблюдение целого стойбища или поселка. Елене Переваловой от природы достался дар чистого восприятия и исследовательской увлеченности, вызывающий у ее собеседников взаимный интерес и доверие. Впечатления от встреч с «Маленькой лохматой птичкой», или «Духом-женщиной», как прозывали ее ханты, неизменно полны симпатии и

живых подробностей — родня Макара Сязи до сих пор вспоминает, как Елену всем стойбищем вылавливали из горного потока, а позже, по осени, отыскивали ее шапочку, унесенную рекой чуть не до Оби. Впрочем, подобные приключения нередко сопровождаются этнографическим озарением, поскольку вынуждают исследователя «на собственной шкуре» испытать бытовые и психологические особенности изучаемой культуры, открыть неожиданные грани этнической этики и по-новому, изнутри, взглянуть на ценности народа.

В отличие от историка, пишущего на основании кем-то когда-то составленных документов или мемуаров, этнограф не имеет посредника между собой и исследуемым народом и несет всю полноту ответственности за сбор и осмысление фактов. Этнограф оказывается одновременно создателем фонда источников и их толкователем, а его персональные качества играют исключительную роль в точности и цельности выстраиваемой этнокультурной картины. В этом отношении книга Е. В. Переваловой представляет собой фонд надежных и профессионально осмысленных сведений. Веря только этнографическому факту и избегая научных шаблонов, автор скрупулезно, шаг за шагом, связывает полевые и архивные сведения в сложную и стройную схему истории северных хантов. Иногда ее страсть к этнографическим деталям и демографическим частностям, стремление чуть ли не поименно учесть всех северных хантов кажутся чрезмерными (в неофициальном отклике на рукопись книги я назвал ее «хантопись»), однако именно из этой обстоятельности рождаются точные наблюдения о роли войн и миграций, экзогамных норм и феномена родства в хантыйской истории. В переплетении фольклора, средневековых летописей, демографической статистики особенно ярко выступают этнографические жемчужины, например очерк о «новом родстве» (гл. 4) или рассказ о том, как на Малой Оби русский поп хантам фамилии продавал (гл. 3).

При всем пристрастии к культуре хантов Елене Переваловой удалось преодолеть недостаток многих угроведческих работ, написанных так, будто вокруг хантов и манси других народов не существовало. Этому в немалой степени способствовал опыт ее полевых исследований среди ненцев, коми-зырян, сибирских татар, русских старожилов Сибири и Урала. Научная строгость книги не мешает разглядеть ее драматургию — полный контактов и конфликтов многовековой межэтнический диалог на Уральском Севере. Вдумчивый читатель сумеет не только почерпнуть в ней знание о прошлом, но и заново отнестись к настоящему, поскольку этническая история продолжается.

Чл.-корр. РАН А. В. Головин

ВВЕДЕНИЕ

Среди российских этнографов не сложилось единого мнения о соотношении понятий «этногенез» и «этническая история». Л. В. Хомич определяет этногенез как «процесс формирования этнической общности», когда «на базе различных этнических компонентов появляются все основные признаки этнической общности — складываются язык, самоназвание и самосознание, территория формирования, основные черты хозяйства и культуры». Этническая история общности «начинается после завершения ее формирования» и «включает такие процессы, как изменение традиционной культуры под влиянием развития производительных сил, дальнейшего приспособления к экологическим условиям, взаимодействия с другими этническими общностями»; «эти изменения обычно происходят в рамках данной общности, не изменяя существенно облика ее культуры» [1976: 3—4]. В. И. Васильев рассматривает этногенез как «процесс исторического формирования этноса», «сложение его из разнородных (разноязычных, разнорасовых) этнических компонентов», а под этнической историей — «период исторического развития определенного сформировавшегося этноса», «начиная с заключительной стадии его формирования до любого заданного хронологического отрезка, включая современное нам время»; при этом «правомерно говорить о том, что этническая история включает элементы этногенеза» [1979: 4].

Иногда понятия «этногенез» и «этническая история» не различаются стадийно, а соподчиняются или употребляются в одном и том же значении. В трактовке С. А. Токарева этногенез охватывает этнокультурные процессы, в ходе которых «складывался и развивался народ» [1949: 15]. По определению Л. П. Лашука, «этническая история включает не только раскрытие этногенеза народов, но и процессов развития этнических (по существу этносоциальных) общностей от древних племенных образований до современных народностей и наций» [1972: 289]; к этому близки позиции И. С. Вдовина [1973: 3] и Ю. Б. Стракача [1973: 156—162]. Р. Ф. Итс [1974: 13] и Э. Л. Львова [1976: 142—143] считают понятия «этногенез» и «этническая история» если не взаимозаменяемыми, то сходными по содержанию [историографию вопроса см.: Томилов 1987; 1993].

Наиболее полная разработка теории этнической истории (в том числе в соотношении с этногенезом) принадлежит Н. А. Томилову, охарактеризовавшему методы исследования, объект, предмет и хронологию этнической истории, ее разделы и систему связей со смежными областями знаний. Н. А. Томилов понимает под этнической историей отрасль знаний, охватывающую «изучение этнических и этносоциальных процессов и на стадии формирования этнических общностей и на стадии их этнического развития (вплоть до их трансформации, если речь идет об исчезнувших этносах)»; при этом этногенез является «еотъемлемой частью этнической истории, «так как формирование этнической общности представляет собой фактически этнические процессы и предстает как определенный этап этнической истории» [1983; 1987: 8, 13; 1993: 10, 194]. Предложенный Л. П. Лашуком и обстоятельно разработанный Н. А. Томиловым подход к пониманию этнической истории представляется наиболее оптимальным, поскольку он позволяет рассматривать этнокультурные процессы в их непрерывности и хронологической преемственности. Особенно это важно в изучении истории этнического новообразования (в нашем случае одной из групп хантов), когда можно вести речь одновременно и об этногенезе (по отношению к исследуемой группе), и о «стадии этнического развития» (по отношению к основной части народа).

Монография посвящена исследованию этнической истории северной группы хантов¹. В этнографической литературе хантов принято разделять на северных (*ханты* или *хантэ*), южных (*хандэ*) и восточных (*кантах* или *кантэк*). Различия между названными общностями настолько существенны, что «до недавних пор ханты... не считали себя единым народом» [Соколова 1973: 123; 1975а: 201–202; 1990: 27]. Согласно одной из лингвистических классификаций, хантыйские диалекты составляют три большие группы: северную, распространенную от устья Оби до пос. Шеркалы (обдорский, сыгвинский, сынский, мужевской, шурышкарский, казымский и шеркальский диалекты), южную, охваты-

¹ Ханты (ст. назв. остяки) — народ, относящийся к угорской группе уральской языковой семьи. В настоящее время расселены в пределах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов Тюменской области, а также северных районах Томской области. Общая численность хантов по переписи 1989 г. составила 22283 человека. Основная часть северных хантов проживает в Шурышкарском и Приуральском районах Ямало-Ненецкого округа (7200 чел.), Белоярском и Березовском районах Ханты-Мансийского округа (3300 чел.). Территория их расселения включает лесотундровую и северотаежную зоны Нижнего Приобья.

вающую область от пос. Шеркалы до устья Иртыша (иртышский, кондинский и демьянский диалекты, а также низямский и кеушкинский, обладающие признаками перехода к северной группе), и восточную, расположенную по среднему течению Оби и ее притокам (сургутский с тромьеганским, юганским, малоюганским, пимским вариантами, ваховский, васюганский, вартовский и салымский диалекты) [Хайду 1985: 45]. По мнению Н. И. Терёшкина, «распространенная в настоящее время классификация, по которой хантыйские диалекты делятся на три группы — северную, южную и восточную, — представляется совершенно несостоятельной, так как ... строится без учета глубоких языковых различий между ... основными этническими группами современных ханты», поэтому следует говорить не о трех, а о двух диалектных массивах: западном (собственно хантыйском) и восточном (кантыкском). В западном диалектном массиве Н. И. Терёшкиным выделяются три наречия: 1) усть-обское (обдорское) с усть-полуйским и собским говорами; 2) приобское с шурышкарским, казымским и среднеобским говорами; 3) прииртышское с усть-иртышским (самаровским), прииртышским, кондинским и демьянским говорами [1966: 320].

При сопоставлении лингвистических и этнографических данных обнаруживается несоответствие между диалектными и этнографическими (территориальными) группами. В классификации П. Хайду выделена северная группа хантов, расселенная от Шеркалов до устья Оби. В классификации Н. И. Терёшкина подобное понятие (северная группа) отсутствует, по географическому признаку в нее могут быть включены ареалы усть-обского (обдорского) и, частично, приобского наречий. З. П. Соколова, основываясь на лингвистических данных, относит к северным хантам население, проживающее по р. Обь (с притоками Сыня, Куноват, Казым) от Обдорска до Мало-Атлымских юрт, включая в их число «остяков» Сев. Сосьвы и Ляпина [1982: 33; 1990: 35—36, 61].

По-видимому, главной трудностью разграничения обско-угорских диалектных и этнографических групп является свойственная таежному населению Западной Сибири, в том числе хантам, культурно-языковая «непрерывность». На наш взгляд, по совокупности лингвистических и этнографических характеристик, в Нижнем Приобье могут быть обособлены следующие группы хантов: 1) обдорско-куноватская; 2) березовско-казымская; 3) атлымско-шеркальская. Первая и вторая являются объектом настоящего исследования. Обдорско-куноватская группа оказывается географически самой «нижней» из нижеобских или «се-

верпой» из северных, березовско-казымская — «южной» по отношению к ней. Имея в виду условность понятий «северная» или «южная» применительно к жителям Нижнего Приобья, в дальнейшем изложении мы адресуем эти определения обдорско-куноватской и березовско-казымской группам хантов.

Этнографические материалы дают основания выделять обдорско-куноватских и березовско-казымских хантов в две отдельные территориальные группы с высокой степенью эндогамности, предположительно имевшие «племенной характер» [Соколова 1990: 44, 58]. Современные северные ханты административно относятся к Приуральскому и Шурьшкарскому районам Ямало-Ненецкого, Березовскому и Белоярскому районам Ханты-Мансийского автономных округов Тюменской области. Исторически, на протяжении XVII — начала XX в., они были расселены по Мал. и Бол. Оби с притоками Полуй, Сось, Собтыеган, Войкар, Куноват, Сыня, Вогулка, Казым, а в административном отношении причислялись к Обдорской, Куноватской, Подгородной и Казымской волостям. В первоначальный период российской колонизации нижнеобские остяки входили в состав двух княжеств: Обдорского (с городками Пулноват-Ваш, Войкар и Уркар) и Ляпинского (среди городков которого упоминаются Сугмут-вош и Кун-аут-ваш) [Миллер 1937: 267—271; Бахрушин 1955а: 133, 137].

Обдорское и Ляпинское княжества располагались в северной части обширного угорского мира. В «Книге Большому Чертежу» указано, что «Обдорские грады», граничившие на юге с «Югрой», находились в устье Оби [1950: 168—174]. Географическое понятие «Обдория» встречается в картографических материалах XVI—XVII вв. Западноевропейские картографы того времени рисуют страну «Abdori», или «Obdora», то у самого побережья Северного океана, то между реками Обь и Сосьва, но всегда по соседству со страной «Jugri» или «Jugogia» [см.: Анучин 1890: 257—278; Шатилов 1931: 14]. Уже в 1488 г. в титуле Великого Московского князя появилось наименование «Югорский», позднее (с 1514 или 1516 г.) к нему добавились звания «Обдорский и Кондинский» [ПСИ. 1882: 49; Миллер 1937: 206; Цеглов 1993: 22—23]. Это может быть расценено как свидетельство последовательности этапов русской военной колонизации Зауралья, в ходе которой сначала были покорены земли Югры, затем — Обдории и Кондии. Из этого же можно сделать заключение, что накануне русского освоения Сибири Югра, Обдория и

Кондия представляли собой относительно самостоятельные этногеографические территории. Н. А. Абрамов по этому поводу писал, что «остяки разумелись... с древности под именем Югры, хотя Югория, между Обдорию и Кондиею, была только средней частью остяцких владений»; Обдорию он соотносил с Обдорской и Куноватской волостями, Югорию — с Сосьвинской и Ляпинской, Кондию (или Коду) — с волостью «Кодские городки» [1851: 1—2; 1857б: 329].

Страна Обдория на протяжении нескольких столетий отличалась самобытностью этнокультурного и исторического развития. В низовьях р. Обь проходила граница между уграми и самодийцами, между культурами таежных промысловиков и тундровых оленеводов; здесь сложилась своеобразная система административно-политического устройства, основанная на наследственной власти туземных князей; здесь иначе, чем в более южных районах, проходила христианизация, распространялись нормы государственного права, экономические и торговые новшества. Не менее сложные этноисторические процессы характеризуют население и территорию Югры—Югории. В результате переселения угорского сообщества, вызванного крещением язычников-туземцев Стефаном Пермским и военными походами в Югру московских ратей (разгром Ляпинского княжества) часть угров переместилась в Северное Зауралье, а затем за Обь, сформировав северо-восточную границу самодийско-угорского мира. Таким образом, особенности этнической истории нижнеобских хантов в XVII — начале XX в. предопределялись не только сложным характером туземного межэтнического взаимодействия, но и своеобразием российской государственной политики в условиях западно-сибирского Севера.

Выбор хронологических рамок работы (XVII — начало XX в.) связан с тем, что главным фактором внешнего воздействия на этническую историю коренных жителей Западной Сибири в этот период стала российская колонизация; прежде (до XVII в.) этнические процессы предопределялись влиянием тюрко-монгольских политических образований и движением мигрантов через Урал; позднее (с 20-х гг. XX в.) на смену российской пришла советская колонизация, имевшая принципиально иной характер. Выбор хронологических рамок объясняется и тем, что наиболее ранние летописные и архивные источники, в которых находят отражение факты этнической истории северных хантов, относятся к XVI — началу XVIII в.; включение в обзор первых десятилетий XX в. позволя-

ет использовать полевые материалы автора с учетом того, что историческая память ныне живущего поколения может быть условно распространена до начала XX столетия.

* * *

Начало изучения этнической истории коренного населения Северо-Западной Сибири было положено участниками Академических экспедиций 1733—1743 и 1768—1774 гг. В инструкции, данной Академией наук при отправке в Сибирь «Великой Северной экспедиции», кроме наблюдения за традиционными обычаями и обрядами, бытом и верованиями туземцев, руководителю «сухопутного» отряда Г. Ф. Миллеру и его спутникам предписывалось: «для приращения исторического познания о тех самых народах... наблюдать..., где будут пределы каждого народа, какие границы и не разных ли происхождений и разных родов народы между собою смешены или нет», устанавливать «какие суть начала каждого народа по их повествованию», а также «имена каждого народа, страны, реки, города... по настоящему того народа и соседних народов произношению записывать должно, прибавляя к ним, если только доискаться можно, и происхождение имен», «описывать историческое каждого народа, когда и кем оной строиться начал и, если он под другим владением находится, то каким случаем и когда покорен нынешнему» [Миллер 1937: 460—461].

В исследованиях участников Академических экспедиций выделяются два направления: этноисторическое, содержащее в большей степени данные по истории народов, и этнографическое, описывающее различные стороны жизни и быта туземцев. К первому следует отнести работы по истории Сибири Г. Ф. Миллера [1937, 1941] и И. Е. Фишера [1774]. «История Сибири» Г. Ф. Миллера содержит обширный исторический материал; привлечение большого числа архивных документов позволило автору создать неповторимый по насыщенности и значимости исторический труд, где важное место уделено событиям, непосредственными участниками которых были остяцкие княжества и князья, где описаны их распри и союзы, подробно отражены первые этапы российской колонизации. Его история кажется живой, так как полна подробностей, личных имен, снабжена обилием архивных документов. В целом работа Г. Ф. Миллера представляет собой один из главных источников по изучению этнической истории северных хантов. Менее ин-

формативна «Сибирская история» И. Е. Фишера, в которой в основном повторяются данные Г. Ф. Миллера. Вместе с тем в работе И. Е. Фишера содержатся суждения о происхождении угров и их языка, о причислении к «остякам» не только хантов, но и селькупов, кетов.

Большой материал по этнической истории хантов содержится в этнографических обзорах участников Академических экспедиций. Сочинения П. С. Палласа [1786; 1788] и И. Г. Георги [1776; 1777], поражающие своей масштабностью, в то же время страдают географической и этнической неопределенностью. Как известно, ни тот, ни другой не достигли в своих путешествиях северных районов Нижнего Приобья; при описании нижнеобских остяков П. С. Паллас пользовался материалами сотрудника экспедиции В. Ф. Зуева (студента во время работы экспедиции, впоследствии — академика); в свою очередь И. Г. Георги основывался на работах П. С. Палласа и ряда других исследователей. Фрагментарно использованная П. С. Палласом работа В. Ф. Зуева «Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иповерческих народов остяков и самоедов» была опубликована через два столетия после ее написания [1947].

Василий Зуев был первым этнографом-исследователем, достигшим устья Оби. Проехав северные тундры от Обдорского городка до Карского моря и Ледовитого океана, он подробно описал быт и обычаи северных остяков и самоедов. Исследование В. Ф. Зуева отличается богатством конкретных материалов и содержит ряд сравнительных этнокультурных характеристик северных остяков и самоедов. Недостатком работы можно назвать отсутствие этнической определенности в отношении ряда описываемых автором сюжетов. В то же время факт «сводного» рассказа В. Ф. Зуева о северных остяках и самоедах может свидетельствовать о существовании в XVIII в. более тесных связей между нижнеобскими уграми и самодийцами и о невозможности их четкого разграничения.

Применительно к началу XIX в. наиболее интересные и подробные сюжеты, относящиеся к этнической истории северных хантов, представлены в книге члена врачебной управы Франца Белявского [1833], проработавшего в Сибири три года. Его «Поездка к Ледовитому морю» стала вторым (после исследования В. Ф. Зуева) содержательным этнографическим описанием нижнеобских остяков и самоедов. Как отмечает автор сочинения, «кроме изображения нравственной и физической

жизни остяков и самоедов», он пытался, «где только можно было, заметить исторические события, достопримечательности их края» [1833: XIII—XIV], поэтому в работе, кроме этнографических описаний, содержатся весьма любопытные сведения об остяцких князьях и самоедских старшинах, местном управлении, сборе ясака и обдорской ярмарке, о родовой экзогамии. Ф. Белявский разграничивает северных обдорских остяков («живущих к северу от Березова») и южных березовских («обитающих по дороге к Березову»), которые «и между собой и языком совершенно различествуют», полагая, что «два рода переселились на берега Оби и в окрестности Березова из Великой Перми, во время введения там христианства» [1833: 41, 62]. Кроме предположений о происхождении северных остяков, Ф. Белявский отмечает некоторые локальные особенности выделенных им групп, хотя в его описаниях конкретных сюжетов не всегда ясна этническая привязка.

В середине XIX в. появляется ряд новых работ, содержащих ценные материалы по этнической истории северных хантов. Среди них можно выделить труды лингвиста и этнографа М. А. Кастрена [1858; 1860], педагога и историка Н. А. Абрамова [1846; 1851; 1857а, б], чиновника и путешественника Ю. И. Кушелевского [1864; 1868]. Среди работ М. А. Кастрена, известного своими открытиями в области финно-угорского языкознания, наиболее информативны для нас дневники его путешествий по северу России и Сибири. В приводимых наблюдениях и рассуждениях сочетаются «чутье» полевика и талант исследователя: М. А. Кастрен собрал сведения о делении северных остяков и самоедов на роды, дал развернутую характеристику североостяцкого рода, члены которого «не вступают между собою в брачные союзы», а «звеном соединения» рода «служит единство религии». М. А. Кастрен особо выделил группу обдорских остяков, отметив ее культурное своеобразие, состоящее прежде всего в большой доле оленеводства в хозяйственном цикле и постоянстве взаимоотношений с самоедами.

В историко-этнографическом плане выделяются работы Н. А. Абрамова, содержащие важные сведения об остяцких княжествах и князьях, о христианизации в Нижнем Приобье и реакции северных остяков и самоедов на российскую политику массового крещения инородцев. Особенно ценны, с нашей точки зрения, материалы о союзе обдорских остяков (в частности князей Тайшиных) и самоедов, совместно выступавших против крещеных соплеменников и миссионеров. В своих опи-

саниях Н. А. Абрамов разграничивает обдорских, югорских (сосвинско-ляпинских), березовско-кодских и сургутских остяков [1857б: 332].

Ю. И. Кушелевский, находясь на службе с 1852 по 1855 гг. в должности обдорского заседателя, был не только свидетелем, но и участником этноисторических событий: он вступил в конфликт с обдорским князем Иваном Тайшиным и в конце концов поплатился за это своим чиновничьим местом. Таким образом, Ю. И. Кушелевский, зная многие тонкости взаимоотношений российской администрации и туземной элиты, уделял пристальное внимание обычаям и обычному праву северных остяков и самоедов. В книге «Северный полюс и земля Ялмал» он привел ряд исторических и фольклорных сюжетов, имеющих непосредственное отношение к этнической истории северных остяков и самоедов; здесь же изложена его концепция хода и причин проникновения остяков на территорию Северного Приобья, продвижения из-за Урала вогулов, пустозерцев и зырян. Ю. И. Кушелевский был первым исследователем, этноисторически рассмотревшим характер взаимоотношений между северными остяками-пришельцами и самоедами-туземцами.

В стиле дневниковых заметок написано «Путешествие в Западную Сибирь» О. Финша и А. Брэма [1882]. В области теории происхождения самоедов и остяков авторы в основном следовали позиции М. А. Кастрена. В их описания включены подробные сведения о быте и верованиях северных остяков, материалы о последних остяцких князьях и старшинах, практике сбора ясака, данные о взаимоотношениях остяков с самоедами. Авторы, знакомые с образом жизни более южных групп остяков, отметили сходство обдорских остяков с самоедами во внешнем облике, обычаях и верованиях.

Следующим этапом изучения этнической истории северных хантов были исследования авторов рубежа XIX—XX вв. Из работ исторического направления выделяются труды П. Н. Буцинского [1889; 1893а, б], А. Титова [1890], Н. М. Ядринцева [1891]. В них содержится главным образом анализ архивных документов и дается характеристика событий с точки зрения российской политики. Ценным вкладом в изучение христианизации населения Нижнего Приобья стали труды настоятеля Обдорской миссии иеромонаха Иринарха (И. С. Шемановского) [1903; 1905; 1906; 1909—1910; 1911—1916]. К этому же разряду работ можно отнести очерк «Обдорск», написанный священником В. С. Герасимовым [1909]. Интересными дополнениями к исторической картине развития

Обдорского края явились небольшие зарисовки об остяцких князьях Т. Попова [1890] и Н. Н. Оглоблина [1891].

Среди этнографических исследований этого периода выделяются работы зарубежных и российских ученых, содержащие конкретные сведения о культуре и этнической истории северных хантов. Трижды побывавший в Северо-Западной Сибири финский лингвист А. Алквист наряду с изучением вогульского и остяцкого языков немалое внимание уделял описанию их традиционной культуры и истории [1999]. Масштабное исследование религиозных верований и обрядов обских угров осуществлено еще одним финским лингвистом и этнографом — К. Ф. Карьялайненом [1994; 1995; 1996].

Путешественники и исследователи стали чаще достигать Обдорска, маршруты северных экспедиций проходили через низовья Оби и далее в Обскую губу, па р. Надым и п-ов Ямал. Побывавший в Обдорске и Надымском крае профессор А. И. Якобий [1895] поднял вопрос об «угасании» остяков. Помимо социологических рассуждений в традициях сибирского областничества, автор привел ценные в этноисторическом плане данные о миграциях на север населения Сев. Сосьвы и Ляпина. В книге И. С. Полякова «Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби» предпринята попытка описания «хода развития остяков от времен доисторических до настоящего времени и их вымирания». Автор использовал материалы по обычному праву, сведения о влиянии российской политики на жизнь остяков, а также миграциях обдорских остяков на р. Надым [1877]. В другой его работе «Старинное и современное Лукоморье» отмечается сходство северных остяков и самоедов «по костюму и физиономии, по привычкам и верованиям» [1884: 177]. Среди исследований, посвященных собственно северным остякам, следует отметить труды В. В. Бартенева [1895а, б; 1896], основанные на собственных наблюдениях автора в ходе его четырехлетнего пребывания в Обдорске. В книге «На крайнем северо-западе Сибири (очерки Обдорского края)» даны сопоставительные описания остяков и самоедов, хотя, как отмечает сам автор, «оба племени в Обдорском крае очень схожи между собой». С позиции областничества В. В. Бартеневым рассмотрены вопросы о христианизации остяков, российском влиянии на туземцев и причинах «вымирания инородцев».

Среди работ конца XIX — начала XX в. особо выделяются труды С. К. Патканова [1891а, б; 1911]. Им издано уникальное собрание фольк-

лора иртышских остяков, рисуящее картины военных конфликтов (в том числе межэтнических — самодийско-угорских) и торгово-обменных контактов. До настоящего времени сохраняет значение одного из основных источников по этнической истории и другой труд С. К. Патканова «Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев», зафиксировавший этнодемографическую ситуацию в Сибири в конце XIX в. Он первым представил в своих изысканиях систематизированную картину расселения, численности и основных хозяйственно-культурных особенностей отдельных групп обских угров и самодийцев.

Этнографической обстоятельностью характеризуются работы исследователей-краеведов начала XX в., деятельность которых направлялась сибирскими научными центрами — Западно-Сибирским отделом РГО, Тобольским и Томским губернскими музеями. К числу наиболее значительных работ этого периода, посвященных северным осяткам (и их соседям самоедам), относятся исследования А. А. Дунина-Горкавича [1915; 1995; 1996], М. Б. Житкова [1913], И. Н. Шухова [1913; 1914; 1916], А. Х. Бушевича [1914], Г. М. Дмитриева-Садовникова [1917; 1918], содержащие ценные сведения по северной группе хантов, в частности о недавнем заселении осятками территорий каменных самоедов — рек Щучья и Надым, района бухты Находка. В материалах И. Н. Шухова приводятся данные о сохранении переселившимися осятками ряда традиционных хантыйских обрядов (изготовление кукол по умершему и захоронение их на специальных кладбищах), несмотря на то что они «настолько осамоедились, что совсем не говорят по-осяцки» [1914: 27]. Г. М. Дмитриев-Садовников приводит легенды о переселении на север в Надымскую землю «островного народа», сведения об этнонимике (эндо- и экзоэтнонимах) различных групп ненцев и хантов, выявляет в качестве отличительного признака осятко-самоедов (осамоедившихся осятков) ношение мужчинами кос [1917: 24; 1918: 28]. В отчетах А. Х. Бушевича встречаются записанные им у шурышкарских хантов легенды о войнах между соседними осяцкими княжествами.

Очерки исследователей конца XIX — начала XX в. основаны на богатом полевом материале и приурочены к определенным районам и хронологическим периодам, в них содержатся значительные материалы, отражающие этническую ситуацию в Нижнем Приобье. Однако несмотря на богатство фактического материала и обоснованность ряда частных

заклучений целенаправленных научных изысканий по этнической истории (в том числе северных хантов) не проводилось. Большинство работ были выполнены краеведами, статистиками, биологами, врачами, пытавшимися как можно более полно и живо описать увиденное, но не ставившими перед собой задачи системного изучения этнических процессов.

Подобный исследовательский подход преобладал и в 1920-е гг., когда под эгидой Комитета Севера при Президиуме ВЦИК был организован ряд экспедиций в Нижнее Приобье. Некоторые материалы по этнопоказательным обычаям северных остяков содержатся в работе Г. А. Старцева [1928]. Сведения о делении хантов р. Сыня на местных (*Сеня ёх*) и пришлых (*Послан ёх*), а также некоторых различиях в их обрядности имеются у И. Г. Юданова [1932].

Вместе с тем, в 1920-е и, более определенно, в 1930-е гг. формируются новые подходы в изучении коренного населения Нижнего Приобья. Среди исследований исторического направления выделяются основанные на богатейшем архивном материале труды С. В. Бахрушина [1948; 1955а, б, в]. Обстоятельный анализ архивных документов позволил автору дать целостную характеристику остяцких княжеств XV—XVII вв.: раскрыть их внутреннюю организацию, охарактеризовать связи между различными княжествами, показать воздействие российской политики на туземцев, создать исторические портреты лидеров, в частности кодских, обдорских и ляпинских князей. С. В. Бахрушину впервые удалось воспроизвести историческую картину средневековых остяцких княжеств. По содержательности, полноте привлекаемых архивных и литературных материалов работы С. В. Бахрушина до сих пор остаются непревзойденными, особенно в вопросах политической истории угров и самодейцев.

В советский период начинается развитие западно-сибирской археологии, в связи с чем заметен рост интереса к проблемам этногенеза народов Нижнего Приобья, прежде всего обских угров. С 1930—1940-х гг. этнографические исследования в Северо-Западной Сибири были во многом переориентированы на проблемы этногенеза. Это связано как с общей тенденцией советской этнографии рассматривать вопросы происхождения изучаемых народов в качестве базовых, так и с тем обстоятельством, что ведущий исследователь Нижнего Приобья В. Н. Чернецов блестяще сочёл в своих работах археологические и этнографические методы. В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской заложены основы северообской археологии и одновременно этногенетического подхода в

этнографии [Чернецов 1927, 1935, 1937, 1939, 1947, 1953, 1957, 1959; Мошинская 1953, 1978, 1979].

В те же 1930—1940-е гг. развивается и этноисторическое направление, возглавляемое Б. О. Долгих. Одной из целей, поставленных Б. О. Долгих при написании главного труда «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.» [1960], было преодоление «разрыва между этнографией и историей». Искусное сочетание архивных источников и этнографических материалов позволило автору воссоздать этнодемографическую ситуацию в Сибири в ранний период российской колонизации, определить, «что родоплеменная структура народов Сибири, которая в конце XIX — начале XX вв. выявлялась этнографическим путем, целиком восходила к родовым и племенным подразделениям народов Сибири, установленным в XVII в.». В отношении северных хантов Б. О. Долгих отмечал, что «у обских угров Березовского уезда род не выступал на первый план по сравнению с племенной или территориальной группировкой», в то время как у ненцев именно род являлся «основной социальной группировкой» [1960: 3—4; 75].

В последующие десятилетия эти два направления — этногенетическое (В. Н. Чернецов) и этноисторическое (Б. О. Долгих) — оставались и до сих пор остаются ведущими. Сами основоположники названных подходов нередко их сочетали, к примеру, Б. О. Долгих в «Очерках по этнической истории ненцев и энцев» [1970], с одной стороны, определяет этногенетические («южные» и «северные») корни самодийских родов, с другой, дает им детальную этноисторическую характеристику по материалам ряда архивных источников (ясачных книг и переписей). Традиция сочетания этногенетического и этноисторического подходов продолжается в работах большинства угроведов.

На соотношении археологических и этнографических материалов основана этногенетическая концепция В. Н. Чернецова, согласно которой Северное Приобье с эпохи раннего железа (усть-полууйская культура) было территорией обитания предков угров [1953; 1957]. Этой позиции придерживается большинство современных археологов [см., например: Могильников 1987; Молодин 1995]. Вместе с тем в ряде археологических работ определяется самодийская принадлежность северообских культур эпох бронзы [Косарев 1984; 1991] и раннего железа [Чиндина 1984]. По мнению А. В. Голови́на, Нижнее Приобье с глубокой древности было территорией формирования и этнического развития самодийцев-

ненцев, тогда как «заселение уграми низовий Оби произошло относительно недавно, около II тыс. н. э., во многом под давлением коми и русских» [1996]. Исследование этногенеза Северного Приобья осложняется недостаточной археологической изученностью, в связи с чем некоторые специалисты полагают, что «адекватное отождествление археологических материалов с носителями конкретного этноса на современной стадии изученности не вполне корректно» [Косинская, Фёдорова 1994: 30].

Ранние моменты этнической истории обских угров рассматривались учеными в основном в ракурсе освещения проблем формирования дуально-фратриальной организации (Пор—Мось), например в работах В. Штайница [Steinitz 1938], В. Н. Чернецова [1939; 1947; 1953; 1957], Й. Хэкеля [2001], А. М. Золотарёва [1964], Э. П. Соколовой [1975б, в; 1976а, б; 1980б; 1983; 1987], П. Вереша [1977; 1978], В. Г. Бабакова [1973б; 1988], А. В. Голови́ева [1988а]. В последние годы все больше внимания уделяется проблемам формирования отдельных этнографических групп обских угров. Процессы складывания северных хантов и манси рассматривались в работах Э. П. Соколовой [1972; 1977; 1979а, б, г; 1986], П. Вереша [1975; 1977; 1978], А. И. Пики [1982; 1988], В. Г. Бабакова [1973а], Е. П. Мартыновой [1998], южных хантов и манси — Э. П. Соколовой [1970; 1982; 1983; 1990], Е. П. Мартыновой [1986; 1988а, б], восточных хантов — Н. В. Лукиной [1972; 1976].

Вопросы этногенеза и этнической истории обских угров наиболее полно представлены в работах В. Н. Чернецова [1939; 1953; 1957] и Э. П. Соколовой [1970; 1971б; 1973; 1975а, б, в; 1976а, б; 1977; 1979а, б, в; 1980б; 1981; 1982; 1983; 1990]. Следует, однако, отметить неравномерность изученности этнической истории различных групп хантов и манси. В частности, северная группа хантов, являющаяся объектом настоящего исследования, охарактеризована в литературе фрагментарно: если процессы формирования казымской, сынско-куноватской территориальных групп рассмотрены Э. П. Соколовой [1972; 1977; 1986], то самые северные (обдорские) ханты остались без внимания угроведов.

Проблемы выделения различного уровня (этнографических и территориальных) групп хантов и манси на основании учета направлений брачных связей (экзогамных и эндогамных ориентаций) определены Э. П. Соколовой [1970; 1973; 1975а; 1976а, г; 1982; 1983; 1990]. В ее работах указаны общие направления (север и восток), время и причины

миграций обских угров с эпохи заселения ими Приобья до этнографической современности [1979в; 1985]. Основу трудов автора составили данные исповедальных росписей метрических книг, в связи с чем главное место в них уделено вопросам исторической этнодемографии хантов и манси. Исследования этнодемографии и социально-административного устройства обских угров были продолжены Е. П. Мартыновой [1990; 1991а, б; 1995; 1998] и Е. А. Пивневой [1999].

Для изучения этнической истории северных хантов важное значение имеет анализ ненецко-угорских контактов. Исследователями самодийских народов рассматриваемые проблемы затрагивались в рамках изучения этногенеза и этнической истории северных самодийцев. Г. Д. Вербовым [1936; 1939], Б. О. Долгих [1970] и В. И. Васильевым [1974а; 1979; 1980; 1987] показана этносоциальная структура ненецев, определена роль этнических процессов в формировании ненецкой дуально-фратриальной системы, в том числе участия угров в складывании фратрии Вануйто. В. И. Васильевым реконструирован этнический облик ассимилированных уграми ляпинской и куноватской групп ненецев [1974б; 1978]. Взаимосвязям ненецев и обских угров посвящена статья В. И. Васильева «Ненецко-угорские взаимосвязи на Севере Сибири: история и современность» [1988]. В работах А. В. Головнёва раскрыты эколого-хозяйственные [1987; 1988а; 1989а, б; 1993], социальные [1983; 1988а, б], военно-политические и ритуально-культурные [1985; 1991; 1992а, б; 1995] аспекты ненецко-угорских контактов.

Богатейший материал для исследований проблем формирования обских угров и самодийцев представлен в работах историков второй половины XX столетия: И. И. Огрызко [1941], Н. А. Миненко [1975; 2000], Е. М. Главацкой [1992; 1999а, б], Е. В. Вершинина [1998], А. Т. Шашкова [1998а, б; 1999; 2000а, б]. Привлечение новых архивных материалов позволили Н. А. Миненко, Е. В. Вершинину и А. Т. Шашкову реконструировать многие этноисторические события, проанализировать политику российского правительства в отношении туземцев Северо-Западной Сибири в XV — первой половине XIX в. Работы И. И. Огрызко и Е. М. Главацкой дали дополнительный фонд материалов по истории христианизации коренного населения Северного Приобья. Развернуто показаны различные исторические сюжеты в коллективных монографиях «Очерки истории Коды» [Морозов, Пархимович, Шашков 1995] и «Очерки истории Югры» [2000]. Таким образом, проводившие-

ся ранее исследования этнической истории хантов имеют либо преимущественно исторический (С. В. Бахрушин), либо социально-демографический (Б. О. Долгих, Э. П. Соколова) характер.

В настоящей монографии предпринимается попытка целостного представления этнической истории северных хантов в XVII — начале XX в., факторов и механизмов формирования группы. Оптимальным для раскрытия темы видится освещение следующих позиций: 1) характеристика факторов внешнего воздействия (прежде всего российского влияния) на этнокультурные процессы у северных хантов и их соседей; 2) определение направлений и масштабов миграций, приведших к складыванию общности северных хантов и обусловивших ее этнокультурное развитие в XVII — начале XX в.; 3) анализ этнодемографической ситуации в Нижнем Приобье в XVII—XIX вв. (динамики численности населения, систем расселения, брачных ориентаций, фамильного и родового состава); 4) рассмотрение внутренних (на уровне родовых групп) механизмов этнических процессов; 5) выявление этнокультурной специфики (по ряду культурных явлений) северных хантов относительно соседних этнических общностей (ненцев и более южных групп угров). Использование в работе комплекса разнородных источников (архивных и литературных данных, фольклора, полевых наблюдений автора) дает возможность показать процесс складывания северной группы хантов в различных измерениях — историческом, этнодемографическом, этносоциальном и культурно-хозяйственном.

По мнению В. И. Васильева, исторические письменные и этнографические полевые материалы выступают ведущими источниками для изучения этноисторических процессов у народов Сибири в XVII—XIX вв. [1979: 26]. Поскольку, по словам Н. А. Томилова, этническая история «как конкретное научное направление» является синтезом «этнографии и истории» [1987: 66], необходимо установить очередность изложения данных истории и этнографии.

Для определения хронологии этнической истории в начале повествования целесообразно представить исторический контекст событий (на основе архивных и литературных материалов), затем на «историческое полотно» наложить имеющиеся этнографические материалы. При выделении исторических этапов российского воздействия на коренное население Северного Приобья в работе использована периодизация А. В. Головинова: «эпоха Ермака» — военное утверждение российской государствен-

ности (XVI—XVII вв.), «эпоха Лесдинского» — христианизация (XVIII в.) и «эпоха Сперанского» — правовое подчинение туземного населения (XIX в.) [1992б; 1995]. Данную периодизацию следует считать этноисторической, так как она наиболее емко характеризует основные направления и тенденции российской колонизации Западной Сибири, оказавшей заметное влияние на формирование и развитие северных народов.

Для получения объемной картины этнической истории северных хантов выделен «макроуровень», позволяющий рассмотреть различные угорские миграционные потоки в Нижнее Приобье (по данным фольклора и ревизий) и выявить этноисторические связи пришельцев-мигрантов с туземцами, а также «микроуровень», характеризующий механизм этнических связей через северохантыйский род (по полевым материалам). Именно такой подход, на наш взгляд, помогает преодолеть «разрыв между этнографией и собственно гражданской историей Сибири», о котором говорил Б. О. Долгих [1960: 3].

В исследовании «макроуровня» нами использованы разработки А. В. Головинёва о характере миграций и роли войн в этнической истории Северо-Западной Сибири. Выделяется два вида миграций: переселения, «представлявшие собой окончательную или долговременную перемену места жительства», и передвижения, всецело связанные с хозяйственной деятельностью. Механизм переселений и передвижений был единообразен, так как «способность к любого рода миграциям определялась хозяйственно-транспортными возможностями той или иной группы населения». «Миграции, направлявшиеся в местность, экологически сходную с прежней», А. В. Головинёв называет «хозяйственными переселениями». В их числе различаются «активные миграции, приводившие к аккумулятивному воздействию переселенцев на местных жителей» и «как правило, имевшие вид миграционных потоков», и пассивные, «приводившие к аккумулятации самих переселенцев» и характеризовавшиеся дисперсностью. При этом миграции населения и «миграции» элементов культуры могли не совпадать: диффузия культурных признаков «не всегда соответствовала движению групп населения». «Области, кипящие переселениями» (например Северное Зауралье и район рек Таз и Турухан) явились очагами военных конфликтов. «Самыми напряженными оказывались межэтнические границы — лесотундра и северная тайга, где проходили столкновения между самоседами и остяками» [1987; 1988а; 1995].

Основной материал по исследованию этнической истории дают исторические предания, описывающие военные столкновения между различными группами обских угров и соседними народами, указывающие направления и причины переселений и передвижений, содержащие сведения о происхождении и наименованиях народов и отдельных территориальных групп, передающие этнокультурные характеристики соседних народов. Большое значение привлечения фольклора и, в частности, «исторических преданий в исследовании проблем этногенеза и этнической истории» отмечали в своих работах В. И. Васильев [1977], Л. В. Хомич [1976], Т. Б. Долгих [1977] и многие другие исследователи. Словами В. И. Васильева, «эта категория источников обретает достаточную историческую достоверность лишь тогда, когда они подкрепляются этнографическими и историко-архивными материалами» и «рассматриваются в совокупности с ними» [1977: 126]. По мнению В. П. Алексеева, исторические предания характеризуют события «поздней истории», хронологически относящиеся к последнему тысячелетию, и «к эпохе средневековья приобретают настоящую разрешающую силу» [1977: 31–32].

Изучение «микроуровня» этнической истории предполагает подбор дополнительных источников и методов исследования. Н. А. Томилов считает, что при выявлении этнических компонентов, вошедших в состав той или иной группы, большую роль играют «наименования этнонимического, родоплеменного, территориально-этнического характера, а также наименования групп родословных семей, этногенетические предания и легенды, родословные» [1993: 129]. В настоящей работе нами предпринята попытка соотношения архивных документов, характеризующих этнодемографические процессы, и полевых материалов, содержащих сведения этноисторического характера. К числу последних относятся фольклорные материалы (предания о происхождении отдельных родов и фамилий, указывающих названия и ареалы их расселения, рассказы о родственных связях родовых групп и их подразделений) и генеалогические данные (родословные отдельных фамилий). Сбор данных по брачно-родственным отношениям нижеобских хантов и брачным контактам обских угров и ненцев основан на методике построения генеалогических схем, предложенной В. И. Васильевым [1979].

Для выявления этнопоказательных элементов культуры северных хантов использовались разработки истории хозяйства (прежде всего оленеводства), социальных норм и институтов (рода, экзогамных устано-

вок), мировоззрения (ряда культово-ритуальных традиций) у обских угров и самодийцев, представленные в работах А. В. Бауло [2002а], И. Н. Гемуева [1990; 1991], А. В. Головнёва [1993; 1995], И. И. Крупника [1976; 1989], В. М. Кулемзина [1984] и Н. В. Лукиной [Кулемзин, Лукина 1976; 1992], Э. П. Соколовой [1983], Е. П. Мартыновой [1998], Е. Г. Фёдоровой [1994; 2000].

Одним из основных источников исследования послужили материалы архивов: Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Тобольского филиала государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО) и научного архива Тобольского музея-заповедника (НА ТГИАМЗ). По содержанию архивные материалы могут быть разделены на три группы. Первая группа источников объединяет документы, характеризующие этнополитическую ситуацию в Северном Приобье с момента завоевания Сибири до начала XX в. Материалы Сибирского приказа [РГАДА. Ф. 214], Тобольского общего губернского управления и Тобольской казенной палаты [ТФ ГАТО. Ф. 152, 154] дают возможность не просто аргументированно излагать события, а показать процесс вхождения нижеобских этнополитических объединений в российскую административную систему. Документы Березовской воеводской канцелярии [РГАДА. Ф. 462] и Тобольской духовной консистории [ТФ ГАТО. Ф. 156] характеризуют конфессиональную политику Москвы в отношении сибирских инородцев, рисуют взаимоотношения крещеных остяков и язычников. К этой же группе источников относятся различного рода документы текущего делопроизводства, отражающие тактику правовой регламентации социальной и экономической жизни туземцев в XVIII — начале XX в. [ТФ ГАТО. Ф. 152, 156].

В работе использованы рукописные материалы по обычному праву сибирских инородцев: жалованные грамоты остяцких князей, «Березовского округа Обдорской Остяцкой и Самоедской управы книга для записи приговоров по разбирательству тяжб и споров между инородцами и по проступкам их», «Обдорская волость (записки писаря)», «Переписка березовского старшины А. Худина» и др. [НА ТГИАМЗ. №№ 46, 88; Фонд ТГИАМЗ. Тм кп. 12849, 12850, 13426/1—11, 13428], а также комментарии к статистико-экономическим сводкам. Сюжеты христианизации коренного населения Нижнего Приобья отражены в рукописях А. Сулоцкого, Ирипарха, Герасимова [ТФ ГАТО. Ф. 144; НА ТГИАМЗ. № 84]. Разнообразные сведения содержатся в руко-

писных материалах научных экспедиций 1920—1930-х гг. в различные районы проживания хантов, манси и ненцев, хранящиеся в научном архиве ТГИАМЗ (отчеты участников Ямальской экспедиции 1928 г., исследования Ямальской землеустроительной экспедиции 1929—1931 гг., материалы Казымской экспедиции 1925—1926 гг., отчеты общества изучения края, материалы по обследованию Шурышкарского района 1932 г., отчет И. Н. Шухова об экспедиции на р. Щучья, отчет А. Бушевича об экскурсии в Обскую губу) [НА ТГИАМЗ. №№ 240, 255, 259, 294, 295, 972, 1009, 1010].

Вторая группа архивных источников включает источники, содержащие статистические сведения об осятках, вогулах и самоедах Нижней Оби. К таковым относятся прежде всего переписи (ревизские сказки) 1782—1858 гг., содержащие данные о численности, этническом и семейном составе, естественном движении населения (рождении, смерти, браках), а также информацию о территориально-административном размещении коренного населения. В совокупности с материалами переписи 1897 г. данные ревизских сказок позволяют выявить динамику роста численности населения, определить специфику брачных связей, установить направления и масштабы миграционных процессов в Северном Приобье в XVIII—XIX вв. В работе использованы в основном материалы ревизий по Березовскому округу Тобольской губернии 1782 г. (4-я ревизия), 1795 г. (5-я ревизия), 1816 г. (7-я ревизия), 1850 г. (9-я ревизия), 1858 г. (10-я ревизия), хранящиеся в фонде казенной палаты ТФ ГАТО [Ф. 154]. По данным переписей 1782, 1816, 1858 гг. составлены сводные таблицы (см. приложение), характеризующие население, численность и семейный состав угорского населения Обдорской, Куноватской, Подгородной, Казымской, Сосьвинской и Ляпинской волостей.

Ревизские сказки содержат массовый статистический материал, изложенный в едином порядке применительно к определенным хронологическим периодам. В сравнении с метрическими книгами они более полно (для данного региона) отражают демографическую ситуацию, поскольку в них учтены все платящие ясак туземцы, тогда как в метрических книгах — только крещеные. В то же время проводившиеся исключительно в фискальных целях ревизии ставили задачу не столько отразить картину этнографической реальности, сколько упорядочить систему взаимоотношений государственных служб и податного туземного населе-

ния. Различные принципы учета «ревизской души» — у остяков по принадлежности к городку и фамилии, у самоедов по принадлежности к роду или ватаге — явились основанием для предположения об отсутствии у обских угров рода как социального института [см., например: Соколова 1983]. Однако в отдельных проявлениях хантыйская родовая структура, сохранившаяся до современности, все же нашла отражение в архивных документах (к примеру, в материалах 9-й ревизии указан остяцкий «род Тобольчиных»). О сущности термина «род», используемого в архивных документах, В. Г. Бабаков пишет, что понятия «род» и «племя» использовалось русскими писцами, но они «исходили непосредственно из показаний вогуличей и остяков, для которых реальные понятия рода и племени были особенно важны, но, естественно, не совпадали полностью с русским их обозначением» [1973б: 68, 71]. Это замечание, на наш взгляд, может быть распространено и на другие сведения и понятия, содержащиеся в административных документах, например «князцы», «ватаги», «городки», «юрты».

Определенную сложность составляет использование данных ревизских сказок как источника при определении направлений и масштабов миграций. Обнаружение в различных волостях созвучных и даже одинаковых фамилий нельзя считать свидетельством реальных (например миграционных) связей их носителей [см.: Ромбандеева 1993: 47—48]. Следует учитывать, что фамильный состав был неустойчив, фамилии образовывались от имен отца или деда «по русским правилам» и далеко не всегда отражали реалии туземных социальных отношений. Вместе с тем, путь фамилии (ее распространение в сопредельных районах) указывает на миграционное движение или развитие иных социальных взаимоотношений, содержание которых можно раскрыть только с привлечением дополнительных, прежде всего полевых материалов.

В третью группу архивных источников, помогающих уточнить границы волостей, расположение и названия селений, включены картографические материалы ТФ ГАТО и НА ТГИАМЗ: «Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году» (1882 г.; 2003 г.); «Почтовая карта, принадлежащая к дорожнику» (1842 г.); «Генеральная карта Западной Сибири с киргизскою степью» (1848—1862 гг.); «Карта Северного Ледовитого океана и Карского моря с Новою землею» (1872 г.); «Карта волостей Тобольской губернии» (1910 г.), а также карты Тобольской губернии и отдель-

ных ее районов, составленные Ю. И. Кушелевским (1864 г.), Н. К. Хондажевским (1879 г.), А. А. Дуниным-Горкавичем (1903 г.), И. Н. Шуховым (1913 г.), В. П. Евладовым (1928 г.).

Другим основным (помимо архивных данных) источником послужили полевые материалы автора, собранные среди нижеобских хантов рек Сыня, Войкар, Сось, Собтыеган, Куноват, Полуи, Мал. и Бол. Обь и Полярного Урала, восточных и южных хантов (реки Демьянка, Салым, Мал. и Бол. Юган, Пим, Тромъеган, Аган), северных и южных манси (реки Сев. Сосьва, Ляпин, Конда), лесных ненцев (реки Пур, Аган). Маршруты экспедиций охватили практически все районы расселения хантов Северного Приобья, зоны контактов хантов и ненцев, хантов и манси. В работе используются полевые сборы А. В. Головнёва по ямальским, гыданским и лесным ненцам, казымским хантам. Полевые исследования, проводившиеся в течение 20 лет в различные сезоны, включали опрос и непосредственное наблюдение. Для ознакомления с современной экономической и этносоциальной ситуацией (численностью, национальным составом, расселением, миграциями), а также социокультурными особенностями того или иного района использованы данные похозяйственных книг, документы и материалы местных хозяйственных организаций и государственных учреждений.

Полевые материалы были основными для всех этапов проведенных исследований, в той или иной мере они включены во все разделы работы. Наиболее широко полевые сборы представлены в главах «Войны и миграции» и «Родство и этничность». Исследование этнической истории невозможно без использования фольклорных данных. Однако фольклор не содержит точных датировок, и судить о последовательности характеризуемых событий можно лишь по логике соподчиненности сюжетов, их сопоставимости с историческими реалиями, а в ряде случаев лишь по косвенным указаниям на их древность. Представляя полевые материалы, автор по мере возможности подкрепляет их архивными данными: к примеру, в ревизских сказках находят подтверждение фольклорные сведения о миграциях в Северное Приобье сосвинско-ляпинских угров (*охаль, пастэр ёх*), переходе остяцких родов *Похрын ёх* и *Пул ёх* в состав ненецких родов Поронгуй и Лар. К сожалению, ранние этнические процессы (до XVIII в.), следы которых запечатлел фольклор, слабо отражены в архивных источниках.

Заметно расширяют временные границы исследования и уточняют вопросы этнической истории опубликованные архивные и летописные

источники. Наибольшей информативностью выделяются: «Памятники Сибирской истории XVIII в.» (1700—1713; 1713—1724) [1882; 1885], «Сибирские летописи» [1907] и «Дополнения к Актам историческим», скомплектованные Археографической комиссией [1851; 1852], сборники документов, опубликованные А. Титовым [1890], А. И. Андреевым [1939; 1947; 1960; 1965], документы, собранные Г. Ф. Миллером [1937, приложения], а также свидетельства о народах Сибири иностранных путешественников и писателей, изданные А. Оксеновым [1889], М. П. Алексеевым [1932; 1935; 1936]. К числу уникальных литературных источников можно отнести ранние этнографические сочинения Г. Новицкого [1884] и В. Ф. Зуева [1947].

При разработке отдельных проблем этнической истории нижнеобских хантов использованы данные смежных дисциплин: языкознания, топонимии, антропологии, археологии, экологии. Важнейшим условием применения всех источников является комплексность их привлечения, хронологическая, территориальная и этническая определенность.

Подготовка этой книги была бы неосуществима без участия коренных жителей Приобья. В ходе многолетних экспедиционных работ судьба свела автора с целой плеядой замечательных людей. На р. Войкар, например, живут мои друзья Альбина И. и Валерий А. Озеловы, мастерица и рассказчица Евдокия К. Ребась, исполнители героических сказаний Самуил А. Аляба, Филипп А. Озелов, Гаврил А. Ребась. Как не вспомнить Матрену К. Климову и ее полуйские сказки. Отдельного упоминания заслуживают великолепные знатоки фольклора и культуры хантов Лазарь С. Еприн и Анна Я. Вальгамова (р. Сыня), Семен Н. Тояров (р. Куноват), Афанасий Г. Нетгин (д. Теги), Гаврил С. и Ефим В. Тырины (д. Хошгорт), Макар П. и Валентина А. Сязи (Полярный Урал). «Открытием» лесных ненцев я обязана писателю Полине Г. Турутиной. В экспедициях по р. Аган моими постоянными помощниками и спутниками были Агафья Д. и Григорий Р. Казамкины. Исследования народов Сибири составили мою жизнь, или, по крайней мере, ее значительную часть. Список имен людей, которым я должна выразить свою благодарность, может составить не одну страницу, поэтому, прерывая его, я просто говорю всем жителям Севера: «Огромное спасибо за понимание и душевную щедрость».

Особую признательность я выражаю талантливому ученому, внимательному и строгому учителю Андрею Владимировичу Головиёву. От

него я впервые услышала слово «этнография», ему обязана всеми сегодняшними научными достижениями и успехами. За многолетнее сотрудничество и поддержку я благодарна моим соратницами Елене П. Мартыновой, Светлане В. Лёзовой и Марине В. Южапиновой, с которыми мы провели не один полевой сезон и осуществили немало совместных проектов, а также однокурсникам и друзьям: Георгию П. Визгалову, Наталии С. Ивановой, Александру В. Кенигу, Татьяне А. Исаевой, Александру В. Соколкову, Николаю В. и Наталье Г. Старцевым, Евгению Г. Фильчакову.

Организация и проведение полевых исследований, на основе которых написана эта книга, были бы невозможны без поддержки со стороны окружных и районных администраций, организаций и учреждений Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов. В течение многих лет мы успешно сотрудничали с Департаментом культуры (директор Владимир М. Гуца), Отделом по координации научных исследований (руководитель Святослав Е. Алексеев), Центром гуманитарных исследований коренных малочисленных народов Севера (директор Антонина М. Сязи), Государственным концерном «Ямал-Информ» (директор Юрий А. Кукевич), Окружным краеведческим музеем им. И. С. Шемановского (директор Людмила Ф. Липатова) Ямало-Ненецкого автономного округа, Департаментом культуры и искусств (директор Александр В. Конев), Комитетом по культуре и кино Нижневартовского района (руководитель Маргарита В. Шубина), Научно-исследовательским институтом обско-угорских народов (директор Татьяна В. Волдина), Государственным музеем Природы и Человека (директор Людмила В. Степанова) Ханты-Мансийского автономного округа.

Слова искренней благодарности хочется выразить коллегам из Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, с которыми я проработала более десяти лет: бывшему директору Александру В. Малышкину, зам. директора Алексею В. Нескорову, главному хранителю Альбине П. Моргулис и сотрудникам отдела фондов Людмиле Н. Жучковой, Светлане В. Осиповой, Людмиле А. Ильиных, библиотекарям Нине А. Мурашовой и Маргарите В. Юниной, а также моим приятелям и друзьям Александру А. Адамову, Ирине В. и Игорю В. Белич, Сергею А. Здановскому, Павлу М. Котову, Надежде В. Сухоруковой и особенно Зайтуне А. Тычинских. В ТГИАМЗ я не только

начинала свою музейную деятельность, но и имела столь необходимые для исследователя творческую свободу, беспрепятственный доступ к архивным и фондовым материалам, собраниям библиотеки, возможность проведения полевых исследований. Хочется отдельно поблагодарить директора Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области Татьяну Ю. Коклягину и ее сотрудников за внимание и терпение к требовательным и капризным ученым.

Я благодарна коллективу Института истории и археологии Уральского отделения РАН, благожелательно принявшему в свои ряды «команду этнографов», и персонально директору Вениамину В. Алексееву и зам. директора Александру Ф. Шорину, а также археологам Наталье А. Алексашенко, Алексею П. Зыкову, Владимиру Г. Железкину, Константину Г. Карачарову, Ольге В. Малозёмовой и Наталье В. Фёдоровой, сотрудничество с которыми всегда было приятно и плодотворно.

В завершении я хочу сказать спасибо моим родителям Надежде Степановне и Валерию Васильевичу Переваловым, которые всякий раз терпеливо ждут возвращения из бесконечных экспедиций и поездок «блудной дочери» (так называет меня отец), и еще моей любимой рыжей дочке Нюшке и самой надежной подруге Тате (Наталии С. Ивановой).

Глава I

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Судьба отдельных остяцких княжеств Нижнего Приобья (Обдории, Югории и Коды) в различные периоды сибирской истории складывалась неодинаково. По мнению А. В. Головнёва, Россия учреждала государственность в Сибири, как это некогда происходило и в самой Руси, последовательно на протяжении трех этапов: военного, конфессионального и правового. В «эпоху Ермака» (период XVI—XVII вв.) происходило военное утверждение России в Сибири, когда «оказались разгромленными или включенными в административную систему основные военно-политические центры туземного населения». В «эпоху Филофея Лещинского» (XVIII в.) «центр тяжести социальных отношений переместился в сферу религии», начался «нормативный натиск на туземцев — христианизация». «Эпоха Сперанского» (XIX в.) была временем «правового захвата» туземного населения», наступившего с реформы 1822 г. [1992б: 7—8; 1995: 89—91].

В различные периоды российской колонизации в Нижнем Приобье выделились туземные центры, задававшие тон в политических отношениях с Москвой. Имена возглавлявших их князей вошли в сибирскую историю. На этапе военных захватов безусловным лидером была Кода во главе с князьями Алачевыми, являвшаяся мощным очагом сопротивления, а затем ставшая сателлитом русского государства. С разгромом Ляпина и ослаблением влияния Коды на первый план выдвигаются северные княжества Нижнего Приобья, прежде всего Обдорское, выступившее против христианизации и ставшее оплотом языческой веры. На этапе правового наступления российского государства в Обдорской и Куноватской волостях со смешанным угорским и самодийским населением сохранялось влияние туземной политической элиты: в отличие от других остяцких князей, обдорские Тайшины и куноватские Артанзеевы обладали номинальной властью до конца XIX в. Наличие сильной политической власти в Обдории и Куновати во многом повлия-

яло на складывание крупных этнических групп — обдорских и куноватских хантов. Несмотря на утрату политического влияния остяцкими князьями Молдановыми—Сенгеповыми и Юркиными—Непкиными, очевидна их консолидирующая роль в складывании групп казымских и березовских хантов.

Князя «большого изменного дела»

Жители Нижнего Приобья были издавна знакомы русским благодаря северным путям через Камень (Урал). К концу XI в. относится первое древнерусское летописное известие, свидетельствующее о знакомстве новгородских купцов с обитателями далекой Югры¹, что «соседей с самоядью на полуношных странах». В записанном со слов новгородца Гюряты Роговича, посылавшего своего отрока (слугу) «в Печеру» и «в Югру», рассказе повествуется о высоких, «ако до небесе», уходящих в «луку моря» горах, где стоит «клич велик и говор» и идет немая торговля. Помимо дороги через горы, непроходимой «пропастьми, снегом и лесом», югра указывает новгородцам путь, что лежит «подаль на полунощии» [Русские летописи 2001. Т. 12: 226—227]. Не исключено, что предприимчивые новгородцы и поморы уже в XII в. ходили за Камень, достигая самых северных окраин Югорской страны. Наиболее значимыми путями в Северо-Западную Сибирь до XVI в. оставались северные речные маршруты: с р. Уса (правый приток Печоры) по Каменному волоку, минуя семь озер, на р. Сосьва; с рек Шокур/Шугор (Шугер, правый приток Печоры) и Торговая на реки Киртас или Цюкур (Цекурья), далее на реки Сыгва (Ляпин) и Сев. Сосьва (так называемая Зырянская дорога, или Русский Тес); с рек Олеш/Олеч (Илыч, правый приток Печоры) и Ушья через волок по рекам

¹ В древнерусские летописи слово «югра» (коми — *йöгра*) попало через коми-зырян, нередко выступавших проводниками в торговых и военных экспедициях новгородцев, а позднее — в военных московских походах в Северное Приуралье и Зауралье [см.: Бахрушин 1955а: 86, 113—115; Жеребцов 1982: 101—103, 177—179]. А. В. Головнёв рассматривает возможность болгарско-тюкских (*огул—угры*) и зырянских (*огул—йöгр—югра*) корней названия «югра», что соответствует «двум путям этногенеза уральских угров: западному (венгерскому) и северо-восточному (ханты-мансийскому)» [1998: 135—136]. В. В. Напольских, считая безусловным заимствованием древнерусского *югра* из пермского источника, напротив, категорически возражает против связи этого термина как со славянским названием венгров (угры), так и с тюркской этнонимией, и считает Югру X—XVI вв. «особым народом», отличным от пермян, обских угров и ненцев [1998: 343—347].

Нюса (Няйс) или Манья на р. Сев. Сосьву [Миллер 1937: 210; Сибирь XVIII в. 1996: 236, 242, 244–245].

С XII в. Великий Новгород пытается обложить югричей данью, а с XIII в. волость Югра номинально включена в состав его колониальных владений. Однако удерживать в данниках далекие уралосибирские вотчины торговому городу было не просто. Новгородские дружины, совершавшие далекие рейды, встречали упорное сопротивление местных племен. Известно, что в 1187 г. «изъбиени биша печерьскыи и югорьскыи даньници», в 1193 г. при осаде югорского городка обманом были захвачены и убиты воевода Ядрей и около сотни мужей лучших. Более удачным был поход новгородских воевод Александра Абакумовича и Степана Ляпы, предпринятый в 1364 г. в ответ на разгром дружины Самсона Кольванова (1357). Судя по летописным известиям, одна половина рати новгородцев «на верх Оби воеваша», другая, следуя «по Оби реки до моря», достигла Обдории. В 1446 г. югричи обманом разбили рать заволоцкую новгородских воевод Василия Шенкурского и Михайла Яковль [ПСРЛ. 2000. Т. III: 229, 425; Т. IV. Ч. 1: 175–176, 287, 291].

Походы в Югорские земли, организованные во второй половине XV в. великими московскими князьями, были успешнее. Они направлялись в основном на юг Югорских земель и в центральную область, «Куду». В 1465 г. Иван III велел устюжанину Василию Скрыбе «Югурьскую земли воивати», в полон были взяты югорские князья Калпак (Калба) и Течик. Оба князя были пожалованы государем югорским княжением, обложены данью и отпущены в свои земли. Во время зауральского похода 1483 г. московских воевод Ивана Салтыка Травина и Федора Курбского Черного «на Асыку, на вогульского князя, да и в Югру на Обь великую реку» в плену оказались «большой» казымский князь Молдан и сыновья правившего в низовьях Оби князя Екмычя (Сонта и Чалмак). Летом 1484 г. в Москву «печаловаться» за своих сородичей «с поминки великими» отправилось югорское посольство, возглавляемое кодским князем Пыткеем. Обещавших «правиться во всем» югорских князей Иван III отпустил. На обратном пути в Усть-Выми, куда подоспели старший сын Екмычя Пынзей и сыновья Молдана, между югорским князьями, с одной стороны, вымичами и вычегжапами, с другой, был заключен мир. Югричи обещали «лиха не мыслити» и «силы не чинити». Здесь же они договорились о совме-

стных действиях против сосвинско-ляпинского князя Ляба. В документе говорится: «А поедет Ляб Обдора воевати и кодичем весть держати обдорцам». Союзники «за Ляба мира не имали», потому что «не под ними» [ПСРЛ. 1959. Т. 26: 275–277; 1982. Т. 37: 91–95; см.: Бахрушин 1955а: 114–115, 152; Шашков 2000б: 94–97]. Югорские князья были вынуждены признать власть великого московского князя, и с 1488 г. Иван III стал титуловаться «Югорским»² [Щеглов 1993: 22].

Спустя десятилетие была организована новая экспедиция «в Югорскую землю, на Куду и на гогуличи». Вследствие большого похода за Камень 1499/1500 г., возглавляемого князьями Семеном Курбским, Петром Ушатым и Василием Бражником-Заболоцким, нижеобские княжества оказались в политической зависимости от Москвы. Оставаясь верными договору 1484 г., на помощь московской лыжной рати подошли с «О[б]дора на оленях Югорские князи». Встретившись у Ляпина³ и снабдив ратников собаками, а князей оленями, обдорцы обеспечили стремительное движение русских отрядов в глубь Приобья. Не известно, насколько далеко казачьи отряды продвинулись на восток и север, но покорение 33 городков и пленение «1009 человек лучших людей, да 50 князей» свидетельствуют о широкомасштабности операции [см.: Миллер 1937: 204–205]. После этих событий титул Великого князя Московского пополнился наименованиями «Кондинский» и «Обдорский». Н. А. Абрамов предполагал, что впервые в таком варианте титул Великого князя прозвучал в 1502 г., И. В. Щеглов относил его появление к 1514 г., Г. Ф. Миллер — к 1516 г. [Абрамов 1857б: 389; Миллер

² По данным В. М. Морозова, С. Г. Пархимовича и А. Т. Шашкова, Иван III стал официально именоваться «великим князем Югорским» с марта 1484 г. [1995: 81, 84].

³ Г. Ф. Миллер пояснял, что Ляпинский крепость-городок находился в устье р. Ляпина (вог. Loping-soim). Его главным предназначением были организация обороны от «печерских самоседов», обеспечение торговли с русскими и зырянскими купцами и промышленниками [Сибирь XVIII в. 1996: 241]. А. Ф. Палашенков полагал, что один из наиболее крупных вогульских городков Ляпин был расположен на возвышенной части правого берега р. Ляпина, на месте современного с. Саран-пауль. Окруженный земляным валом городок занимал важное стратегическое положение — «прикрывал собой путь движения вниз по реке к другим вогульским городкам». Находясь на «древнем торгово-промышленном Ляпино-Печерском пути», он «с древности славился своей меновой торговлей». Позже напротив вогульского городка была построена русская Ляпинская крепость, подвергавшаяся постоянным нападениям со стороны самоседов [1963: 153–159].

1937: 205—206; Щеглов 1993: 22—23]. Ляпинское княжество — одно из сильнейших политических объединений Нижнего Приобья — прежде не подчинявшееся ни северным, ни южным соседям, было разгромлено. О судьбе князя Лябы и столетнем периоде истории княжества почти ничего не известно. Возможно, в этот период происходит утверждение в ляпинско-сынско-куноватском Приобье династической линии остяцкого князя Лугуя.

Находясь под номинальной властью Русского государства, остяцкие и вогульские княжества продолжали сохранять независимость. Летописи, описывая события «сибирского взятия», называют «кондинских и обдоринских князей» в числе подручных Кучума⁴ [см.: Миллер 1937: 264—265; Бахрушин 1955а: 114]. Новые казачьи наступления, в частности нападение с юга отрядов Ермака, ясачный поход вниз по Иртышу Никиты Пана (1582/83), строительство на слиянии Оби и Иртыша воеводой Иваном Мансуровым Обского городка (1585), представляли серьезную угрозу самостоятельности нижнеобских княжеств. После разгрома Сибирского ханства и южных остяцких княжеств управление северным краем было возложено на кодского князца Алача (Алачев), который среди прочих остяцких князей пользовался большим влиянием и был «во всех городах славен». После его смерти, «волостями с ясаком и людьми за сибирскую службу» были пожалованы кодские князья Игичей Алачев и его брат Онжа Юрьев [Памятная книжка 1881: 51, 53]. Вступив в особые вассальные отношения с Мос-

⁴ Не исключено, что в последствии татарское (тюрко-монгольское) наименование «Тайшиных» обдорский княжеский род приобрел напрямую от сибирских ханов или через посредство кодских князей. Ссылаясь на документ XVIII в., сообщающий о набеге на Ляпинскую волость низовой самоеды «Обдорского князца тайши Гындина» [ПСИ. 1885: 181], В. А. Зибарев отметил, что терминология, обозначавшая туземную администрацию, заимствована не только у русских, но и у татар [1990: 45]. Татарская военно-административная титулатура была широко распространена в Нижнем Приобье. Титулы «тайша» и «мурза» трансформировались в фамилии влиятельных остяцких родов: кроме Тайшиных, среди обдорских остяков была известна фамилия Мурзин [ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 63]. Обе фамилии считались принадлежащими к роду *Канась ёх* («Княжеский род»). Былое влияние Сибирского ханства на остяцкие и вогульские социально-политические объединения Нижнего Приобья сказывалось и позднее. К примеру, в 1910 г. на I сессию Тобольского губернского земского собрания вместе с гласными, Тайшиным и Хему Хороля, прибыл «самоед влиятельного рода» Тазю Юганпелик, желавший посмотреть, «что, мол, за ханство?» [Фотопонд ТГИАМЗ. Тм кп 15656].

квой, Кода⁵ стала одним из центров угорского мира. Ее «исключительная роль в военно-политической обстановке средневекового Приобья» выражалась в том, что она «связывала (объединяла вокруг себя) хантыйские группы..., обеспечивая целостность расселенного на огромной территории народа» [Головнев 1995: 114]. А кодские князья Ала-

⁵ Названия Кода (Куда), известное в русских летописях с XV в., исследователи переводят как 'Средняя (серединная) земля' [Мартинова 1998: 51]. С. Г. Пархимович считает, что наименование могло быть дано мигрантами-коми по аналогии с крепостью Кудым кар (р. Куд, верховья Камы), названной в честь богатыря Кудым-Оша, женатого на мансийской княжне [Морозов, Пархимович, Шашков 1995: 68]. В состав княжества Кода входило несколько укрепленных поселений: городки Нангакор, Нияям, Шоркар, Чемаш, Нарыкар, Вежакор, Вонжакор, Большой и Малый Атымские городки, Карымкар и юрты Килдясанскис. Столицей княжества в XVI в. был городок Шоркар. Правящая династия — остяцкие князья Алачевы — имела резиденцию в Кодском городке [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 203. Л. 6–7, 41]. С экономической точки зрения, положение Кодского княжества было весьма невыгодным из-за отсутствия ценных промысловых угодий. Однако геополитически Кода находилась в центре угорских земель, на главной водной магистрали Западной Сибири — Оби, что обеспечивало свободный выход на север (в Обдорию), на восток (в Сургутское Приобье и Пегую Орду) и на юг (в Сибирское ханство). В этих условиях война стала главным средством существования кодских князей, которые одновременно могли выставить от 200 до 300 воинов, вооруженных пищалями и луками, панцырями и шлемами. Этим воспользовалось российское государство, осуществлявшее военную колонизацию не только силой казачьих дружин и отрядов воевод, но и самих же остяков. Княжество Кода превратилось в московского сателлита, являясь противовесом непокорным северным и восточным соседям. Отряды кодских князей усмиряли «государевых изменников»: вогуличей, сургутских и обдорских остяков, самоедь, тунгусов и гулящей, колмацких людей и татаровей, приводили «под царскую... руку и к шерти иноземцев», «царскую вотчину расширяли». При участии кодских войск была разгромлена селькупская Пегая Орда, подчинены восточные и северные приобские территории (у нижеобских хантов сохранились многочисленные предания о походах на их земли *хурун ёх* — 'народа городков' (см. главу 2)). Кодские князья Игичей Алачев и Онжа Юрьев вместе с казаками и русскими служилыми людьми ставили «на Березове и в Сургуте города», поднимали Томск, Нарым, Маковский, Кетский и Енисейский остроги [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 203. Л. 46–47, Д. 376. Л. 103–104; Оглоблин 1900: 209–210; подробнее см.: Вершинин, Шашков 2004]. За верную службу и «за пролитую кровь» князьям Алачевым были пожалованы: примыкавшая с юга Ендырская волость, небольшие волости Васпалукук (Васпакульская волость Березовского уезда) и Колпукулок (Колопокульская волость Тобольского уезда), а также Ваховская волость (Сургутский уезд), в их пожизненном владении находилась волость Лена (на Выми) [Миллер 1937: 361; Бахрушин 1955а: 116–117, 121].

чевы⁶ до конца 20-х гг. XVII в. были наиболее могущественной туземной династией Нижнего Приобья.

Подчинение южных остяцких княжеств, в частности Коды, Москва вынудило князя Лугуя «великия реки Оби» принять подданство московских государей. По мнению В. Г. Бабакова, Лугуй «происходил из Куноватского городка», власть его распространялась «на прилежащую часть Приобья, также на низовья Северной Сосьвы с Ляпиным» [1973б: 70–71]. В 1586 г. Лугуй, представляя от шести городков: Куновата⁷, Илчмы, Ляпина, Мункоса, Юила и Сугмут-ваша, отправился в Москву и в августе того же года исходатайствовал у Федора Иоанновича охранительную жалованную грамоту, по которой запрещалось русским ратным людям, которые «сидят в городе... на устье Иртыша» «вовевать его и племя его», и «дани на нем и на его городках имати не велети, и поминков и посулов с них не имати». Пожалован он был за то, что «приехал наперед всех бить челом». Лугуй обязался ежегодно привозить на р. Вымь дань «по семи сороков соболей лутчих» [Миллер 1937: 267–271, 344–345; Акты 2002: 237]. Вслед за Лугуем зимой 1586/87 г.

⁶ В отличие от других жалованные князья Алачевы пользовались значительными привилегиями. Кодская военная знать (служилые остяки) освобождалась от уплаты государева ясака и поминок [Оглоблин 1900: 217]. Для выполнения государевых служб московское правительство выдавало кодским князьям «подмогу» для прокормления войска, а также денежные и соляные оклады и жалованья. В свою очередь они были обязаны не только нести военную, но и выполнять иные государевы службы: строить суда, гонять подводы под царской казной и гонцами и пр. Князья возглавляли походы, обеспечивали снаряжением своих воинов, давая им «на подмогу и на подъем» денешнос и хлебнос жалованье на всякого человека, снабжая «ратную збрую, панцири и шеломы и добрыми собаками звериными», да «на сход котлы и топоры». В случае победы они получали от своих подданных «в почесть ясырем и лучшими зверьми». Ясачные остяки волостей, присоединенных к Коде, платили ясак и поминки в пользу кодских князей, а не в государеву казну (князь Михаил Алачев собирал по сто белок «поминков» со всякого служилого человека и по шесть соболей «ясаку» с ясачного). Московские государы наказывали березовским воеводам своих вассалов, кодских князей, «беречи», чтобы им и их людям «тесноты и насильства никакого не было» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 203. Л. 3–4, 53–54; Д. 221. Л. 201; Д. 376. Л. 103–104, 111–114; подробно о Коде и кодских князьях см.: Бахрушин 1955а: 86–152; Морозов, Пархимович, Шашков 1995; Перевалова 1999б: 80–83].

⁷ Куноватский городок, названный первым в списке принадлежащих куноватско-ляпинскому князю селений, был столицей Куноватско-Ляпинского княжества. Расположение резиденции Лугуя в восточной части княжества, по соседству с немирной самоядью, выглядело менее опасным, чем «воснная угроза запада».

в Москву с той же целью отправился казымский князь Цынгоп (Сенгер) [Очерки 2000: 119–122].

После успешных военных походов на Югру начинается строительство укрепленных русских форпостов. Нередко остроги и городки, главным предназначением которых были сбор с подвластного населения ясака и поддержание порядка, строились на местах или в непосредственной близости от туземных поселений. В 1593 г. возле остяцких юрт *Сугмут-ваш*, в устье Сев. Сосьвы, в вотчинах князя Шатрова Лугуева (старшего сына Лугуя), воеводами Никифором Траханиотовым, князем Михаилом Волконским и письменным головой Иваном Эмеевым «одним летом» был срублен город Березов. По словам березовских казаков, поставлен острог был для того, что «в том месте были многие остяки и самоедь, а нашего ясаку с себя не платили», а тобольских служилых людей и людей, приезжающих «со всякими товары», «побивали» [Тобольский 1994: 183–184; Первое столетие 1996: 74]. Крепость занимала исключительно выгодное положение, позволявшее осуществлять одновременный контроль над старой Зырянской дорогой на Русь и за движением по Оби от Иртыша до Обдории. Помимо оборонительных сооружений (рубленых стен с башнями и пятиугольного острога), была построена церковь. Остяки и вогулы, зависевшие прежде от Выми, были приписаны к новому городу. Назначение первых русских городков в Сибири удачно выражено П. Словоцовым: «где зимовье ясачное, там и крест», «где водворение крепостное, там церковь и пушка», «а где город, там правление воеводское, снаряд огнестрельный и монастырь, кроме церкви» [1838: 58].

В 1594 г. из Березова был предпринят поход служилых кодских остяков в низовья Оби, под остяцкий город Вой-кар (ныне юрты Войкарские)⁸, откуда были приведены несколько пленников. Впрочем, благодаря обширности и отдаленности владений нижеобские княжества оставались фактически независимыми, а березовский гарнизон неоднократно подвергался нападению. Для открытой атаки на прибывший для строительства Березова отряд Траханиотова, состоящий из 300 ратников и 150 нанятых для плотницких работ даточных людей, требовалась

⁸ По мнению А. Т. Шашкова, именно за войкарский поход кодские князья в феврале 1594 г. получили в пожизненное владение Васпукольскую волость, расположенную близ Войкара [1999: 12–13]. Принадлежавшая Алачевым волость Васпугол могла находиться и южнее Кодского городка, на Оби по Васпукольской протоке [Маргынова 1998: 51].

консолидация сил. В 1595 г. перестроители вернулись на Русь и в городе остались только присланные «на житье» служилые люди. Северные остяки и самоеды, возглавляемые князем Шатровым Лугуевым, не желавшие мириться с существованием «в сердце» Куноватско-Ляпинского княжества русского городка, «приступили» к Березову. Острог был выжжен, многие служилые люди побиты, а оставшийся гарнизон осажден. Только спустя шесть месяцев подошедшие на выручку тобольские служилые люди атамана Черкаса Александрова да подоспевшая московская рать князя Петра Горчакова и головы Александра Хрущова «с нарядом» освободили осажденных. Довершила разгром повстанцев карательная экспедиция Горчакова и Хрущова, нанеся удар по Обдорскому княжеству. Доставленный в Москву в качестве пленника князь Василий Обдорский [Тобольский 1994: 183–184; Первое столетие 1996: 74; см.: Шашков 1998а: 10–16] был признан правителем всей Обдорской земли «до берегов Ледовитого океана», обязался управлять Обдорией и собирать ясак с подвластного ему населения [Финш, Брэм 1882: 352].

Весной 1596 г.⁹ на Ангальском мысе в резиденции остяцкого князя Полинг-авыт-вош (*Пуль-авыт-вош*) была срублена небольшая крепость,

⁹ Среди историков не сложилось единого мнения о времени основания Обдорского острога (Обдорска), его первых зачинателях и статусе [подробнее см.: Шашков 1998а: 10–16]. По мнению большинства дореволюционных исследователей, Обдорский острог был поставлен в 1593 г. на месте старого остяцкого поселения [Белявский 1833: 38, Абрамов 18576: 389–390]. В. Н. Герасимов и А. А. Дунин-Горкавич полагали, что Обдорск был основан в 1592 г., а спустя год был «обнесен деревянным укреплением» и с этого момента считался крепостью, только в 1635 г. он получил статус заставы с постоянными жителями [Герасимов 1909: 15–12; Дунин-Горкавич 1996. Т. III, прил. I: 1]. И. В. Щеглов указывал, что Обдорск был построен в 1595 г. на р. Полуи неподалеку от впадения в Обь [1993: 48].

В архивных документах XVI–XVII вв. Обдорск именовался острожком, городком, крепостью и, наконец, заставой. Эти названия легко подменяли друг друга, так как городом считали деревянную или каменную крепость, окруженную посадом, для защиты которого обычно пристраивали острог. Таможенная застава учреждалась на торговых путях, где товары подвергались контролю и взималась пошлина в пользу государства. Изначально Обдорский острог имел две башни высотой до 7,5 м и был окружен четырехугольным тыном высотой 3,5 м [Рсаун, Васильевский 1989: 221]. В 1641 г. двухбашенный острог был заменен новым с двумя проезжими и двумя смотровыми башнями да двумя торговыми амбарами [Ополовников, Ополовникова 1998: 102–103]. В конце XVIII в. здесь имелись «церковь и крепость четверугольная», загороженная «стоячим тыном, две проезжие и две на северных углах башни», обнесенные «вокруг рогатками», «для осторожности от... диких народов» имелись «две пушки, несколько пороку и картечь» [Описание 1982: 166].

названная Полуёйским Носовым городком (Носовым Обдором), позднее — Обдорским острогом и просто Обдорском. В «Чертежной книге Сибири» имеется указание, что «городок построен на приезде остяком и самоедином для государева ясажного сбору» [2003. Т. 1. Л. 8 (С. 17—18), Т. 2: 75—78]. Однако постоянного гарнизона в Обдорске долгое время не было, сбором мягкой рухляди с туземного населения (прежде «поволно» платившего дань в Пустозерск) занимались присылаемые из Березова годовальщики. В 1597 г. здесь появились две русские таможенные заставы, Носовая или Обдорская, контролирующая передвижение купцов и промышленников в Мангазею и обратно, и Собская (в устье р. Сось), перекрывавшая северный чрезкаменный путь [см.: Миллер 1941: 21—22]. «Такие же заставы были учреждены при устье реки Казыма и при впадении реки Куновата в Обь» [Иринарх 1911. № 22: 418]. Оживление на заставах наблюдалось только летом, когда на Обь (с юга), морем и через Камень (с запада) шел торговый и промышленный люд; после Семенова дня заставы пустели¹⁰, так как в сибирские города зимой той дорогой никто не ездил [Буцинский 1889: 178].

В 1601 г. сын Василия Обдорского Мамрук получил жалованную грамоту, утверждавшую его княжеское достоинство и представлявшую право «городки и волости и в них ясачных людей ведати, и ... государев ясак и десятинную пошлину збирати», «во всем прямити и служити по своей шерти и правде». В июне 1606 г. ему была дана вторая царская грамота в том, что «пожаловали... Мамрука княж Васильева сына Обдорского за его службы, велели Обдорские городки и волости и в них ясачных людей ведать», «государев ясак и десятинную пошлину збирать... по-прежнему» и «отвозить ясак и десятину на Березов». Самому же князю Мамруку «казною не корытствоваться, збирать вправду сполна» и «в ясачных людях в остяках и в самоеди шатости и всякаго умышления проведывати и сказывати на Березове воеводам» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 6887. Л. 162—163; Памятная книжка 1884: 125; Акты 2002: 237—238].

Будучи официально признанными Москвой, североостяцкие князья не раз совместно организовывали нападения на городки Березов и Об-

¹⁰ Опираясь на летописные и архивные данные, Л. К. Ополовников и Е. Л. Ополовникова сообщают, что в середине XVIII в. в Юильском остроге на р. Казым постоянно находились четверо казаков-годовальщиков, в Ляпинском и Сосьвинском — шесть, в Обдорском — шестнадцать [1998: 63, 72].

дорск. В 1606 г. березовские остяки намеревались «казну и хлебные запасы громить, и служилых и торговых людей побить», однако выступление не состоялось, так как кодский князь Онжа Юрьев и Мамрук Обдорский в то время «были на Москве» (оба получили от Василия Шуйского право на княжение в своих вотчинах). В следующем, 1607 г., обдорский князь Василий и куноватско-ляпинский князь Шатров Лугуев в союзе с остяками Березовского уезда, при поддержке пельымских вогулов, сургутских остяков и самоедов, учинили «большую измену» — отрядом до 2000 человек подошли к Березову и два месяца осаждали город. Для подавления выступления были отправлены войска из Тобольска и Коды (Онжа Юрьев). Зачинщики восстания повсеместно были арестованы, Мамрук с восемью остяками сам приехал на Березов, «в измене» повинился «на себя и на отца своего, на князя Василия, и на всех остяков Березовского уезда». Стремясь сохранить свою жизнь и данные ему полномочия, на «расправе» Мамрук оправдывался, что «измены не сказал», потому что «блюлся отца своего и от остяков убивства». Князя Шатров Лугуев и Василий Обдорский были пойманы кодскими остяками и березовскими служилыми людьми, признались, что «сами они изменяли», «остяков и самоедов в измену призывали», «казну громить», «к городу приступать» и «служивых людей побивать» хотели. Избежавший наказания за организацию осады Березова в 1595 г. Шатров Лугуев, «лучший человек» Подгородной волости Ваюсь, выступившие на стороне восставших кодские остяки, несколько новокрещенных и тоболдинский «шайтанщик» были сразу казнены березовским воеводой Петром Черкасским. «Пущие изменники во всей измене» — обдорский князь Василий, ляпинский и казымский остяки Лечман (Лечманко) и Богдан Цынгопов (Сенгепов) — были повешены в Березове по указу Василия Шуйского¹¹ [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 203. Л. 47; Миллер 1941: 32–33, 202–204]. Только в 1610 г. их тела по просьбе ляпинского остяка Кушкула Наева и «казымского мурзы» Юванко Ладыкина были сняты с виселиц и преданы земле [РИБ. 1875. Т. 2: 199–200].

Мамрук Обдорский, которому отец не доверял «большого изменного дела», был отдан «на поруку», ему же, «переписав подлинно», оставили «живот» князя Василия. Однако уже в 1609 г. Мамрук «со всеми обдорскими остяки и с самоеды» в союзе с кодскими мятежниками

¹¹ Всего «за измену» было казнено 12 «лучших людей», однако только по поводу судьбы Василия Обдорского воевода запрашивал мнение Москвы [Вершинин 1998: 123].

Анной Пуртеевой, Чумейкой и Гаврилкой, при поддержке кондинских, сургутских остяков и тобольских татар, намеревались «убить князька Онжу Юрьева, да на проезде побивать всяких русских людей» и идти «к Березову городу войною, как будут темны ночи» [Миллер 1941: 202—204, 212—213]. Князю Мамруку, правившему в Обдории до 1635 г., наследовал его сын Молик, а затем брат Молика Ермак.

После гибели Шатрова Лугуева Куноватско-Ляпинское княжество распалось. Его владения были поделены на три ясачные волости — Ляпинскую, Подгородную и Куноватскую. В Ляпинской волости князьком назван Кушкул Наев (брат казненного Лечманко), давший начало княжеской фамилии Кушкиревых—Шешкиных, в Подгородной — Юркины и Непкины, в Куноватской — Даниловы—Горины, а позже Артанзеевы (одна из династических линий Лугуя)¹². Власть на Казыме перешла двоюродному брату казненного Богдана Цынгопова — Ювану Ладыгину (Юванко Ладыкин), позднее местными князьками называются Сенгеповы и Молдановы [родословные вогульских и остяцких князей см.: Шашков 1998б. № 1: 25, 2000а: 7—9; История... Хрестоматия 1999: 289—293].

Осознавая влияние местных князей и не имея возможности полного их подчинения, российское правительство оставляло за североостяцкими князьями властные полномочия, требуя лишь исправного внесения ясака. Размер его определялся произвольно: «со всякого человека, с лука, ясака на великих государей дают до десяти соболей с пупки и с хвосты, а лисицами черными, чернобурыми, бобрами и выдрами, и всяким зверьем в казну берут по достоинству, по смете против соболей указанного числа» [Титов 1890: 74]. В первые годы ясак с инородцев собирался весьма

¹² Опираясь на архивные источники, А. Т. Шашкова полагает, что князь Лугуй был потомком обдорско-куноватского князя Екмычя и имел пятерых сыновей: Шатрова, Вокчима, Данила, Артанзая, Золяморта. У первого из них был сын Таяр, у второго — Ждан и Окоско, у третьего — Гора, у четвертого — Як, у пятого — Ося. Известно, что правивший после Лугуя его сын Шатров имел резиденцию в Лозминском городке, располагавшемся на притоке Сыни, р. Лозма. После смерти Шатрова власть перешла в руки его брата Вокчима, а затем его сына Ждана [Очерки 2000: 157]. По данным ревизских переписей, в Куноватском городке Куноватской волости числятся фамилии Данилов, Выксимов (Уксюмов), Тояров, в Сынском городке той же волости — Артанзеев [ТФ ГАГО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43: 18—55об., 404: 74—163об., 992: 641об.—718]. Перечисленные фамилии образованны, по всей видимости, от имен Данил, Вокчим, Таяр и Артанзай. Три последние фамилии сохраняются на рсках Куноват и Сыня по сей день.

нерегулярно (известно, что Борисом Годуновым была дарована льгота на 1598 и 1600 гг.) [Герасимов 1909: 61]. За своевременный и полный внос ясака князья жаловались подарками от царственных особ: всем князьям волостным, приезжавшим в Березов, «выдавалось на каждого по 4 аршина красного сукна... сверх того каждому топор, нож, пешня, не считая казенного корма и вина» [Словцов 1844: 90]. «Чтобы приучить инородцев к ясаку», грамотой от 16 декабря 1631 г. было велено тобольскому воеводе князю Трубецкому «высылать в Березов горячего вина по 15 ведер в год, для угощения старшин остяцких и самоедских» [Герасимов 1909: 61]. Служивший березовским воеводой в 1655–1657 гг. Сергей Малов отмечал, что у ясашных людей «бывают звери добрые: лисицы чернобурые и бурые, и соболи, и бобры,... и песцы голубые и черные», однако если их «жалованным вином и водкой не напоить», они у себя доброго зверя «затаивают» и продают «проезжым торговым и промышленным людям тайно» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 496. Л. 357–358].

По мере укрепления в Сибири русских форпостов ужесточалась фискальная политика Москвы в отношении ясачных вогулов и остяков. В 1610 г. льгот в платеже ясака просил князь казымских городков Кинчикора и Черикора Юванко Ладыкин. Ссылаясь на жалованную грамоту 1587 г., он сообщал, что изначально было наказано «имать ясаку с казымских трех городков по четыре сороки соболей да по две лисицы черных лутчих», а привозить ясак «к Москве» поручено «Цынгопу мурзе», а служилых людей «в городки посылать не велено». Далее челобитчик свидетельствовал, что со строительством Березова «емлют с них... по семнадцати сороков на год», собирая пушнину со «старых, и с увечных, и с малых робят», да с них же «емлют подводы зимою на все стороны». Помимо этого березовские воеводы ежегодно отправляли казымских остяков «в кунную самуюдь» для сбора ее в Юильский городок к моменту приезда казаков «по самоедской ясак». На данное предприятие уходило «по месяцу и по шти недель». В этой связи Юванко Ладыкин просит «имать ясак по прежней жалованной грамоте» и разрешить «привозить свой и самоедский ясак на Березов» самим. По челобитной в Казымской волости был проведен сыск, ясашные книги «с показанием городков и плательщиков» отправлены в Москву, а самому Юванку Ладыкину «за его терпение» и издержки были даны льготы в ясаке на год. О послаблении сборов с ляпинских остяков, платящих в казну по пять соболей, постоянно сопровождающих служилых людей к Москве и

направляемых «за Камень по суды», бил челом Кушкул Наев «со товарищи» [РИБ. 1875. Т. 2: 173—176, 200—202].

В начале XVII в., после полного подчинения остяцких земель, русское правительство постепенно ограничивает влияние Коды: в 1628 г. была затребована роспись ясачных людей и проведена перепись населения кодских вотчин. За утайку 260 ясачных людей князь Михаил Алачев был вызван в Тобольск. Однако он решил в Тобольск не ездить, а вместе со своим двоюродным братом Лобаном «без государева указа» отправился искать защиты в Москву. В высочайшей аудиенции Михаилу было отказано, несмотря на оправдания князя, что «сделал то простотою своею, а не хитростью», сочтя своим долгом поспешить в столицу по случаю рождения царевича Алексея Михайловича. Впрочем, главной цели — решения о проведении повторного «сыска» — он достиг. После смерти Михаила его сын Дмитрий, оказавшись в Москве для подтверждения своих прав, добился решения о выплате в Тобольске хлебных припасов и «соляного оклада», как давались они его отцу, получения «стругов» для перевозки хлеба в Березов и денег за отписанные на государя «черные лисицы» [Оглоблин 1891: 396; 1900: 111—112, 285—287].

Недоверие со стороны московских властей серьезно подорвало авторитет кодских князей среди местного населения. В 1636 г. остяки кодских городков открыто выступили против князя Дмитрия. Они отказались дать подводы под государеву денежную казну томским служилым людям, «стреляли по ним и хотели их побить». По наряду князя 40 вотчинных остяков при полном вооружении должны были участвовать в экспедиции за солью на Ямыш-озеро. Остяки же отказались подчиниться Дмитрию: «подмоги и панцырей не взяли» и на государеву службу не пошли. Вместо этого 120 остяков «со своею збруею, в панцирях, в шлемах и с луками» собрались в городке Кармыш-Юган, ожидая поездки Дмитрия в Тобольск с намерением подстеречь и убить его. Князь Дмитрий оказался в осаде: ни на Березов, ни на Тобольск ехать не смел, так как по дороге выше и ниже Кодского городка мятежниками были расставлены заставы. Ситуация была настолько накалена, что Дмитрий просил «для бережения прислати к нему с Березова служилых людей». Опасность была вполне реальной — незадолго до выступления «воровским заводом» был убит Лобан Опжин (Никифор Алачев) [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 203. Л. 32—35, 42, 51, 55, 82—83].

Посоветовавшись в Кармыш-городке, остяки направили Телугу Серистова «с товарищи» в Тобольск с челобитной на притеснения со стороны князя Дмитрия и с просьбой принять всех кодских остяков «под государеву руку», отчего, по их мнению, будет и в ясаке, и в «государевых во всяких службах, и в гоньбе прибыль». «Насильства, и тесноты, и обиды великис», по словам кодичей, привели к тому, что они «в конец раззорились», «разбрелись» и «живут по глухим местам», а жен и детей своих «исзакладывали и испродали». Князь Дмитрий обвинялся в том, что он «напрасно» своих вотчинных остяков «бьет, и мучает, и в тюрьму сажает», и «в железо кует», отнимает рыбные ловли и мягкую рухлядь, жен и дочерей «насильством на постель к себе емлет», заставляет служилых остяков работать на своем дворе, запрещает рубить лес и пить воду из проруби в Кодском городке. Остяки стояли на том, что их отказ идти «по соль за Тару» был вызван нежеланием князя Дмитрия дать «подъем... против прошлых годов», недовольством на введение оброка деньгами, сухою рыбой, коноплей, крапивой и калыданами [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 203. Л. 6–9, 37–41, 48, 56–58; Д. 376. Л. 105].

В ходе расспросов и на очных ставках в Тобольске Дмитрий Алачев отвечал, что кодские остяки давно вышли из повиновения: не платили ему ясак и оброк, как платили его отцу Михаилу, по «наряду» на государевы службы ходить отказывались и подвод под государеву казну не давали. В отписках своих князь жаловался, что остяки «не хотят его в государевой милости видеть и в послушании у него быть»; он же вопреки «наветам» рыбных ловель у них не отнимает, чужих жен «на постелю не емлет», а «из проруби черпать воду не давал, потому что он православный христианин и ему с некрещеными пить и есть не доведется». Дмитрий убеждал, что работают на него только дворовые, а не служилые люди, и чинит он наказание остякам по справедливости, «за вины». В 1637 г. о «ложном челобитье» кодских остяков на ее внука и о «воровском заводе» Телешки Серистова была государю челом бабка Дмитрия Анна, «службы» и «кровь» мужа Игичея и сына Михаила поминая. По челобитьям кодичей в Березовском, Сургутском и Тобольском уездах начались сыски. Значительная часть из «ведавших» об этом деле жителей соседних волостей свидетельствовала, что кодские остяки «бьют государю на князя Дмитрия ложно» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 203. Л. 1–1об., 3–5, 51–53, 55–57, 61–83].

Государевыми указами было велено по сыску «пущих заводчиков взять в Тобольск» и «за их вину и непослушанье» «учинить наказание, а

иных остяков... в их улусах смирить», чтобы «на то смотря, вперед те остяки не воровали». Тобольским воеводам предписывалось князя Дмитрия «выпустить из Сибири... к государю к Москве», как прежде ездил его отец Михаил, взяв у него роспись на мягкую рухлядь «за его рукою». Князь Дмитрий при выезде из Коды в Березов осматривать у себя мягкую рухлядь не дал, угрожая целовальникам открыть огонь из пищалей и велел своим людям «надеть на себя панцыри». Отъезд князя в Москву откладывался из-за необходимости быть по сыску в Тобольске. Да и сам Дмитрий неоднократно просил государя «дати ему сроку» в расследовании дела «о покраже» из его амбара денег, припасенных для государя лиц чернобурых, да серебряных сосудов, подаренных еще его деду Игичею [РГАДА. Оп. 3. Д. 203. Л. 1—1об., 10—12, 14—18].

Обвинения в религиозной шатости послужили поводом для вызова Дмитрия Алачева, а также его матери и сестры в Тобольск. Архиепископ Тобольский и Сибирский Герасим¹³ неоднократно писал государю, что «князь Дмитрий и с матерью и с людьми своими новокрещеными живет... между остяков в нашей православной вере не крепко», «шайтанам мольбу прилагают и в скверное их требище бесовское шайтану в дар платья и лошади дают», люди его «ис пищалей на церквах по крестам стреляют и тем нашей православной вере чинят поруганье» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 221. Л. 202]. Для расследования дела в Тобольск был привезен из Коды церковный крест. Повинившийся в том, что по гтице стрелял, а «не нарочным делом», был «князь Дмитрий в подначалстве и в смирении на святительском дворе 6 недель и в Знаменском монастыре год. Также и мать его и сестра его в Девичем монастыре» [ПСРЛ. 1987. Т. 36: 153—154].

Доносы кодских остяков на притеснения со стороны Дмитрия Алачева не прекращались и в Тобольске. Емелька Гаврилов (Пуртеев) жаловался, что князь Дмитрий его «пограбил», продав жену, сноху, детей и людей (всего одиннадцать человек) в Березов и в Сургут. Князь обещал вернуть пленников или дать «за всякую голову по пятьдесят рублей». После того как в разбор дела вмешались тобольские воеводы Григорий Куракин и Михаил Гагарин, Дмитрий вернул Емельке семь человек, за других четырех, разосланных «по дальным местам», выкуп давать отказывался. Воеводам лишь с третьей попытки удалось «в том иску поставить перед собою в съезжей избе» ослушника, так как он «учинился силеп, поруки по себе»

¹³ Пржский архиепископ, Нектарий, был явно на стороне Дмитрия, на что указывала в своей челобитной бабка Дмитрия, Анна [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 203. Л. 2].

не давал. Присланных «ко князю Дмитрию на двор» тобольских служилых людей «учали лаять [ругали]», а Ивашко Вырзина княжий человек Мирошка «бил по щекам». На предложение поехать с ними в съезжую избу Дмитрий сказал: «Кто де его... учнет имать, он де по тех людях учнет из луков и из пицдалей стрелять». Только после того как за человеком князя был прислан стрелецкий голова Богдан Аршинский, остяк Мирошка был выдан, а затем бит кнутом. Вслед за ними в съезжую избу явился и сам Дмитрий Алачев, заявив, что «наперед сего в Тобольску и не такие воеводы бывали, и его де князя Дмитрия не бесчестили». В свою очередь воеводы Куракин и Гагарин сочли такое поведение и заявление бесчестием для себя и просили «государевой обороны». «За бесчестие князя Куракина с товарищи указал государь князь Дмитрия Алачева послати в тюрьму и от тюрьмы воротить» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 221. Л. 194—199].

Владения Дмитрия — Кода, а также волости Кол-пукол, Вас-пукол, Ендыр и Ваховская¹⁴ «со всеми людьми» — были отписаны «на государя». Тобольским письменным головам наказывалось «описать русские села и деревни, и в них дворы, и во дворах людей поименно», «остяков по юртам, отцов с детьми и с племянниками... писать всех поименно никого не обходя... лет восемнадцати, двадцати и больше». Оклад предполагалось положить «з березовских против березовских ясачных людей», а с сургутских — «против сургутских», государев ясак и воеводские поминки платить «на Березове» и «в Сургуте»¹⁵. Окладные книги были доставлены в Тобольск. Только после этого в 1644 г. опальный

¹⁴ О пребывании на Вахе Алачевых косвенно свидетельствуют ревизские сказки, которые фиксируют наличие в Ваховской волости «клана» Алачевых. Наряду с кодами, по данным ревизских сказок, числятся Гындины, вероятно, родственники обдорских князей [ГФ ГАТО. 154. Оп. 8. Д. 44. Л. 69—103об.].

¹⁵ Остяки Кодских городков и Ендырской волости жаловались, что тобольскими людьми были описаны «и старые, и малые, и увечные, и дряхлые», а оклад составил «по два рубли на всяково человека», в то время как в других волостях Березовского уезда равноценный оклад был положен только «на лучших людей», с остальных ясачных плательщиков ясак и поминки взимались «постатейно», «против промыслов своих». На кодских остяках, несмотря на основание Демьянского и Самаровского ямов, лежала тягота ямской гоньбы [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 419. Л. 113—133]. Во второй половине XVII в. с 166 остяков Казымской волости взималось 202 рубля 23 алтына 2 деньги; с 258 остяков Обдорской — 191 рубль 1 алтын; с 165 остяков Куноватской — 148 рублей 23 алтына 2 деньги [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 496. Л. 126].

князь с матерью и бабкой Анной был отпущен «ис полону» в Москву. В подводы велено было взять его же вотчинных остяков, «для береженья» послать «с ним до Москвы пристава, сына боярского доброго» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 221. Л. 194об.—198об., 203—206]. В столице Дмитрий был записан в дворянство «по Московскому списку» «с поместным окладом в 1000 четей» и с денежным в 100 рублей «из чети». По указу государя велено было вместо сибирских вотчин «испоместить» князя «в русских городах». В ожидании решения судьбы и выбора поместья князю Дмитрию давалось «корму» по 1 рублю на день, а его «людям» (прибывшим с ним 20 чел.) по 6 денег. В заключение московского гостевания князь был удостоен царской аудиенции, в утешение ему был пожалован серебряный «кубок в 4 гривенки» [Оглоблин 1891: 398]. Вместо Коды князь Дмитрий получил «вотчину на Вычегде реке волость, зовомая Лена, близ Еренскова городка» [ПСРЛ. 1987. Т. 36: 154], принадлежавшую некогда его деду Игичею.

С самостоятельностью Коды было покончено. После смерти в 1649 г. князя Дмитрия и его бабки Анны Пуртеевой династия князей Алачевых пресеклась. Сын Лобана-Никифора Онжина Петр стал служить в Тобольске, его вотчина была отписана на государя. Племянник Игичея березовский служилый человек князь Садар Чумеев Алачев продолжал жить в Низямском городке, исхлопотав себе и своим сыновьям освобождение от уплаты ясака [Оглоблин 1891: 398—399; 1900: 112]. Некогда процветавший Кодский городок вскоре пришел в запустение. Крещеным остякам, которые не захотели уехать вместе с князем Дмитрием, предписывалось оставаться в Кодском городке, сюда же по указу государя велено было «устроить на житье» русских людей, чтобы остяки не пбили оставшихся при церкви и монастыре священников. Кодские остяки продолжали жаловаться на тяжесть ясачной и подводной повинности в связи с тем, что живут они «по край Оби реки все по берегам и кормятся рыбою, а отхожих... промыслов и речек нет» и зверя им промышлять негде. Просили «разобрать» их по справедливости, и «государева ясаку сбавить» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 221. Л. 201, Д. 376. Л. 103—122; ПСРЛ. 1987. Т. 36: 150, 153—154].

С падением Коды центр туземного политического влияния сместился на север, во владения нижнеобских князей. Наряду с Обдорским на роль племенного центра в Нижнем Приобье претендовал Куповатс-

кий городок [Бабаков 1973б: 100]. Не исключено, что после распада Ляпинского княжества куноватские князья постоянно вступали в союз с обдорянами. Обдорский князь Молик Мамруков и куноватский князец Гора Данилов имели одинаковые «знамена» (тамги), изображавшие «скребельницу» («скобельницу») [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 221; Бахрушин 1955а: 110].

В 1662—1663 гг. обдорским князем Ермаком Мамруковым была предпринята попытка организации крупного выступления против русских. В коалицию были вовлечены все волости Березовского уезда (Ляпинская, Кодская, Сосьвинская, Казымская, Куноватская, Естыльская, Подгородная), а также чердынские, пельымские и кондинские остяки, пустозерские и обдорские самоеды. Большой «съезд» остяков собирался «на низу на Горине тундре» (в вотчине куноватского князя Жданки Горина). Заговорщики планировали «прийти подо все Сибирские города и города взять, а служилых людей побить». «На думе» наказали Ермаку Мамрукову «быть на Березове», и ясак со всего Березовского уезда платить ему и стремившемуся установить свое владычество на Иртыше потомку Кучума царевичу Девлет-Гирею, а не Москве. Однако заговор был раскрыт. Остяки березовских ясашных волостей были «пересмотрены все на лицо». Служилым людям во всех сибирских городах было наказано «жить с великим бережением»: «по городу и по острогу» ставить «караулы крепкие». Обдорский князь Ермак с семнадцатью «заводчиками» были повешены в Березове, чтобы впредь «остякам неповадно было так воровать, на государское здоровье мыслить, и шатость и измену заводить, и с изменники с татары воровскою мыслию ссылатца». За превышение полномочий при «чинении расправ» над туземным населением тобольский воевода князь Иван Хилков сделал резкий выговор березовскому воеводе А. П. Давыдову¹⁶. Вероятно, столь поспешное решение воеводы казнить Ермака Мамрукова без ведома государя было вызвано немалыми опасениями нового метяжа, независимостью и огромным влиянием обдорского князя. При разбирательстве одного из дел в съезжей избе сын боярский Семен Лоншак говорил истцу, сосьвинскому остяку Умбе Панжиеву: «Поди де ты вон, и бей челом в городе, а здесь де и тебя, и меня убьют» [ДАИ. 1851. Т. 4: 275—312; подробнее см.:

¹⁶ О наказах сибирским воеводам и их полномочиях см.: Е. В. Вершинин [1998: 65—137].

Бахрушин 1955а: 136]. После гибели Ермака Мамрукова власть в Обдоррии переходит к его законному наследнику Ёнде Моликову, а на Куновати — к Горе Данилову и его сыну Аёхе (потомкам третьего сына Лугуя) [Очерки 2000: 157].

В годы активных действий обдорских князей против русских возра­стает их престиж среди северных соседей, самоедов. Князь Василий Обдорский сознавался, что ещё в 1600 г. был «в изменной думе» с самоедами, когда они разгромили Мангазейскую экспедицию князя Мирона М. Шаховского [РИБ. 1875. Т. 2: 815; Миллер 1941: 203]. В первой половине XVII в. обдорские князья регулярно выступали посредниками в отношениях между самоедами и Москвой. К Мамруку обращался березовский воевода с просьбой убедить карачейских самоедов вернуть из полона захваченных ими во время набега 1633 г. казымских самоедов. Молик Мамруков не только ездил по тундрам, призывая «самоядь с государевым ясаком на Обдор», но и ходатайствовал перед русской администрацией об освобождении аманатов, взятых у Карачеи. При содействии обдорских князей самоеды не раз организовывали военные нападения на русские городки, грабили государеву казну и торговых людей. Остяки Ёнды Моликова совместно с березовскими казаками и карачейской самоедью ходили войною на Пустозерский острог и пустоозерскую самоедью; обдорский князь держал «у себя в работе» пустоозерский полон из тринадцати человек и «всех их морил с голоду» [ДАИ. 1851. Т. 4: 275—312, Т. 5: 375—378; Бахрушин 1955а: 134, 1955б: 5—6; подробнее см.: Вершинин 2003: 8—19].

В XVII в. ясак с обдорских остяков и самоедов собирался «соболями и бобрами, и песцами голубыми и белыми, и всякою мягкою рухлядью» и даже «постелями и малицами», «пимишками». По сообщению березовских атаманов, до строительства Обдорска «жила та Карачейская самоедь и иные многие роды не отъезжая близко Обдорского городка», аманатов у нее «на Березов не имывали» и «ни чем та самоедь не была устрашена». Ясак они сдавали вместе с «обдорскими ясачными остяками», да помимо того меняли мягкую рухлядь «на рыбные запасы и на олени» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 496. Л. 308—311]. Обдорские князья, пользуясь своим влиянием на самоедов, оказывали русским служилым людям содействие не только в сборе ясака, но и в поимке преступников. С появлением в Обдорске постоянного гарнизона сбор пода-

тей осуществлялся ясачными сборщиками¹⁷, которые в сопровождении казачьих отрядов отправлялись по юртам и стойбищам. В обязанности воевод¹⁸ и служилых людей входило «объясачивание» новых «землиц». Для «приискивания» и «прибора» новых ясачных плательщиков постоянно велись «сыски» и устраивались военные экспедиции в самоедские земли [см.: История... Хрестоматия 1999: 79—80].

В целях предупреждения открытых выступлений и призыву к государеву ясаку подведомственных тундровых и лесных самоедов практиковалось аманатство [подробнее см.: Бахрушин 1955в]. Государевыми грамотами повелевалось «карачейскую самуюдь с ласковостью склонять к даче аманатов из лучших людей», «а при смене аманатов велеть сыскивать разбсжавшихся самоедов, приводить их на прежние угодья, где жили, и взыскивать с них ясак» [Словцов 1844: 91]. В 1649 г. по распоряжению березовского воеводы М. С. Лодыженского в Обдорскую волость для сбора ясака и взятия аманатов были отправлены казаки во главе с Василием Кокоулиным и Дмитрием Свешниковым. Экспедиция окончилась осадой Обдорска, аманатам же удалось бежать из тюрьмы. После этих событий самоедские князцы опасались сами ходить в обдорскую ясачную избе, а «посылали холопей своих», «многие самоедские роды»

¹⁷ В первой половине XVIII в. из Березова в волости для сбора ясака направлялись сборщик, целовальник и писчик. Чаще всего эти должности занимали дети боярские и березовские служилые люди. Назначались они «по выбору всех гарадских людей». Воеводам предписывалось посылать в ясачные волости «служилых людей добрых, которые никакой обиды и грабсжу иноземцам не чинили», кому бы в «зборс можно верить». По указу 1741 г. выборы проводились в сентябре. Прежде всего подбирались кандидатуры для Обдорской, а затем уже для всех остальных волостей [РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 27. Л. 3].

Дети боярские и служилые люди стремились любой ценой добиться назначения на государеву службу в северные ясачные волости, где имелась немалая возможность личного обогащения. На имя государя Алексея Михайловича были направлены челобитные березовского казачьего атамана Оськи Федорова и подъячего Матюшки Романова. Первый просил послать его «збирать государев ясак с обдорских остяков и с Карачейской самуюди», обязывался «радеть», как прежде, «искал прибыли» казне, «розыскивая» и «приписывая» «новопришлых подростков и захребетников», собирая «сполна без недобору» ясак в Куноватской волости и Коде. Второй добивался в зимнее время быть «у государева дела на Березове в съезжей избе подъячим», а летом мечтал уезжать «из Березова... в Собскую и ис той на Обдорскую заставу в таможенных подъячих» с тем же государевым жалованьем и окладом [РГАДА. 214. Оп. 3. Д. 496. Л. 66—66об., 70—70об.].

¹⁸ Об обязанностях и «лихоимствах» сибирских воевод см.: Е. В. Вершинин [1988].

отъезжали «в Мапгазего и Пясиду», небольшая часть самоедов платила ясак «на тундре плохим зверем». В 1652 г. были захвачены и доставлены в Березов карачейской самоеды лучшие люди Пося (Поска) и Илга Хулеевы, где находились «за крепкими караулы день и ночь с великим береженьем» [РГАДА. Ф. 213. Оп. 3. Д. 496. Л. 308—311; см.: Шашков 1999: 223—229; Вершинин 2003: 14—19]. Березовские служилые люди жаловались, что от содержания аманатов им «тягота большая». Кроме «разоренья» от причитавшегося полоненным «хлебного жалованья, вина», расходов «на платье, и обувь, и харч», они постоянно опасались «иной порухи» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 496. Л. 310—313].

Попытки со стороны русского правительства раздельного обложения самоедов и обдорских остяков не увенчались успехом. У северных остяков сохранилось предание о том, как казачьего сотника Кокоулина, приехавшего к самоедам за сбором ясака, «самоедский старшина, желая угостить прилично, позвал к себе в чум», «приказал своей младшей дочери раздеться, показал ему тело ее, которое было жирное и белое. После этого убил дочь свою и, отрезав у нее груди, вынув сердце, положил то и другое в котел и стал варить на тот предмет, чтобы этим лакомством поподчивать». Сотник, «испугавшись, убежал из чума и более к самоедам за сбором ясака не приезжал, а поручил таковой производить остяцкому князю» [Кушелевский 1868: 52—53]. Возможно, в переложении Ю. И. Кушелевского смешались рассказы о мифических мохоодах-людоедах (*няд-нговорта*) и реальных приключениях ясачных сборщиков. В данном случае примечательно другое — зафиксированное в фольклоре стремление русских властей уступить право ладить с «немирными» самоедами остяцким князьям. Только со второй половины XVII в. карачейские самоеды стали самостоятельно возить ясак в Березов. Помимо обдорских самоедов, «особливо» недоступностью отличались казымские самоедцы, промышленявшие «по неизвестным дальнейшим местам» и приходившие «из тундренных мест... для платежа в казну ясака один только в году раз, в декабре и январе месяцах, и то не в Березов, а в Обдорск и Казым» [Сословно-правовос 1999: 80—82].

Несмотря на давние связи с самоедами, остяцким князьям далеко не всегда удавалось осуществить свои административные полномочия. Стремясь освободиться от их власти, самоеды нередко совершали опустошительные набеги на Обдорск и соседние остяцкие волости, нападали на торговых и служилых людей, идущих через Камень с товарами и го-

сударевой казной, грабили на море разбитые кочи. Весной 1644 г., во время одного из набегов воровской самоеды, был убит сын обдорского князя Молика [подробнее см.: Шашков 1999: 223—229]. В 1678—1679 гг. воровская самоедь больше 400 человек «пришли в Обдорской городок войною», и «городок осадили, стояли шесть дней», и никого из городка «не выпускали», и в городок «стреляли, и многих остяков и самоедь ранили». «Ясашных остяков, которые были в юртах и на промыслах, и у рыбной ловли, убили 23 человека... и над ними надругались, носы и рук персты резали, а жен их грабили и нагих оставляли, а детей имали к себе в полон». Основная их цель состояла в том, чтобы «князца Гынду Моликова с товарищи убить и всех обдорских остяков разорить». Возглавлявшие воровскую самоедь Маулку и Игонку Посевы не допускали в город самоедов Каменной стороны, приехавших для положения ясака, а тех, что «к их воровству не пристали» вязали и с собою возили, а иных били «на смерть». Для расправы над изменниками из Березова были отравлены служилые люди, однако самоеды отошли к Надыму, «на свои прежние жилища». Гында Моликов и обдорские остяки отказались «чинить поиск» воров, которые «пограбя, увели с собою без остатку» всех оленей, взяли рухлядь и «всяких их животов по цене на четыре тысячи на семь сот на трибцать на семь рублей на тридцать на один алтын на две денги» [ДАИ. 1862. Т. 8: 166—168; Бахрушин 1955а: 95].

После этих событий, в апреле 1679 г., березовский стольник и воевода князь Василий Михайлович Гагарин отправил в Москву ко двору Федора Алексеевича «бить челом о нужде своей» из Березовского уезда Обдорского городка «князца Гынду Моликова да остяков Поточейка Соскина да Нюпчека Еггачева». Князец с улусными людьми «ударил Великому государю двумя лисицы черпобурые», ценою в 25 и 20 рублей. Челобитчики были пожалованы государем поденным кормом — «на корм и на питье и на дрова и всяко расходов денег» («чтобы им живучи в Москве сыту быть»¹⁹), подарками («однорядками красными»), да «в дорогу кормом на пять недель». Гында Моликов, помимо однорядки, получил от государя поднамазень с кружевом,

¹⁹ Гынде «с приезду и до пуску» выдавалось «з дворцов еств и питья»: по две чарки вина двойного, по две чарки вина простого, по кружке пива ячменного, по кружке меду паточного, по чарке ромашы, да «с кормового дворца по гусю, по курице, по четверти туши бараньей, по четверти масла коровьего, по четвертику крупы грешневой» в день [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 763. Л. 55об.—56].

кафтан с серебряными завязками, шапку соболью, сапоги [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 763. Л. 55—62]. В июне 1679 г. обдорскому князю была выдана грамота в том, «что пожаловали его, князя Гынду Моликова, за его Гындины, и деда и отца его службы велели ему, князю Гынде, Обдорские городки и волости и в них ясачных людей ведать и государев ясак и десятинную пошлину собирать по-прежнему, как прадед, дед и отец его и он, Гында, собирали на перед сего, и отвозить на Березов» [Ковальский 1853: XXIV; Абрамов 1857а: 218]. Ездивший в Москву хлопотать об обороне от самоедов Гында Моликов вместе с грамотой получил право «для больших дел» обращаться непосредственно в Москву, минуя Тобольск [ДАИ. 1862. Т. 8: 166—168; Бахрушин 1955а: 135]. После Гынды в Обдории княжил его сын Тайша, давший начало фамилии Тайшиных²⁰. В «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова «юрты князька Тайши Гындина с товарищи» показаны в устье р. Полуи [2003. Т. 1: 8 (17—18); Т. 2: 75—78]. Русская администрация была вынуждена считаться с авторитетом обдорских князей, тем более что они представляли собой единственно возможный вариант управления самоседами. С утверждением российской государственности самоеды оказались формально подчинены обдорским князьям Тайшиным. Не исключена вероятность генеалогической связи обдорского княжеского рода с самоедами. Ф. Белявский утверждал, что род князей Тайшиных «происходит от самоедов, а не от остяков, с которыми они приняли только святое крещение» [1833: 84].

Поездки князю в Москву для представления российским государям и получения государевых жалованных грамот на управление в своих «улусах» (вотчинах) становятся весьма значимыми для укрепления их престижа. В 1692 г. березовским воеводой Иваном Кайсаровым в Москву «в челобитчиках о своей нужде» были отправлены Березовского уезда ясачные князцы «Сосьвинской волости Сантля Вытынков, Казымской волости Юзор Райдуков, Куноватской волости Данил Горин, Ляпинской волости Шеша Кушкиреев, Подгородной волости Василий Помыт-

²⁰ Среди членов обдорской княжеской династии Н. А. Абрамов называет Тучабалду, упомянутого в архивных документах 1706 г. (С. В. Бахрушин предположил, что Тучабалда — брат Тайши Гындина Микифор Гындин [1955а: 134]), Василия Тайшина, известного по документам 1726 г., Василия Мурзина Тайшина, крещеного в 1742 г. в Тобольске, и Анду (Лиду), фигурирующего в архивных документах 1750 г. [1857б: 336]. М. Ковальский называет Андю («родоначальника другой линии, исчезнувшей в четвертом поколении») братом Василия Тайшина [1853: XXIV].

ков»²¹. Великому государю челобитчики поднесли по чернобурой лисице (всего пять лисиц ценою 80 рублей). По государеву указу березовские князья были пожалованы «против... князя Гынды Моликова» кормлением и подарками [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 763. Л. 56об.—57об.; подробнее о поездке березовских князей в Москву см.: Перевалова 1999а: 156—161]. Вероятнее всего, именно в этот приезд березовские князья получили грамоты на княжение [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 6887. Л. 163 об.]. Одна из грамот от 28 декабря 1692 г., данная Иоаном и Петром Алексеевичами казымскому князю Юзору Райдукову, хранится в научном фонде ТГИАМЗ. Выполнена она на одном листе пергамена, скреплена государевой красной восковой печатью (с изображением двухглавого орла с одной стороны и Георгия Победоносца с другой) на шнуре:

(Л. 1) Божию милостью Мы, Пресветлейшие и Державнейшие/ Великие Государи, Цари и Великие Князи, Иоанн Алексеевич/ и Петр Алексеевич Всеа Великия и Малыя и Белья/ Росии Самодержцы Московские, Киевские, Владимирские,/ Новгородские, Цари Казанские, Цари Астраханские, Цари/ Сибирские, Государи Псковские и Великие Князи Смоленские,/ Тверские, Югорские, Пермские, Вятцкие, Болгарские/ и иных Государи, и Великие князи Ново Города Низовские/ земли, Черниговские, Рязанские, Ростовские, Ярославские, Белоозерские, Удорские, Обдорские,/ Кондинские, и всея северные страны Повелители, и Государи Иверские Земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинские/ земли, [...] и Горских Князей и иных [...] государств и земель, восточных и западных иноверных [...] / Наследники, Государи и Обладатели [...]. Наше [...] Величество пожаловали сибирского Березовского города Казымской волости/ князя Юзора Райдукова, за службы деда и отца его и за его службы, и с волостными Казымской волости ясашными людьми,/ велели на Березове воеводам нужд их розсматривать и росправы меж ими чинить вправду. А для взятков/ своих к ним напрасно не приметыватца, и обид и налогов никаких им не чинить, и держать к ним ласку,/ и привет, и береженье. А для Нашего, Великих государей, ясашного збору посылать з Березова к ним в Казымскую/ волость ясашных зборщиков, служилых

²¹ По данным С. У. Ремезова, юрты Сянтлины находились в верховьях р. Рсмжа (Сев. Сосьва?); «юрты князя Данилко Горина» показаны в верховьях Лагаса, притока р. Куновацкая; резиденция князя Шешки Кушкилева располагалась в устье р. Сыгва (Ляпин); ю. Памытковы отмечены в междуречье Сосьвы и Вогулки в полудне «ходу» до Березова [Чертежная книга Сибири 2003. Т. 1. Л. 8 (С. 17—18), Т. 2: 75—78].

людей добрых, в году по три человека, по вся годы поочередно. А одних/ зборщиков повся годы посылать не велели. А под запасы и под ружье им, ясашным зборщиком, указали/ Мы, Великие Государи, давать трем человекам по одной подводде. А самим зборщикам ходить в Казымскую волость/ для Нашего, Великих Государей, ясашного збору на своих подводдах. А наймов за те подводды с ясашных людей/ имать не велели, для того, что на них, служилых людях, ясашный збор положен в Нашу, Великих Государей, службу./ А под Нашу, Великих Государей, ясашную казну ис Казымской волости до Березова и з Березова до Тоболского уезду/ подводды давать, на чем мочно поднять. А велено ясашным зборщикам для ясашного збору в волости ходить/ по-прежнему дважды на год, зимой да весною. Без всяких [... ..] березовским/ служилым и всяких чинов людям в Казымской волости и преж Нашего, Великих Государей, ясашного збору о/стяками и самоядью торговать не велено, шток теми торгами в ясашном зборе норухи и недобору не учинилось, а ясашным людям обиды и налог не было. А ясак с них, ясашных людей, указами Мы, Великие Государи,/ ясашным зборщикам збирать по окладу сполна без недобору, с ним же, с князцом Юзором Райдуковым,/ и в Нашем, Великих Государей, ясашном зборе им радеть, и прибыль Нам, Великим Государям, во всем чинить./ А соболи имать по-прежнему Нашему, Великих Государей, указу бес пупков и без хвостов. А как они, ясашные люди,/ учнут ис соболей вынимать пупки, и они б ис тех соболей пупки вынимали самое чрево, а хребтов бы/ не резали, и тем соболей не портили. А Нашей, Великих Государей, приказной избы и воеводские поминки Казымской/ волости с ясашных людей збирать по-прежнему не по окладу: что они, ясашные люди, поминков в приказную/ избу принесут, то у них для их иноземства и принимать, а большаго того на них не спрашивать. А в Ка/зымской волости поминки збирать ему, князцу Юзору Райдукову, а ясашным зборщикам не збирать / для того, что будучи они, ясашные зборщики, в волостях с ясашных людей сверх ясаку и поминков/ емлют себе по десяти и по двадцати белок и по соболю и по горностаю с человека. А стольникам нашим и воеводам, [которые поедут] з Березова, и па Березов, давать по пятнадцати подвод, а больше того отнедь не давать/. А по тоболским отпискам и по подорожным сужилым людям, которые будут присланы на Березов/ с отписки и по всякими Нашими, Государевыми, делы, человек по шти, и по пяти, и по четыре, и им велено давать подводу одному человеку, который написан будет всех прежде, а остальным никому подвод не давать. А ясашным/ зборщикам, атаману Федору Аргунову с товарищи, с ними, ясашными остяки, велено па Березове дать про/тив их челобитья очные ставки. А с очных ставок буде объявляца такие к ним, ясашным остякам,

от них/ взятки, и обиды, и палогы, и разорение. А им зато велено учинить жестокое наказание: бить на козле и впроводку/ и кнутом нещадно. А от чинов их отстранить, чтоб на них смотря, впред иным неповадно было так воровать. И взятое/ на них в против их челобитья доправить, и отдать им, ясашным людям. А рыбной збор с ясашных людей велено отста/вить же и впредь с них не збирать. А как будут за ясаком на Березов в город ясашные люди, и их велено на / Березове [поить] и кормить довольно по-прежнему из Наших, Великих Государей, запасов. А для розыскных дел/ впредь детей боярских и подьячих и служилых многих людей из Тоболска без Нашего, Великих Государей, именного/ указу и без грамоты на Березов и Березовского уезда в ясашные волости посылать не велено. А по челобитничковым / делам ис Тоболска велено на Березов писать к воеводам. А им о том розыскивать вправду и никому/ не нароя. А которые служилые люди ис Тоболска посылаютца на Собскую, Обдорскую и на Киртаскую заставы, и их/ велено отпускать в одном дощанике, а не в разных дощаниках, и в подводы им ясашных людей давать не велено./ А па дощаниках им, служилым людям, велено работать самим по-прежнему, для того, что и березовским/ служилым людям на те ж заставы велено ходить з Березова/ на одном дощанике и работать самим же. И митрополичьим / закащикам в подводы их, ясашных людей, потому же давать не велено. А велено им на дощаниках работать / самим. А ся Нашего, Царского Величества, жалованная грамота в нашем царствующем граде Москве дана Березовского / городу Казымской волости князю Юзору Райдукову с волостными людьми, лета 7201, декабря в 28 день.

(Л. 10б.) По указу Великих Государей и Царей Иоана Алексеевича и Петра Алексеевича Всеа Великия и Малыя Росии Самодержцев подписал дьяк Афанасий [...]
справил Ивашка Богданов
[НА ТГИАМЭ. Тм кп 12849. Л. 1—10б.]

Предоставление жалованных грамот остяцким князьям «за службы дедов и отцов» и за личные службы широко вошло в юридическо-нормативную практику российской администрации в Сибири. Их содержание отражало суть отношений между центром (Москвой) и периферией (вогульским и остяцкими волостями) на различных этапах российской колонизации. Грамоты XVI—XVII вв. всецело регулировали взаимоотношения между администрацией, которая в лице воевод брала на себя обязательство «пужды их [вогул, остяков, самоедов] рассматривать и расправы над ними чипить вправ-

ду», и туземными князцами, что призывались «в государевом ясапном зборе радеть и прибыль... во всем чипить». По видимому, составлялись грамоты если не при непосредственном участии самих князцов, то с учетом их «нужд» и пожеланий [Перевалова 1999а: 156—161].

Утверждая княжеское достоинство и предоставляя право управления ясачными людьми, жалованные грамоты не давали местным князкам права неприкосновенности. В 1704 г. Березовского уезда Ляпинской волости князец Шеша (Шешка) Кушкиреев подал челобитную стольнику и березовскому воеводе Леонтию Хрущёву «об отпуске» его с Березова «к Москве для всяких нужд». 6 ноября 1704 г. Кушкиреев вместе с братом Оманом Слепым выехали в столицу, «для толмачества» с ними был направлен березовский казак Никифор Пастырев. В подарок Государю ляпинский князец вез с собой «две лисицы живыя седья, да две чернобурия» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 757. 1—2; Д. 763. Л. 55, 59—62]. Будучи в Москве, он направил челобитную государю с просьбой пожаловать их «своим государевым жалованьем против их братьей», так как «на Березове и дорогою едучи по городам поденного корму ничего не давано». И Шеше, и его брату были подарены одnorядки красные, и шапки собольи, и сапоги, «да павсякой расход денег» [РГАДА. Ф. 124. Оп. 5. Д. 763. Л. 55—61об.]. В 1709 г. под караулом в Березове оказались подозревавшиеся в измене и шатости князцы Анемка Васкин, Сантли Выртымков, а заодно и упомянутый Шеша Кушкиреев. По словам толмача Михайло Телицына, «Анемко да Алма Васкины дети» хотели «изменить, и Березов город взять, и вырубить». Сосьвинский и ляпинский князья Сантли Выртымков и Шеша Кушкиреев были привлечены к следствию, так как якобы знали о передаче лозвинскими остяками «жонки» в жертвы «шайтану... для измены». Алма Васкин, «сидя за караулом, посек себя топором до смерти», Анемко Васкин был «в застенке подыман на дыбу, и были ему стряски». Князья же до царского указа были отданы «на поруки градским жителям и лутчим людям» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1537. Л. 13—15об.; Сословно-правовое 1999: 63—64].

Выдаваемые остяцким князьям грамоты требовали «поповления». В 1753 г. по показной сказке в Москву для подтверждения княжеского достоинства были доставлены березовские князья: «Ляпинской волости князец Иван Шешкин..., Казымской волости за князца Степан Сетанзеев..., Куноватской волости вместо князца Ивана Данилова ясачный

Яков Жижимков... той же волости ясашный Яков Артанзеев». От Куноватской волости были рекомендованы два просителя — князец Иван Данилов, интересы которого представлял его тесть Яков Жижимхов (Жажимков)²², и Яков Артанзеев. Представители разных линий княжеской династии претендовали на власть: один на основании грамоты, данной его отцу Данилу Айхову, другой — его прадеду князю Лугую [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 6887. Л. 162—164]. Не исключено, что династическая линия Артанзеевых какое-то время локализовалась в Ляпинско-Сосьвинском бассейне. Неслучайно С. У. Ремезов отметил в районе впадения Сыгвы в Ремжу, в полудне «посуху» от резиденции князя Шешки Кушкилева, «юрты Артанъзеяры»²³. Юрты Жажисорские находились на небольшой р. Жажиморская, впадавшей в Обь несколько выше р. Куноватская [Чертежная книга Сибири 2003. Т. 1. Л. 8 (17—18); Т. 2: 75—78]. В делах Березовской воеводской канцелярии за 1755 г. в Куноватской волости фигурируют и Артанзеев, и Жажимков [РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2].

Несмотря на все попытки сохранить власть, большинство остяцких князей постепенно теряло свою самостоятельность. В этих условиях заметно повышается активность самоедов. В 1714 г. остяки Куноватской волости били челом государю и просили у обер-коменданта И. Ф. Бибикова защиты от нападений закаменной и пустозерской воровской самояди, разорившей Чюружские юрты и жаждавшей пойти на р. Ляпин. «Ради обережи остяцких волостей» велено было «послать березовских служилых людей 6 человек с ружьем» в Куноватскую волость и в Сынский городок. В 1716 г. жалобу в Березов и Тобольск на пустозерских самоедов, которые «пограбили... и 300 оленишков... отогнали, и в том грабеже одного человека... до смерти убили, а иных поймав взяли, и руки и ноги переломали и с собою возили», подал ляпинский князь Семен Кушкиреев. Он же сообщал, что те же самоеды, Ваюру Шиурзин и Леда Кудрин, хотели в том же году вновь напасть на остяков, которые, «боясь их воровского приходу», не смели ходить «на лешие промыслы и Вашего Величества ясаком промышлять». В 1717 г. «низо-

²² По данным 4—10-й ревизий, Жажимковы—Паланзеевы числились в Шангальском городке и то. Хорумпаульских Ляпинской волости, а Жажимховы (Зажимховы) — в Куноватском городке и ю. Кушеватских Куноватской волости (прил. II, табл. 2, 3; прил. VI, табл. 4).

²³ Фамилия Артанзеев, вероятно, восходит к слову *артанси* и означает «много-олесный».

вая воровская самоедь» приходила па Казым, ограбила остяков Юильского и Памытского городков [ПСИ. 1885: 35—34, 106—108, 170—171].

В целях охраны ясачных остяков от самоедов в Обдорске была установлена «годовая обережь», для которой высылались из Березова от 50 до 100 казаков, при крепости имелись пушки и мортиры [Дунин-Горкавич 1996. Т. III, прил. I: 3]. В 1742 г. в Обдорск были посланы «две пушки железные со станками и колесами калебировыя да при них дрови 300». В 1749 г. Обдорск оберегали 50 казаков при «годовщике сыне боярском» и 14 человек при пушкаре Иване Никитине. В 1761 г. сюда прислан березовский боярский сын Михайла Лихачев, «да казаков 20 человек с ружьем и амунициею и полные комплекты в лядунках патроны с пули». Березовская воеводская канцелярия предписывала Лихачеву: «Чтобы ты в бытность твою в Обдорске навсегда имел в команде своей от самоеди, а в случае и от остяков, яко от легкомысленных народов, крепкую, а особливо во время их приезде к платежу в казну ясака, предосторожность, и для того содержать в крепости достаточно с заряженным ружьем караул..., артиллерия бы всегда в исправности с припасами и служителями к ней стояла» [Герасимов 1909: 19—22]. В конце XVIII в. в Обдорске имелось пять дворов и деревянная церковь во имя Василия Великого. Остяки съезжались в город только зимой, где имели «для жилья подземельные юрты». «Для присмотру» над остяками и самоедами поставлен «один из казаков опекуном» и «один атаман» с 25 казаками [Паллас 1788: 25]. Во многом в целях защиты остяков от набегов немирных самоедов в первой трети XVIII в. были возведены Ляпинский и Юильский (Казымский) городки-близнецы [см.: Баландин, Вилков 1977: 271—272; Шашков 2003: 47].

По сообщению Ю. И. Кушелевского, против непокорных самоедов «в помощь остякам как племени, способствующему русскому правительству для введения в северной стране административного порядка», не раз посылались русские войска (казаки), и только с укреплением Обдорска самоеды «признали над собою власть русского правительства и остались в подчинении остяцкого князя Тайшина» [1868: 56—57]. В XVIII в. Обдорское княжество в какой-то мере повторяет судьбу Коды, постепенно становясь опорой Москвы в распространении административного влияния России среди кочевых северных остяков и самоедов. Политика управления самоедами, недоступными в своем кочевом быту русским, через посредство остяцких князей, на этапе военного утверж-

дения российской государственности была единственно возможной. Власть североостяцких князей, прежде всего обдорских Тайшиных, подкрепленная военной силой казаков, в течение нескольких веков удерживала в подчинении самоедов. Вместе с тем на протяжении XVI—XVII вв. нижнеобские остяки и самоеды не раз совместно выступали против российского управления, и даже в начале XVIII в. березовские самоеды в союзе с сургутскими остяками намеревались «взять город Сургут да Березов, а в них комендантов и грацких жителей побить всех до смерти» [ПСИ. 1885: 108].

«Оберегая отеческую веру»

В период военного утверждения российской государственности, при осаде остяцких городков и усмирении туземцев, казаки нередко уничтожали местных «шайтанов»: пушечным выстрелом был разбит знаменитый белогорский идол, казнены два остяцких шайтанщика, «припимавшие немалое участие» в березовском восстании 1607 г. Возможно, та же участь ожидала и демьянского, сидящего в чаше идола, и знаменитого Рачу, и «золотую бабу», которых искали, да так и не смогли найти казаки [см.: Миллер 1937: 243—244, 247, 267; 1941: 32—33; ПСРЛ. 1987. Т. 36: 40]. Однако до настоящей «войны с шайтанами» оставалось еще более столетия. На этапе военных захватов туземных земель (до начала XVIII в.) российское государство не стремилось к конфессиональному подчинению язычников. Крещение видных лиц, желавших перейти из язычества или магометанства в христианство, производилось только в Москве. Добровольно крестившихся ясашных людей полагалось «государскою милостью обнадеживать», «держатъ ласку и привет», «устраивать в государеву службу», определяя денежное и хлебное жалование, «а будет кто из них женского пола, женки или девки, похотеть креститься, и тех женок и девок велеть крестить, и выдавать замуж за новокрещенных и за русских служилых людей» [ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 2. Л. 8об.; Иринарх 1912. № 1: 41; Главацкая 1992: 18].

Первыми на принятие христианской веры решились кодские князья [Новицкий 1884: 73]. Прежде всех был крещен родной брат Алача, нареченный Георгием (Юрием), а возможно и сам Алач. В 1599 г. в Москве приняли крещение мать князя Игичя Алачева и один из его сыновей, получившие имена Анастасии и Петра. Новокрещенные били челом государю о разрешении строительства в их вотчине Коде храма «со всем цер-

ковным строением», посчитав необходимым попросить из Березова «для бережения» русских людей «с огненным боем человек по десяти и по пяти-натцати». Вслед за княгиней Анастасией и князем Петром для принятия святого крещения в Москву отправился сам Игичей, чтобы «быть с матерью своею и с сыном в одной вере». В 1603 г. были крещены жена Игичея Анна Пуртеева и его сыновья, нареченные Григорием, Михаилом и Иваном. Кроме храма Живоначальной Троицы с приделом во имя св. Николая Мирликийского, в Коде была выстроена еще одна церковь — во имя св. Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев. Однако вскоре оба храма были закрыты из-за отсутствия прихода [РИБ. 1875. Т. 2: 152—153, 172—173; Миллер 1941: 21, 154—155; Морозов, Пархимович, Шашков 1995: 117—118].

Принятие христианства кодскими князьями основывалось на желании Алачевых упрочить свою административную власть. Распространение христианства на начальных этапах ограничивалось лишь кругом княжеской семьи. В начале XVII в. Московское правительство относилось к вероисповеданию властителей Коды весьма индифферентно: часть княжеского рода оставалась в язычестве, было сочтено возможным возвратить Онже Юрьеву фамильный «палтыш-болван» (изъятый в казну), которым прежде его брат Игичей «княжил и остяками владел» [Миллер 1937: 416; Памятная книжка 1881: 55]. Принявшие христианство князья осуждались сородичами, в частности о князе Михаиле Алачеве сообщалось: «а которое-де иноземцы его, князь-Михаилово, племя, живут в басурмановой вере» «племя отца его, князь Михаилова, и братию его, и его, князя Михаила не любят и на них негодуют с тех пор, как они крестились в православную веру» [Бахрушин 1948: 277].

По-видимому, тем же мотивом — сохранением власти — руководствовались при принятии христианства и обдорские князья. Первый из них, нареченный Василием, был крещен в Москве в царствование Федора Иоанновича, когда «по делам управления вверенного ему народа, имел надобность быть в Москве» (в 1600 г.)²⁴. Тобольскому епархиаль-

²⁴ Иринарх сообщает о принятии христианства в Москве обдорским остяцким князем по имени Василий около 1591 г. [1911. № 22: 417]. А. Т. Шашков полагает, что христианское имя Василий получил плененный в ходе русской карательной экспедиции 1596 г. и крещенный в Москве обдорский князь, потомок Кутыгса [2000а: 7—9].

ному гражданскому начальству было предписано устроить в Обдорске храм [Герасимов 1909: 35]. В 1602 г. в Обдорской крепости была освящена церковь во имя св. Василия святителя Кесарии Каппадокийского [Иринарх 1906: 2–3]. Однако преемники обдорского князя, сын Мамрук и его потомки (Молюк, Ермак, Гында и Тучабалда), оставались язычниками [Абрамов 18576: 336].

В 1630-х гг. в Москве были крещены представители кодского княжеского семейства Лобан (Никифор) Алачаев и его внук Петр. В 1633 г. по государеву указу и патриаршей грамоте в Тобольске приняли крещение мать его княгиня Анна, жена княгиня Агафья и двое сыновей, Семен и Исидор [ПСРЛ. 1987. Т. 36: 150, 153–154; ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 43. Л. 18об.]. Из кодской княжеской династии оставался преданным языческой вере только Чумей Купландеев, приходившийся двоюродным братом князю Игичею. В Кодском городке находились «храм Николы Чудотворца, а в церкви образы, и книги, и колокола, и всякое церковное строение». В том же селе располагались «князь Дмитриев двор, да попов, да дьячков, и проскурнин, и дворовых его крещеных и некрещеных остяков дворы, а некрещеных остяков дворов больше». Для несения служб посылали «к той церкви попа ис Тобольска» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 221. Л. 200].

С падением власти Алачевых Кодский городок и церковь пришли в запустение. Кодские остяки во главе с Сатаром Чумеевым просили вывезенные в Тобольск образы с окладами и церковную утварь отправить в Березовский храм, так как ту церковь они с князьями Михаилом и Дмитрием вместе ставили, «церковное строение покупали» и украшали. «Живот» Дмитрия Алачева — два пивных котла, сосуды «тагарские», сундуки и короба, луки «бухарские», 50 стрел пушных и 40 панцырей — предлагали вернуть или «взять на государя». «Креститься» хотели «на Березове», а не в Тобольске [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 376. Л. 168–170]. В 1654 г. по настоянию остяков четырнадцати кодских волостей Алачевских и ходатайству Сибирского архиепископа Симеона в Коде был основан Троицкий (Кондинский) монастырь для «распространения в здешнем крае христианской веры» [Абрамов 1851: 9–10; Описание 1982: 165; см.: Морозов, Пархимович, Шашков 1995: 117–122]. В конце XVI — начале XVII в. в православную веру были обращены ляпинский князь Петр Куланов с сыном Антоном, казымский князь Богдан, сыновья куноватского князя Артанзея Лугуева Даниил и Яков.

Первые шаги по распространению русского православия среди туземцев Северного Приобья ограничивались крещением представителей политической элиты и созданием отдельных христианских центров. В то время внимание новой администрации было приковано к военно-политическим акциям. Лишь через столетия после падения самых могущественных княжеств державная политика направилась в новое русло — началась массовая христианизация инородцев Западной Сибири.

В 1704 г. сибирский митрополит Филофей Лещинский совершил поездку по Оби, в ходе которой ему были представлены ляпинский князь Шекша и обдорский князь Тучабалда, обещавшие креститься по велению государя. Грамотой Сибирского приказа ноября 1706 г. и указом от 2 декабря 1706 г. повелевалось березовскому воеводе призвать двух остяцких князей Шешку (Шекшу) и Тучабалду, чтобы спросить их о желании принять христианскую веру, «но силою не крестить» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2499. Л. 7—7об.; Абрамов 1846: 3]. Для крещения предписывалось прислать остяцких князей в Тобольск на Софийский двор, и «если пожелают, то обнадежить их царскою милостью и жалованьем и объявить им, что они будут владеть своими улусами и людьми по-прежнему» [Иринарх 1912. № 2: 87]. «Князцы, однако, отказались от монаршего приглашения» [Герасимов 1909: 30]. В конце того же года государь поручил митрополиту Филофею или назначенным от него монахам и священникам ехать к осяткам и вогуличам с проповедью евангельскою, и «все кумиры и кумирницы, где только будут найдены, сожигать и истреблять, и на их местах строить церкви, часовни и ставить иконы». Самих осятков и вогулов «от мала до велика крестить». Тем, «которые пожелают креститься, сложить все прежних годов недоимки (по ясаку) и выдавать из казны кафтаны, рубашки и хлеб». Митрополиту и прочим духовным лицам, которые отправлялись для крещения, было предписано «требовать от гражданского начальства летом судов, а зимой подвод, проводников, толмачей и обороны». Отбывшие в 1707 г. миссионеры митрополита Филофея успеха не добились: «немногие из осятков согласились креститься», большинство «по привязанности к вере своих отцов и дедов о новой для них вере и слышать не хотели, и миссионеров принимали и провожали с ожесточением» [Сулоцкий 1915: 30].

«Новая грамота» Петра I²⁵ (1710 г.) гласила:

Выбрав по своему рассмотрению из монахов, или священников, чело- века доброго, и велеть ему ехать вниз по великой реке Оби до Березова и далее, и где найдут по юртам остяцким их прелестные мнимые боги шайтаны, тех огнем палить и рубить и капища их разорить, а вместо тех капищ часовни строить и святые иконы поставляти, и их остяков приводить ко крещению; ...и которые остяки малые и великие веруют и крестятся, тем... ясачные доимки все оставлять указали и впредь не спрашивать... А если возможно, то того ради исправления, и самому тебе богомольцу нашему ехать в вышеписанные места и приводить тех идолопоклонников ко истинной, ко христианской вере. А ко крещению им кафтаны белые и рубашки из нашей казны и хлеб, по рассмотрению, также давать указали. А если кто остяки учинят противность сему нашему великого государя указу, и тем будет казнь смертная.

[ПСИ. 1882: 413—414]

В июне 1712 г. Филофей Лещинский, снабженный от Сибирского губернатора князя Матвея Петровича Гагарина судном, гребцами, толмачами, дюжиной казаков для охраны миссии, суммой в 2000 рублей и подарками для «новокрещенцев», лично отправился с евангельской проповедью к березовским осяткам. Местным властям были разосланы предписания всячески содействовать миссии и «собирать инородцев в приречные места» [Сулоцкий 1915: 32—33]. Так началась «эпоха Филофея Лещинского» — период насильственной христианизации Западной Сибири [Головнёв 1995: 90].

Первые походы (1712—1713 гг.) крестителей были предприняты в южные районы березовских земель, в частности Коду. В ходе поездки Филофей Лещинский (схимонах Феодор) «преимущественно занимался истреблением предметов идолослужения: всюду от самого Тобольска и до Березова сокрушались идолы, пылали кумиры и кумирницы и истреблялась их утварь», были преданы огню Обской старик, Медный гусь, Ортик, и крещено три тысячи пятьсот остяков, для которых «реки Иртыш, Обь и их протоки послужили... Иорданом». Узнав о приезде миссии Феодора, остяки разошлись «по урманам..., сорам и разным протокам». Убежищем остяков-язычников стали обдорские тундры: «около

²⁵ По утверждению Н. А. Минско, непосредственного отношения к составлению указов 1706 и 1710 гг. Петр I не имел, автором их был глава Сибирского приказа, а позднее первый сибирский губернатор М. П. Гагарин [Очерки 2000: 214—217].

ста человек жителей Малого Атлыма, по предварительному убеждению шамана своего Подемхи, выехали с ним навстречу схимнику и все 6 августа охотно крестились, кроме тридцати человек, которые заранее убежали за Обдорск, в Воксарковы юрты, и там поселились» [Абрамов 18576: 11—14; Сулоцкий 1915: 38—42]. В Кондинске принял крещение остяцкий князь Алачев с 13 другими членами своего семейства и рода. Узнав о том, что крещение Руси, прежде тоже поклонявшейся идолам, началось с Киева, Алачев при содействии Ф. Лещинского и князя М. П. Гагарина отправился в «колыбель русского православия» и возвратился в свои волости «не без пользы, как для себя, так и для своих подчиненных» [ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 48. Л. 17об.].

В ходе третьего похода (1714 г.) к березовским осякам, «для удобнейшего распространения Христианства в обширном Березовском крае», Филофей Лещинский «прежде всех присоединил к святой церкви» югорских князьков: Подгородной волости — Никифора Еурова, Казымской — Дмитрия Юзорина, Куноватской — Игора Данилова, Ляпинской — Матвея Шекшина, Сосьвинской — Петра Османова. Наряду с ними, «в Сосьве, как бы в Иордане», вместе со своей женой был крещен и обдорский князь Тайша Ёндин, нареченный Алексеем. Собранные «заблаговременно» из окрестных мест (Сосьвы, Ляпина, Казыма и Куновата) осяки и вогулы «принимали крещение без сопротивления» [ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 48. Л. 23об.; Абрамов 1951: 15, 19576: 336]. Для обращения в христианскую веру осяков, живших по Оби ниже Березова, были отправлены священники, «которые данное им поручение исполнили с успехом: крестили множество и истребили всех идолов, каких только нашли» [Сулоцкий 1915: 49].

К середине XVIII в. основная часть остяцкого и вогульского населения Березовского края была крещена [Огрызко 1941: 48; Миненко 1975: 265]. Согласно указу государя и приказу губернатора Сибири князя М. П. Гагарина от 1713 г., «велено новокрещеным осякам, которые близ Березова, построить церкви Божьи, в каждой волости сделать по церкви» [ПСИ. 1885: 22—23]. Вскоре на березовской земле были заложены и построены церкви: в Казымском городке — Успенская, в Ляпинском — Богоявленская, в Сосьвинском (Сартыньинском) и Кушеватском городках — Христорожественские²⁶. Выстроенные на местах языческих ка-

²⁶ По списку церквей 1734 г. в Сосьвинской волости значилась церковь Успенская, а в Ляпинской — Воздвижения Честнаго Креста [Книжные сокровища 2003: 411].

пищ православные храмы подвергались нападениям со стороны остяков и нередко сжигались [Абрамов 1846: 7—8; 18576: 347].

Некрещеными, в силу удаленности и недоступности тундр, оставались остяки и самоеды, проживавшие за Обдорском. В 1717 г. березовскому сыну боярскому Никифору Палтыреву приказано было отправиться из Березова в Обдорскую волость по случаю прибытия туда Феодора для крещения. А остякам повелевалось быть «в готовности, чтоб они, остяки, никуда не разъезжались... и в Обдорском городке... все были в собрании» [ПСИ. 1885: 179—180]. Однако даже личное посещение Обдорска Филофеем Лещинским в 1717 г. не повлияло на «крепких в язычестве» обдорских инородцев, и «его святое намерение приобщения к христианской вере обдорян оставалось безуспешным». «Остяки, возмущенные против святителя своим князем Тайшиным Гындиным, не допустили его даже сойти на берег» [ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 45-а. Л. 1об.—2]. Вслед за этим последовал указ из Тобольска в Березов «о взятии обдорского князя Тайши и о присылке в Тобольск» [Актовые источники 1993: 213]. Однако, несмотря на принятие христианства, Тайша Гындин оставался ярким приверженцем язычества.

Обдорский городок оказался границей христианского и языческого миров. На севере Западной Сибири сложился идеологический союз обдорских остяков и самоедов, совместно выступавших против крещения и крещеных соплеменников. В 1718 г. при содействии обдорского князя Тайши Гындина к крещеным остякам соседних волостей был отправлен отряд из самоедов и княжий брат Микишка, «чтобы отомстить новокрещенцам за измену язычеству». Над крещеными самоедами и остяками учинялись жестокие расправы: в Ляпинской волости «двух человек убили до смерти, и над теми убиенными надругались, груди спороли и тайные уды отрезали и им клали в уста». Брату своему обдорский князь наказывал: «Где де увидите ляпинского князя Семена, и его де поднимите на копья, а крови де его на пол не роняйте, тут де его и смерти предайте, для того де: почто де он прежде нас крестился». И «великая беда починилась, а над женами и детьми нашими наругались и в снег бросали нагих..., и пограбили без остатку». Ляпинский князь был настолько напуган, что просил его отпустить в Тобольск [ПСИ. 1885: 181—182; Головнёв 1995: 104—105].

В 1720 г., по ходатайству митрополита Филофея Лещинского, от уплаты всяких сборов и податей было освобождено новокрещеное насе-

ление Западной Сибири, сборы возобновились только в 1726 г. [Герасимов 1909: 61]. Несмотря на послабления, самоедские рейды против неверных прокатились по всему Березовскому округу. Куноватский князь Игорь Данилов доносил березовскому коменданту полковнику А. Инглису, что «в прошлые годы и в феврале 1722 г. приезжали к ним обдорские самоеды: Терева и Кельта Сынгуруевы, Кельта Пунзумин и Гайча Хапуев с многими другими, грабили и убивали крещеных остяков. Вслед за ними приезжали... более 120 самоедов под предводительством Ванюты Молдева, ограбили жителей, угнали 700 оленей и убежали к берегам Ледовитого моря». В том же, 1722 г., самоедами Нарта и Питича со 130 единомышленниками был совершен новый набег на ляпинских крещеных остяков князька Семена Матвеева. Вокруг княжеского городка был разведен огонь, церковь и жители городка ограблены, некоторые из них убиты, а трупы изувечены. Двигаясь по р. Ляпин, встреченных крещеных остяков убивали, снимали с них кресты, крепили к концам хорев; святые иконы волочили по земле, привязав к нартам [ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 48. Л. 37—37об.; Абрамов 1851: 20].

В те же годы самоеды рода Аню-Карачейского приезжали в Подгородную волость и убили князя Никифора Еурова: «самого во многих местах копьями изранили и над телом разные поругания делали», а затем отправились в Куноватскую волость, ограбив Нахрачевские и Жижимховские юрты, где «убили несколько остяков с обычными поруганиями и варварством». В связи с этими событиями березовскому воеводе было предписано охранять остяцкие волости от самоедов, и по разным местам были разосланы казаки. Из «лучших» самоедов были взяты аманы с Каменной и Низовой стороны. Только после этого набег на «неверных» прекратились. За свои «злодеяния» Терева и Кельта Сынгуруевы, Кельта Пунзумин и Гайча Хапуев с сообщниками были наказаны кнутом, а главные зачинщики повешены: Пунзы Тыровов и Немда Юмин — в Обдорском городке, Харка Лявов — в Казымском, Обиндя Хапуев — в Ляпинском. «Главным возмутителем, но в тайне» назывался Тайша Гындин, который не только «отклонял остяков от принятия крещения, но еще насылал самоедов, чтобы они грабили и убивали крещеных остяков по всему Березовскому округу» за то, что «они изменили вере отцов» [ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 48. Л. 37об.; Абрамов 1946: 16].

Севср, отклонивший православную веру, вызывал особое беспокойство Филофея Лещинского. В 1726 г. схимонах Феодор предпринял новое

путешествие к Обдорску, но «остяки и самоеды в числе ста человек под предводительством Митры Каптылева и Кунема и Мели Бударевых, по внушению Тайши Ёндина, долго не позволяли ему пристать с судном у их летних юрт, и когда пристал он и начал убеждать оставить идолов и поклоняться истинному Богу, кричали на него, ругали его, и наконец стреляли в него и его спутников из луков, так что старец должен был оставить Обдорск и возвратиться обратно» [Герасимов 1909: 32—33]. Обдорские остяки и самоеды «с необыкновенным упорством держались язычества, и никто из них не принял христианства». Как отмечали сами священники, «особливо... суеверства и превращения в идолопоклонство происходят от некрещеного остяцкого князца Мурзина и от прочих его родственников», на коих местные остяки «упование свое возлагают» [Книжные сокровища 2003: 419—422]. В 1726 г. был крещен строптивый преемник князя Алексея — Мурза Тайшин, нареченный Василием. Однако «язычество в обдорском крае цвело и укреплялось» [Иринарх 1906: 3—4].

В начале 1740-х гг. принимает крещение сын казымского князя Юзора Райдукова, Дмитрий. По донесению в Сибирский приказ из Сибирской губернской канцелярии, прибывшие из Березова в Тобольск «ясачные новокрещены князцы Дмитрий Юзорин с товарищи» «объявили... в презент ко двору Ее Императорского Величества десять чернобурых лисиц», кои были направлены в Тобольскую рентерею, а затем в Москву, однако при перевозе «через реку Туру меха были подмочены». Новокрещеным князцам же велено было «учинить награждение» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 4064. Л. 1—2об.].

В 1742 г. в Тобольске принял святое крещение Василий Мурзин Тайшин (внук Тайши) [Абрамов 1857б: 336]. Его крестным отцом был губернатор А. М. Сухарев. Пожалованный «за добровольное пожелание» «веру православную содержать» красным кафтаном, двумя рубашками князь при отъезде просил построить в Обдорске церковь и дать священника «для наставления в христианской вере». По возвращении князя Василия и протопопа в Обдорск были крещены его мать, брат Павел, жена, «дети мужска полу двое, женска трое, всего восемь человек». Князь получил подтверждение своего права «кулусными людьми владеть по-прежнему», а остальные новокрещенцы — причитающиеся подарки и льготы в ясачном платеже. Обдорские же остяки встретили своего крестившегося князя недружелюбно — «чуть не убили как князя,

так и протопопа с проводниками» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2499. Л. 1—10; ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 43: 28—28об.]. В 1746 г. указамии Екатерины II и Сибирской губернской канцелярии остякам Обдорской волости предписывалось, чтобы они от «отшатства своего и непокорства воздержались и приняли бы святое крещение без всякого опаства». Остяки святое крещение от прибывшего протопопа Михайлова принять не пожелали и объявили, что «православной христианской веры закона им не держать, ибо де кочуются они в тундре в отдаленных... местах, а в Обдорск приходят к ясаку на время, а летом де бывают в лесах... человека по два... и едят всякое нечистое и пропастину». Виновные же «за множеством людей наказывать себя не дались», а главный возмутитель Григорий Едышка до прибытия пристава «уехал в отдаленные тундренные места» [РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 1. Л. 401].

В августе 1746 г. по случаю крещения обдорского князя с благословения митрополита Анатолия Нарожницкого в Обдорске была заложена новая церковь. Указом Ее Императорского Величества годовщику Обдорского острога Лихачеву повелевалось:

Сего июня... 1747 году, отправлена из Березова вниз по Обе реке с березовскими казаками Осипом Редозубовым с товарищи с шести человеки покупная здесь к строению в Обдорску, где новокрещеный князец Василий Тайшин жительство имеет, церкви во имя святого Василия Великого; того ради по приплаве оной барки под городок велеть тебе, определенными при тебе казаками, оную барку изломать и вытаскать на гору безоговорочно (а ежели которые в Обдорске имеются снасти пеньковые и мочальные прислать сюда немедленно), а годовщику Лихачеву о вышеписанном чинить по сему.

[НА ТГИАМЗ. № 88. Л. 2]

На строительство новой церкви выделялось не менее 100 рублей, а для ее оснащения — огромное количество икон, образов, крестов и прочей церковной утвари. Священником был назначен Федор Кузнецов; всем священнослужителям и толмачу князца определено хлебное и денежное жалование. Кроме того, предписывалось направить из Березова в Обдорскую волость «пристойное число служилых казаков» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2499. Л. 4—6, 10—11]. В 1751 г. храм был освящен во имя св. Василия Великого с приделом Николая Чудотворца. По указу императрицы Елизаветы «велено выдавать на пару каждому окрестившемуся остяку сукна светлоголубого и василькового по 8 аршин, на под-

кладку крашенины по 22», «остячке же на сарафан по 2 кумача, на подкладку крашенины 20, холста на рубахи 16 аршин». По замечанию П. Словоцова, «такого благоволения к новокрещенным не бывало и во времена митрополита-схимонаха» [1844: 94].

Укрепление христианской веры в осятках строилось на увеличении числа надзирателей за «новокрещенцами», проведении массовых следствий по делам об «идолопоклонничестве», истреблении «шайтанов», публичных наказаниях за приверженность языческим «кумирам». В 1723 г. у осятков Березовского уезда было изъято 1617 деревянных и железных «болванов». С 1725 г. в уезде действовали два светских надзирателя: в ведении Карла Эска (Карпа Андреева) состояли новокрещенные Казымской, Куноватской и Сосьвинской волостей, в подчинении Кирилла Берха — осятки Кодских городков. Многочисленные следствия, проводимые Тобольской духовной консисторией, свидетельствуют о неустанном рвении надзирателей и местного духовенства в искоренении «злочестия» новокрещенцев [см.: Очерки 2000: 231–241]. В 1753 г. по доношению Обдорской волости священника Алексея Наркова было возбуждено дело «о покупке Обдорского городка осятками у новокрещенных Подгородной волости Чалкиных юрт двух жеребят для приношения в жертву». За продажу «заведомо на убиение в жертву сатане двух жеребцов» над новокрещеными есаулом Алексеем Игнашкиным и Никитой Легомовым с детьми «на страх другим» было учинено «при собрании прочих новокрещенных осятков» «публичное жестокое с барабанным боем гражданское наказание». Подгородной волости осятки были биты плетью «нещадно». Некрещеных обдорских осятков Егоруку Абакова и Севоеву Зайкина «обязали крепкими подписками» и отпустили. Во время положения ясака «при собрании Обдорской волости князца» их жестоко наказали плетью «на страх другим, чтоб вперед того чинить и другим было неповадно» и «под страхом смертной казни» взяли подписку — без ведома властей в Березов и Подгородной волости юрты не являться. Священникам было «велено тайным и явным образом наведываться между крещеными», где будут найдены «у новокрещенных шайтаны или шайтанские кумиры и богомерзкие чтилища оное со всеми прикладами сжеч», а отступивших «в прежнее злочестие и суеверия» жестоко наказывать кнутом. В Нагакарском и Шоркальском городках Березовского ведомства были привлечены к ответственности более 60 крещенных осятков [РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–11]. В юрты Обдорской,

Куноватской, Казымской, Ляпинской, Сосьвинской, Подгородной волостей был отправлен отряд казаков во главе с пятидесятником Иваном Усковым, которому предписывалось «в каждой юрте, где новокрещенные остяки живут, осмотреть самолично, не имеют ли те у себя богомерзких идолов и шайтанов», а «в тех юртах, где они жительствоуют с некрещеными, то велено запретить, чтоб они при них не жили». Однако, опасаясь «побегу... за Камень, как то учинили самоеды», Ускову строжайше повелевалось «ясашным обид и притеснений не чинить», «никаких подарков и взятков» не брать [РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 76—91об.].

Усердие борцов за чистоту христианской веры не было бескорыстным: в 1742 г. казымские, куноватские и сосьвинские остяки подали жалобу на «чинившего грабительства» Карпа Андреева; в 1759 г. обвинялся в «нерадивом отношении к своим пастырским обязанностям и взяточничестве» березовский протопоп Андрей Васильев; в 1772 г. поступил донос сосьвинских остяков о вымогательствах священников Афанасия Рещикова и Афанасия Лигасева. Чрезмерно активные действия духовенства, «неослабное понуждение» остяков и вогулов вызывали возмущение и негодование даже у сургутского и березовского воевод. В 1764 г. по указу Екатерины II в Тобольской епархии вводились должности миссионеров-проповедников, призванных заниматься обращением в православие оставшихся в «неверии» и «утверждать» веру в новокрещенцах [см.: Очерки 2000: 231—241; Книжные сокровища 2003: 418—423].

В конце XVIII в. из-за прокатившихся волнений среди инородцев восточной части Европейской России, где распространились слухи о предполагающейся насильственной христианизации, постановлением Сената (1789—1799 гг.) дальнейшие действия проповедников на Севере были приостановлены [ТФ ГАТО. Ф. 144. Д. 45-а: 2об.—3]. Устав 1822 г. вводил свободу вероисповедания для кочевых и бродячих инородцев. Населению, не принявшему христианской веры, позволялось «отправлять богослужение по их закону и обрядам». Российское духовенство обязывалось в обращении инородцев в христианскую веру «поступать по правилам кротким, одними убеждениями без малейших принуждений», а земское начальство — «не допускать стеснения инородцев» [Устав 1822: 34—35].

Несмотря на то, что с 1714 г. все обдорские князья приняли крещение, княжеский род Тайшиных оставался приверженцем старой веры.

В деле об инородцах Березовского края, «намеревающихся во время Обдорской ярмарки учинить бунт» (1826—1828 гг.), зачинщиками волнений названы остяки Ендырских юрт (входившие в род *Канась ёх*) и поддерживавшие их самоеды. Поводом к смуте послужило распространение слухов о намерении «насильно крестить» обдорских остяков и самоедов и о наложении на них новых повинностей. Слух пришел из Архангельской губернии и не был безосновательным [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 41. Д. 8. Л. 2—2об., 33об.]. Миссия архимандрита Вениамина (по отчету 1830 г.) «в Большеземельской тундре обратила в христианство почти всех самоедов, за исключением 500—600 человек, уклонившихся от крещения и скрывшихся за Урал, т. е. перекочевавших в область тундр Обдорских» [Иринарх 1913. № 7—8: 242]. Остяки и самоеды были настроены воинственно: по словам крещеного остяка Подгородной волости Амчугова, ханты Ендырских юрт за то, что их «хотят крестить и какие-то наложенные на них деньги будут требовать», решили денег не давать, а «когда к ярмарке съедутся в Обдорск, то русских до смерти всех побьют», а заодно и тех инородцев, которые «волосы на голове по-русски носят» [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 41. Д. 8. Л. 3, 28об.—29].

Стойкость обдорских остяков в приверженности к язычеству была настолько сильна, что игумен Иринарх отметил «замечательное явление»: «чем ближе инородцы проживают от сел и поселков русских и зырян, тем упорнее они держатся язычества». Иринарх приводил в пример юрты Пащерские (Пащерцовы), самые близкие от Обдорска, «в которых почти нет христиан и поклонение камню, дереву, разным куклам, земле, воде и проч. процветает во всей силе». Сам он объяснял этот факт «насмешками над религией инородцев со стороны русско-зырянского населения, часто глумящегося над вероучением инородцев и оскорбляющего их покражами шайтанов» [1909. № 9: 404]. Обдорский городок и соседние юрты Пащерцовы выступали в роли политического и религиозного центра Обского Севера. По сообщению Ю. И. Кушелевского, около ю. Пащерцовых была заключена «клятва вечного мира» между остяками и самоедами, скрепленная человеческой кровью и совместной трапезой у священной лиственницы, на обрубленной вершине которой были оставлены остатки жертвенной пицци [1868: 54]. Обдорский городок прежде был резиденцией местного княжеского рода, и здесь, на Ангальском мысе, «находилось знаменитое языческое капище остяков», названное Иринархом «оплотом древней веры остяков

и самоедов»²⁷; «здесь обсуждались вопросы войны и мира с воинственными тогда самоедами», отсюда в свое время давался «отпор русской колонизации» [1910. № 2: 71; № 4: 183].

В декабре 1828 г. было высочайше утверждено решение об открытии в Обдорске специальной миссии²⁸. Весной 1832 г. миссия в составе отца Макария Боголепова, воспитанника Тобольской духовной семинарии Луки Вологодского (хорошо знавшего остяцкий язык), послушника и толмача отправилась из Тобольска в Березов. Однако «весьма влиятельный среди инородцев князь Тайшин», пользуясь своей властью, «воспретил язычникам приходить в миссию, а подчиненные ему остяцкие и самоедские старшины силой удерживали своих сородичей от крещения». Вследствие упорного сопротивления инородцев, поддержанных «в языческом фанатизме» князем Матвеем Тайшиным, проповедники Обдорской миссии (1833 г.) вернулись в Тобольск, окрестив за восьмимесячный период своей деятельности лишь 17 человек. Как отмечает Иринарх, то были инородцы, «предшествовавшей жизнью среди русского обдорского населения подготовленные к восприятию крещения». Вследствие прокатившихся в конце 1820-х — начале 1840-х гг. массовых выступлений обдорских остяков и самоедов против насильственной христианизации местным священникам было строго запрещено крестить инородцев «без предварительных сношений о том с Березовским Духовным правлением». «Исключительное право свершения над ними крещения» было предоставлено березовскому протоиерею Кайдалову [ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 45-а. Л. 4—8об.].

В 1854 г. вновь последовало высочайшее повеление «об обращении к христианской вере... заобдорских остяков и самоедов». Вскоре была возобновлена деятельность Обдорской духовной миссии, имевшая целью «просвящение светом Христова учения инородцев крайнего Северо-За-

²⁷ В XVII в. знаменитое капище на Ангалском мысе было перенесено ниже по Оби после того как в резиденции обдорских остяцких князей была построена церковь [Иринарх 1910. № 2: 71; № 4: 183]. Лысая гора (*Вурты сангам* — 'Кровавая возвышенность') близ Горнокнязевска стала наследницей святилища княжеского рода.

²⁸ Еще в 1823 г. в Обдорске была выстроена новая деревянная церковь (взамен обветшавшей старой), главный престол которой был посвящен апостолам Петру и Павлу, а приделы — св. Василию и И Николаю Чудотворцу. По замечанию Иринарха, «посвящение главного престола св. Петру и Павлу, считающимися покровителями рыбарей», свидетельствовало о начале развития рыбопромышленности [1913. № 2: 77].

пада Сибири остяков и самоедов, кочующих по бассейну реки Оби и на полуострове Ямал». Для крещения инородцев в Обдорск из Тобольска была доставлена походная церковь с иконой Николая Чудотворца. Миссионерам было предписано «остяков и самоедов некрещеных всемерно стараться кроткими увещаниями располагать к принятию крещения», каждому новокрещенцу выдавать крест и рубашку [ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 45-а. Л. 14, 17, 19об.—20; Ф. 152. Оп. 27. Д. 157. Л. 5об.]

Главное внимание миссионеров было обращено на «привлечение к себе обдорского остяцкого князя Ивана Матвеевича Тайшина, пользовавшегося среди инородцев большим уважением и влиянием», но первые же встречи с князем «убедили их в тщетности привлечения к себе этого почетного у обдорских инородцев лица». Князь, будучи крещеным, не только «постоянно избегал исполнения христианских обязанностей» и «явно покровительствовал язычеству», но и оказывал открытое сопротивление Обдорской миссии. Миссионера иеромонаха Аверкия князь не пустил в свои юрты. «Нарядившись в новопожалованные государем платья и отличия», он встретил прибывшего для обращения идолопоклонников в христианскую веру отца Аверкия на береговом яру. При этом Тайшин заявил, что при встрече в Москве ни царь, ни архиерей ему «относительно крещения остяков ничего не говорили» и никаких бумаг не присылали. Затем повелительно сказал: «Ступай назад в Обдорск, я остякам креститься не велю и тебе подвод не дам». При этом князь «как мог, ругал миссионера». Казака, сопровождавшего его, «ударил собственноручно по носу, а другой раз по губам, и разбил их до крови». Остяки, которых было около 70 человек, по примеру князя, злословили, намеревались побить миссионера и не соглашались везти его до Пащерцовых юрт. Старшины, оказывавшие малейшее содействие миссии, тотчас же попадали в немилость: услуживший священникам Петру и Дмитрию Поповым старшина Ендырских юрт Ер Рынымов был отстранен Тайшиным от занимаемой должности, и «только особым распоряжением генерал-губернатора Г. Х. Гасфорта, Еру Рынымову были возвращены отнятые у него обязанности инородческого старшины». Имевший свои счеты с князем обдорский заседатель Ю. И. Кушелевский, пользуясь случаем, «заковывает князя Тайшина в кандалы и сажает его в инородную управу». За превышение власти Кушелевский попал под суд. Высшая российская администрация, зная, «что князь Тайшин пользуется влиянием на подчиненных ему остяков и самоедов», относилась к «про-

ступкам» князя «снисходительно» [Иринарх 1906: 30—33, 1913. № 19: 549; ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 45-а. Л. 34—37].

Обдорским миссионерам пришлось сменить тактику. Для разъездов проповедников с походной церковью было решено завести оленье стадо, несколько чумов и лодку с гребцами. Во время сбора бродячих инородцев в Обдорске на ярмарке предполагалось «с должной осторожностью» предупреждать самоедских старшин и почетных родоначальников «о предстоящем посещении миссиею их стойбищ», и объявлять им, что транспорта миссия требовать не будет [ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 45-а. Л. 38об.—39, 47—47об.]. Миссионерами с походной церковью были совершены объезды ближайших к Обдорску остяцких юрт. В Обдорском городке с населением около 100 человек, «при согласии остяков, была расставлена церковь и... были совершены всеношное бдение и литургия», «после литургии был сделан крестный ход вокруг юрт» и святилица. Сам князь, Иван Тайшин, нес икону Богоматери, за ним «с боязнью» следовали остяки. С проповедями миссионеры проехали по юртам Кеухат-Пугорским, Вульпослипским, Паццерцовым. В ходе поездки крещены были только двое детей, но священник Петр Попов радовался уже и тому, что «князь Иван Тайшин теперь, по крайней мере, открыто не вооружался против миссионеров» [Иринарх 1906: 41—44]. Последующие визиты к несклонным «к слушанию проповеди Слова Божия» заобдорским остякам носили характер «холодных приемов». Об одном закоренелом язычнике князь Тайшин рассказывал, что остяк Польсь, будучи с ним в С.-Петербурге в 1854 г., «не согласился окреститься, несмотря на предложение ему об этом Государя Императора» [Путевые журналы 2002: 15, 48, 56—57, 102, 136, 153, 181—183].

По мнению тобольского гражданского губернатора А. И. Деспот-Зеновича, распространению христианства среди самоедов могло бы способствовать выведение их из подчинения остяцкому князю Тайшину — «закоренелому приверженцу шаманства». Губернатор отмечал, что «многие из самоедских старшин желают ехать в Петербург, чтобы там креститься», «в случае назначения особого самоедского князя, он не замедлил бы принять христианскую веру, и, вероятно, стал бы ревностно содействовать распространению ее между самоедами», а «один из обдорских священников мог бы... находиться с походною церковью при чуме самоедского князя». Деспот-Зенович считал, что «если язычество и держится между самоедами, то только вследствие постоянных сноше-

ний их с остяками и в особенности вследствие влияния остяцких шаманов, для которых очень выгодно иметь в своих руках богатых самоедов» [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 39. Д. 116. Л. 5об.—6об., 13об.—14].

Основное внимание миссионеров уделялось верхушке самоедов — князьям и старшинам. Крестным отцом березовского старшины Александра Худина стал Великий князь Михаил Николаевич, с которым самоедский старшина вел личную переписку. А. Худин послал в дар Его Императорскому Высочеству 400 горностаев и заверил, что его родственники и «народ... ватаги сближаются с понятиями Христианской Веры и что некоторые из них почти готовы принять ее». В ответ (1855 г.) Великий князь отправил самоедскому старшине образ Спасителя с благодарностью «за чувства... и подарок» и радостью за то, что родственники Худина и народ ватаги, по примеру старшины своего, «сближаются с Божественным учением Бога и Спасителя» [Фонд ТГИАМЭ. Тм кп 13426/1, 2]. Самоедин Обдорской волости Вырмы (Нюмзин) Лонду, состоящий в ведении старшины Милли Вырмы Лонду, лично побывал в Тобольске для принятия крещения, а ходатайствовал за него именитый тобольский купец Степан Бронников (1867—1868 гг.) [ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 26. Д. 440. Л. 1—1 об.]. Встреченный К. Д. Носиловым, самоедский «князек Лакури» (Андрей Александрович Худин), бывавший не раз в столице, имел восприемниками наследника Александра Александровича (будущего государя Александра II) и великую княжну Александру Иосифовну [Лебедев 1915: 141—142]. По замечанию миссионера Александра Тверитина, святое крещение было принято им «из видов, чтобы сделаться старшиною», семейство же его оставалось некрещеным [Путевые журналы 2002: 127].

В 1848 г. архиепископ Тобольский и Сибирский Георгий обратился к тобольскому гражданскому губернатору с просьбой оказать содействие в утверждении новокрещеного самоеда Натю, нареченного в крещении Константином, вместо его отца язычника Тагенти Намдаси, князцом и старшиною ляпинских самоедов по праву старшего сына, «что весьма было бы полезно для обращения в христианскую веру ляпинских самоедов». При этом с Натю была взята подписка «относительно пребывания в православной вере до конца жизни своей» и обязательство «детей своих приводить к святому крещению». Со своей стороны губернское управление предположило, что «полезнее оставить

прежнего старшину... нежели удалить его», так как «самоеды будут опасаться новокрещеного Константина, что он станет понуждать к крещению», тем более что «старшины у самоедов и остяков в звании производятся по избранию общества..., к тому же отец Константина сам, при его летах и поведении, может продолжать старшинство» [ТФ ГАГО. Ф. 152. Оп. 31. Д. 99. Л. 1–5].

Несмотря на все усилия миссионеров и чиновников, христианизация северных туземцев носила внешний характер [см. Путевые журналы 2002]. Посетивший в 1829 г. Обдорск «для обозрения северной части своей епархии» архиепископ Евгений Казанцев с сожалением отмечал, что крещенные инородцы не только не посещают церкви, но и «самое имя Христа им не известно» [ТФ ГАГО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 45-а. Л. 4об.]. Проезжавший по тем местам в конце XIX в. Н. К. Хондажевский встретил ту же картину: «У впадения в Полуи р. Айны-югана, я видел шестидесятилетнюю старуху, которую звали Катериной. Она была крещена, а когда вышла замуж за остяка идолопоклонника, то забыла православие, всегда до известной степени смешанное у инородцев с шаманством» [1880: 12]. Предписание архиепископа Варлаама (1865 г.) «к упорно придерживающимся язычества христианам из инородцев... принимать более или менее репрессивные меры», «всех идолов, каких бы видов они не были» у крещеных инородцев отбирать с земской полицией и совершать суды «над самими истуканами», не давало желаемых результатов. Миссионеры не раз отмечали «большую склонность к христианской вере самоедов, живущих на стороне Уральского хребта», находившихся в постоянном общении с крещеными зырянами, и «меньшую приязнь остяков и самоедов, живущих по берегам Обским». Часто случалось, что собравшиеся на проповедь или беседу приехавшего священника инородцы «постепенно уходили из чума или юрт», оставляя служителя церкви один на один со своим толмачем [ТФ ГАГО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 45-а. Л. 30об.—31, 50—60, 148об.—149]. Во время одного из приездов в Обдорск тобольского владыки все бывшие вблизи ватаги поспешно откочевали, повторяя: «большой поп приехал, крестить будет» [Губарев 1863: 228]. В конце XIX — начале XX в. сами служители церкви постоянно отмечали, что инородцы «небрежно относятся к усвоению христианских религиозных обычаев и смотрят на них как на принуждение русских. Дома они никогда не молятся богу... Не умеют креститься не только дети, но и некоторые из взрослых», а «весь сторой жизни» их «проникнут языче-

ством». Прибывшие на р. Казым для крещения священники поражались «как недружелюбно, почти враждебно» к ним отнеслись остяки юрт Выргимских: «во время хождения со святым крестом они неохотно ставили свечи, женщины смеялись», а при наставлении «обращались в наивных ребятишек». Во многих поселениях не нашлось икон, их заменяли «картинки». Неудача постигла крестителей в верховьях реки: в одних юртах, встретив служителей церкви, «инородцы убежали в лес», в других же туземцев не оказалось, так как они «были на жертвоприношении» [Соколов 1910: 532—533, 538].

По замечанию В. Бартечева, «на крещение остяки смотрят как на посвящение и отдачу себя под покровительство «русского бога» (Русь-Торым, или чаще Никола-Торым, т. е. Святитель Николай, в честь которого построена в Обдорске церковь)» [1896: 92]. Настоятель Обдорской миссии игумен Иринарх так охарактеризовал отношение туземцев к православию: «почти все крещенные по обетам русскому Богу, а дети по воле родителей, остяки полагают неперменным долгом крестить своих детей в младенческом возрасте; именуя себя христианами или попросту крещеными, поставляют себе в необходимость, хотя изредка, заходить в православный храм помолиться пред образом св. Николая; почитают обязанностью носить на себе шейный крест, считают нужным иметь в своих домах иконы и с видимым вниманием слушать наставления в истинах св. веры пастырей-миссионеров. Но в то же время они всячески избегают похорон своих сородичей по православному обряду, уклоняются от венчаний браков, опускают исполнение долга исповеди в грехах и принятия св. таин, не гнушаются шаманских молений и во всех выходящих из нормы обыденной жизни случаях обращаются к шаманам, зачастую также именующимся христианами». С принятием крещения инородец «считает свою сделку с русским богом законченной», среди них «вряд ли найдется сотни две сознательных христиан» [Иринарх 1903. № 17: 37—38; 1911. № 5: 213].

При посещении Обдорской церкви, построенной на месте древнего языческого капища, самоеды обходили ее кругом, бросали на крышу и в ограду мелкие серебряные деньги, а считавшейся всемогущей иконе св. Николая в качестве прикладов приносили серебряные рубли и дорогую пушнину. Инородцы, как пишет Иринарх, издавна привыкли к этому месту и «всегда считали его своим». В 1899 г. во время литургии, пользуясь отсутствием вне церкви публики, «самоеды числом около 15 чело-

век... вблизи церкви принесли в жертву оленя» [Иринарх 1905. № 3: 117—118; 1910. № 4: 183—184; ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 45-а. Л. 208]. По сообщению В. Бартенева, крещеные остяки к ограде Обдорской церкви приносили водку, при этом кланялись и крестились, отливая водку из бутылки на землю [1896: 93]. Иеромонах Иннокентий во время миссионерских поездок по Обдорской волости в 1886 г. обнаружил, что остяки Ульпослинских юрт на кресте, где прежде была поставлена походная церковь, вешают собак. По мнению шамана Троицко-Протошных юрт Михаила Тырлина, различие между христианским и языческим священнодействиями невелико: «когда молимся русскому богу, крестимся и делаем поклоны, а когда по-остяцки молимся, то делаем поклоны без крестного знамения» [ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 45-а. Л. 113об., 195об.].

Местные церковные власти, дабы не отпугнуть крещеных остяков от церкви, разрешали им совершение некоторых языческих обрядов, например «по их обычаю, класть покойников в лодку, укладывать с ними нужный по языческой вере комплект предметов домашнего обихода, одежды и пр.». За подобные послабления игумен Иринарх заслужил хантыйское прозвание «ем батька» (хороший батька). Некрещеному остяцкому старшине Вырды-Ях Климову за пожертвование в Обдорскую церковь 50 оленей «было передано благословение Святого Синода» «с выдачею печатного от Консистории свидетельства» [Иринарх 1905. № 1: 30—31, 1906: 74].

Опасаясь смут, власти часто проявляли подчеркнутую щепетильность в разбирательстве инородческих дел по ходатайствам местных священников. Миссионер Петр Попов доносил архиепископу Тобольскому и Сибирскому Варлааму, что «шаманство между остяками в последнее время проявляется с большой смелостью». Поводом к тому послужила жалоба некрещеных самоедов Неуттинского кочевья на остяцкую вдову Евдокию Григорьевну Разину из Собских юрт, «приводящую их своим шаманством в ужас». Истцы требовали отобрать имеющихся у шаманки двух идолов. Взяв с собой четверых работников и пономаря, Попов приехал в юрты к Разиной и «вытребовал... сказанных шайтанов», вернув оказавшиеся при них 5 рублей серебром и два платка. Попов испросил разрешения у его высокопреосвященства публично истребить идолов. В ходе разбирательства дела оказалось, что Евдокия Разина летом 1867 г. проживала в Неуттинских юртах в чуме некрещеного самоеда Хазы, который обещал

на ней жениться после крещения. Мать и братья Хазы не позволяли ему принимать святое крещение и старались выгнать Разину, для чего распространили слух, «что у Разиной есть идолы, и она что-то хочет сделать над крещеными». При требовании священником Поповым идолов находчивая женщина отдала из ящика Хазы «две куклы, из которых одна принадлежала умершему отцу его, а другая сестре, и хранились как бы в память их». Министерство внутренних дел вынесло решение, что такие куклы «не имеют святости и не чествуются как идолы», а «равно-сильны... бюстам и портретам», и сочло возможным через Березовское окружное полицейское управление возвратить их хозяевам [ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 26. Д. 434. Л. 1—1об., 11—18].

В том же 1867 г. разбиралось дело «О кровавых жертвоприношениях Березовских остяков и самоедов». Намереваясь прекратить жертвоприношения инородцев, состоящие из «олений, рыбы, а также лошади, которая будто бы заменяет человека, приносившегося в древности в жертву идолам», архиепископ Тобольский и Сибирский обратился к тобольскому губернатору А. И. Деспот-Зеновичу с требованием: «через земскую полицию обязать всех остяков и самоедов Березовского края, чтобы они не приносили животных в жертву своим идолам», отыскать всех шаманов и представить списки с их подписями, что они не будут принимать участия в «бесовских жертвоприношениях», «князей остяков и всех старшин самоедских обязать... преследовать идольские жертвоприношения». В ответ сообщалось, что «при разбросанности остяцких и самоедских кочевьев на огромных пространствах» собрать подписи не представляется возможным, и что запрет на жертвоприношения может распространяться только на крещеных остяков и самоедов, а по отношению к язычникам «запрещение это не соответствовало бы духу Христианского учения, требующего привлечения неверующих... поучением, кротостью..., не употребляя понудительных средств», так как «опыт подсказывает, что репрессивные меры в делах религиозных убеждений приводят к одним отрицательным результатам». «Отыскание шаманов и обязательство их подписками о несовершении языческих жертвоприношений, а также обязательство подписками самоедских старшин преследовать жертвоприношения и прекращать их при содействии полиции» невозможно, потому что остяки и самоеды не укажут ни жрецов, ни мест жертвоприношений, самим же искать «в местности тундристой, не населенной и почти никому из русских незнакомой... было бы физически не

возможным», к тому же, избегая преследования, остяки и самоеды «стали бы откочевывать в самые отдаленные места, пользуясь этим уклоняться от взноса ясака» [ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 26. Д. 432. Л. 1—2об., 6—7об.].

Устойчивость язычества северных остяков и самоедов, вопреки деятельности православных миссионеров, была во многом обусловлена религиозным лидерством князей Тайшиных. По словам священника Петра Попова, князь Иван Тайшин «нередко участвовал в совершении языческих жертв с некрещеными инородцами»; кроме того, «князец, забрав у всех некрещеных остяков главных идолов, хранит их у себя», и «для жертвоаний к нему собирается множество даже крещеных остяков, и будто бы при этих жертвоприношениях князец сам принимает на себя обязанности шамана» [ТФ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 45-а. Л. 33об.—34]. Напрасно Попов убеждал Ивана Тайшина повенчаться с супругой, «чтобы дать возможность сыновьям унаследовать княжеское достоинство» — князь «был в душе язычник, покровительствовал шаманам, оберегал отеческую веру инородцев, и своим уклонением от таинства брака и других таинств св. церкви, поддерживал стойкость в язычестве своих сородичей» [Иринарх 1915. № 11: 176]. Служители Обдорской миссии опасались, что князь, постоянно обвиняемый в «холодности к христианской вере» и «уклонении исполнения ее обязанностей всегда под благовидными предлогами», «не только подает повод инородцам оставаться в язычестве, но может, при своем богатстве и власти» уничтожить «посеваемые, но еще слабые семена христианства». «Меры кротости, ласки, убеждения, просьбы, наконец, прещения судом божьим и судом гражданским» — все оказалось напрасным. Князь Тайшин, «пося наружный вид христианина», оставался в душе истинным язычником, действующим «во вред христианству». Несмотря на то, что все члены княжеской семьи были крещены, основная масса остяков на стойбище Тайшина оставалась язычниками [Путевые журналы 2002: 19—20, 78, 101, 151—153, 181]. Гражданский губернатор А. И. Деспот-Зенович по этому поводу позднее заметил: «Князь Иван Тайшин, хотя и считается христианином, но на самом деле закоренелый приверженец шаманства и находит свои виды, чтобы поддерживать старую веру, доставившую в прежнее время его роду власть и силу над заведываемыми им остяцкими и самоедскими племенами» [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 39. Д. 116. Л. 13об.].

Впрочем, не все русские современники Ивана Тайшина столь осуждающе относились к приверженности северообских туземцев к отцовской вере. В. Бартенев отмечал, что «обращенные в христианство дикари отличались несколько не лучшей, а часто даже худшей нравственностью, чем их собратья язычники»; «крестятся обыкновенно те остяки и самоеды, которые чаще трутся около русских..., а так как цивилизация касается дикарей своими худшими сторонами, то естественно, что крестится более испорченная часть инородческого населения», мало дорожающая «верой отцов и вообще какой бы то ни было верой», которая «принимает крещение как своего рода разрешительный билет на всякого рода пороки, наблюдаемые ими у русских» [1896: 94—95].

«Желая соблюсти пользу Его Императорского Величества»

В январе 1768 г. высочайшей грамотой императрицы Екатерины II на основании данных предкам жалованных грамот²⁹ были подтверждены в княжеских достоинствах оставшийся наследником в Обдорских городках и волостях Матвей Тайшин³⁰ и куноватский князь Яков Артанзеев [Абрамов 1857а: 217—219; Ковальский 1853: XXIV—XXV; Иринарх 1912. № 22: 320, 396—398]. Грамота Екатерины II остяцкому князю Куноватской волости Якову Артанзееву от 14 января 1768 г. на

²⁹ Грамоты на княжеское достоинство и юридическое право управления инородцами (остяками и самоедами) не были наследственными и требовали «поновления». В 1767 г. Сенатом из Герольдмейстерской конторы «от описи бывшего Сибирского приказа дел» было потребовано «известис на данные в 7094 в августе, 7109 в январе, 7114 июня 30 и 7187 годах июня 27» от бывших тогда Государей «Обдорским князьям Мамруку княже Васильеву сыну, княже Гынде Моликову и княже Лугую» жалованных грамот на княжение в Обдорских городках и волостях и «подтверждение», что «и после означенных князей и по ныне в тех волостях в княжении остались наследниками... тамошние князья Матвей Тайшин и Яков Артанзиев и от их ли родов произошли, и как близки им в родстве». Судя по справке бывшего Сибирского приказа, сохранился лишь рапорт Сибирской губернской канцелярии (июнь 1753 г.) «О привезенных ко двору Ее Императорского Величества ведомства Сибирской губернии города Березова ясачных князцов Шешкова, да за князца выборного Сенгажеева, да за ясачных остяков вместо князцов Артанзеева и Жижимхова седых семи лисиц и о поновлении данных предкам их грамот» (дело на 54 листах) [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 6887. Л. 162—164].

³⁰ С. В. Бахрушин сообщал, что по ходатайству Матвея Тайшина, присажавшего в 1767 г. в качестве депутата Комиссии об Уложении, князья были возведены в дворянское звание [1955а: 134].

3 листах пергамена с акварельной заставкой, переложенных розовой шелковой тканью, в бордовой бархатной обложке³¹, гласит:

(Л. 1) В Поспешствующую Милостью МЫ ЕКАТЕРИНА/ ВТО-
РАЯ Императрица и Самодер/ жица Всероссийская; Московская, Ки-
евская,/ Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, // (Л. 1об.)
Царица Астраханская, Царица Сибирская,/ Государыня Псковская и
Великая Княгиня/ Смоленская, Княгиня Естляндская, Лифлянд/ ская,
Корельская, Тверская, Югорская, Перм/ ская, Вятская, Болгарская и
Иных; Госуда/ рыня и Великая Княгиня Нова Города Низовския/ Зем-
ли, Черниговская, Рязанская, Ростовская,/ Ярославльская, Белоозер-
ская, Удорская,/ Обдорская, Кондийская, и Вся Север/ ные Страны
Повелительница и Госу/ дарыня Иверския Земли, Карталин/ ских и Гру-
зинских Царей, и/ Кабардинския Земли, Черкасских/ и Горских Кня-
зей и Иных Наслед/ ная Государыня и Обладательница./

Объявляем чрез сие всем и каждому,/ кому о том ведать надлежит.
Понеже/ Сибирской Губернии Куноватской волости Остят/ ской Князь
Яков Артанзиев всеподданнейше // (Л. 2) Нас просил о подтверж-
дении данной пра/ прадеду его родному Князю Лугую в 7094-м (1586)
го/ ду в Августе месяце при Государе Царе/ и великом Князе Феодо-
ре Иоанновиче/ всяя России Самодержце жалованной Грамоты,/ в
коей написано: что «Приезжал к Его/ Царскому Величеству с вели-
кия реки Оби/ городов Куновата, Илчмы и Ляпина, да го/ родков
Мункоса, Юиля и Березова Князь/ Лугуй, чтоб его пожаловать тех
его/ городков ратным людям, которые сидят/ в городе на великой реке
на Оби на устье/ Иртыша, воевать его и племя его и все и его людей,/
которые в тех во шти городках сидят, не велеть,/ а дань бы Его Вели-
чества с него, с тех его город/ ков велеть иметь в вымской земле, по
Его Государе/ ву жалованью, Приказным людям, кому будет прика-
за/ но. И Его Величество Лугуя Князя с теми его/ городки пожалова-
ли для того, что он к Его Величеству/ приехал наперед всех бить че-
лом, велели с него иметь // (Л. 2об.) по Его Государскому жалованью
с его городков в Вым/ ской земле дани на год по семи сороков соболей

³¹ Иринарх утверждал, что эта грамота вместе с жалованным кафтаном была взята становым приставом Н. С. Матиясевичем в 1899–1901 гг. у «спившегося и утра- тившего княжеское достоинство» потомка князя и отправлена в Тобольский губернский музей [1912. № 22: 398]. В настоящее время грамота хранится в фондах письменных источников ТГИАМЭ. По сведениям И. Н. Гемусева и Л. В. Бауло, потомки князей Артанзиевых хранят в составе культовой атрибутики сабли, шпаги и палаши с гравировками и символами власти российских царей [Гемусев, Бауло 2001: 43].

луч/чих; а привозить ему дань ежегодно в Вымь само/му или его братьям или племянникам. И воеводам,/ которые на усть-Иртыша на Оби новый город поставили/ на Лугуя Князя и на его городки ратных людей не посы/лать и воевать его не велеть, и поминков и посулов/ с них не имать: а привезть ему дань в первые на/ Вымь к приказному человеку и к целовальникам на срок,/ на Дмитриев день лета 7096-го (1588); а привезть на два года/ дань четырнадцать сороков на 95-й год да на 96-й, и впредь в два/ года привозить дань по томуж; а теми городки подмогать,/ и подмога им тем давать, кого меж себя выбрав пошлют/ с данью на Вымскую землю». Чего ради Наш Сенат/ рассматривая по Высочайшему Нашему повелению оную/ Грамоту всеподданнейше Нам представил, что оная/, как из взятой от него Артанзиева родословной росписи/ значит, дана прапрадеду его родному показанному Князю Лугую;/ в подтверждение чего из бывшего Сибирского Приказа в 1753-м/ годе Июля 7-го дан ему Артанзиеву Указ за печатью.// (Л. 3) И по сему Сенат имея о его происхождении от означенного/ Князя Лугуя подлинное доказательство, в названии его Князем/ и сомнения не находит. В рассуждении чего Мы снисходя/ на всеподданнейшую его Артанзиева прозьбу, данную в 7094-м/ годе прапрадеду его родному Князю Лугую жалованную Грамо/ту со изображенными в оной преимуществами сим всемилости/вейше подтверждаем. Дана в Москве лета от Рожде/ства Христова тысяща седьм сот шестьдесят осмаго/ Иенваря чатвертагонадесять дня, Государствования Нашего в/ шестое лето.

Екатерина [подпись]

Вице-канцлер Князь [... ...] Голицын

При Запечатании в Коллегии/ иностранных дел № 168 а
[НА ТГИАМЭ. Тм кп 12850. Л. 1—3]

Вместе с грамотой Матвеем Тайшину была прислана парадная одежда, «состоящая в бархатном малиновом кафтане, обшитом галунами, такое же исподнее платье, камзол белого атласа, вышитый золотом с блестками, обыкновенная русская рубаха тонкого полотна, шейный шелковый голубого цвета платок, красные золотом шитые сафьянные сапоги, малинового бархата шапка, обложенная золотыми шнурами, и пестрый пояс; на поясе висит кортик средней величины с изображением на рукоятке орлиной головы» [Белявский 1833: 83]. Такой же кафтан был подарен и куноватскому князю Якову Артанзееву [Иринарх 1912. № 22: 398].

Следующим в Обдории княжил Яков Тайшин³², затем его сын Матвей, а после него внук Иван [Ковальский 1853: XXIV; ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 59, 63—64об., Д. 756. Л. 99об.—101, Д. 992. Л. 427об.—429]. Последними куноватскими князьями были Назар Михайлович Артанзеев и его сын Семен. В отличие от прочих остяцких и вогульских князей, чей статус не был официально подтвержден правительством, «жалованные» князцы Тайшины и Артанзеевы занимали особое положение: они были возведены в дворянское звание и до конца XIX в. сохраняли свою титулатуру. Указом Сибирского комитета от 1 ноября 1832 г. инородцы, пользовавшиеся правом личного дворянства, как и их дети, освобождались от уплаты ясака и телесных наказаний [см.: Конев 1995: 109].

В 1831 г. обдорскому князю Матвею Яковлевичу Тайшину «за благонамеренные и полезные действия по управлению подвластными ему инородцами» была высочайше пожалована золотая медаль на Аннинской ленте с подписью «За полезное» [Абрамов 1857б: 336—337]. В 1852 г. Иван Матвеевич получил в дар от Николая I серебряный кортик с портупеей.

Обдорскому князю Ивану Тайшину

Государь Император Всемилостивейше соизволил пожаловать Вам за поднесенную Его Величеству чернобурую лисицу серебряный кортик с такою же портупеею. Вручая Вам сей кортик с портупеею, я надеюсь, что Вы усердною своею службою и заботливостью о бездоимочном взносе ясака с находящихся в Вашем ведении инородцев потщитесь заслужить и оправдать милостивое к Вам внимание Государя Императора.

Декабрь 1852 года. Обдорск.

Подписал: исправляющий должность

Генерал-губернатора Западной Сибири

и командующий Отдельным Сибирским корпусом

Генерал-лейтенант Гасфорт

[ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3220. Л. 4]

Назар Артанзеев имел, кроме высочайше жалованного почетного кафтана, «таковой же кафтан, подаренный генерал-губернатором Западной Сибири при посещении им Березовского края в 1852 г.» [Абрамов 1857а: 217—218].

³² По сообщению П. С. Палласа, «пожалованный грамотой» и «одаренный платьем» князь Тайшин, возвращаясь из Москвы, скончался. После него Обдорией правил его сын, князец Сила, живший в Буланпугольских юртах [1788: 29].

Значение грамот и других отличительных знаков достоинства (кафтаны, кортики и пр.) было настолько высоко, что после смерти в 1854 г. князя Назара Артанзеева остяки избрали на должность родового старосты Куноватской инородной управы его старшего сына Семена «по праву наследства и дарованной роду их от Всеавгустейшей Монархини Екатерины II грамоты», хотя должность эта была уже выборной, а Семену исполнилось чуть более 20 лет. Березовский военно-окружной начальник ходатайствовал о «поощрении» князя Семена Артанзеева «за усердие, оказанное им при сборе ясака», и о «дозволении носить оставленный после смерти отца его кафтан». Со стороны Тобольского губернского правления не было найдено препятствий «к дозволению старосте Куноватской волости, князю Семену Артанзееву, носить оставшиеся после его отца почетные кафтаны, так как эти кафтаны были пожалованы покойному Назару Артанзееву по той же должности, которую занимает ныне его сын» [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 31. Д. 1113. Л. 2, 9—9об.]. По свидетельству очевидцев, Матвей Яковлевич Тайшин во время сбора остяков и самоедов в Обдорске представлялся «в полном убранстве» [Белявский 1833: 84]: Иван Матвеевич Тайшин, «не желая уронить своего достоинства, показывается всюду не иначе, как в жалованном бархатном халате, при кортике, с медалью на шее и в сопровождении служителя, несущего грамоту на княжеское достоинство»³³ [Губарев 1863: 228]. По словам А. Миддендорфа, один из князей Тайшиных «дошел до того, что стал чувствовать свое достоинство. Он обзавелся телохранителем, и когда его разбирала охота выказать свой сан, то он время от времени бросал на землю свою шапку, которую телохранитель должен был поднимать» [1878: 622].

Конфессиональный натиск на туземцев, начатый при Петре I, в конце XVIII в. заметно ослаб. Введение Устава «Об управлении инородцев» 1822 г. знаменовало начало третьего, правового, «захвата» туземного населения, когда «регламентация жизни сверху еще более усилилась; при видимости народоправства реальными инстанциями управления и судо-

³³ По данным Т. Попова, Иван Тайшин имел жалованную грамоту от имени Николая I [1890: 457]. Писарь обдорской управы С. Энгстрем в своих записках отмечает, что, по слухам, «у князя Ивана Тайшина была личная грамота, но она была украдена одним из писарей управы Я... (Ямзиным — Е. II.)» [НА ТГИАМЗ. № 46. Л. 16об.].

производства оказались инородные управы во главе с русскими писарями, уездные и губернские административные органы» [Головнёв 1995: 90]. Как писал Н. К. Хондажевский, «понятия о государственной власти сосредотачиваются у остяков и самоедов в сознании, что есть могущественный Русский царь, которому принадлежат все известные им земли, воды и народы, за исключением чужеземцев, приезжающих на кораблях в северные моря. При этом они бесспорно чтут так называемую царскую тамгу, заключающуюся в том, что на обтесанной палочке вырезают Императорский вензель, т. е. букву А с двумя значками внизу. Получив подобную бирку, инородческие старшины немедленно исполняют предъявленные им требования, а предписаний на бумаге, несмотря на приложенные печати и прилепленный обрывок пера, при своей безграмотности, в толк не берут. Местным начальством инородцы признают своих старшин, обдорского заседателя и рыбопромышленников, вследствие безграничного произвола, дозволяемого себе последними» [1880: 18]. В тоже время Иринарх отмечал, что «бумаге», если она была скреплена печатью, остяки и самоеды придавали большое значение, а та, что была снабжена припечатанным птичьим пером, приобретала «в их сознании особую важность и спешность»: «как скоро птица летит, так скоро должна быть доставляема на место и бумага с птичьим пером» [1905. № 8: 368].

Главной функцией князьков в XIX в. оставался сбор «государева ясака» с подвластного туземного населения. Ясак, в отличие от других поборов, считался у инородцев почетной данью. Его вносили мужчины от 18 до 50 лет. По традиции платящий ясак «стоит во всеобщем мнении выше не несущего оный», «по таковому обычаю все даже старики неперменной обязанностью своєю считают также уплачивать ясак, ибо иначе теряют свое влияние, и право суда и разбирательства, приобретенные именно через старшинство лет, столь почитаемое у дикарей» [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 39. Д. 5. Л. 299]. О сборе ясака М. А. Кастрен пишет: «Каждый род держится плотно и отдельно от других и идет под начальством князя или старшины. К концу декабря все эти кочующие толпы сходятся на Обдорской ярмарке. Уже по службе обязаны все князья и старшины присутствовать здесь, наблюдая за тем, чтобы каждый от его племени и рода внес известный оброк, и чтобы было доставлено требуемое количество определенных законом мехов» (две лисицы на каждого мужчину). Недостаток того или другого меха восполнялся князем [1858: 315].

По свидетельству Ф. Белявского и В. Н. Шаврова, самоедских старшин называли *арка аюмиръ парте* — «человек большого ясака», так как они платили ясак «вдесятеро более против прочих самоедов» — от 10 до 20 песцов. Необходимость и возможность платы ясака за своих сородичей давала старшинам огромную власть, и самоеды выказывали им «приверженность» и «слепое повиновение» [Белявский 1833: 171; Шавров 1871: 14]. Отвозить ясак самолично в Березов считалось не обязанностью, а почетной миссией князей.

Рачительность князьков и старшин не была бескорыстной, «за своевременный и исправный взнос ясака в полном количестве звериными шкурами» они получали 2 % от ясачной суммы (на основании предписания Департамента государственного казначейства и по указу Тобольской казенной палаты от 11 декабря 1836 г.). Имея в виду прежде всего князьков и старшин, отличившихся «инородцам, вносившим в течение 5 лет ясак хорошими шкурами выше 25 рублей», было положено «выдавать медали или приличные кафтаны», а также «похвальные листы за усердие при вносе ясака». Для контроля за деятельностью старшин предписывалось «знать, в какие годы и каких именно шкур внесли, ... действительно ли сие поступали в казну и в какой цене они окончательно приняты, а также от себя ли представляли эти старшины шкуры, или за своих родовичей и в последнем случае за кого именно». Подчеркивая роль старшин, исполняющий должность начальника Березовского округа писал, что старшины «вносили в ясак дорогую рухлядь от себя и от своих родовичей, но сии последние не могут иметь никакого права на установленную награду, как не оказавшие со своей стороны никакого усердия, ибо они собственно от себя и вносили ясак старшинам деньгами или обыкновенными шкурами, и старшины, зачисляя оныя в ясак за неимущих и умерших, или, оставляя часть у себя, вносили взамен оных лисьи шкуры, которые обходятся им дорого». Инородцы Обдорской волости, по решению Ясачной коллегии, были обложены белыми песцами, однако князь Иван Тайшин и старшина Кылим Миляхов, «желая соблюсти пользу Его Императорского Величества», приняли «все меры как можно наименьше собирать песцовых шкур, заменяя оныя другим зверем или, наконец наличными деньгами», потому что ценность песцовых шкур в те годы стала очень низкой [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 39. Д. 29: 1—1об., 5—5об., 17об.—18, 44об.—45].

Кроме сбора ясака, старшины были обязаны смотреть «за порядком и согласием в роде: когда два человека из одного и того же рода поссо-

рятся между собою, то идут к старшине, который тут же на месте без всяких юридических формальностей изрекает свой приговор». Князь «имеет право в своем округе решать все тяжбы и разбирать все преступления, исключая тех, которым по русским законам, угрожает наказание лишением жизни. Главнейшая же обязанность князька — поддерживать согласие между отдельными родами и решать споры отдельных лиц из разных родов относительно пастбищ и ловищ и т. д. Ему подчинены все старшины родов, сам же он подчиняется русским властям: губернаторскому правлению и земскому суду. Достоинство князя и родового старшины переходит наследственно от отца к сыну. По малолетству сына, община избирает ему в опекуны дядю или другого близкого родственника. За неимением сына, ближайший родственник умершего избирается ему в преемники. Ни князьку, ни другим начальникам не назначается особого жалования: они содержатся добровольными приношениями от своих подданных» [Кастрен 1858: 304, 305].

Российская администрация способствовала укреплению позиций «жалованных» князей и реагировала на малейшие нарушения этих прав. По этому поводу возникали конфликты между различными ветвями власти. С 1821 г. семь самоедских старост стали вносить ясак самостоятельно, минуя князя Матвея Тайшина; при этом земский суд, «оставаясь равнодушным зрителем», одобрял нарушение заведенного порядка «выдачею квитанций на имя из уклоняющихся старост». За попустительское членам земского суда был объявлен строжайший выговор и предписано «не допускать на будущее время подобного нарушения и Высочайшей воли и прав князя» [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 37. Д. 495: 42—42об.].

В известной мере несогласованные действия российских властей, как и конфликт между самоедскими старшинами и князем Тайшиным, были следствием Устава 1822 г. Согласно Уставу и в соответствии с решением Совета тобольского губернского общего управления от 17 октября 1823 г., подтвержденного Сибирским комитетом в 1824 г., самоеды Обдорской волости были отнесены к разряду «бродячих» и тем самым формально отделены от «кочевых» обдорских хантов [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 300. Л. 25об.—26; Сословно-правовое 1999: 85—117]. На должность главного самоедского старшины был избран Пайгол Нырмин из Карачейского рода [подробнее см.: Лёзова 2000: 192—197]. По словам очевидца событий Ф. Белявского, выбору Пайгола Нырмина главным самоедским старшиной способствовали «маститая старость», а главным образом

то, что «поколение Пайгола считается многолюднейшим среди самоедов». Однако Матвей Тайшин не был намерен терять своего влияния среди самоедов; как отмечалось, «не одни только остяки оказывают почтение Тайшину: еще более его уважают самоеды, у которых хотя с недавнего времени свой особенный старшина, но как они повиновались прежде тем же князьям Тайшиным... то по сие время князь Тайшина предпочитают своему старшине Пайголу». Между остяцким князем и главным самоедским старшиной сложились весьма натянутые отношения, «ибо Тайшин лишился первобытного своего права над самоедами», а «Пайгол негодует за оказываемое князю Тайшину почтение прежними его подчиненными» [Белявский 1833: 84, 128, 170—172].

Причисление остяков к разряду «кочевых» повлекло увеличение податей, что немедленно вызвало их возмущение (вероятно, не без участия обдорского князя). Матвей Тайшин с верными ему старшинами извещил тобольского губернатора Д. Н. Бантыш-Каменского о намерении остяков «учинить бунт» во время Обдорской ярмарки. Прибывшего по этому поводу в Обдорск в 1826 г. губернатора князь Тайшин просил о незамедлительном причислении обдорских остяков к разряду «бродячих», поясняя, что «они имеют одинаковую жизнь и одинаковые промыслы с самоедами; но они, последние, пользуются теми же землями и реками, как и остяки, избавлены от повинностей, а с остяков оных требуют». Кроме того, Тайшин оказал услугу правительству. Самоеды во главе с Пайголом Нырминым категорически отказались даже за плату дать оленей для экспедиции штурмана В. Иванова на о. Белый для гидрографического описания. Считая, что Иванов «якобы прислан для замера земель... для того, чтоб потом отнять у них сие земли», Пайгол заявил губернатору: «Пускай снимут с нас лучше головы, а оленей мы не дадим». Князь Тайшин оказал содействие экспедиции В. Иванова, заметив, что это для него «священно, ибо заключает в себе волю хана». Во многом благодаря этим событиям вопрос о переводе обдорских остяков в разряд «бродячих» был вынесен на обсуждение Совета общего губернского управления и в 1827 г. решен в их пользу [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 41. Д. 8: 28—34]. Самоеды же после смерти Пайгола вновь оказались под властью Тайшиных [Абрамов 18576: 355].

Конфликт между обдорским князем (уже наследником Матвея Иваном Тайшиным) и самоедскими старшинами имел драматическое продолжение: в 1839—1841 гг. под предводительством Ваули Пиетто-

мина поднялось восстание самоедов, в ходе которого обдорский князь подвергся опасностям и унижениям со стороны своего непримиримого противника (ему довелось кланяться в ноги и целовать руки мятежника, обещать платить ему дань и выражать готовность уступить обдорское княжение, чудом избежать побоев оленьим рогом и т. д.). На место князя Ваули назначил остяка Янку Муржана (вероятно, Мурзина — Е. П.). Восстание самоедов было подавлено, а Ваули был схвачен во многом благодаря «актерскому мастерству» Тайшина [подробнее см.: Абрамов 1857б: 356—357; Голодников 1881. № 7: 6—7; Герасимов 1909: 23—25; Головнёв 1995: 155—163]. Ведущую роль сыграл князь Тайшин и в подавлении выступления Пани Ходина (1856 г.), на него были возложены «прекращение грабежей» и поимка «хищников» [Славин 1911: 6—7]. На время мятежные самоедские старшины были возвращены в подчинение остяцкому князю.

Росту авторитета обдорского князя способствовала его поездка зимой 1854 г. в Петербург, где он удостоился встречи с государем Николаем I. По-видимому, визит в столицу не обошелся без обсуждения последствий «самоедского мятежа», сведения о котором передавались через военного министра России графа Чернышова [Головнёв 1995: 162]. По возвращении из стольного града Иван Тайшин стал пользоваться «особенным уважением от инородцев» [Абрамов 1857а: 217—218]. Однако в 1864 г. самоедский старшина Илбада Седлеев направил в Петербург ходатайство о «давнишнем желании самоедов иметь своего особого князя, не подчиненного остяцкому», и о создании особого самоедского родового управления. Правительство признает «домогательство самоедов» справедливым, поскольку они «по языку и обычаям составляют отдельный от остяков род», а подчинение их остяцкому князю — «политической ошибкой». В 1865 г. на должность главного самоедского старшины был избран Пайволо Нырмин, «Тайшин же остался князем только над одними остяками». В январе 1866 г. на Обдорской ярмарке «при собрании инородцев им объявлены выборные лица и введены в исполнение должностей» [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 39. Д. 116. Л. 1—3, 12—15об., 23, 26]. Отмечалось, что, управляясь своим главным старшиною, избираемым каждые три года, самоеды «нисколько не жалеют упраздненной княжеской власти» [НА ТГИАМЗ. № 46. Л. 16].

С того времени Обдорская волость возглавлялась двумя управами: остяцкой и самоедской. Обе управы находились в с. Обдорском и рас-

полагались в одном здании. Остяцкая управа состояла из князя «на правах волостного головы» и двух «старшин, как бы его помощников (старшины по выбору общества на три года, князь несменяемый, по назначению правительства)». «Князь и старшины, по взаимному между собой согласию, ведают делами инородцев при кочевьях и на местах жительства, каждый известною местностью. Впрочем, князь может вмешиваться во все дела, в особенности при жалобах на старшину». «Писарь общий по обеим управам, по избранию обществ, в действительности же по назначению исправника». Как отмечал С. Энгестрем: «При привычке инородцев считать Управу общею..., это деление Управы на две, остяцкую и самоедскую, мало кому известно и существует только в переписке при одном общем писаре» [НА ТГИАМЭ. № 46. Л. 3об.—4].

Ивану Тайшину приходилось противостоять не только самоедским старшинам и мятежникам, но и русским чиновникам. Собственно поводом к его поездке в Петербург в 1854 г. послужил конфликт с иеромонахом Аверкием и обдорским заседателем Ю. И. Кушелевским. Последний, «желая более подчинить Тайшина русскому правительству, с целью водворения большего порядка между его родовичами... употребил против сего князя при его непослушании, такие меры, которые унижали Тайшина в глазах родовичей» (посадил князя в яшашную избу и способствовал распространению слуха о выборе самоедами своего старшины) [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 39. Д. 5. Л. 345об.—355об.]. В «царский город» обиженный князь отправился тайно «на небольшом числе оленей» в сопровождении нескольких остяков и одного русского переводчика» [Алквист 1999: 47—49]. С собой И. Тайшин привез ходатайство «за всех своих родовичей, угнетенных... русскими и земским начальством». Князь подал на высочайшее имя жалобу о захвате принадлежащих инородцам земель русскими крестьянами и промышленниками и «поселении на его землях ссыльных» с просьбой «об определении взаимных отношений между русскими промышленниками, проживающими в Березовском крае, с инородцами» [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 39. Д. 5. Л. 345об.—355об.]. В ходе визита обдорскому князю были подарены золотая медаль с надписью «За усердие» для ношения на Аннинской ленте, бархатный малинового цвета кафтан с парчевым полукафтаньем и бархатную шапку, серебряный вызолоченный внутри кубок с надписью «Всемиловитейше пожалован Государем Императором Николаем Павловичем управляющему Обдорской волостью Князю Ивану Тайшину 14 февраля 1854»

[ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 39. Д. 5. Л. 345об.—355об.; Абрамов 1857а: 218]. Распоряжение об устранении злоупотреблений немедленно последовало в Тобольск и Березово. После поездки в столицу и успеха в тяжбе с Кушелевским еще долгое время «местные власти устраивали дела, касающиеся остяков, по усмотрению Тайшина» [Алквист 1999: 110—111].

По распоряжению правительства, для того «чтобы князь Тайшин по всеподданнейшей жалобе его получил скорое удовлетворение», были предприняты «особые меры»: 1) прекращена ссылка в Обдорск поселенцев (скопцов); 2) приостановлено переселение русских в Обдорск, «заведение вновь каких-либо селений по нижним Иртышу и Оби» было «воспрещено без особенного высшего правительства распоряжения»; 3) ввиду «пользы в политическом и торговом отношении для Обдорского края от пребывания там русских» оставлены все «водворившиеся уже» купцы, мещане и другие лица, которым разрешалось «пользоваться бесплатно землею, находящейся под домами и надворными строениями и амбарами для складки товаров»; 4) «рыбные и другие промыслы, а также пастбищные места», принадлежащие инородцам, должны были наниматься за особую плату «по добровольному с ними условию» на основании письменных контрактов; 5) «для разбора споров по земельному владению крестьян и остяков» в Березовский округ была направлена особая комиссия [Фонд ТГИАМЗ. Тм кп 12513/2. Л. 1—5об., 12513/5. Л. 8—15]. Указ Главного управления Западной Сибири был объявлен князям и старшинам инородных управ и «водворившимся» в Березовском крае русским промышленникам и крестьянам. Были составлены списки осевшего до 26 апреля 1854 г. в Обдорском крае на инородческих землях русского и зырянского населения, и начала работать комиссия по урегулированию споров [Фонд ТГИАМЗ. Тм кп 12513/1—17]. С момента подписания указа в Березовском крае вводилась официальная регламентация аренды угодий и торгово-денежных отношений, сдача угодий в аренду (кортом) стала самой распространенной формой отношений между инородцами-вотчинниками и русскими промышленниками.

Чем чаще обдорскому князю приходилось отстаивать свои полномочия, тем теснее он оказывался связанным с российской администрацией. Отношения русского писаря и туземного князя имели различные оттенки, но в большинстве случаев неизбежно согласовывались. Назначенный на должность писаря в 1885 г. С. Энгестрем отмечал, что «в

деле управления северными инородцами вся сила полномочий падает на князя, старшин и писаря, заправляющего делопроизводством, а, следовательно, направлением, ходом и быстротою дел». Князь Иван Тайшин, по его словам, руководствовался «чуть ли не до последних дней» советами бывшего писаря управы Ямзина. «Хотя инородцы и нанимают на свой счет (за 180 р. в год) толмача для заседателя, но при управе такой роскоши пока не введено... этим занимаются здесь многие, без всякого со стороны управы вознаграждения. Эти даровые сотрудники составляют немалое зло. Они достигли совершенства в своей профессии: умышленно искажают в переводах речи, советуют и отсоветывают просителю говорить... и в конце концов за свой труд за стенами управы обирают инородца сколько возможно в свою пользу... Такие толмачи, как, например, Андрей Собрин, Осколков и др., известны всему селу <Обдорску> поименно как верные плуты. Многие дела предварительно разбираются и предрешаются в их квартирах, какие там совершаются в это время сделки..., догадаться каждый может» [НА ТГИАМЗ. № 46. Л. 4об., 7–7об., 39].

Зачастую сами князья испытывали неудобства, оказываясь во все большей зависимости от российской администрации, купцов и промышленников. При ревизии Обдорской инородной управы в шнуровой книге за 1851 г. имеется запись, что «из остаточной суммы из вымогательства г. заседателя Архарова поднесено князем Тайшиным ему в подарок денег четыреста двадцать девять рублей серебром» и приложена печать князя [ТФ ГАТО. Ф. 52. Оп. 39. Д. 5. Л. 301]. В свое время (1846 г.) нашумело дело заседателя Обдорского отделения Зиновьева, «дерзким обращением своим с инородцами» возбуждавшим в них «ропот». В деле указываются случаи избивания ватажных старшин, самовольной экспроприации у туземцев оленей и прочих «притеснений» [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 31. Д. 82. Л. 1–4]. И. С. Поляков сообщал, что «после смерти старого князя Артанзиева, сын его, нынешний князь, встретился с неким Булатниковым, проживающим в селе Кушеватском, который говорил князю, что отец его был должен ему, Булатникову, и, чтоб поквитать этот долг, князь бы заплатил ему 15 р. денег и отдал бы принадлежащий ему, князю, сор для рыбной ловли в течение 5 лет, что и было исполнено, хотя Артанзиев не имел никакого понятия и никаких данных о долгах своего отца. Ныне прошло 20 лет со смерти старого князя, а Булатников все еще говорит Артанзиеву, не пора, долг еще не кончился, он должен еще владеть сором и ловить в нем рыбу» [1877: 80].

Со временем туземные князья усвоили немало приемов обирания податного населения. По закону «не допускалось производить с бродячих инородцев и по несколько копеек па земские повинности, князья <же> делают частые поборы по несколько рублей серебром», при этом «большой частью все идет в пользу князей и земских чиновников». Так, князь Артанзеев собирал с куноватских инородцев по половине белодушки или по 16 белок (по 1 руб. 43 коп.), с кушеватских — по 1 руб. 90 коп., и уже от себя нанимал оленных хантов и даже русских для гоньбы [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 39. Д. 5. Л. 333–334об.]. В 1864 г. тобольский губернатор А. И. Деспот-Зенович, посетив Березовский край, писал, что Тайшин «не отказывался не только от приношений, но употреблял и вымогательства». После предупреждения губернатора князь Иван Тайшин в присутствии старшин торжественно поклялся, что «начнет новую жизнь, так как уже стар и не желает оставлять своего родного места» [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 39. Д. 116. Л. 13; Попов 1890: 458–459;]. Копии письма А. И. Деспот-Зеновича, строго воспрещавшего «князьям, старостам и волостному писарю принимать от подведомственных им инородцев подарки», «не давать никому из должностных лиц никаких приношений, внушив это и подведомственным им людям», были отправлены всем родовым старшинам. Заподозренных в «принятии или выпрашивании подарков» предполагалось переселять в Тобольский округ [Фонд ТГИАМЗ. Тм кп 13426/4].

Власть давала Тайшину возможность контролировать аренду русскими купцами рыболовных песков инородцев, и далеко не всегда остяки оказывались в выигрыше, а рыбопромышленник «не оставался неблагоприятным» в отношении князя» [Попов 1890: 459]. То же самое происходило и с пастбищными землями. В ходе губернской ревизии 1885 г. выяснилось, что «поступление сумм в пользу инородцев за пастьбу оленей на мхах Обдорской волости лицами других волостей, вместо прежней, довольно значительной, низошло до самой ничтожной цифры»; Обдорск «при содействии... остяцкого князя, столь любившего подарки и водку», стал быстро заселяться архангельскими зырянами [НА ТГИАМЗ. № 46. Л. 9об., 39]. «Моховые места» (оленьи пастбища) Куноватской волости в аренду зырянам сдавал и князь Артанзеев. Львиная доля доходов оседала в кармане князя, частично деньги раздавались остякам-вотчинникам. Стремление местного начальства «обращать» полученные с арендаторов деньги в «мирской капитал» наталкивалось на упорное

противодействие Артанзесса [Попов 1890: 460]. Случаи захвата зырянами оленьих пастбищ и иных угодий стали настолько частыми, что в Тобольск прибыли доверенные от самоедов Обдорской волости с жалобой «на бездействие Березовских полицейских властей по поводу притеснения их архангельскими зырянами». Командированный в Обдорск коллежский секретарь Брецинский предложил «теперь же прекратить... переселение в Березовский край архангельских крестьян — промышленников и кочевников» [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 40. Д. 18. Л. 1—1об., 20об.]. Желаящие поселиться в Обдорске «русские и другие иноплеменники» должны были платить князю «за это право». Как отмечали О. Финш и А. Брэм, «доходы эти передает он церкви, если они доставляются не водкой, что бывает в большинстве случаев» [1882: 353]. Местная администрация, которая не могла «равнодушно смотреть на беззакония Тайшина», не раз пыталась привлечь князя к ответственности, но дело, как правило, заканчивалось «внушением», так как «прерогативы» были на его стороне [Попов 1890: 459].

«Не в состоянии достигнуть прежнего блеска»

Власть князей Тайшиных опиралась на Обдорские городки, из которых избиралась туземная администрация (значительная часть фамилий причислялась к роду *Канась ёх*). В ю. Иотлах старшиной являлся Йорка Мамрук — потомок Мамрука Обдорского, княжившего с 1601 г. «Равного с князем происхождения» среди остяцких старшин называется Дзеингиэ (Дсеуни) Тоболджин (Тобольчин). С соседними городками, как и с самоедами, Тайшины были связаны свойством: сестра Матвея Тайшина была выдана в замужество за богатого остяка Байдарацкой тундры [Финш, Брэм 1882: 417—418, 435—436, 496], родственниками Тайшиным приходились надымские старшины Ер Паин и его сын Пронька [Поляков 1877: 151], зять Тайшина из самоедов каслал в районе р. Ицучья [Путевые журналы 2002: 125]. Эта опора не всегда была надежной, так как от родственников исходила реальная угроза смещения Тайшиных: на должность «выборного от народа» претендовал Ер Паин, который по его словам, происходил от князя Мамрука и собирался восстановить утраченное предками его княжеское достоинство [ТГВ. 1858. № 6: 60]. Во время восстания Ваули Пиеттомина мятежники предлагали принять обдорское княжение ближайшему советнику и родственнику князя Япте Мурзину [см.: Головинов 1995: 160].

Однако при наличии многочисленной родни и прямых потомков (четырёх сыновей: двух Иванов, Марка и Василя) [ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 992. Л. 424об.—429] Иван Матвеев Тайшин оказался последним представителем обдорской княжеской линии. Пресечение династии готовилось уже при жизни Ивана Тайшина и мотивировалось, например, тем, что князь не был обвенчан с женой и поэтому его сыновья не могли быть признаны законными наследниками [Иринарх 1915. № 11: 176]. Свою роль в этом сыграли и события «самоедской смуты», и разделение Обдорской управы на остяцкую и самоедскую. К тому же состояние имущества самого княжеского семейства оставляло желать лучшего. Описывая жизнь остяцких князей, Н. А. Абрамов [1857а: 217—218] отмечал:

Настоящие остяцкие князья Тайшин и Артанзеев по роду жизни и нравов ничем не отличаются от обыкновенных остяков, кроме некоторого довольства в домашнем быте и уважения от инородцев... Образ жизни князей бродячий и... почти ничем не отличающийся от жизни прочих инородцев. Питаются они сырой рыбой и сырым оленьим мясом, изредка только лакомятся похлебкой из рыбы, заправляемой ржаной мукой... Так как Тайшин богаче Артанзеева, то и имеет возможность позволять себе большую роскошь, т. е. иметь лишний чум, есть чаще свежее мясо и употреблять вино. Ни тот, ни другой князь не занимаются никакими промыслами, а имеют для этого работников, которые ловят для них рыбу, пасут стада оленей и зимою занимаются звероловством... Кроме оленей, составлявших существенную необходимость жизни остяка, как у того, так и у другого князя имеется рухлядь, как то: лисицы, песцы и проч., денег же они вовсе не имеют, а припасы и вещи, составляющие для них предмет некоторой роскоши, как-то мука, табак, бумажные, иногда и шелковые материи, сукно и прочее приобретают у русских мезою на рухлядь и оленьи кожи.

Дважды встречавшийся с Иваном Тайшиным А. Алквист [1999: 48] писал:

В одежде он едва ли отличается от своих соплеменников, кроме того, что костюм его чище и в большем порядке: а в образе жизни единственное отличие заключается в том, что он круглый год ест ржаной хлеб, для чужих держит самовар и чаще других остяков пьет вино. Его жилищем весь год служит чум: зимой из оленьих шкур, летом — из бересты.

В середине 1840-х гг. у Тайшиных было от 7 до 8 тысяч оленей. По сведениям А. Алквиста, оленьё стадо князя оценивалось в 40 тыс. руб.

серебром [1999: 48]. Однако от чумы, занесенной из Архангельской губернии в 1848 г., в Обдорском округе пало более 10 тыс. оленей, из них 5 — у Тайшиных [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 39. Д. 133. Л. 5]. В 1882 г. у Ивана Тайшина оставалось лишь несколько десятков оленей [Попов 1890: 458]. Ввиду бедственного положения в сентябре 1866 г. обдорский князь направил на имя тобольского губернатора докладную записку:

По утвержденному веками обычаю, наследовав достоинство князя и власть главного родового управителя над остяками и самоедами Обдорской волости, я с тем вместе получил и право утвердившееся глубокой древностью пользоваться посильными добровольными приношениями от подведомственных мне инородцев. Обыкновение сие, не обременяя народ, давало мне возможность удовлетворять потребности неизбежно сопряженные со службою, без которых я никак не мог обойтись, с упадком же народного благосостояния, вследствие неулова зверя и упадка скота, некоторые из подведомственных мне инородцев, при подстрекательстве немногих претендентов на власть, стали тяготиться добровольно деланными мне в сущности ничтожными приношениями, начало которых восходит к незапамятной древности, и вследствие того вынуждены были принести на меня жалобу в начале 1864 г. Почему мне строго воспрещалось пользоваться какими бы то ни было приношениями. Повинуясь с глубочайшей покорностью представленной над мною власти, я навсегда отказался от всяких добровольных приношений, подвергших меня к великому унижению в глазах всего народа. Заявляя это формально перед начальством, я с тем вместе осмеливаюсь доложить, что обязанность управителя требует необходимых расходов, которыми я в особенности в настоящее время при упадке скота, составляющего все мое имущество, удовлетворять не имею возможности; потребностей этих предстоит немало: с упадком скота, я с сих пор большую часть времени в году должен находить в Обдорске, отчего расход у меня должен увеличиться во много раз более, что я расходуя при кочевой жизни, содержание дома моего, как то отопление, освещение, прислуга, в особенности гостеприимство, необходимо для меня как представителя народного, требует значительного количества денег, для приобретения которых не осталось никаких средств. Представляя на благорассмотрение Вашего Превосходительства крайнее свое положение, осмеливаюсь покорнейше просить позволить мне предложить вверенным мне инородцам по обоюдному согласию посредством приговора определить мне приличные

средства, которые бы, не обременяя народ, могли вознаградить издержки, неизбежно сопряженные со службою.

Князь Иван Тайшин
по безграмотности прилагаю печать
[ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 39. Д. 133. Л. 2]

На основании данной записки тобольскому губернатору от Березовского земского суда был предоставлен рапорт — «удостоверение обывателей с. Обдорска и Кымпугорских остяков о бедственном положении Обдорского князя Тайшина, в кое поставлен он упадком оленного скота». Губернатор пожелал убедиться, «справедливо ли удостоверение и нет ли тут какой-нибудь интриги против Тайшина», после чего просьба князя была передана «на обсуждение общества инородцев, собравшихся в Обдорск для положения ясака». «Разных ватаг инородцы, бывшие в общем собрании, составили приговор о вознаграждении князя Тайшина за понесенные им потери в оленном скоте» и ходатайствовали «о пособии князю перед начальством»; при этом же были отмечены «заслуги старшины Егора Паина, управляющего производством Обдорской инородной управы с 1853 г. постоянно с неутомимым усердием». Главное управление Западной Сибири сочло возможным выдать «князю Тайшину пособие в сто рублей из инородческого запасного капитала», старшине Егору Егорову Паину (ю. Ендырские) за заслуги объявлялась благодарность генерал-губернатора [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 39. Д. 133. Л. 1, Зоб.—5, 8об.]. По сообщению О. Финша и А. Брэма, князь Иван Тайшин получал от правительства 30 руб. годового оклада, однако был «не в состоянии достигнуть своего прежнего блеска» [1882: 353].

По поводу бедственного положения княжеского рода Тайшиных в низовьях Оби сохранилось предание «*Канась эви вус*» [М. С. Тохма, р. Полуй, 1994]:

Тайшины прежде бедными были, даже кусочка шкуры не имели... Одного мужика из рода Худи за что-то хотели судить, а он к князю Тайшину дочь сватать пришел. Сам Худи держал много оленей. Говорит он князю: «За сколько свою дочь отдашь, за триста голов отдашь?» Князь сидит тихо, голову опустил, глаз не поднимает. Не хочет девку отдавать, а жадность свое берет, два часа думал, потом отвечает: «Иди, собирай оленей». После этого Тайшины разбогатели, нашли пастуха (отец Ильи Тайшина их оленей выпасал), больше двух тысяч голов впоследствии держали.

Священник П. Попов сообщал о намерении Ивана Тайшина женить своего 9-летнего внука «на девице из богатого семейства языческой веры». Не взирая на совет подождать до совершеннолетия мальчика и призыв не совершать «поступка, противного церковным и гражданским законам», князь исполнил задуманное, а также помолвил свою 20-летнюю дочь с мальчиком 10 лет [Путевые журналы 2002: 20, 34].

В конце 1890-х гг. Тайшины владели рыболовным песком Аз-гом-пан (Князевский) и сенокосными угодьями на противоположном от юрт Князевых берегу, которые сдавались в аренду русским купцам [Фонд ТГИАМЗ. Тм кп 13428. Л. 64об.—65об.]. «Жил Тайшин постоянно в так называемых Князевых юртах, в 25 верстах от села Обдорского на север» [Попов 1890: 458]. По словам Иринарха, «князь Тайшин в Обдорске имел свой «дворец», где производил суд и расправу над остяками и самоедами. После смерти этот дом князя, согласно его воле, был обращен в больничный для инородцев покой» [1915. № 11: 179]. Однако здание Обдорской управы (двух управ), хозяином которого до конца своих дней считался Иван Тайшин, было, судя по описанию писаря С. Энгестрема, «более похоже на караульню», чем на княжескую резиденцию [НА ТГИАМЗ. № 46. Л. 3об., 5об.—6]:

<Оно имело> одну свободную комнату для занятий делопроизводством обеих управ; эта же комната служила и сборною, и квартирою для семейства сторожа при каталажной, и гостиницею для членов управ с их семействами во время ярмарки, и положения ясака, и вообще постоянным сбродом всякого праздного народа, <здесь же ночевал> и единственный в селении стражник... Пройдя узкую перегородку, я очутился в квадратной комнате... с двумя окнами, по одному в стене, русскую печью с приставленной к ней железною печью поломанною, к употреблению негодною; в левой стене комнаты пробиты двери... с железной решеткою в арестантскую комнату, двери эти вместе с колодою свободно вынимались. Убранство управской комнаты составляли два стола, из которых один сломанный, приставлен был к стене и перед ним стоял единственный стул; у стены три лавки для сиденья; все это сделано прямо из-под топора, о краске нечего и думать. Далее в углу стоял черный деревянный шкаф с расшатавшимися стенками и отломанными двумя ногами так, что если попытаться переставить его в другое место, то он неизбежно должен рассыпаться; шкаф этот поддерживался углом, на который он опирался под тяжестью лежавших в нем бумаг, оказавшихся архивом Заседателя. Внутренность комнаты дополняли, с одной сторо-

ны окна портрет Государя, а с другой — прибитый к стене черный пороховой ящик для текущих бумаг и канцелярских материалов. Там оказались бочонок со стусившимися чернилами, кусок веника из березы с навязанным стальным пером, разбитые счеты и податные тетради за несколько лет с белыми листами. Под одною из лавок стоял подвижный обыкновенный деревянный сундук, запертый внутренним замком, без приложения печати с кассою управы... Стены управы бревенчатые, прямо в срубе в пазах бревен проглядывала глина — признак защиты от холода. Вся комната и потолок представлялись чисто черными от копоти и грязи, пол покрыт толстым слоем этой последней; нужно было пристукнуть ногою, чтобы определить, из какого он материала и не земляной ли. Только присутствие печи, а не чувала, да выбитые в окна стекла, а не льдины, отличали комнату от остяцкого чума. В арестантской или каталажной комнате арестантов не было; обстановка еще печальнее канцелярии: в левой стене, пробитой сквозными дырами, недоставало бревна, так что можно было смотреть на улицу; нары, укрепленные когда-то одною стороною к стене шарнирами, а другую — на ножке обыкновенного стула...; решетка, державшаяся всего на трех гвоздях, мешавших ей упасть на пол, большинством прутьев не касалась рамы окна...

Вид обветшавшей управы вполне соответствовал положению и облику старого обдорского князя Ивана. О его отце Матвее Ф. Белявский писал, что князь «роста, хотя и малого, но статен, лицом не так дурен, как вообще все остяки, белокур, бороды не носит, сложения довольно крепкого, природного ума имеет очень много, чрезвычайно горд, самолюбив и скуп до крайности... Сам князь весьма богат; у него более пяти тысяч оленьей и около двадцати тысяч рублей наличными деньгами, остающихся мертвым капиталом без всякого употребления» [1833: 84—85]. В момент первого знакомства с Иваном Тайшиным (1858/9) А. Алквист увидел человека пятидесяти с небольшим лет, «среднего роста с круглым лицом и немного выступающими скулами, как это вообще свойственно остякам». По поводу второй встречи (1877 г.) он описал, что Тайшин «высокий человек, не без благородства во внешности, и хотя ему уже 70 лет, еще подвижен и оживлен; его нрав и манеры поведения показывают, что он привык приказывать и что ему не отказывают в послушании». На рыболовном песке князь был запечатлен спутником А. Алквиста Боэмом, а в публикации размещен его портрет [1999: 110—111].

Иван Тайшин по-своему впечатлил немецких путешественников О. Финша и А. Брэма: его «безбородое лицо..., лишенное всякого

выражения, с тусклыми серыми глазами, важно вытянутая нижняя губа, морщины на лбу и щеках и гладко зачесанные назад волосы напоминали скорее немецкого филистера, чем тип кровного остяка, родословная которого начинается с 1601 года» [1882: 352]. Писарь С. Энгстрем так описал свою первую встречу с князем И. Тайшиным в Князевых юртах [НА ТГИАМЭ. № 46. Л. 14–15, 16об.]:

Дом этот ничем не отличался от жилищ прочих остяков, то же самое можно сказать и о внутренней обстановке. Впрочем, постель князя, или, вернее, то место на полу, против дверей, где он спит, не в пример другим занавешено было пологом от парусного холста, вероятно от комаров, из-под полога выглядывали ноги, пятками вверх, в обыкновенной остяцкой обуви. Слышалось нечто среднее между стоном, храпением и бредом... <Разбуженный окриком внука князь> медленно повернулся и, увидя русское стороннее лицо, поспешил встать на ноги. Предо мною точно вырос старый, лет за 80, уже охилевший высокого роста остяк с умным и симпатичным выражением лица, волосы у него пожелтели. Я отрекомендовался князю... Князь бегло, но внимательно окинул меня с головы до ног, протянул руку, усердно пожал мою, назвался Обдорским князем, извинился, что не вполне трезв и попросил садиться беседовать. До сих пор разговор шел на русском языке, но, заметя, что князю язык этот знаком немногим более того, как мне остяцкий, я продолжал говорить через переводчика. Не успели мы обменяться несколькими словами, как князь вдруг, забывая и недавнее знакомство и прежний приличный вид, спросил меня, много ли я привез ему водки и где она. <Услышав отказ, князь заметил,> что такое невнимание доказывает неуважение к нему, обдорскому князю...

Чая князь выпил один только стакан и то, по-видимому, более из приличия, но поданные на тарелке пряники и сухари забрал все в платок для раздачи маленьким внучатам. Увидя лежавшую у меня книгу, почетный гость спросил, что это за книга; я ответил, будто это закон; князь раскрыл ее, перекрестился и усердно облобызал раскрытые листы. Закрыв книгу и отдавая ее мне, он снова выразил сожаление о привезенном мною небольшом количестве водки и прибавил, что не приложит к делам ни одной своей печати (вместо подписи за неграмотного) без бутылки водки:... «Как ты себе хочешь, а у меня такое обыкновение».

<И все же> эта личность своими неутомимою долголетнею работою в деле правления, далеко не простым умом и политикою, с какою князь держит себя при желании перед начальством и подчиненными, значительно выделяется из массы своих сородичей.

Жалованные грамоты казымского князя Юзора Райдукова (1692 г.)
и куповатского князя Якова Артанасева (1768 г.)
[НА ТИИМЗ. Гм кн 12849, 12850]

Остязкой Князь Ташинь.

Обзорская Крепость.

Остязкий князь Ташинь
[Беляевский 1833]

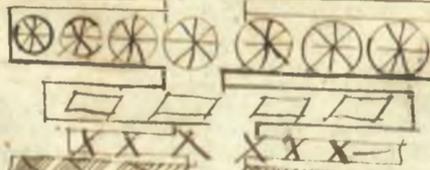
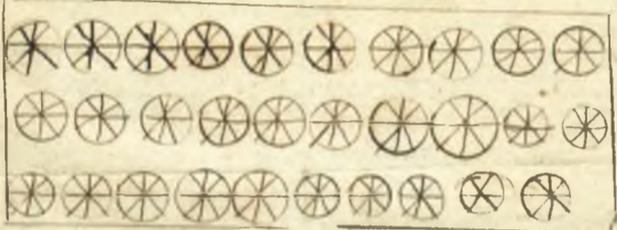
КВИТАНЦІЯ.

1832 года дана сія квитанція Березовскаго Округа *Обдорской*
 волости рода *Самоедовъ и Остиковъ*
Матвею Тайншину с _____ в томъ,
 что въ число слѣдующихъ съ тою *волости* на 1832 годъ
 сборовъ получено деньгами и звериными шкурами на нижеозначен-
 ную сумму. Отъ *Березовскаго Округа*
 въ *февралѣ* _____ мѣсяцѣ _____ числа для _____

Число шкур.		руб.	к.
<i>два</i>	Лисицы чернобуръ в лапахъ и сидящихъ буре	120	
<i>двадцать</i>	Сиводуцы <i>обдорской</i>	116	
<i>двадцать</i>	Бѣлыхъ Бѣлодушъ <i>съ лапами</i>	108	
	Обиныхъ бѣлыхъ <i>съ лапами</i>		
	Горностаей съ лапами и хвостами		
	Пѣсцовъ голубь		
<i>двадцать</i>	Волковъ <i>в лапахъ</i>	176	15
<i>тридцать</i>	Индопсковъ <i>съ лапами</i>	36	42
	Оленьихъ шкуръ <i>съ лапами</i>		
	Вибръ		
<i>пять</i>	Рисосиныхъ <i>обдорской</i>	5	
	Волковъ		
	И всего на сумму	785	75

Деньгами
1812 руб.
87 коп.

А всего на 785 руб. 57 коп.

Матвей Тайншинъ
Владимиръ Тайншинъ
 Остиковъ

Квитанция, выданная Обдорской волости рода самоедов и остиков князю Матвею Тайншину за собранный ясак деньгами и звериными шкурами (1832 г.) [НА ТТИАМЗ. Тм кн 16508]

«Чертеж земли Березовского города»

[Чертежная книга Сибири 2003. Т. 1: 8]

Куноватский князь Артанзеев с женой (рисунок М. Знаменского)
[Sommer 1885]

Обдорскій князь Иван Тайсны (рисунок М. Знаменского)
[ГТИАМЗ. Т.м кн ГИ-292]

Князь Тайшин и старшины (рисунок М. Знаменского)
[ГИАМЭ. Тм кн ГИ-291]

Березовский окружной исправник Г. Попов [1890: 458] отмечал своеобразный актерский талант Ивана Тайшина, умевшего по мере надобности преобразиться:

Одевался Тайшин обыкновенно так же, как и другие остяки, т. е. носил пимы, малицу или гусь, и только тогда надевал свой кафтан..., когда ему нужно было явиться к исправнику или заседателю. Словом сказать, когда Иван Матвеевич был без кафтана, он представлял обыкновенного остяка и не отличался даже чистотою. Но представьте себе, что Иван Матвеевич умылся, причесал свою голову, надел кафтан и знаки отличия, и тогда он глядел уже князем. Замечательно, что кафтан все сразу менял в Тайшине: походку, осанку и взгляд... Ивана Матвеевича в этом случае сопровождали переводчик и старшина или его помощник... Пользуясь среди остяков большим почетом, Тайшин на каждом шагу проявлял свою власть. Однако власть эта держалась не столько на уважении к личности Тайшина, сколько на боязни. Остяк хорошо знал, что все сказанное Тайшиным должно быть исполнено, иначе его накажут, и слепо повиновался приказам Тайшина.

По свидетельству Иринарха, призываемые на суд Тайшина остяки «приближались к князю зачастую на коленях»; однако «гордый в обращении с инородцами, важный в обращении с местной администрацией, он принимал личину смирения пред теми, за кем чувствовал силу» [Иринарх 1915. № 11: 178—179]. В то же время Иван Тайшин был чрезвычайно упрям и твердо придерживался остяцких традиций: он не построил в Обдорске своего дома, всегда объяснялся с русскими через переводчика, хотя достаточно понимал по-русски; «не разрешил ни одному из своих многочисленных сыновей и племянников поступить в кадетский корпус, где их княжеское происхождение очень пригодилось бы при продвижении по службе» [Алквист 1999: 48—49].

Как отмечали современники, князь Иван «выделялся из остяцкой среды умом и юмором, был общительным, веселым и шутивным», но «по свойственной всем остякам приверженности к пьянству не оставлял своим вниманием чарку, и в пьяном виде, несмотря на свою старость, буянил. Бывали случаи, что Тайшина в таком состоянии сажали в кутузку для вытрезвления» [Попов 1890: 459; Иринарх 1915. № 11: 179]. Побывавший на Обдорской ярмарке К. Голодников [1878: 2] утверждал, что «сами князья, обдорский Тайшин и куноватский Артанзеев, подают дурные примеры своим поведением»:

Однажды в проезд мой чрез Войкаровские юрты я, увидев в чуме два бочонка с водкою, спросил хозяина, достаточного остяка:

«Для чего или для кого... купил так много вина?»

«Для князя,... князь будет на днях в Войкары» (Артанзеев схал в это время из Куновата в Березов для сдачи ясака).

«Да ты бы лучше чаем угостил его!» — заметил я.

«Чай сам по себе, а водка сама по себе! — отвечал, улыбаясь, остяк. — <Князь> велел,... чтобы водка была, а не то запорю...»

Тайшин, старик лет 80, пьет, как слышно, хорошо, но Артанзеев — куда лучше его; для него четверть ведра в сутки — легкое дело.

В феврале 1886 г. обдорский князь Иван Тайшин скончался. «Похоронили Ивана Матвеевича на остяцком Обдорском кладбище к северо-западу, ближе к буераку, от местонахождения большой новой инородческой больницы, поставленной на костях погребавшихся здесь прежде остяков. Это остяцкое кладбище ... заброшено с конца 90-х гг. XIX столетия. Могилы уже посравнялись с землей и редко где можно заметить еле сохранившиеся голбчики могильных остяцких насыпей. Место погребения князя Ивана тоже точно не известно... Существует молва, будто тело князя Тайшина в ночь после его предания земле было остяками отрыто и увезено в Князевские юрты, место рыболовных вотчин его и его предков» [Иринарх 1915. № 11: 176—177].

Судьба династии была предрешена. К тому же в административных кругах сложилось убеждение, что «ни один из сыновей покойного князя не только не составил хорошего о себе мнения, но все они своею безправственною жизнью, пьянством и отсутствием хотя бы инстинктивных хороших сторон своего отца окончательно уронили себя в глазах начальства, и в глазах своих сородичей. Если поступки их мало обнаружены и были безнаказаны, то единственно из сожаления к старику отцу и нежелания открыто компрометировать его правительство» [НА ТГИИМЗ. № 46. Л. 17]. По решению Тобольского губернского правления, прямым наследникам Ивана Тайшина, сыновьям Ивану и Марку, были оставлены все жалованные их отцу вещи, за исключением Высочайшей грамоты на княжение, так как «сыновья его стоят на ... низком уровне развития: один из них пасет стада оленей, другой же занимается ямщицеством, и оба не пользуются в среде окружающего их населения уважением и одинаково с умершим отцом их сильно подвержены склонности к употреблению спиртных напитков, в каковом виде характера буйного» [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 33. Д. 596.

Л. 4—4об.]. В 1910 г. все эти знаки отличия и последняя грамота (1768 г.)³⁴ находились у внука князя Ивана Тайшина, Савелия (Василия) Ивановича, известного в Обдорске под кличкой «Савка» [Иринарх 1915. № 11: 181].

И все же влияние Тайшиных среди остяков и после смерти последнего обдорского князя было заметным. При жизни Ивана Тайшина остяцкими старшинами были дальние родственники князя Прокопий Паильтин и Позы (вероятно, Ендырев), в 1891 г. вместо Позы старшиной был избран Семен Тайшин [Фонд ТГИАМЗ. Тм кп 13428]. Потомок обдорских князей Савелий Тайшин оказался одним из двух выборщиков в I и III Государственные Думы от Обдорской волости [Иринарх 1915. № 11: 181; 1916. № 8—9: 192, 197]. Среди инородческих старшин 1922 г. упоминается Василий Тайшин [Судьбы 1994: 71—72]. По воспоминаниям обдорских хантов, Тайшины «судили и при красных»: «в юрты Горнокнязевские зимой собирались разных родов ханты. Судили Василий Тайшин и его брат. За проступки наказывали розгами или били ладонями по лицу» [Я. Н. Климов Зеленый Яр, р. Полуй, 1988; М. Тохма, ю. Мус-пан, Б. Обь, 1994].

Фигура князя Тайшина представляла собой центральное звено обдорской родовой элиты, и с ее исчезновением прежде существовавшие отношения власти и подчинения среди остяков и самоедов были нарушены. После смерти князя Ивана одно за другим появляются дела об оскорблении старшин на словах или действиями при исполнении служебных обязанностей: Семену Тайшину остяк Вылпослинских юрт Иван Яули сказал, что «не признает за начальника... и обозвал его... борзой собакой», старшине Ермику Ендыреву ненец рода Хунеды плюнул в лицо, а остяк Кали бросился на него в драку, оскорбления посыпались и в адрес самоедских старшин [Фонд ТГИАМЗ. Тм кп 13428. Л. 72об.—73, 117, 129об., 130об.—131]. Еще при жизни последнего обдорского князя было подмечено: «там, где нет князей, остяки из своей среды выбирают старшин, которые уже не пользуются ни тою властью, ни тою любовью, какою пользовались старые князья» [Список 1871: CLXVI].

³⁴ После смерти Ивана Тайшина грамота на княжеское достоинство и право завладения остяками и самоедами Обдорской волости, выданная Екатериной II его правде, поступила в распоряжение тобольского гражданского губернатора и только по прошествии двух лет была возвращена потомкам Матвея Тайшина Ивану, Семену и Василию [Судьбы 1994: 30—31, 301].

Три этапа российской колонизации (военно-политический, конфессиональный и правовой) оставили заметный след в этнополитической ситуации Северного Приобья, хотя, в силу отдаленности и труднодоступности, северные остяки и самоеды испытывали менее осязаемое воздействие российского управления и русской культуры, чем сопредельные западные и южные области Приуралья и Приобья. В то время как в «эпоху Ермака» западно- и южно-угорские княжества были разгромлены или подчинены российским воеводам, в Северном Приобье сохранялась и по-своему укреплялась наследственная власть князей Тайшиных (в Обдорске), Артанзеевых (на Куновате), Молдановых—Сенгеповых (на Казыме), Юркиных—Непкиных (на Вогулке и Оби в районе Березова). Вплоть до конца XVII в. северные остяки и самоеды под явным или скрытым началом своих князей противостояли казакам и их союзникам. С падением основных угорских центров, Югры и Коды, Обдория и Куновать в течение почти столетия остаются постоянным источником «смуты». Тем самым, в отличие от западных и южных областей, для Обдории и Куновати этап военно-политической колонизации длился значительно дольше. В начале XVIII в., когда на всей остальной территории Приобья уже разворачивалась борьба за «истинную веру» (христианизация), в Обдории еще в полной мере не завершилось военное подчинение туземцев, особенно кочевых тундровых самоедов. Не случайно северные остяки и самоеды восприняли христианизацию как новый виток войны, и характер их действий против русской администрации и крещеных соплеменников не оставляет сомнений в том, что на севере Приобья «эпоха Лещинского» стала для коренных жителей прямым продолжением «эпохи Ермака».

Российское государство осуществляло военную колонизацию не только силой казачьих дружин и отрядов воевод, но и с помощью самих же остяков, умело используя противоречия между остяцкими князьями. Так, некогда могущественное остяцкое княжество Кода было превращено в российского сателлита и с начала XVII в. являлось противовесом непокорным северным и восточным соседям. При содействии кодских войск была разгромлена селькупская Пегая Орда, велика их роль и в подчинении северных приобских территорий. Не раз отряды северных остяков

и самоедов подходили к Березову с намерением «побить всех русских людей» и уничтожить кодских изменников. В этот период возрос престиж обдорских князей как вождей мятежных северных остяков и самоедов. После полного подчинения русским Коды центр туземного политического влияния сместился на север, во владения обдорских князей.

В XVIII в. Обдорское княжество в какой-то мере повторяет судьбу Коды, постепенно становясь опорой Москвы в распространении административного влияния России среди кочевых северных остяков и самоедов. Политика управления самоедами через посредство обдорских князей Тайшиных в течение нескольких веков оказывалась наиболее эффективным методом управления «немирной», «воровской» самоядью. Несмотря на усердие во время миссионерских рейдов «сибирского апостола» Ф. Лецинского и его последователей заобдорское туземное население осталось некрещеным. В Северном Приобье сложилось языческое единство не принявших православие обдорских остяков и самоедов. Обдорские князья Тайшины, вынужденные принять крещение в целях сохранения личной власти, оставались верными «вере отцов». Самоедские походы против «неверных», возглавляемые обдорскими князьями, прокатились по всему Березовскому краю. Под защитой князя в Княжеские юрты стекались не пожелавшие принять крещение остяки и самоеды, а с ними и подвергавшиеся репрессиям «шайтаны» и «идолы». Князья Тайшины, остававшиеся в душе язычниками, часто силою личной власти останавливали продвижение миссионеров на север. Благодаря упорству обдорских остяков и самоедов, возглавляемых князьями, деятельность обдорской миссии не принесла результатов — туземное население заобдорских тундр так и осталось некрещеным. В то же время в близлежащих от российского административного центра Березова Подгородной и Казымской волостях интенсивность российской колонизации и христианизации была более значительна. Эти процессы, дополняемые династическими распрями, заметно ослабили позиции казымских и березовских князей. В середине XVIII в. подтверждения своих полномочий добиваются лишь обдорские князья Тайшины и куноватские князья Артанзеевы.

Пришедшая в XIX в. на смену «политике конфессионального давления» тактика правовой регламентации социальной жизни туземцев сводилась к дальнейшему подчинению коренного населения и обеспечению постоянных поступлений в казну. Сбор ясака с подвластного населения становится почетной привилегией князьков. Постепенное сближение ту-

земной элиты (прежде всего князей) с местной русской администрацией приводит к усвоению остяцкими князьями «норм» административной жизни. Воровство, коррупция, распродажа земель приходят на смену заботе о своих подданных, утвержденной обычным правом. «Устав об управлении инородцев в Сибири» 1822 г. спровоцировал новый конфликт между остяками и самоедами, столкнув интересы туземной элиты. Самоедские выступления против российской власти заставили признать удобство использования «послушного» остяцкого князя, опиравшегося на сильные Обдорские городки. Превосходство жалованных князей основывалось на их «союзе» с российскими государями, когда первые «желали соблюсти пользу Кабинета», а последние заботились о недопущении нарушений «воли и прав». Подкрепленная со стороны туземцев «верою отцов», а со стороны российской администрации «пользой Кабинета», власть остяцких княжеских родов Тайшиных и Артанзеевых оставалась непоколебимой до конца XIX в.

В той или иной степени сохранявшееся на протяжении XVI—XIX вв. политическое влияние обдорских, куповатских, березовских и казымских князей явилось одним из оснований формирования нижеобской общности северных остяков. Российская колонизация подтолкнула угров к продвижению на север Приобья, в результате чего происходили миграции населения с запада на восток (через Урал) и с юга на север (по Оби), были часты столкновения между нижеобскими самоедами и мигрантами-остяками, шел процесс смещения угорского и самодийского населения, особенно усилившийся вследствие возникновения в XVIII в. языческого «союза» между обдорскими остяками и самоедами. Названные обстоятельства послужили социально-политической основой складывания самобытной этнической общности северных хантов, связанной в этнокультурном отношении с самодийцами и с приуральскими уграми.

Глава II

ВОЙНЫ И МИГРАЦИИ

В фольклоре нижнеобских угров сохранилось множество легенд и преданий, отражающих формирование северных хантов. Они включают данные о миграциях в северное Приобье различных угорских групп, многообразные свидетельства военных столкновений северных хантов как с самодийцами, так и со своими соплеменниками. Порой может показаться, что средневековое северное Приобье представляло собой театр непрерывных военных действий.

Ханты считают, что территорию северотасяжного Приобья прежде населяли люди *ур ёх*, которых вытеснили пришедшие на эти земли предки угров — *мось ёх*. Войны между *мось ёх* и *ур ёх* носили затяжной характер; в конце концов, *ур ёх*, не сумевшие устоять против пришельцев, частично отступили к устью Оби и верховьям ее притоков, частично были ассимилированы уграми. Позже северным уграм пришлось обороняться от своих же западных и южных соплеменников. Первые известны в фольклорных материалах как *лев охаль* — ‘сосвинский народ’, вторые как *хурун ёх* — ‘народ городков’.

Кроме передвижений, связанных с военными действиями, в фольклоре северных хантов содержатся рассказы о мирных миграциях угорского населения на север, при этом отмечается та же направленность переселений — с запада и с юга. Западный поток мигрантов связывается с легендарным народом *пастэр ёх* и другими угорскими группами, относящимися к *охаль*, южный — с приплывшим во времена потопа на плотах и расселившимся по многочисленным протокам Мал. и Бол. Оби народом *пор ёх* (‘люди плотов’) или *послан ёх* (‘люди проток’).

Известно, что в течение нескольких последних столетий преобладающими среди угров были миграции в северном и восточном направлениях [см.: Соколова 1979в, 1982: 8–45; Миненко 1969: 84–87; Головинёв 1988а: 86–100], таким образом, для Северного Приобья доминирующими были переселения с запада (из Приуралья) и юга (среднетаежного Приобья). Это подтверждается фольклорными материалами, собранными автором среди различных групп северных хантов. Ниже речь пойдет о миграциях угров в Нижнее Приобье на основе фольклорных данных, которые не дают сколько-нибудь точных датировок, и судить о последовательности хаpaктеризу-

емых переселенческих потоков можно лишь по соподчиненности сюжетов, их сопоставимости с историческими событиями (например походами воинов Коды и процессом российской колонизации) или по косвенным указаниям на их древность (например отнесенность к «эпохе потопа»).

Завоевание земель «лесного народа» (*ур ёх*)

По утверждению нижеобских хантов, до прихода угров в северной тайге проживали *ур ёх* (*ор ях*) — 'лесной народ' — самоеды (ненцы). Авторы середины XIX в. переводят наименование *ур ёх* (*орхой*) как 'дикий человек'. Это определение связывалось с «самоедской» традицией поедания своих врагов и даже соплеменников и закрепилось за самоедами с начала военных столкновений с уграми [Абрамов 1857б: 350; Кушелевский 1868: 52]. К названию *ур ёх* имеет отношение известное недоразумение, когда (в 1894/95 г.) профессор А. И. Якобием в ходе его поездки на р. Надым был «открыт» народ *нёхас ор ях* (*нях-самар-ях*). И. Папай перевел это название как «собольные самоеды», «живущие в районе, где много соболя», считая что оно относится к небольшой группе самоедов [Хроника 1902: 60] В. В. Бартнев утверждал, что этот «небольшой народец», называемый остяками *нях-самар-ях*, расселенный по р. Надым, по внешнему облику ничем не отличался от самоедов, хотя язык их не имел «ни малейшего сходства ни с самоедским, ни с остяцким» [1896: 51–52]. Б. М. Житков свидетельствовал, что *ор ях* — название самоедов на обском диалекте хантыйского языка, а народ *няхсам-орях* — «самоеды, чистящие рыбу», обнаруженный Якобием, представлял собой либо осамоедившихся остяков, либо «род юраков, зашедших с Тазовской губы», которых сами самоеды называли *пядан-хазеу* — «лесными самоедами» [1913: 249–251]. Г. М. Дмитриев-Садовников сообщал, что надымские ханты называют ненцев *ор яг* — 'дикий лесной народ', а лесных ненцев (*пян-хасово*) — *нагсэм ор яг* — «чищенные самоеды» [1918: 25]. По мнению Б. Н. Городкова, *няхсам-ор-яг* (чищенные самоеды — по-остяцки) и *пян-хасово* (лесной народ — по-самоедски) — это название одной и той же ветви самоедов-юраков, так называемых лесных самоедов [1926: 62].

Обские угры именуют ненцев *ёрн / яран ёх* (манс. *ёрн махум*)¹ или *ур* (*ор*) *ёх*. Первый термин распространен среди северных нижнеобских хантов

¹ В. В. Поповских считает невозможным отделение обско-угорского **jouɾən / *jouɾəl* 'ненцы; некий народ к северу от обских угров' от пермского **jogra* 'обские угры; некий народ к (северо-) востоку от коми'. Изначально, по мнению автора, этноним **jouɾən / *jouɾəl* обозначал северных соседей обских угров, живших в Северном Зауралье и Нижнем Приобье, а позднее «по чисто географическим причинам» мог быть перенесен на ненцев (хотя не исключается раннее парасамоедское происхождение Югры) [1998: 347–349].

не столь широко, как у казымских хантов или сосьвинско-ляпинских манси. Обдорские ханты называют тундровых ненцев *ор ях* (*хармо ор ях*), среди которых выделяют: *кейв ор ях* — уральских, *ямал ор ях* — ямальских, *орас ях* — обских. Исконным местом *нѣхсам ор ях* они считают р. Надым, а *ор ях* (в частности ненцев *Нано-Харючи*) — водораздел между реками Полуй и Кутоп-юган. Лесных ненцев они именуют по-ненецки *пян хасаво* и *педаран хасаво*. Ханты рек Сыня, Войкар, Куноват называют ненцев, особенно когда речь идет о старых временах, *ур ъх*, а кочующих по Уралу — *ѣрн ъх* и *саран ур ъх*.

А. М. Сязи истолковывает *ѣрн* как 'черный' и предполагает, что понятие может относиться «к цвету лица ненцев — более темному, чем у хантов». По наблюдениям исследовательницы, южные группы нижеобских хантов нередко называют *ѣрн* своих северных соплеменников [2000: 4–5]. Относя *ѣрн ъх* и *ур ъх* то к ненцам, то к «разным народам», ханты Нижней Оби утверждают, что основным занятием «лесного народа» была охота на диких оленей, тогда как тундровые ненцы характеризуются как оленеводы. По-видимому, первые продвинувшиеся на север мигранты-угры встретились с тасжыми охотниками на диких оленей *ур ъх*, а позднее, со становлением у ненцев крупностадного оленеводства [см.: Крупник 1989; Головнёв 1993], тундровики-олленеводы стали восприниматься ими как *ѣрн ъх*. Возможно, в низовьях Оби последнее название появилось вместе с поздними миграциями угров или даже коми-зырян [Дмитриев-Садовников 1918: 25]. У восточных хантов и северных манси, групп относительно позднего формирования [Соколова 1979б: 126; Бабаков 1973б: 86–87; Головнёв 1995: 100–101], существует только один вариант наименования ненцев — *ярган ях*² / *ѣрн махум*. Иногда нижеобские ханты, давая толкование различиям наименований *ур ъх* и *ѣрн ъх*³, определяют первых как «ненцев вообще», а вторых — как «ненцев, не подчинявшихся советской власти» [о ненцах-мятежниках см.: Головнёв 1995: 165–196].

Вся территория Обдории и Куновата в средние века представляла собой зону военного противостояния *ур ъх* и угров. С. К. Патканов, основываясь на остяцких преданиях, называет остров Конавыт границей между самоедами и уграми [1891а: 8]. Главными «горячими точками» того времени нижеобские

² В этой связи нельзя не отметить бытование у хантов Сургутского Приобья преданий о нских *ар ях* или *арэх ях* — 'песенных (древних, старых) людей' [Мифы 1990: 32].

³ На мой взгляд, в данном случае не исключена различная огласовка одного и того же слова: *ур ъх* — *ар=ор* (*орн* / *орен*) *ях* — *ѣрн* (*ѣрын*) *ъх* — *ярын* (*ярган*) *ях*.

ханты считают городок Вош-пай⁴ близ Кушевата и бассейн р. Куноват. По легендам, войну с *ур ёх* выиграли три брата: *Ун мось ху* — 'Большой человек Мось', *Кутон мось ху* — 'Средний человек Мось' и *Ай мось ху* — 'Младший человек Мось'. В первых столкновениях *ур ёх* были оттеснены в верховья рек Логасьеган и Куноват. На высоком яру, неподалеку от основанных позднее юрт Сангымгорт, пришельцы-мось установили дозорный пост из женщин и девиц. Ответным ударом *ур ёх* взяли городок и перебили всех оборонявших его женщин. До сих пор это место на яру называется *Евиет вош* — 'Девичий городок'. Факт беспощадного отношения самоедов *ур ёх* к женщинам — свидетельство особого характера конфликта, когда шла борьба за родную землю (территорию) и уничтожались все враги-пришельцы без различия пола и возраста. Этим военная тактика отступающих *ур ёх* отличалась от обычных военных экспедиций и грабительских набегов, когда «не пушнина и иные драгоценности, не укрепленные городки и богатые промысловые угодья, а именно женщины и олени» выступали основным объектом и целью нападения [Головнёв 1995: 111].

Несмотря на отчаянное сопротивление *ур ёх*, р. Куноват стала владениями пришельцев-угров, и лишь небольшое число «куноватской самоеды» (потомков *ур ёх*) обитало в ее верховьях до XIX в. Победы угров, возглавляемых братьями *Мось*, воспеты в преданиях: на Куновате основаны святилища трех богатырей *Мось*. На главном из них, мысе Духов (*Лолх авыт нель*), были установлены остроголовые скульптуры братьев-воинов, здесь же хранились доспехи и оружие победителей. Раз в семь лет проводились военные пляски, во время которых куноватские ханты (*кун авыт ёх*), считавшие себя потомками воинов *Мось*, извлекали из тайников оружие, и над рекой Куноват звучал призывный военный клич «Гей! Гей!» и сверкали поднятые вверх мечи и сабли.

На других территориях Нижнего Приобья о былых войнах угров с самоедами говорят топонимические названия: р. Сыня имеет приток *Ёрн ёх вилим юган* — 'Река, где с ненцами война шла', чуть выше, в районе Тильтима, есть урочище, именуемое *Ляль екртым* — 'Война окончилась (повернула обратно)'

Северная граница военных столкновений угров и *ур ёх* проходила в 35 верстах от Обдорска. По записанной игуменом Иринархом легенде, остяки вытеснили самоедов к большому сору Вангада, где развернулось решающее сра-

⁴ По данным Е. П. Мартыновой, обитателями древних городков (*вош пай*) в Нижнем Приобье считаются *ар сыр* — 'разные люди' (представители разных народов, племен и родов) или *мув сыр* — 'земляные люди' [1998: 89].

жение. Выиграв битву, остяки отнесли головы побежденных к ручью Хоронэуподы, насадив «трофеи» на колья. Впоследствии самоеды стали приносить здесь жертвы и, проезжая из тундры в Обдорск, оставляли на святилище олени черепца. Минули столетия, а обгаренное самоедской кровью место при ручье Хоронэуподы не забылось, став целой горой из костей жертвенных оленей [Иринарх 1910. № 4: 182—183]. Предания о победах остяков над самоедами сопоставимы с архивными материалами. В 1525 г. самоядь «югорская», живущая «по реке по Оби», была челом «на югорского князя на Кутыгея», который их «воюет». По этому поводу самоядь просила великого князя Василия III защитить их, взяв «под свою руку», за что обещала «служити» и «дань... давати» [Под стягом 1992: 6—7].

По сообщению Ю. И. Кушелевского, «клятва вечного мира» между остяками и самоедами была дана около ю. Паццерцовых. В знак признания самоедами «владычества остяков» был исполнен обряд: «из среды своей, по жребию, избрали одного самоеда, убили его, сварили и съели. После срубили у листовницы вершину и на оставшемся отрубке поставили то корыто, из которого ели человеческое мясо» [1868: 54]. Обдорский городок стал политическим центром Обского Севера и резиденцией остяцкого княжеского рода Тайшиных. Языческое капище на Ангальском мысе, где совершались человеческие жертвоприношения, долгое время исполняло роль культурного центра как остяков, так и самоедов. Подчеркивая свое военное превосходство над *ур ёх*, ханты рассказывают, что их противники «прятались в лесу, как дикари».

Самоеды опасались даже взятых в плен детей хантов. По преданию, женщина хантыйского рода *Махсар ёх* (Максаровы и Бубины) во время войны с *ур ёх* была вместе с дочерью и сыном захвачена ненцами. Один из самоедских вождей женился на ней. Опасаясь мести со стороны взрослеющего хантыйского мальчика, ненцы решили убить его. Мать посадила сына в лодку и велела ему плыть вверх по Оби до двух больших соров (Питлярского и Шурышкарского), туда, где осталась его родина. Выросший среди ненцев мальчик не умел говорить по-хантыйски; добравшись до Питлярского сора, он влез на высокое дерево и закричал: «Нюром мув Махсар». Его заметили ханты и поняли, откуда он прибыл. Позднее его отправили в Шурышкары, дав ему фамилию Максаров⁵.

⁵ Л. Н. Жеребцов переводит «Мёсь юр» (Мосюров — Мёсьюров) как «корова голова» и отмечает, что подобные фамилии — Изъюров, Просьюров, Кызьюров — типичны для коми [1982: 58].

Основателя рода *Лох пат горт ёх* (или *Шиян пугор ёх*) — ‘Заливного тупика народ’ (Шияновы) — старика Какванси прозвали Парши-скоблитель за то, что он «поймал старика ненца, укравшего у него зайца, и собирался убить вора, но ненец взамен зайца отдал ему мальчишку-ненца. Старик Какванси соскоблил с головы парнишки болячки (паршу). Мальчишка умер, ханты похоронили его на затопляемом во время весеннего половодья месте, чтобы «никогда в этих местах ненцы больше не появлялись». Если верить наблюдениям Ю. И. Кушелевского, презрение к побежденным самоедам было настолько сильным, что «когда остяки въезжали к ним в тундру для торговли, то приказывали самоедам, при встрече с собою, падать на колени, кланяться в землю и не смотреть на себя до тех пор, пока не позволят. Входя в самоедские чумы, приказывали постлать себе под ноги оленьи кожи и по ним входили. Не притрагивались к самоедской одежде и к вещам их, а если которые брали из рук их, то через огонь. Окуривали вещи бобровую струей, которая, по понятию остяков, очищает все, от всех нечистот» [1868: 52—53].

По замечанию А. В. Головнёва, «неизвестно, чем бы закончилось триумфальное шествие обских угров по землям самоедов, если бы последние не создали новую культуру крупностадного оленеводства, и в хозяйственном (по уровню самообеспеченности), и в военном (по уровню маневренности) отношениях превосходящую все прежние». Более поздние набеги тундровых ненцев (*ерган ях*) характеризовались «стремительностью» и «маневренностью», принося уграм немало хлопот [1995: 100—106]. Теперь уже хантам приходилось скрываться от неприятеля в лесах и болотах. В одной из легенд описывается жестокая расправа самоедов над остяцкими князьями, державшими, кстати, самоедку-служанку. Предательство гостивших в чуме князя-сына полноватских хантов, переломавших стрелы и луки из священной нарты, обернулось бедой. Старого князя-отца самоеды убили, и он «как грозное предупреждение» показывался «на небе с распоротым животом» [Неттина-Лапина 1999: 23—27]. Ненцы, приезжавшие в верховья р. Войкар, еще в начале XX в. мстили поселившимся в их землях хантам, разрушая рыболовные ловушки. Пренебрежительное отношение к побежденным самоедам сменилось со временем «превосходством» и «предпочтением» ненцкой оленеводческой культуры.

В результате военного и мирного продвижения угров владения нижнеобских самоедов к XVII в. были рассечены угорским «клипом», прошедшим по р. Обь до ее устья. К востоку от него остались земли самодийцев *пяхаса-во*, к западу — европейских уральских ненцев. Оттесненные в низовья Оби

таежные самодийцы *ур ёх* частью откочевывали на север, частью были ассимилированы уграми, и лишь небольшие их группы, известные как войкарская, сынская, куноватская и ляпинская самоедь, некоторое время сохраняли свою этническую специфику. По «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова самоеды в конце XVII в. еще занимали среднее и верхнее течение рек Войкар, Шурышкар и Сось [2003. Т. 1. Л. 8 (С. 17–18); Т. 2: 75–78].

Упоминаемые в архивных источниках конца XVII в. под именем «иневской» (сынской) или войкарской самоеди группы *ур ёх*, кочевавшие в бассейне левых притоков Нижней Оби (Сось, Шурышкар, Войкар, Сьня), представляли собой довольно многочисленную этнографическую группу. В ясачной книге 1695 г. учтено 53 плательщика, вносящих ясак в Войкарском городке, соответственно численность всего самодийского населения составляла приблизительно 210 человек [Долгих, 1960: 68, 73, 76]. Спустя столетие ситуация резко изменилась. По данным ревизских сказок, в конце XVIII в. в Куноватской волости, в составе которой была учтена сынско-войкарская группа, проживало всего 9 самоедских семей (22 муж., 19 жен.), в начале XIX в. — 13 (27 муж., 18 жен.), в середине XIX в. — 7 (16 муж., 7 жен.). Сокращение общей численности самоедов сопровождалось исчезновением в конце XVIII — первой половине XIX в. ряда самоедских фамилий.

Анализ фамильного состава самоедов Куноватской волости был проведен В. И. Васильевым [1978: 119–130], поэтому мы ограничимся лишь некоторыми дополнениями относительно их взаимодействия с северохантыйским населением. По данным 4-й ревизии, куноватские самоеды записаны под фамилиями: Ерзин (Ерин), Негопулев, Сезин, Ныгтымов, Лесаев, Менгов (Менгаков), Етин, Помин. В следующих ревизиях (5–7-й) отмечается незначительное изменение фамильного состава: исчезает фамилия Ныгтымов, появляется фамилия Тыгкин, от фамилии Лесаев отделяется дочерняя — Хотюев. Во второй половине XIX в. наблюдается исчезновение ряда фамилий; из прежних в материалах 10-й ревизии остаются только Помины—Тояровы. Появляются три новых фамилии: Максимов (крещеные), Ази, Тыдыков (прил. II, табл. 12).

В конце XVIII в. самоеды Куноватской волости брачевались преимущественно в своей этнической среде. С ненцами Каменной стороны было заключено девять браков (с родом Вануйто — семь браков, с родом Карачей — два), с ненцами Закаменной стороны — четыре брака [ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 56–57; Д. 404. Л. 81об.—86; Д. 756. Л. 224об.—225; Д. 992. Л. 717об.—719]. Очевидно, столь скорое сокращение числен-

ности сынской самоеды и изменение фамильного состава связаны с оттоком самодийцев на север и процессом их активной ассимиляции как угорским населением, так и европейскими ненцами. Некоторые документальные подтверждения этих процессов имеются в материалах ревизий. Например, по данным 7-й переписи, самоеды Менговы (Менгаковы) «выбыли в остяцкий род Вандиезского городка» (прил. II, табл. 11, 12).

Сохранившиеся на территории Нижнего Приобья группы таежных самоедов *ур ёх*, изолированные от своих соплеменников, стали смешиваться с обскими уграми. Процессу ассимиляции способствовали брачные контакты, окончательно растворившие войкарскую и сынскую самоедь в угорской среде. По мнению В. И. Васильева, ханты Епринь, проживавшие в верховьях Сыни, ведут свое происхождение от самоедов Евприных (по ревизским сказкам — Ериных). В метрической книге Мужевской церкви за 1864 г. засвидетельствовано рождение дочери у самоеда Куноватской волости Ивана Евприна. В церковных записях конца XIX в. встречаются «Сынской реки самоедин» Иоанн Федоров Максимов, «Еврейских юрт самоедин Георгий Тытыков», «Ямских юрт самоедин Алево-Сези» и пр. [Васильев 1978: 124–126].

Часть куноватских самоедов не была ассимилирована полностью и долгое время сохраняла свою этническую специфику. Прежде всего это относится к той группе *ур ёх*, которая вошла в состав европейских (уральских) ненцев или поддерживала с ней активную связь. К роду европейских ненцев Хатанзеевых, по мнению В. И. Васильева, принадлежала фамилия Тыткин, известная среди сынских и войкарских хантов как Тыликов [1978: 122–123, 125]. На реках Сыня и Войкар Тыликовых относят к *ур ёх* или *саран ур ёх*, подчеркивая тем самым их связь не только с ненцами, но и с коми-зырянами. По записанному Е. П. Мартыновой преданию, один из прадедов Тыликовых, живший в Приуралье, перешел за Камень и обосновался сначала на Нёсьегане, а затем перебрался в верховья Сыни, основав ю. Савырка [1998: 93–94]. По подсчетам В. И. Васильева, во второй половине XX в. в Мужевском и Сынском сельских советах числилось более 40 человек Тыликовых, проживали они в Ханты-Мужах, Усть-Войкаре, Васяхово, Овгорте. Родовой вотчиной Тыликовых — единственных представителей некогда многочисленной группы сынско-войкарских самоедов — считалось устье р. Сухая Сыня [1978: 129]. Несмотря на полную ассимиляцию, среди местного населения и у самих Тыликовых до сих пор сохраняется память об их иноэтничном происхождении.

В фамилии Помир (в ревизии 1851 г. записана по имени главы семьи Тёра Сея Помина — Тяриными, а в дальнейшем — Тояровыми) В. И. Васильев склонен видеть одно из подразделений ненецкого рода Пучи — Тяро, кочевавших на восточных склонах Уральского хребта [1978: 1919—122, 129]. Ненцы, носившие фамилию Тяро еще в 1930-х гг., проживали на р. Войкар. Однако не исключена возможность связи самоедов Поминых — Тояровых с куноватскими остяками Тояровыми, где данная фамилия фиксируется с 1858 г. (прил. II, табл. 2). По объяснению самих хантов, среди Тояровых выделяют ся сангымгортские Тояровы, относящиеся к *кун авыт ёх (мось)* и ай-югангортские Тояровы, считавшиеся *послан ёх* — пришлыми на р. Куноват. Не исключено, что ай-югангортские Тояровы связаны по происхождению с ненцами.

С куноватскими самоедами Сезиными В. И. Васильев соотносит нижеобских хантов Сязи [1978: 125—126]. Ревизские сказки фиксируют остяцкую фамилию Сязин (Сюлин) в Пелважском городке Обдорской волости (1782—1858 гг.) и фамилию Сезины среди самодийцев Куноватской волости (1782—1816 гг.). Кроме того, созвучная фамилия Сюзины — Сюлись записана в Войкарском городке Обдорской волости (1782—1858 гг.) (прил. I, табл. 8, 11; прил. II, табл. 12). Вероятно, все они представляли собой подвергшиеся в разной степени хантыйской аккультурации остатки одного и того же самодийского рода.

О тесных связях северных хантов (в том числе Сязи) с самодийцами *ур ёх* мы можем судить по фольклорным материалам. В былинах и героических преданиях хантов нередко описываются походы «сырое мясо едящих оленных» людей в угорские земли с целью «сосватать косатую красивую девицу». Однако сватовство нередко оборачивалось войной [Ратканов 1900: 8—10]. В сказании «Сыновья Мужчины с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины» к южноостяцкому богатырю с «отдаленного конца земли» в облике филина прилетела младшая дочь нижеобского Кровавого богатыря *Nánkxús-xo-я* с жалобой на отца, который собирается отдать ее в жены «многочисленным мужам самоедской стороны», «сватам со стриженными лбами». Остяцкий князь и его брат отправляются в погоню за невестой. Настигнув свадебный поезд, один из братьев-богатырей убивает главаря самоедов *Sos túrum iga* (Сос-Торума), а другой, не сумев одолеть самоедских кудесников, заручается клятвой: «не... сражаться друг с другом на женский век, не... сражаться с друг другом на мужской век». Самоеды же, нарушив зарок, собрали на острове *Кун-авыт* «войско столь многочисленное, что нет столько деревьев в лесу, нет столько былинки на лугу» и напали на остяцких князей. Только вмешательство духов *Pit-pou-iga* (Пит-поу) и *Núm-iga* (Нума), подоспевших на

помощь и разгадавших секрет «бессмертия» самоедских шаманов, спасло братьев от неминуемой гибели. На помощь обессилевшим остяцким богатырям поспешили «старуха и старец с устья Конды», намеревавшиеся «столкнуть остров Кун-авыг в воду» и съесть самоедов. С нижеобской княжной и трофеями братья вернулись в свой город. Другая легенда рассказывает о снаряжении в поход «воинского отряда в 700 мужей» нижеобскими князьями городка Соң-хуһ-а (Сонг-хуша) для сватовства «самоедских красавиц». На традиционность брачных контактов остяцких князей с самоедами указывает самодийское происхождение их матери: ее имя — Оленья Самоедка с Иловатыми Глазами [Ратканов 1900: 17—46, 101—103; Мифы 1990: 153—167].

По легендам, родоначальник *Кунжолон ёх* (рода, в состав которого входит фамилия Сязи) был внебрачным или найденным во время потопа ребенком. Родовым духом-лодхом *Кунжолон ёх* является *Сос ики* ('Старик-Горноста́й'). О святилище Горноста́я на Куиожольском мысе сообщает Г. Старцев в связи с описанием запрета убивать горноста́я и жертвоприношения оленя духу мыса в случае «нечаянного» убийства зверька [1928: 98, 112]. О Старике-Горноста́е нижеобские ханты рассказывают следующую легенду:

Сос ики жил в лабазе у женщины Сязи. Каждый день она приносила Горноста́ю пищу. Однажды женщина сварила для него зайца вместе с головой. По поверью, Горноста́ю заячью голову есть нельзя. Рассердился Горноста́й. Женщина увидела, как из лабазы кто-то выбежал, только тень промелькнула. Ушел *Сос ики* вниз по Оби к *ур ёх*. Один ненец увидел след пса, пошел по нему, но след пса превратился в след горноста́я. На конце следа нашел ненец горноста́я без хвоста (*ий сос*), подобрал и стал хозяином этого духа. Шаманы долго били в бубны, искали своего *лодха*. Только через некоторое время смогли вернуть его на свою сторону. С тех пор *Сос ики* хранит не в лабазе, а в нартах, называя его *Уклан ики* — 'В нартах старик'. Раз в семь лет священные нарты возят в те места, где был найден Старик-горноста́й.

[В. А. Сязи, Полярный Урал, 1990]

Связь Старика-Горноста́я с ненцами прослеживается не только в требованиях *лодха* возить его раз в семь лет в самодийские земли. В уже упомянутом сказании «Сыновья Мужчины с Размашистой Рукой и Тяпарской женщины» южноостяцкий богатырь отвоевывает у самоеда *Sos tũrum iga* (Сос-Торума) невесту, дочь нижеобского старика *Nãnk-xũs-xo-я*. В поединке остяк отрубает врагу по колено ноги. Безногий самоед выбегает из свадебного

полога, обернувшись горностаем (Xui-sos). Всякий раз, настигая самоеда-горностаю, остяк отсекает ему часть туловища. Оставшаяся от горностаю «самоедская голова» скатывается в кровавую реку. Избегнув меча остяцкого богатыря, голова самоеда говорит: «Зачем ты пришел в эту страну, куда не добраться даже зверю? Убегая от тебя, я прятал от тебя мою отливающуюся головную кожу, прибегая к сотням уловок, прибегая к многочисленным выдумкам. Раз ты сюда войдешь в воду, то ты муж, живущий в светлом мире, войдешь на много лет. Если ты имеешь намерение вернуться домой, то возвратись... со своей косатой головой. Что же касается до меня, то пусть многочисленные мужи самоедской земли принесут сюда пожертвованные... мне чаши, пожертвованные мне берестяные сосуды, пусть сюда будут приведены в качестве кровавой жертвы хвостатые собаки, шерстистые собаки... В доме, наполненном собравшимися женами, наполненном собравшимися мужами, не говори, что тебе удалось содрать с богатыря Sos tûrum iġa его отливающуюся головную кожу» [Parkanov 1900: 17–38, 101–103; Мифы 1990: 153–160]. Не исключено, что родовой дух *Sos iġi* и самоед *Sos tûrum iġa* — одна и та же фигура, а «кровавая река» — граница между владениями северных остяков и самоедов.

Постепенно низовья Оби «заселяются» угорскими божествами. Из самоедских земель была родом супруга *Em vort nai iġi*. Родственники жены вероломно погубили приехавшего в гости остяцкого богатыря. Возродившись по велению *Toruma*, *Em vort nai iġi* отомстил обитателям «семи ненецких домов, семи ненецких чумов». Затем женился на «божественной морской царице, богатырской морской царице» и стал охранником «морских ворот» [Фольклорные тексты 1998: 83–87].

В ходе продвижений угров-мигрантов на север и восток основной массив таежных самодийцев *ur ėx* оказался сосредоточенным на Нумтинском плато (от верховьев рек Казым, Куноват, Надым до верховьев правых притоков сургутской Оби — рек Лямин, Пим, Тромъеган и Аган) и в бассейне верхнего и среднего течения р. Пур, включая частично р. Часельку (приток Таза)⁶.

⁶ Лесные ненцы, именующие себя *неща* (*нещац* — ‘человек’), считают, что их народ владеет *Яц маха* — ‘Спиной Земли’ (Сибирские увалы), где «встречаются верховья рек Надым, Пур, Казым, а между ними находится озера Нум-то, Пяку-то, Кам-то». Здесь, на речном водоразделе, «сосредоточена сила и энергия земли». Южная граница их расселения проходит по *Яц пан* — ‘Подолу Земли’. Своих тундровых соплеменников, что населяют *тята вын-я* — ‘водяную (мокрую) землю’ (тундру), лесные ненцы называют *вын чер* или *вын нещи* — ‘тундровые люди’ (инородцы, чужестранцы). Последние именуют их *пяч хасава* или *пэдаран хасава* — ‘лесной человек’.

Предания о войнах казымских хантов и лесных ненцев сохранились на р. Аган:

Нятыц кахэ ('Золотая баба') раньше ненецкая была, держали ее на казымских болотах. Однажды *капи*⁷ пришли и украли ее. Пошли ненцы в сторону Казыма войной, в Юильск приехали. Там на яру, который называется «Кулик победил», сражение было. Ненцы дважды проигрывали битву. Все духи-кэхэ (Щука, Гусь и Журавль) лесных ненцев из одного дома-гнезда — это куски Золотой бабы, которая поручила своим помощникам охранять народ.

[Б. Х. Айваседа, Варьёган, р. Аган, 2001]

В ином ракурсе представлен этот сюжет в «Песне Казымской богини». Самоедами низовий Оби была сосватана невеста-богатырша с р. Сев. Сосьва, но не приглянулось своенравной богине жить у оленных людей. Поссорилась она с мужем из-за «загнутых на две стороны» священных нарт. В облике «белогрудой кошки» выскочила из чума рассвирепевшая женщина. Обскую губу и «остроголовых менков» истоптала ногами. Вынув из нарт саблю, отрубила обе ноги мужу. Взлетев к отцу-*Торуму* «златокрылым селезнем», просила его о прощении и назначении ее духом-покровителем р. Казым. Затем, снарядив аргиш, «с татуировкой на руках оленная, ненецкая женщина» двинулась с тысячным стадом к месту назначения. Своего мужа она определила духом-хранителем Обской губы в облике щуки, сына оставила на озере Шишачлор, дочь — на р. Куноват, а сама стала именоваться *Касум най ими* — 'Казыма великой женщиной' [Молданов 1999: 28–29; Молданов, Молданова 2000: 10–11, 14–26].

Здесь, на Казымской земле, называемой в фольклоре «Ненецкого крепкого мужчины весельная река», *Касум ими* встречает *вур менков* — 'лесных великанов' и *пун сэмпн вонт логхат* — 'с мохнатыми глазами лесных духов'. Первых из них Т. А. Молданов и Т. А. Молданова склонны рассматривать как самых древних таежных обитателей казымской земли, вторых — как таежных охотников с «более развитой культурой» (имеющих различные типы ловушек, живущих в прекрасных домах и носящих красивую одежду). Посланница *Торума* проявляет лояльное отношение к местным жителям — «семи лесным духам», «Сорумскому мужчине» и «устья Кельщюгана семи маленьким духам» и оставляет за ними небольшие владения [Молданов, Молданова 2000: 4–5, 12].

⁷ Именем *капи* лесные ненцы называют хантов (*ваханте капи* — 'ваховские ханты', *кухат капи* — 'березовские ханты', *дым капи* — 'у губы живущие ханты') и селькупов (*тазу капи*).

В этой связи любопытен образ другого духа-покровителя казымских хантов — *Ар хотац ими* ('Многих домов женщины'), именуемой еще *Мосум ими* ('Назымская женщина') и *Ощёл,ан ими* ('Конца изгороди женщина'). Хотя богиня причисляется к лесным духам, она не считается коренной жительницей Казыма. Исконными землями *Ар хотац ими*, ее мужа и сына называется «середина безлесой тундры». Главным средством их существования был промысел дикого оленя, за стадами которого постоянно следовала семья, проживавшая в «нюками покрытом доме». Основным оружием охоты была заостренная палка-копье. По легенде, потеряв кормильца, богиня с сыном, используя многочисленные волокна, направляется на р. Назым. За «неугодные верховному богу слова» женщину карает *Ас тый ики* ('Верховий Оби муж'). Оставив «колыбельного» ребенка, воплотившегося в *Мосум ики* ('Назымского мужчину'), *Ар хотац ими* направляется на левый приток Казыма, р. Помут, и становится духом-покровителем людей этой реки. В священных песнях она называется «подругой» *Касум ими* [Молданов 1999: 28, 33—31; Молданов, Молданова 2000: 27—36].

Вторая легенда о мирном сосуществовании местных и пришлых духов, среди коренного населения р. Казым бытует убеждение об отсутствии военных конфликтов между хантами и нумтинско-казымскими ненцами (*шоши ёрн*) и о частых грабительских набегах на их земли тундровых ненцев (*оус ёрн*). Ханты Тарлины и ненцы Вылла, например, считаются родственниками, так как первые воспитали мальчика сироту Тамерли Вылла. Местные жители усматривают некоторое внешнее сходство между казымскими хантами Лозямовыми и ненцами Пяк. Пришлыми на Казым слывут Ерныховы (*ёрн хо* — 'ненец-мужик'), фамилия которых явно указывает на самодийское происхождение. Предание гласит, что когда-то у ненцев был взят мальчик, за которого был дан символический подарок — выделанная собачья шкура. До сих пор Ерныховы и ненцы называют друг друга «братьями». Причастность ненецких духов-кэхэ к *Касум ими* послужила основанием для сообщений о происхождении от *ёрн ёх* хранителей Казымской богини — Молдановых. В то же время местными жителями подчеркивается, что браки между лесными ненцами и казымскими хантами были редки.

Как известно, лесные ненцы правобережья Оби в русских документах XVII—XIX вв. фигурировали как «казымская» самоядь. Название дано по наименованию Казымской волости Березовского уезда, к которой было приписано, наряду с остяцким, самодийское население, платившее ясак в Юильском городке. Другое их название — «кунная» самоядь — исчезло к началу XVIII в. По мнению ряда исследователей, оно происходит от слова «куна» —

белычья шкурка, служившая единицей уплаты дани [см.: Вербов 1936: 57; Долгих 1960: 68; Васильев 1979: 100]. Впрочем, таежно-самодийское население, скорее, следовало бы назвать «соболиными самоедами», поскольку именно они вносили наибольшее число соболей в государеву казну [см.: Долгих 1970: 99—100]. Лесные ненцы рек Аган и Пура трактуют термин «кунная» как «беглая» (от псн. *куннул, та* — ‘беглец’, *кунмай* — ‘беглые’, *кунем* — ‘беглый’, *куней* — ‘сбежал’ от врага или преследования). Можно предположить, что российская администрация использовала одновременно ненецкую терминологию в варианте «кунная» и прямой перевод — «беглая», «воровская». Определение «беглая» = «кунная» отражает исторический момент массового отхода этнических групп и родов лесных самоедов в «дальние места» (труднодоступные районы) в связи с началом российской колонизации Сибири. После полного «объясачивания» самодийцев и включения их родов в состав Казымской волости было заменено и их название.

Первые достоверные упоминания о «кунной и асицкой» самоеди относятся к концу XVI в. В наказе 1597 г. сургутскому воеводе С. М. Лобанову-Ростовскому и голове И. Н. Ржевскому говорится, что самоедь «человек триста и больши» живет в верховьях Пура, «государева ясаку не плотят и в город Сургут не приходят», а «емлет де с них ясак» сургутский князь Бардак. Судя по архивным источникам, вскоре в землях «куниной» / «кузнецкой» / «кунемской» (последнее наименование близко к термину лесных ненцев *кунем* — Е. П.) и «асидской» самоеди, на водоразделе Тромъегана, Агана и Пура, появился Куныццкий острог, основной задачей которого был сбор ясака с верхнепуровских самоедов, однако просуществовал он не долго [см.: Вершинин, Шашков 2004]. В начале XVII в. сургутский воевода Я. П. Борятинский намеревался организовать экспедицию под началом атамана Богдана Зубакина к самоедским князьям — Акубе, Скамче, Сальме с жалованным царским словом и предложением платить ясак в Мангазею [Вербов 1936: 57; подробнее см.: Вершинин 2002: 102—103]. В архивных документах XVII в. (1627, 1636, 1645) выделяется «пуровская юрацкая самоедь» из рода «Пеки» и «пуровская воровская самоедь Евасидина роду» [Книга Большому чертежу 1950: 168; Долгих 1970: 71].

Определить точную численность и четко очертить границы обитания правобережных таежных самодийцев в XVII—XIX вв. ввиду разрозненности и поразительной мобильности народа весьма не просто. Исследователи неоднократно высказывались о сложных путях формирования этноса, акцентируя внимание на дисперсном проживании и участии в их этногенезе разнородных этнических компонентов [Патканов 1911; Вербов 1936, 1939; Долгих 1960, 1970;

Хомич 1966, 1976; Васильев 1974а, 1979; Зенько 2001: 114–118]. В ясачной книге 1695 г. зафиксировано 6 родовых подразделений «казымских самоедов»: Айваседа в составе 20 плательщиков ясака, Карцзы — 19, Ракай — 39, Ванцзын — 22, Ниримовы Логачи — 65, Недевятковой станицы — 27. Исходя из общего числа учтенных «окладных душ» численность лесных ненцев составляла приблизительно 768 человек [Долгих 1970: 70].

В ревизских сказках рубежа XVIII–XIX вв. самоеды Казымской волости фигурируют в составе тех же 6 родов: Айваседа, Карцзы (Карс), Ракай, Ванцзын, Логачи, Недевятковой станицы. Общая численность их в 1782 г. составила 507 человек (300 муж., 207 жен. 158 хоз.), в 1816 г. — 416 (218 муж., 198 жен., 99 хоз.). Наблюдается неравномерность изменения численности по родам: на 28,8 % возрастает число представителей рода Айваседа, на 50 и 19,1 % сокращаются роды Ракли и Карцзы, остается неизменной численность родов Ванцзын, Логачи и Недевятковой станицы (прил. IV, табл. 10). Вероятно, колебания численности вызваны отходом самоедов с занимаемых прежде территорий в связи с экстенсификацией пушного промысла и последовавшим перераспределением и административным переучетом родовых групп. Предположительно, к современным лесным ненцам Айваседа (Нгаэваццата), кроме собственно рода Айваседа, можно причислить зарегистрированные в переписях роды Недевятковой станицы, Ванцзын и Логачи (Нахань), а с родом Пяк соотносить род Карцзы, с Вэла — Ракли (Ракай). Отмечается абсолютная эндогамность общности. Взаимопреобладающими были браки: Карцзы — Недевятковой станицы — Ракли [Касум-Ёх 1993: 25–27]. В переписях середины XIX в. самодийское население Казымской волости было учтено в составе 6 ватаг: Каминной (Камиянской) (150 чел. 26 хоз.), Нянзиной (50 чел., 12 хоз.), Изюрюминой (111 чел., 19 хоз.), Лабиной (старшины Нападея) (42 чел., 12 хоз.), Палдиной (67 чел., 14 хоз.), Лебиной (Обачайской). Общая численность самоедов в сравнении с началом XIX в. возросла и составила 523 человека (прил. IV, табл. 11).

В конце XIX в. А. А. Дунин-Горкавич в списке ватаг лесных (бродячих) самоедов *пьян-хавово* назвал: Този, Нянкчу, Уб, Халь, Лянкпе и Нечу. Первые три ватаги («Дальняя самоядь») не были отнесены к Березовскому округу (обитали ближе к Туруханску). Три последних («Мозымская самоядь») были учтены в составе Казымской инородной волости и кочевали по р. Назым и по вершинам рек Казым, Лямин, Тромъеган, Аган, Надым, Пур и Таэ [1995. Т. I: 117]. В начале XX в. в Казымской инородной управе значилось 6 ватаг кочевых самоедов: Ларку (98 муж., 78 жен., 43 хоз.), Сынгуну (70 муж., 47 жен., 26 хоз.), Халь из ю. Юльевских (37 муж.,

26 жен., 20 хоз.), Лянке (21 муж., 15 жен., 8 хоз.), Нитю (29 муж., 21 жен., 9 хоз.), Ланку (13 муж., 12 жен., 5 хоз.). Общая численность составляла 467 человек [Патканов 1911: 28—29]. Данными переписи 1926/27 гг. зарегистрировано 16 семей рода Вэла, 13 семей Еуши (Ивши, Пучи), 67 семей Пяк (Карцы), 98 семей Айваседа (Нгаэващата) общей численностью 1129 человек [Населенные пункты 1928: 164]. Четыре вышеупомянутых рода и их многочисленные подразделения сохраняются по сей день [см.: Вербов 1939: 58—59; Первалова 2001а: 145—146].

Таким образом, в составе нижнеобских хантов обнаруживается присутствие самодийского субстрата. Вероятно, уже к концу XVIII в. самодийцы *ур ёх* почти полностью растворились в угорской среде. Немногочисленная этнотерриториальная группа куноватских ненцев, зафиксированная материалами переписей конца XVIII — начала XIX в., сохраняла свою этническую специфику благодаря связям с уральскими самоедами (или заново сформировалась из числа европейских ненцев-переселенцев [см.: Васильев 1978: 126—129]). Последние фамилии куноватских самоедов (Тяро), определяемые уже как *саран ур ёх* — зыряно-самоеды, исчезли в 1930—1970-х гг. Сложная картина складывания нумтинско-пуровской общности лесных ненцев была обусловлена не только политическими (российской колонизацией) и религиозными (христианизация) событиями, но и мотивами этнопсихологического свойства. Для лесных ненцев с их воинственным и независимым нравом было свойственно жить «собственным огнем», а при малейшем ущемлении свободы тут же расходиться «по разным местам». Нежелание подчиняться кому-либо — такова психология «беглецов» [см.: Первалова 2001а]. В зонах постоянных контактов северных угров и таежных самодийцев наблюдается их постепенное этнокультурное сближение (Тыликовы). Проявляется оно не только в хозяйственной деятельности (эксплуатация угодий, способы и приемы промыслов), но и в социо-нормативной (появлении брачных запретов между отдельными хантыйскими фамилиями и ненецкими родами) и религиозной (посещение общих святилищ на оз. Нум-то, Пяку-то, Сус-лор, поклонение богиням *Касум ими*, *Ахэн ими* и др.) сферах.

«Люди потопа» **(*мось, пор и послан ёх*)**

Трудно с уверенностью судить, кто из предков хантов первым достиг пивовый р. Обь и откуда он прибыл. В северохантыйских преданиях перекликаются рассказы о людях *мось* и людях *пор*, которые то заселяли пустою-

щие земли, то побеждали местный «дикий народ», то сражались друг с другом. Сами нижнеобские ханты в большинстве случаев считают первыми из пришедших на север предков людей *мось*. К их заслугам относят прежде всего отвоевание усть-обских территорий у *ур ёх*. Древность легенд о народе *мось* оттеняется упоминаниями о потопе, от которого люди *мось* спасались на Уральских горах. Наряду с *мось* (и гораздо чаще, чем *мось*), в качестве героев «потопных» сказаний фигурируют люди *пор*. Если *мось* считаются пришельцами с запада, то *пор* — с юга.

Мифы о потопе широко распространены среди народов Западной Сибири. Угорские сказания включают версии, где он трактуется как первичный океан, со дна которого птица *лули* (железоперая гагара или две гагары «с игольчатыми клювами») по приказу *Кон-ики-пах* (*Нум-Торума*) поднимает крупицу земли [Мифы 1990: 63, 72, 258, 291]. С преданием о великом потопе (первичном океане) связан миф о ныряющей птице [см.: Напольских 1991]. У северных хантов известны и другие легенды о потопе, в которых рассказывается не о сотворении Земли, а о спасении людей от водной стихии. Едва ли не каждый род имеет свою версию истории о том, как его родоначальник сумел уцелеть во время *емын инк* ('священной воды'). Подобные легенды имеют мало общего с эпохой Творения, в них повествуется о движении героев по «большой воде» (*Оби*) и освоении ими новых земель.

За семь лет до начала потопа шаманам стало известно о приближающемся времени огня и воды. Шаманы били в бубны, гадая о том, как можно спастись. Люди, не умевшие плавать, стали строить плоты (*пор*). Только *лабыт лаур полет пор* — плот, сделанный из семи бревен в семь слоев, покрытый семислойным пологом из кож осетра и стерляди, мог устоять против стихии. В какой-то местности, выше Березова, росла священная береза с семью отростками от вершины. Однажды береза та упала, и из-под ее корней начала бить вода. Люди укрепляли это место, но никак не могли остановить водяного потока. Тогда они расселись на плоты, и их понесло вниз течением *Оби*. Женщин и девушек на плоты не брали, их все равно сжирали вода с огнем, спасались только мужчины и «чистые» девочки. Семь дней вода кипела — огонь и вода вместе шли. Нижние слои плотов разбивались, верхние слои пологов сносило. Вместе с огненной водой несло множество огромных ящеров и змей. Они взбирались на плоты и поседали людей. Много народу тогда погибло — те, кто не успел построить семислойного плота, те, кого смыло водой. Когда стихия утихомирилась, люди стали высаживаться на высо-

ких островках — *пугорах*. Приплывших на плотах людей называли *нобтын ёх* — 'приплывший народ' или *пор ёх* — 'люди плотов'.

[А. П. Кондин, Казым-мыс, р. Бол. Обь, 1990]

Примерно в тех же вариантах бытуют предания об «огненной воде» у северных манси:

На той земле, где манси теперь живут, однажды появилась большая огненная вода. Поверхность земли сгорела, почва окрасилась в цвет охры, а в слое земли, якобы, эти следы видны до сих пор. Вода всплывала недолго — всего лишь за то время, в течение которого можно сварить суп. О надвигающейся беде люди узнали за семь дней до события. Они сделали плоты из семи слоев лиственничных бревен и покрыли пологими из стерляжьей шкуры, чтобы их не кусали змеи и иные пакости. Привязали свои плоты к вековому дереву веревками из корня тальника. Те плоты, что крепились другими корнями, унесло течением вниз по реке.

[Ромбаидева 1993: 43–44]

Подобных легенд немало. Идет ли в них речь об одном «потопе» или в понятии «священной огненной воды» обобщено представление о неоднократно повторявшихся бурных обских половодьях? Очевидно, что герои сказаний прибыли на нижнеобские «путоры» из разных мест и в разное время. Кто-то помнит точно место своего прежнего обитания, кто-то забыл свою родину. По рассказам, отличались и конструкции плотов: одни люди плыли на семислойных покрытых кожей рыб плотам, другие — на связанных веревками из собачьей шерсти или тальникового лыка. В варианте тегинских хантов фигурируют даже четыре черных кота, посаженные по четырем углам семислойного плота и воевавшие с «водяными яйцерицами» [Неттина-Лапина 1999: 11–13]. Обитавшие где-то в верховьях р. Сыня ханты Куриковы (*курук* — 'орел') во время потопа приплыли на р. Мал. Обь «в деревянной лодке, обшитой налимьей кожей», где они осели на одном из островов (*Хыш курт* — 'Пыльная деревня'), а затем переселились в юрты Чуанэли (около Полновата). Люди из рода *Пит лор ёх* утверждают, что их «сверху откуда-то водой принесло, один из кусочков земли оторвало в районе Мужей (*Вьен курт ёх*), а другой — куда-то за Салехард унесло, под какой они записаны фамилией, никто не знает».

Так или иначе потоп стал своеобразной точкой отсчета появления большого числа пришельцев с юга и складывания новых родовых групп. По традиции родственниками считаются те, чьи предки во время потопа остались на одной горе (холме, бугре) или осели на одном островке (*емын мув лопсыт* — 'святой земли куски'). Род северных хантов — *и сир (сыр) рут* —

иносказательно называют «семь сыновей — одно весло» или «одно весло имеющие» (и *луптайлат*). Островки и возвышенности, на которых спаслись легендарные герои, стали родовыми святилищами. Например, на развилке Полуя, где река делает крутой изгиб и расходится на два рукава (около Зеленого Яра), со спадом воды каждый год обнажается островок. По преданию, именно здесь остановились спасавшиеся от потопа люди, расселившиеся позднее в бассейне Полуя. Встав на едва выступающую из воды возвышенность, они крикнули семь раз «на Небо», после чего появилась «куриная ножка», и земля поднялась из воды. «Пугор» у Зеленого Яра и поныне считается священным местом полуйских хантов. Женщинам нельзя проезжать мимо священного острова-возвышенности — летом им следует идти пешком по берегу, а зимой объезжать остров на нартах.

Как отмечалось выше, от потопа пришлось спасаться не только «людям плотов» (*пор*), но и пришельцам со стороны Урала (*мось*). У войкарских хантов, живущих вблизи от гор, бытует предание:

Вода была везде, кроме Урала. Когда вода прибывала, на высоких склонах гор собирались люди и звери — медведи, волки, лисицы, росомахи (священные звери, чьи шкуры и изображения хранят в домашних святынях — *Е. П.*). Они жили вместе, и никто никого не боялся. Целую неделю бушевала вода. На горе оказались люди разных родов и даже народов. После спада воды они разошлись по разным юртам и стали жить родами. Один зырянин пришел из-за Урала (*Нёранса ху*) и во время потопа оказался с хантами на одной горе, после чего породнился с ними.

[Т. И. Хунзи (Озелова), Унсельгорт, р. Мал. Обь, 1989]

По легенде тегинских хантов, люди спасались от потопа на горе Путун сангом, «напоминающей форму перевернутого котла». Оказались на этом месте «пять семейств великанов-Менков, пять семейств лесных невидимых людей Миш-ёх, пять семейств медведей, пять семейств людей». Пока вода поднималась, гора тоже поднималась вверх, и только когда «осталось до неба пространство всего с одну шею лебедя» стихия утихомирилась. Когда гора опустилась, люди и звери разошлись по земле. Оленеводы, кочующие на Урале, говорят, «что до сих пор там стоят столбы от ограждений», но в следующий раз спастись от наводнения не удастся, так как на верхушке священной горы побывали «нечистые женщины» [Неттина-Лапина 1999: 9].

О спасении от потопа (*ялпынг акв* — 'священная вода') народа *мось ёх* на горах Урала свидетельствуют сосьвинские манси. Н. Л. Гондатти сообща-

ет, что только «после потопа» появился язык манси, до этого времени сосьвинские и ляпинские богатыри разговаривали «по-обски» [1886: 64]. По рассказам сынских хантов, *пор ёх* и *мось ёх* говорили на разных языках. Они воевали друг с другом, и *мось ёх* осталось меньше, так как многие из них погибли. Людей *пор*, наоборот, становилось все больше, поскольку к ним стали относить всех «приплывших людей», в том числе расселявшихся по многочисленным обским протокам и островам *послан ёх* — ‘народ проток’ / ‘проточные’ или *похрын ёх* — ‘народ островов’ / ‘островные’. Позднее *мось* и *пор* стали жениться друг на друге.

По одной из легенд, многочисленные «лесистые острова» принес «со стороны северного ветра» Крылатый бог *Курк ики* (‘Орел-Старик’). Когда он нес на себе землю-поклажу, ее куски падали и образовывались острова. В старину люди в этих местах не селились, так как земля там считалась священной. Глубоко под землей встречается лед, а в лесах — карликовые деревья, ягель и мох «с тундровых болот». На одном из таких островов, выдворив лесного духа *Ялань-ики*, «свил гнездо» *Курк ики*, на другом был расположен поселок Теги. Люди, поселившиеся на этой земле, именуются *Пухрунг ёх* — ‘Люди лесистого острова’, а сам лесистый остров носит название *Курк Пухр*, или юрты Похромские [Неттина-Лапина 1999: 33–35].

Предания о семидневном потопе сохранились и у лесных ненцев. В них, как и в угорских легендах, разбушевавшаяся стихия разносит по разным местам людей, от которых ведут происхождение подразделения ненецких родов:

Элику — так звали мужика, который остался после потопа, его фамилия Пяк. Он на нарте сидел и орал. Сын Небесного бога увидел, что на упряжке кто-то сидит, и спрашивает: «Ты чего орешь? У отца голова болит». Потоп был 7 дней, солнца не было видно. Потом оно снова появилось, греть стало, и жизнь на земле заново началась. От этого последнего Пяк снова ненцы пошли (Паны Пяк — ‘Последний Пяк’). На земле много болезней было, вот Нум и решил профилактику провести, потоп устроил. Хэпа Пяк — ‘Сухостой’, зовутся так, потому что они во время потопа на сухом дереве спасались.

[А. Т. Выла, оз. Нум-то, 1990]

В устье Губы есть каменный остров — высокий, как сопка. На нем во время потопа спаслись два брата и женщина, от которых все пенцы пошли. Как-то «фараон» Пасынута написал им письмо, что пойдет по земле большая вода. Подсказал, что надо выращивать собак, делать большие лодки и собачьими шкурами их снаружи обтягивать. Стали братья лодки делать, а соседи им говорят: «Зачем вы собак режете — это грех». Когда лодку

смастерили, старший брат привязал один конец веревки к руке, а другой к лодке. Как-то проснулся ночью чувствует, что холодно стало, и кто-то за руку дергает. Попросил сестру посмотреть. Женщина видит, только туман вокруг, закричала. Братья погрузили в лодку пищу, одежду и собаку, понесла их вода. Не гребут братья, думают, куда же их судьба вынесет. Когда туман рассеялся, солнце выглянуло и стало светло. Видят старший брат веревку, да тот не поймал. Дальше несет лодку. Видят снова сопку, на ней кедр растет и белый человек стоит. Снова бросили веревку, удержал их белый человек. Пристали к сопке, там и остались жить. Породинлись с белым человеком. Какой он национальности, никто не знает. Сопка, на которой люди поселились, считается священной.

[В. Н. Айваседо, Чебачка, р. Айваседо-Пур, 2000]

По преданиям, ненцы, в отличие от хантов, могли спастись во время потопа на нартах и в обшитых шкурами собак лодках.

Приплывших на плотях людей нередко относят к угорской фратрии Пор, название которой связывают с термином *пор* (*пур, пор* — 'плот') [см.: Мартынова 1994: 113, Фёдорова 1998, 2000]. У северных групп нижнеобских хантов представления о фратриальной принадлежности весьма противоречивы и расплывчаты. За Салехардом чаще всего приходится слышать утверждение: «Мы — не Пор и не Мось». Понятие о Пор и Мось как двух экзогамных половинах существует у сынских, куноватских, березовских и казымских хантов. К фратрии Мось северные ханты причисляют всех переселенцев с запада (за исключением русских), в том числе и коми-зырян, к Пор — аборигенное севсрогаежное население и пришельцев с юга. Мось традиционно связывают с Уралом, оленеводческим кочевым образом жизни («как куропатки, сегодня на одном месте, завтра на другом»); их основным жилищем называется чум. Пор считаются оседлым населением, занимающимся промыслами; их главное жилище — «земляной дом», а пища — сушеная рыба и жир. Несмотря на сегодняшнее предпочтение оленеводческого ведения хозяйства, многочисленность Пор у северных хантов связывается с большей практичностью их образа жизни. На Сыне рассказывают такую сказку:

Живут две женщины Мось нэ и Пор нэ. Постоянно ссорятся между собой, обсуждая, как от них произошедшие люди жить должны. Однажды собрались вместе, Мось нэ шьет, а Пор нэ клеит. Первая говорит, что река Сыня на две стороны должна течь, а вторая не согласна. Собрались костер разжечь, чтобы еду приготовить. Опять ссорятся. Мось нэ говорит: «Пусть внутри дров мозг бежит, тогда все сыты останутся». Пор нэ против: «Надо работать, чтобы сытым быть». Мось нэ предла-

гает: «Давай на всех еды наготовим». Опять не согласна Пор нэ: «Пусть люди сами о себе заботятся». Пошли в лес. Мось предлагает все, что видят в лесу, есть, а Пор думает, что лесные запасы тогда быстро закончатся! Мось мечтает: «Хорошо бы никто не умирал». А Пор боится: «Тогда люди на земле не поместятся, пусть лучше умирают». В наше время все как Пор нэ живут.

[А. Я. Вальгамова, Овгорт, р. Сыня, 1989]

Сходные, хотя нередко противоречивые, характеристики двух противостоящих друг другу женских образов Пор нэ и Мось нэ, а также происходящих от них народов *мось ёх* (*махум*) и *пор ёх* (*махум*) хорошо известны у березовско-казымских хантов и манси [см.: Гондатти 1886: 64; Ромбандеева 1993: 34—41]. Е. И. Ромбандеева отмечает, что в фольклоре Пор и Мось настолько враждебны друг другу, что даже упоминаний о брачных союзах между ними не встречалось [1991: 10—11, 17—20].

На р. Сыня к Мось относят так называемых «чистых» хантов — *Сеня ёх* ('реки Сыня народ')⁸. По нашим полевым данным, в эту группу входят фамилии Лонгортов⁹, Вальгамов¹⁰ и часть Куртямовых¹¹, а также Рохтымов и

⁸ Собственно к сынским хантам (*сеня юган ёх*, *шаня юган хоят*) причисляется 13 фамилий: Артанзеев, Вальгамов, Еприн, Кантеров, Куртямов, Лонгортов, Макаров, Муркин (бывшие Мурынкины), Питласов (бывшие Патласовы), Пугурчин, Пырысев, Рохтымов, Талигин. В первой половине XX в. по р. Сыня насчитывалось 11 населенных пунктов. В юртах Ям-горт ('Ямская деревня') проживали Артанзеевы, Питласовы, Пырысевы и Кантеровы, Хорьер-горт — Питласовы, Муркины, Ов-горт ('В устье реки Нёсьеган деревня' / 'Ворота-городок') — Муркины, Тасмановы и Тоболсы, Ным-вош-горт ('Нижний городок-деревня') — Макаровы, Выт-вож-горт ('Верхний городок-деревня') — Куртямовы, Овалын-горт ('На сильном течении деревня') — Лонгортовы, Ларо-горт — Вальгамовы, Хорпун-горт ('Оленьей шерсти деревня') — Пугурчины, Тильтим — Талигины, Мув (Муви)-горт ('На изгибе реки деревня' / 'Земляных домов деревня') или Ай-горт ('Маленькая деревня') — Лонгортовы, Еври-горт ('Волчья деревня') — Рохтымовы, Еприны, Лонгортовы, Савырка ('Лягушка-деревня') — Тыликовы. Несколько сезонных рыболовных поселений находилось в низовьях р. Сыня и по обским протокам.

⁹ Лонгортов (от *лоон* — 'жила', 'струна' или *лох* — 'дух', 'бог' и *горт* — 'поселение') — самая многочисленная фамилия сынских хантов. Включает три «корня»-*рат*, представители которых проживали в разных юртах и имели разные локально-территориальные названия: *ёхан той ёх* ('начала реки народ'), или *еврейгорт ёх*, *мувгорт ёх* ('на изгибе реки поселения народ'), *овылынгорт ёх* ('ворота-городка народ'), или 'устья реки Нёсьегана народ'). У Лонгортовых выделяются группы иного порядка — *ерла ёх* (*ерлает*) и *нябар ёх*. Значение терминов неясно, однако известно, что войкарские ханты относили к *ёрла ёх* сынских хантов Артанзеевых, а к *нябар ёх* — некоторые зырянские фамилии, например Каневых.

¹⁰ Фамилию Вальгамов чаще всего соотносят со словом *вольгам* — 'скользкий', 'гладкий'. По легенде, предок Вальгамовых ходил за Урал к зырянам и вернулся на Сыню с большим стадом оленей.

¹¹ Куртямовых, причисляемых к *сеня ёх*, называют *чёркан ёх* — 'ловушки-чёркана народ'.

Еприн. Первые три фамилии генетически связаны с коми-зырянами, как говорят ханты, «имеют зырянские корни» (*саран рут*)¹². По преданиям, их предки пришли на сынскую землю из-за Урала и были полностью ассимилированы хантами [Мартынова 1998: 95–96].

Группа Пор или, как ее называют на р. Сыня, *Послан ёх* — ‘люди проток’ включает фамилии Талигин, Макаров, Пугурчин¹³, Пырысев¹⁴, Муркин, Артанзеев, Питласов и другую часть Куртямовых¹⁵. По свидетельству хантов, все *послан ёх* некогда пришли на р. Сыня с Оби. Фамилии, причисляемые к роду *Послан ёх*, связаны различной степенью родства. По одной из легенд, Макаровы, Талигины и Пырысевы были братьями и жили вместе, потом разъехались в три деревни. В Тиль-тима остался Талигин, а своих братьев он отправил вниз по реке: Макаровых — в Ным-вош-горт,

¹² Северохантыйские роды, имеющие «зырянские корни», исходят из Нижнего Приобья (особенно на левобережье Оби). Легенды свидетельствуют как о мирных контактах, так и о конфликтных ситуациях в отношении с *саран ёх*. В Вэн лев ар (‘Песне Большой Сосывы’) рассказывается о столкновении людей рода Сора ёх, проживавших в верховьях реки, с ограбившими их стойбище зырянами. Медведь догоняет воров и возвращает оленье стадо хозяевам [Молданов 1999: 24].

¹³ Фамилия Пугурчин происходит от слова *пугур* (*пугор*) — ‘остров’, ‘холм’, ‘бугор’.

¹⁴ Несодназначна трактовка фамилии Пырысев: *пырысь* — ‘старый’, ‘старик’ или *пурьсь* — ‘свинья’. По сведениям П. И. Тыликова, селение Пурьсь-горт, основателем которого считался старик *Ланги-вошинг ики* (‘Беличьего городка старик’), державший наряду с оленями до 10 коров, прежде носило название Нёсёхан-горт. Позже на этом месте поселился молодой *Лорьсь ху*, приехавший с Оби из селения Пурьсь-горт [1996: 73–74]. По данным А. А. Дунина-Горкавича, ямская станция Землянская, или Порось, находилась на Малой Оби между Тегинскими и Качегатскими юртами [1996. Т. II: 257–258]. Л. Н. Жеребцов отмечает, что на Нижней Вычегде в XVII в. среди русского населения были довольно широко распространены фамилии, звучащие «типично по-коми», среди них — Порсев (Свинин) [1982: 64].

¹⁵ Относительно «местных» и «пришлых» Куртямовых на Сыне существует устойчивое мнение, что последние — это переселившиеся из юрт Пословы и записанные под «чужой» фамилией Шульгины. По поводу происхождения двух линий Куртямовых Е. П. Мартынова приводит предание с широко распространенным среди северных хантов сюжетом — выход женщины замуж и последующее возвращение с ребенком в род отца. В данном случае фамилию Куртямов дал племяннику дядя по материнской линии, однако потомки пасынка, как и его родственники по отцу Шульгины, причисляются к роду *Послан* (*Пор*) *ёх* [1998: 116–117]. Куртямовы и Шульгины (*посл ов ёх* — ‘устья протоки народ’), основная часть которых проживает на территории бывшего Азовского сельского совета, считаются «родными братьями». Л. Н. Жеребцов отмечает, что в писцовой книге 1585 г. в бассейне Сысолы среди прочих населенных пунктов указаны: погост Иб меньшей с 3 деревнями — Большое поле, Шульгина и Федотовская и погост на «Усть-Сысолы реки» с 17 деревнями и починками, среди которых Слободка Шульгина [1982: 65–66].

Пырысевых — в Ям-горт. По другим данным, «близкими братьями» приходятся друг другу Талигины и Пугурчины. Несмотря на это, фамилии, входящие в одну родовую группу, считались «братьями» и браки между ними были запрещены.

Примерно такая же ситуация сложилась на р. Куноват¹⁶. К *мось ёх* здесь относят «местных» (или «чистых») хантов — *Кун авыт ёх* ('реки Куновата народ'), к которым причисляются фамилии Яркин, Тользин, Муратов и часть Тояровых. По преданию, три брата — Яркин, Тользин и Тояров — пришли на Куноват из юрт Теги и разошлись по трем деревням: Яркин поселился в Сором-Логасе, Тояров — в Сангым-гортте, Тользин — в Югантой гортте. *Послан ёх* включают фамилии Уксюмов, Толба, Сотруев, Тоголмачев. По свидетельству куноватских хапгов, *послан ёх* «друг другу родней приходятся», но близкая кровная связь прослеживается лишь между отдельными фамилиями — Уксюмовыми и Толба, Сотруевыми и Тоголмачевыми.

Для «чистых» групп *Сеня ёх* и *Кун авыт ёх* характерно наличие общего духа-покровителя. На Сыне хозяином реки и группы *Сеня ёх* выступал *Кейв ур ху акем ики* — 'Каменный ненец дядька старик'. На р. Куноват главными являлись три брата: *Ун мось ху* ('Большой человек Мось'), *Кутоп мось Ху* ('Средний человек Мось') и *Ай мось ху* ('Младший человек Мось'). *Ун мось ху* принадлежал Яркиным, *Кутоп мось ху* — Муратовым, *Ай мось ху* — Тояровым. У каждого из братьев-духов было отдельное капище со священными лабазом и нартами. Как свидетельство родства между ними имелось и общее святилище, где «три брата-лодха стояли в одном ряду». Здесь устраивались общие жертвоприношения *Кун авыт ёх*. По сказкам, *Ун мось ху* ходил «свататься и воевать и к ненцам, и к коми».

У куноватских *Послан ёх* не прослеживается религиозно-культурного единства. Тояровы, относящиеся к этой группе, хранили изображение *Еври ики* — 'Старика волка'; Сотруевы и Тоголмачевы имели *Сорни юх* — 'Золотое дерево' (лиственница) и священные нарты, принадлежавшие духу *Сорни*

¹⁶ Собственно к куноватским хантам (*кун авыт юган ёх*) относятся Сотруевы (Рува горт — 'Яр-деревня' и Федулка-горт — 'Старика Федулки деревня'), Тоголмачевы (Пошты-горт — 'Старухи Пошты деревня'), Халкины ('Ёжам-горт'), Яркины (Сором-Логась — 'Сухой Логась', *логась* — вид «красного» караса), Муратовы (Азявы-горт — 'Бабушка-деревня'), Отшамовы (Отшам-горт; *отшам* — 'дурак'), Тояровы (Сангым-горт — 'На возвышенности деревня', Ай юган горт — 'Маленькой речки деревня', Лангыты хот — 'Муку делают послесние'), Толба (Ун-горт — 'Большая деревня' и Питгы-горт) и Уксюмовы (Вош-нёль — 'Мыс-городок'), Тользины (Юган-тый-горт — 'На конце реки деревня').

пох ики; Толба и Уксюмовы держали священный лабаз, именуемый Сязи — 'Бабушка'. Сынские *Послан ёх* также имели разных духов-покровителей: Пырысевы — *Ур пох ики* ('Божий сын'), Талигины — *Карды вореш* ('Железный ястреб').

Несколько иная ситуация наблюдается у казымских и тегинско-березовских хантов. К *мось* (*мощ*) ёх на Казыме традиционно относят хантыйские фамилии, связанные культовым единством с *Касум най ими* — 'Казыма великой женщиной' (как самой богиней, так и ее детьми, слугами и личными вещами). Хранителями пришедшей на Казым и поселившейся в верховьях реки богини считались Молдановы¹⁷ и Сенгеповы. К ним примыкают фамилии Максимов, Каксин, Себуров, Ользин, Туполев и Юхлымов¹⁸. *Мось ёх* на Казыме называют *Торум сир ёх* — 'Небесными (верхними) людьми', т. е. «происходящими от Небесных братьев» или «живущих по законам Торума» [Молданов, Молданова 2000: 4–6, 130]. Они хотя и считаются пришлыми, однако определяются как «основные», «главные».

Фамилии Лозьямов, Вагатов, Тарлин, Хоров, Аликов, Артямов, Волдин, Вандымов относятся к *пор* (*пур*) ёх. Считается, что все *пор ёх* происходят от местных и пришлых «лесных духов» (*вонт лодх*), «великанов» (*вур менк* или *елых елань*) и даже «русалок». Выше перечисленные фамилии почитают хозяйку р. Помут и водораздела рек Казым и Назым — *Ар хотан ими*. Казымские Лозьямовы (*мусяц ёх* или *нёрм сир ёх* — 'люди болотного рода') хранят дочерей лесной богини [Молданов 1999: 28; Молданов, Молданова 2000: 27–36]. Полноватские ханты (люди «черными воронами наполненной земли») имели несколько духов-покровителей: *Полноват ики* (духа-покровителя поселка «в образе черного ворона»), *Ай вэрт* («божество в облике семи младенцев»), *Пажит вэрт* и *Пажит вэрт эви* (духи с местечка Пашит), чуанельские Куриковы хранили *Тухлан ики* ('Крылатого Орла-Старика') [Молданов 1999: 47–48, 74–75]. Тегинские ханты полагают, что «лесные люди» — *пор* (*пур*) ёх и *кирнёлпи ёх* — изначально

¹⁷ По легенде, три брата Молдан, Ваган и мужчина, чьё имя не сохранилось (возможно, Максим), шли в верховья Казыма. Ваган разрубил себе ногу и остался на р. Кур-сгане (*кур* — 'нога'), а Молдан выше пошел и поселился на вершине реки, у озера Нум-то [Г. А. Молданов, р. Казым, 1989]. Молдановых и Максимовых (исчезнувшая фамилия) называют *Вошан ёх* — 'городка народ' или *Вут вошан ёх* — 'городка в верховьях реки народ' (Юильск). Отсюда и другое название Казымской богини — *Вут вошан ими* — 'Верхнего городка женщина'.

¹⁸ По одной из версий фамилия происходит от словосочетания *юхлыц, огаль* — 'вооруженные луком нарты'. По легендам их предком был богатырь, стрелявший из такого лука.

занимали высокую (куноватскую) сторону Оби, а *мось ёх* — тальниковую. *Мось ёх* боялись лесных людей и прятались от них.

Приведенные данные позволяют еще раз обратить внимание на то, что у сынских и куноватских хантов группа *мось* (*Сеня ёх*, *Кун авыт ёх*) считается более древней («чистой», «местной»), чем *пор* (*Послан ёх*, *Похрын ёх*). *Мось* казымских хантов хотя и не выглядит самой древней, но сохраняет приоритетные характеристики («господствующая», «живущая по закону Торума»). Совпадение названий родовых групп *Сеня ёх*, *Кун авыт ёх*, *Касум ёх* с *мось* подчеркивает их «первичность». Как отмечалось выше, люди *пор-послан* не отличаются культовым единством, характерным для *мось*. По-видимому, группа *пор* сложилась из аборигенного северотаежного населения (наиболее отчетливо данная информация сохранилась у казымских хантов) и одновременных потоков мигрантов с юга, которых объединяло противопоставление «местным» *мось*, а также общность способов продвижения (на «плотах») и мест расселения (по «протокам» и «пугорам»). Впрочем, и западные мигранты, первыми из которых были легендарные *мось*, не представляли собой единой волны переселенцев. В течение длительного времени (вплоть до современности) пути через Урал оставались основными маршрутами продвижения переселенцев в Северное Приобье.

Начало массовых переселений угров на север из Приуралья и среднетаежного Приобья было связано с христианизацией. По заключению И. Г. Георги, миссионерская деятельность Стефана Пермского побудила в конце XIV в. «большую половину пермяков и зырян, в Великой Пермии живших, покинуть привольные свои, на западной стороне Уральских гор, места и перейти в суровые северные, около реки Обь, страны, где они теперь от кондырей не отличаются, но вместе с оными называются остяками» [1776: 66]. Одним из очагов оседания беглых язычников стал район Кодских городков (Большой Атыл), куда они пришли во главе со своим «главным жрецом» Памом. Г. Новицкий отмечал, что переселившийся из Перми народ «пермским глаголит наречием» [1884: 27]. Лингвисты находят в хантыйском языке от 350 до 400 коми-зырянских заимствований, древнейшие из которых относятся к X—XI вв. Большая часть из них обнаруживается в северохантыйских диалектах [Караулов 1976: 335; Хайду 1985: 42, 48]. Археологические материалы свидетельствуют о проникновении угров-мигрантов на восток, прежде всего предков коми-зырян из Перми Вычеготской, уже в XI—XIII вв. [Морозов, Пархимович 1985; Морозов, Чемякин 1991: 102; Морозов, Пархимович, Шашков 1995: 57—63].

О дорусском появлении коми-зырян и коми-пермяков в Нижнем Приобье свидетельствуют многочисленные топонимы, включающие слова: *дор* — ‘край’ (Обдор), *кар* — ‘город’ (Уркар, Войкар, Шурышкар) и *горт* (*курт*)¹⁹ — ‘дом’, ‘жилище’, ‘гроб’ (жилище покойника). Обращают на себя внимание многочисленные хантыйские фамилии (Максаров, Озелов, Шульгин, Пальдин, Порысев, Зернов), «звучащие типично по-коми». В XV—XVIII вв. зыряне, отлично знавшие зауральские земли и нередко промышлявшие там, считались лучшими проводниками русских, как новгородских, так и московских дружин, направлявшихся за Урал [см.: Жеребцов 1982: 58, 64—66, 81—82; 101—102, 186].

Оказавшись в иноэтничном окружении, ранние мигранты коми-зыряне постепенно растворялись в североургорской среде. Не случайно, многие северохантыйские роды, причисляемые к *мось ёх*, имеют «зырянские корни». Однако степень ассимиляции отдельных приуральских групп была различна. Например, припльые из-за Урала и поселившиеся рядом с Кушеватою Зерновы (*Ощ тер горт ёх*) обостячились настолько, что утратили родной язык. В то же время они называли себя «уральскими чадонами» и занимались извозом («ходили двумя обозами по 10—12 лошадей» в Тобольск за мукой).

К одной из составляющих последней волны (вторая половина XIX — начало XX в.) западных мигрантов следует отнести колонизацию Нижнего Приобья коми-ижемцами. По данным Л. Н. Жеребцова, первая семья «ижемских зырян» (с. Ижма Мохченской волости Печерского уезда Архангельской губернии) поселились на р. Ляпин в 1842 г., основав пос. Саранпауль. В 1850—1860-х гг. «ижемцы» закрепились в низовьях Оби. В 1853 г. в Обдорске проживала одна семья, в 1858 г. — две, в 1859 г. — четыре. С 1863 г. коми-семьи обосновались в Березове. В 1875 г. четыре ижемских семьи осели в Мужах [Жеребцов 1982: 180]. Во второй половине XIX в. наплыв зырян в Зауралье был настолько велик, что в 1890-х гг. они составляли приблизительно 1/10 жителей Березова (80 муж., 52 жен.), 1/3 жителей Обдорска (273 муж., 266 жен.) и 2/3 жителей с. Мужы (380 муж., 357 жен.). Кроме того, несколько семей проживали в юртах Качегатских и селе Кушеватском Куноватской волости, юртах Войкарских и местности Шуга Обдорской волости [Патканов 1911: 26—27, 32, 34, 37—38]. Контакты северных хантов с коми-ижемцами Е. П. Мартынова характеризует как «этни-

¹⁹ Употребление этих формантов характерно для северных хантов (особенно правобережных районов). У их восточных соплеменников для обозначения поселения в основном используется слово *погол* (*пугол*, *пухэл*).

ческое равновесие» [1998: 98]. Браки между ними были редки, смешения этносов не происходило.

Поселяясь на постоянное жительство, зыряне приобретали приговоры инородных управ, уплачивая «единовременно за право постановки дома от 5 до 25 руб.» и затем ежегодно «по 2 руб. без права пользования какими бы то ни было земельными угодьями» [Жеребцов 1982: 183]. «Оседлые» зыряне, подобно русскому населению, летом занимались рыболовством, а зимой скупали гущину у остяков и самоедов, составляя конкуренцию русским торговцам. Среди зырянского населения выделялись оленеводы, кочующие круглогодично со стадами по тундрам. В Куноватской волости официально было зафиксировано приблизительно 13 хозяйств «кочевых» зырян (44 муж., 28 жен.), в Обдорской — 2 (8 муж., 6 жен.), в Подгородной — 5 (19 муж., 16 жен.) [Патканов 1911: 34, 38]. Зыряне-олeneводы платили туземным старшинам «покопытный сбор» (от 2 до 10 копеек с оленя) за право пользования тундровыми пастбищами [Жеребцов 1982: 182]. По данным А. А. Дунина-Горкавича, кочевья их были раскинuty по Уралу от р. Ляпин до Байдарацкой губы (с юга на север), от Урала до Надыма (с запада на восток). Основной доход зыряне-олeneводы получали от вывоза мороженой рыбы, оленьего мяса и шкур в Обдорск и Ижму. Предприимчивые зыряне-олeneводы доставляли из-за Урала «товары», необходимые для инородцев [1995. Т. I: 119–123].

Переселение «сосьвинского народа»

(*охаль, пастьр ёх*)

Наиболее освоенным маршрутом перехода из-за Урала на Нижнюю Обь было течение рек Сев. Сосьва и Ляпин. С начала колонизации Сибири им пользовались «торговые» и «гулящие» люди и московские военные дружины. По-видимому, в позднем средневековье бассейн Сосьвы и Ляпина стал своего рода «промежуточной базой» для движущихся за Урал мигрантов. Отсюда, уже отчасти освоив приобские территории, они шли далее на север вдоль Оби.

На Нижней Оби известны родовые группы, причисляемые северными хантами к *лев охаль* — 'народу с реки Сосьва' и *сак охаль* — 'народу с реки Ляпин'²⁰.

²⁰ Г. Ф. Миллер поясняет, что вогулы называют р. Сыгва *Sek-ja*, а р. Сосьва — *Tägget*; последняя по-остяцки именуется *Léu-jugán* ('Холопья река') [Сибирь XVIII в. 1996: 235, 240]. Северные ханты соотносят *охаль* (казым. *vogaly*) с населением рек Сев. Сосьва (Лев-юган) и Ляпин (Сак-юган — 'Бисерная река'). Сохраняется убеждение, что ханты и *охаль* понимали язык друг друга и были связаны брачно-родственными отношениями. Однако последние носили несколько отличающуюся одежду.

По словам хантов, к *охаль* (*вогаль*)²¹ относятся: *Ванды пугор ёх* — ‘Наблюдательной деревни народ’ — Кондыгины, Ковшины, Альгамовы, Лараховы, Пронькины, Радионовы; *Лох пат курт ёх* (или *Шиян пугор ёх*) — ‘Заливного тупика народ’ — Шияновы²²; *Ланги вош ёх* — ‘Беличьего городка народ’ — Мошкины; *Сорт юган ёх* (или *Куш авыт ёх*) — ‘Щучьей реки народ’ — Русьмиленко. Имеются веские основания считать пришельцами с Сосьвы—Ляпина казымских Вогалевых²³, Сенгеповых²⁴ и Тасмановых²⁵, обских Куриковых²⁶, Себуровых и Гришкиных, северообских Сайнаховых²⁷ и Тобольчиных (Тобылевых)²⁸. К западным мигрантам можно отнести куноватских Новьюховых²⁹.

²¹ В угроведческой литературе утвердилось мнение о коми-зырянском происхождении этнонима *вогул* (лстопис. «вогуличи»), имсющее значение ‘дикий’ (близкое к нему *лэвь вогыль* — «человек с косматыми волосами»), или ‘язычник’ [см.: Бахрушин 1955а: 86; Лашук 1972: 61; Фёдорова 1996: 11–13]. А. В. Головинév подчеркивает, что «безверные вогуличи» представляли собой этнически разнородные группы язычников, бежавшие от миссии Стефана Пермского за Камень. В результате движения на восток беглецов-вогуличей (через Средний Урал) и беглецов-югрнчсй (через Северный Урал) произошло «сложение» или «обновление» общности среднезауральских (обь-иртышских) и северозауральских (нижнеобских) хантов и манси [1988: 138–141].

²² Легенда об основателе этого рода старике Какванси (*Какви ойка*), прозванном Паршискоблитель, известна и у сосвинских манси [Источники 1987: 141].

²³ Очевидно, что фамилия Вогалев образована от этнонима *охаль* (казым. *вогаль*).

²⁴ По данным С. У. Ремезова, в начале XVIII в. ю. Сенгеповы находились на р. Ремжа (Сев. Сосьва) [Чертежная книга Сибири 2003. Т. 1. Л. 8 (17–18); Т. 2. 75–78].

²⁵ В XVIII–XIX вв. Тасмановы проживали в Искарском городке и ю. Люликарских Сосьвинской волости; кроме того, фамилия Нехорошков—Тасманов встречается в Кельчиларском городке Казымской волости, Тасманов и Тасманов—Сулин — в Сыском и Куноватском городках Куноватской волости. Фамилия Сенгепов (Сангопов) локализовалась в Юильском городке (ю. Хапгальские) Ляпинской волости и ю. Няксимвольских Сосьвинской волости (прил. II, табл. 1, 2; прил. V, табл. 1, 2, 15; прил. VI, табл. 2). Манси Тасмановы до сих пор проживают на р. Сосьва.

²⁶ Фамилия Куриков фиксируется 4–10-й ревизиями в ю. Чулыльских Подгородной волости и в Искарском городке Сосьвинской волости (прил. III, табл. 1; прил. V, табл. 1). На Оби их называют *Тухлан сир ёх* — ‘крылатого рода люди’ с р. Помут [Молданов 1999: 18, 74, 131].

²⁷ Фамилия Сайнахов локализовались в Юильском городке (ю. Ццкурьинские) Ляпинской волости (прил. VI, табл. 2). Манси Сайнаховы проживают на р. Ляпин.

²⁸ Фамилия Тобылев фиксируется в Кушевском городке (ю. Кушевские прежде назывались Лев вош — ‘Сосьвинский городок’) Куноватской волости и Ляпинском (Обском) городке Ляпинской волости (прил. II, табл. 3; прил. VI, табл. 7).

²⁹ По данным 4–10-й ревизий, Легасевы—Новьюховы проживали в Куноватском городке Куноватской волости, фамилия Новьюхов встречалась в юртах Неримовых, Вогульских, Амчуковых Подгородной волости, Ляпинском (Обском) городке Ляпинской волости и ю. Ремимовых Сосьвинской волости, фамилия Легасев — в ю. Люликарских Сосьвинской волости (прил. II, табл. 2; прил. III, табл. 6, 8, 9; прил. V, табл. 16; прил. VI, табл. 7).

Выходцы с рек Сев. Сосьва и Ляпин обнаруживаются на соседней р. Сыня. *Сохаль* по происхождению связываются сынские фамилии Еприн и Рохтымов. Первые именуются *саквой ёх* — ‘ляпинский народ’, или «маленькие гуси»; иногда их прародиной называется р. Нёсьеган. Относительно появления на р. Сыня Рохтымовых рассказывают следующую легенду. В ю. Еври-горт вернулась сынская женщина, бывшая замужем за обским хантом (*нум шоп хантэт* — ‘верхнего течения Оби ханты’, «их земля выше Березова»); она родила сына, который и положил начало фамилии. Старое название Рохтымовых — *ан-еган-ёх* (‘тарелки-реки народ’) — происходит от наименования реки, «расположенной где-то около Теги или Казым-мыса». В то же время местом пребывания Рохтымовых указывается берущая начало на Урале речка Ай-юган (выше Еврей-горта) и отмечается их связь на протяжении нескольких поколений с *саран ёх* (зырянками). Ляпинские манси считают Рохтымовых выходцами с р. Рахтынья (район слияния Ляпина и Сев. Сосьвы). Дисперсное расселение Рохтымовых (Рахтымовых) нашло отражение в материалах переписей XVIII—XIX вв.³⁰. По мнению антропологов, при учете локальной изменчивости, территориально и исторически близкие северные манси и сынские ханты выглядят «практически идентичными» [Аксянова, Аксянов 2000: 194—195].

До недавнего времени переселившиеся на Нижнюю Обь *охаль* сохраняли связи со своими родовыми местами. Духом-*лоцом* хантов Русьмиленко был *Лев кутоп ики* — ‘Средней Сосьвы старик’. *Лев кутоп ики* хранился и у *Хош горт ёх* — Тырлиных. Духом-покровителем малообских хантов Шияновых был *Пажит мек ики*. Еще в начале XX столетия они ездили через ю. Тиль-тим в верховья р. Сев. Сосьвы, где на р. Пажит-югане находилось капище «главного» *Пажит ики*. По материалам Е. П. Мартыновой, хранителями духа считались сынские Талигины [1998: 99]. Сестрой ему приходилась *Пажит нэ* — тутлеймская Женщина-лягушка. По представлениям казымских хантов, святилище «семерых духов с местечка Пашит» расположено в верховьях рек Сыня и Хулга. Почитался *Пашит верт* как могущественный «двухголовый, четырехрукий» лесной дух *ялы (менк)*. Когда во время медвежьих игрищ *Кат вешпи япал* (‘Двуликий дух’) появляется в танцевальном доме, «котлы... вверх дном переворачиваются», с деревьев хвоя осыпается [Молданов 1999: 56—58, 62, 74, 129]. По данным

³⁰ По данным ревизских сказок, фамилия Рахтымов встречается в Сынском городке Куноватской волости, в Ляпинском (Обском) и Шангальском (ю. Межупаульские) городках Ляпинской волости (прил. II, табл. 1; прил. VI, табл. 4, 7).

А. В. Бауло, *Пашт-ики* (*Пажит-ики*) «переселился» в ю. Пашторы с р. Сосьва. Вместе с женой и дочерью он «жил» около Березова на мысе Сорахт-нэль. Его облик — филин [2002а: 55].

Женские образы, именуемые *Лев нэ ими* ('Сосьвинская женщина'), широко распространены на Нижней Оби: 'Середины Сосьвы Женщин' почтала в Питляре, Тегах, Казым-Мысе и других селениях Мал. и Бол. Оби. Духов с р. Сосьва *Ай лев тый миш нэ* — 'Верховий Малой Сосьвы женщину-миш' и *Лэв кутуп миш нэ* — 'Середины Сосьвы женщину-миш', приходившихся племянницами *Касум най ими*, «приглашали» на медвежьи игрища казымские ханты. Сама хозяйка р. Казым *Касум най ими* считалась родной сестрой могущественного *Лэв кутуп ики* (манс. *Тагт котиль ойка*) — 'Средней Сосьвы старика' — охранника предгорий Урала. Ее по праву можно отнести к 'Сосьвинским Женщинам' — до замужества своеобразная богиня проживала с братьями на р. Сев. Сосьва, один из ее фольклорных эпитетов «Священный камень, святой камень у порога (Урала), великая женщина-дух». В свою очередь в призывной песне на медвежьих игрищах сосьвинский *Лэв кутуп ики* величается «вечным золотым», «на оленей удачу приносящим» духом-хранителем июльских хантов. Он приезжает на праздник «на пяти пестрых оленях» с пожеланием «без неровностей дороги мчащимся оленям», «без опасности шага бегущим оленям». В Полновате (с этнически более пестрым населением) роль *Лэв кутуп ики* была не столь значительна [Молданов 1999: 26–27, 38–41, 80, 125; Молданов, Молданова 2000: 14–26, 87–95]. По представлениям сосьвинских и ляпинских манси, Казымская богиня (манс. *Касум най эква*) являлась лишь дочерью (или внучкой) сестры этого духа [Источники 1987: 238; Ромбандеева 1993: 75, 79].

Сохраняющееся в священных песнях и сказаниях детальное описание «пути» сосьвинской женщины *Касум най ими* на р. Казым отражает картину продвижения утров-мигрантов с запада на восток. Дабы закрепить за собой территории, ставленица *Торума* маркирует «земли кошачьего локотка», «земли соболиных коленей»: в устье Казыма сажает семь слуг-пастухов, призванных не пропускать через каменный запор идущие с низовьев Оби берестяные лодки духа болезней *Хынь ики*, правую рукавицу бросает в устье р. Мозямы и та оборачивается духом *Мусяц ими*, левую рукавицу — *Кещ лор ими* — оставляет на оз. Кислор, в верховья р. Амня сажает слугу, торившего дорогу, а в середине ее — «котлами гремящего маленького куля». У Небесного отца испрашивает *Касум ими* особого слугу-помощника и «остроголового» духа-

охранника Юильского городка *Воцац ики*. Оставив свой хорей и парты, превратившиеся в священные деревья и холмы, богиня поселяется на оз. Нумто [Молданов 1999: 29; Молданов, Молданова 2000: 4–5, 12–26]. Столь подробное очерчивание дороги *Касум ими* фиксирует вживание и закрепление территорий за новой и, по-видимому, значительной этнической группой. Т. А. Молданов рассматривает верховья Казыма как эпицентр мировоззренческих идей поздно сложившейся общности казымских хантов, в формировании которой приняли немалое участие выходцы с Сосьвы [1999: 78–80].

Свидетельства появления выходцев с Ляпина и Сосьвы на р. Куноват можно обнаружить в священных песнях Казымской богини. По легенде, сыном *Касум ими* считается *Айем хуци йехлап вэрт* — ‘Лук имеющий могучий дух’ (покровитель р. Куноват), а внучкой — *Куноват Мис нэ* — ‘Куноватская женщина мис’. В другой версии, идущая с севера на Казым богиня оставляет своего сына на оз. Шишан лор, а дочь назначает «хранительницей людей р. Куноват» [Молданов 1999: 27, 123, 127; Молданов, Молданова 2000: 12]. Проживающих на Оби *Шишен горт ёх* — ‘поселения Шишенги народ’ (Пузлановы) и *Шовыр мохтын ёх* — ‘заячьей протоки народ’³¹ (Литва) куноватские ханты считают «другим племенем». Возможно, в этих сюжетах отражена связь остяков Жажимховых из Куноватского городка Куноватской волости, оспаривавших властные полномочия у князей Артанзеевых, и Жажимковых—Паланзеевых из Шангальского городка Ляпинской волости (прил. II, табл. 2, 3; прил. VI, табл. 4). По словам манси, некогда многочисленный род Паланзеевых с р. Ляпин считается вымершим, их священный лабаз с родовым духом *Суй ур эква аги* — ‘Дочерью соснового леса-женщины’ хранят хурумпаульские Меровы. Яркие иллюстрации сохранения религиозно-культурного единства северных хантов и охаль, подкрепленные архивными экскурсами, не только подтверждают долговременность и прочность их связей, но и косвенно свидетельствуют о существовании некогда единой североургорской племенной общности.

Миграции с запада зачастую сопровождались конфликтами пришельцев с местным населением. О войне войкарских хантов с людьми *ай лев ёх* (‘Малой Сосьвы народ’) сохранилась легенда:

³¹ В версии легенды о Казымской богине тегинских хантов, *Касум най ими* выходит замуж за *Щарс (Чёрас) ов ики* (‘Морских ворот Мужчину’), их дочь — будущая хозяйка озера Шишан лор — может принимать «образ летнего зайца» [Истгина-Лапина 1999: 41–42].

В юртах Отляр на р. Войкар жил человек-Гагара. Было у него две жены. У старшей было два взрослых сына, у младшей — один, еще в колыбели. Пришли на р. Войкар *ай лев ёх*. Однажды отец спрашивает старших сыновей: «Вы слышите что-нибудь?» «Ничего не слышим», — отвечают сыновья. «Как не слышите, что-то ведь слышно, наверно, война идет», — говорит Гагара. Отец стал собираться в лес, Гагара есть гагара, а сыновья дома остались. Война дошла до Отляра. Всех жителей поселка воины *ай лев ёх* убили и сыновей Гагары тоже. Женщин с собой забрали, увели и старшую жену Гагары.

Гагара на другую сторону валится (по другой стороне Оби идет), в сторону местечка Халей-пугор. Подстерегли Гагару воины *ай лев ёх*, стали стрелять в него из луков, а Гагара нырнул в воду и, как утка, под водой ушел. Гагара есть гагара. Остановился Гагара не доходя до Халей-пугора, заснул на каменной скале. Следующую ночь провел Гагара на озере, в доме Халей («Чайки»). Среди ночи слышит, будто идет кто-то. Гагара думает: «Халей идет по суше, видно, кругом сухо».

Пошел Гагара дальше. С другой стороны война еще страшнее идет. Приходит Гагара на р. Юган (Вершина Войкара), и там весь народ перебит — весь мир спит. Гагара думает: «Что я буду делать один? У меня еще жена есть, с другой стороны реки на конце поселка живет, пойду к ней». Пришел к младшей жене. Решили они двигаться на р. Нанк-юган. Женщина идет за мужем и ребенка в люльке за спиной несет. Война их догоняет. Подходят к горе, а с горы лучники стреляют, стрелы так и сыплются. Одна стрела между дном и стенкой люльки прошла. Гагара и его жена в воду нырнули. Гагара есть гагара. Плывут. Кричит Гагара жене: «Ребенка брось, тебе легче плыть будет!» «Как я ребенка брошу, он же глазами видит», — отвечает жена. Бегут дальше. На Нанк-юган пришли, там тоже все жители перебиты. Обратились к горам. В лесных землянках два года прожили. Сын у Гагары растет. Гагара думает: «Что-то делать надо. Никого не осталось». Вернулись на Ай вош пай (городок в устье р. Войкар) — и там никого.

Созывает Гагара всех оставшихся в живых мужчин на войну. Собрали большое войско с Оби, лесных деревень людей и оленных людей. Гагара во главе войска идет, хочет свою старшую жену у *ай лев ёх* отнять и за сыновей отомстить.

Идут вверх по Оби. Дошли до того места, откуда война началась. Встретили там двух мальчиков-караульчиков. Спрашивают у них: «Где ваш вождь?» Мальчишки хитрят, не отвечают. Тогда Гагара одного из них убил. Второй мальчишка-караульчик испугался и говорит: «Жена твоя у нашего вождя живет, не раздета, не разута, а в железные одежды

наряжена». Рассказал парнишка, где жена Гагары спрятана. Ночью пошел Гагара к тому месту. Как собаки залают, он камушек кидает, чтобы за ним не бежали. Городок большой. Гагара думает, как жену выручать, как ее из дома вызвать. Решил в отхожем месте спрятаться, все равно рано или поздно жена туда придет. Через некоторое время приходит жена Гагары, плачет: «Как вы в городок пойдете — окружающие поселок цепи звенеть будут». Гагара говорит своей жене: «Ты можешь нам. Как вернешься в дом, стрелы перекуси, тетиву у луков укороти, железные одежды ножом разрежь».

Ночью влетел Гагара в поселок, кричит: «Выходи, воевать будем». Вождь *ай лев ёх* кольчугу надеть не может. Гагара стрелу пустил, через отверстие в кольчуге стрела прошла. Испугался вождь *ай лев ёх*, в лес побежал, через три речки перемахнул. Гагара его догоняет. Просит вождь *ай лев ёх* не убивать его, но Гагара вспорол ему живот. Живот снова срастается. Тогда Гагара в живот вождя *ай лев ёх* траву из кисов (стельку) натолкал. Перестал срастаться живот. Сердце врага завернул в кишки и съел (одно сердце он съесть не мог). Скалы с него снял и на самое высокое дерево в Отляре, где его сыновей убили, повесил. Жену свою забрал. От Гагары все войкарские ханты произошли.

[С. А. Аляба, Вершина Войкара, р. Войкар, 1995]

В приведенном сказании обращает на себя внимание общность некоторых сюжетов с северосамодийским героическим эпосом: умерщвление оживающего героя «грязными» (женскими) вещами, поедание сердца, приношение голов на вершину дерева и др. Образ человека-Гагары соотносится с духом-лодком одного из родов войкарских хантов — *Нянь горт ёх* — 'Хлебного городка народ' (Сэвли), принимающего облик Старика-гагары (*Тохтын ики*). Его металлическое изображение хранится на святилище у Нянь-горта. Примечательно, что *Естьото Паяры* (Железокрылая Гагара) является одним из духов, призываемых ненецкими шаманами при камлании [см.: Головинёв 1995: 382—383]. Вполне возможно, что в образе старика-Гагары выражены культовые характеристики древнего таяжно-самодийского населения (*ор ёх*), с которым столкнулись в низовьях Оби пришельцы-угры.

Клев охаль нижнеобские ханты относят и легендарный народ *пастэр ёх*. О народе *пастэр* известно несколько легенд. Две из них, записанные И. Папаи у обдорских хантов и В. Н. Чернецовым у северных манси, по сюжету повторяют друг друга. Обе рассказывают о переселении предков народа *пастэр* из южных мест, «где берет начало Обь», на север, р. Полуй, где и поныне проживают ханты рода *Пастэр ёх*. Обе легенды начинаются с

описания погоны за лосем предков народа *пастэр* — Шагом Менква Обладающего Человека и Крылатого Пастэра. Не доходя «до нижнего конца Урала», Крылатый Пастэр убивает «богом созданного священного зверя, богом созданного отмеченного зверя». По легенде, записанной Й. Папай, Крылатый Пастэр возвращается на родину, а Ногастый Пастэр, достигнув места, где был убит лось, остается в низовьях Оби навсегда и вскоре забывает «свою прежнюю родину». В записи В. Н. Чернецова, Шагом Менква Обладающий Человек, Крылатый Пастэр и три «обыкновенных» человека, встретившись на конце Нижнего Урала, уходят в низовья Оби и поселяются на р. Полуи [Мифы 1990: 170—171; 432—433].

Осевшая в устье Полуи (чуть выше Салехарда) северная группа народа *пастэр* известна среди нижнеобских хантов как род *Пастэр ёх*, проживавший в юртах с тем же названием (Пастэр-горт). По данным 4-й и 7-й ревизий, население Пашерцовых юрт было приписано к Обдорскому городку. В 1782 г. в них проживало 59 человек, в 1816 г. — 94 чел., в 1858 г. — 63 чел. По данным 10-й ревизии, в ю. Пашерцовых числилось пять фамилий: Суханов, Чемахов, Селимов, Ильин и Урасов (см. прил. I, табл. 1). На сегодняшний день к роду *Пастэр ёх* относятся фамилии Шуганов, Ильин и Кормяков (все они почитают и хранят изображение духа *Пастэр ики*, он же *Хынь ики*). Причисляя род *Пастэр ёх* к *лев охаль* ('народу с реки Сосьва'), северные хангты добавляют, что в старые времена за незнание местного диалекта их называли *вадаси* — 'бессловесные'.

По мнению В. Н. Чернецова, народ *paster* ведет свое происхождение от мансийского рода *Пастыр махум*, некогда проживавшего в селении Мункес на р. Ляпин, где находилось главное капище «семи крылатых *paster*» [1939: 27]. Е. И. Ромбандеева обнаружила, что «потомки северных манси из деревни Мувентес» пришли с верховий р. Лозьва и поселились по р. Сорахта, притоке р. Ляпин. По преданиям, предки народа *пастыр махум* были сильными воинами. В призывной песне духов-предков, которым до сих пор поклоняются их потомки — хошлогские манси, поется о переходе богатырей через «семь рек, шесть рек». Отыскивая прародину легендарного народа, Е. И. Ромбандеева сопоставляет его название с мансийским наименованием р. Печора — Пацар ас — 'Большая река Пацар' (или 'пропасть, через которую льется много воды')» [1993: 43, 44].

О продвижении народа *пастыр махум* на север Е. И. Ромбандеевой записана еще одна легенда: во время «огненной воды» «людей из деревни Мувентес на Сакв-я, поклонявшихся предку-духу Пацтор (Пастыр ойка), унес-

ло далеко на Обь, в те места, где впоследствии возникла дер. Пашторские юрты» [1993: 44]. В результате ассимиляции пришельцев на Оби появился хантыйский род *Пастыр ёх*, «половина которого — манси, а половина — ханты» [Источники 1987: 215; 239]. По поверью, возвращение народа на р. Сакв-я грозило ему вымиранием. Однако до сих пор манси р. Сакв-я и манси Оби считаются кровными родственниками и называют друг друга «брат» и «сестра» [Ромбандеева 1993: 44].

Юрты Пашерские (Пащерцевы) во главе с князем Семеном Юркиным фиксируются в ревизиях в Подгородной волости. Численность населения юрт незначительна: в 1782 г. она составляла 58 человек, в 1816 г. — 43 чел., в 1858 г. — 39 чел. (прил. III, табл. 4). Переселение на р. Обь, вероятно, проходило через р. Вогулку, где, по легенде, записанной А. А. Дуниным-Горкавичем, проживали братья-богатыри, сыновья *Ул-пан-лоль-ман-вурта*, чьи потомки основали обские Пащерцевы юрты. В сказании братья-богатыри мастерили луки «из лиственницы толщиной в человеческую голову», «на тетиву шло 1,5 пуда конопли, а для проклейки ее варили клей из копыт 150 диких оленей», стрелы делали, вырвав березу «в руку толщины». Примечательно, что, по легенде, братья «ездили на лосях». В ссоре младший брат убил старшего, а затем и сам погиб. «И до сего времени на месте старых Пащерцевых юрт никто не селится», а потомки братьев уехали на Обь [1996. Т. III, прил. IV: 23–24].

Любопытно, что первые две легенды о появлении северной группы *пастэр ёх* включают сюжет погони за лосем³², а в последней легенде предки-

³² Сюжеты об охоте на Небесного лося сохраняются в мифологии разных групп обских угров. В предании северных манси (р. Сев. Сосьва) в погоню за лосем пускается спящий в колыбели *Мось хум*. В мифе о Небесном лосе северных хантов (р. Сьня) старичок Торстор обнаруживает «зверя» у южных отрогов гор. Выпущенная им стрела отскачет задние ноги лося и пробивает в горе проход, по которому совершают весенне-осенний перелет птицы. Сюжет погони за лосем встречается и у восточных хантов (р. Вах), однако здесь в охоте участвуют три человека (ваховский, обской и, вероятно, снисейский). Созвездие Большой Медведицы представляется брошенным в небо котлом, а три расположенные по соседству звезды — охотниками [Мифы 1990: 66–70, 297]. Едва ли не самым распространенным можно считать миф о погоне младшего сына Верховного бога за «шестиногим-шестируким зверем» (лосем) у сургутских хантов. *Посты-янз ики* ('Быстро-бегать мужик'), настигнув созданного *Торумом* быстрого Небесного лося (*Курын вой* — 'Ногастый зверь'), отрубает ему две задних ноги, чтобы с наступлением «человеческого века» люди могли легко добывать зверя. Миф относится к разряду космогонических: лосиную шкуру легендарный охотник прикрепляет к небесному куполу — так возникает созвездие Лося (Большая Медведица), а на небе остается след от его лыж — Млечный Путь.

богатыри используют «погастого зверя» в качестве транспорта. Охотники-Пастэр, будучи приуральского (западного) происхождения³³, принесли на реки Сосьва и Обь культ лося³⁴. О хозяине устья р. Вижая (приток Лозьвы) *Вит ялпынг ойка* ('Священной воды Торум'), живущем у своего сына *Сау паул ойки* в селении Сав паул и представляющемся в образе лося (в виде

³³ Изображения лося довольно широко представлены среди наскальных рисунков уральских писаниц. Композицию, «состоящую из трех основных компонентов — изображений копытного животного, небосвода или солярного знака и загородки в виде зигзага или ряда параллельных линий» В. Н. Чернецов определял как наиболее типичную и «неизменно повторяющуюся на большинстве писаниц Урала» (реки Тагил, Реж, Нейва, Вишера, оз. Бол. Аллак). Наскальные изображения Урала, датируемые от конца неолита до средневековья, на основании археологических и других материалов он связывал с угорским населением (предками манси и хантов), сохранявшим древноуральские черты. Более того, он высказывал предположение, что североприуральскую группу протоугорской общности, оставившей наскальные изображения, можно соотнести с встречающимися в эпических преданиях обских угров «из-за Урала... Приходящими-Выкли» (манс. — выкли, хант. — вокыл, эрян. — вагол, рус. — вогул) [Чернецов 1971: 56–65].

³⁴ У южных манси (р. Конда) и северных хантов (р. Войкар) бытует немало преданий о лесных духах (св. хант. *мис ху / нэ*), предстающих в образе мужчины или девушки с одной лосиной ногой. Встреча с лесным духом может обернуться как удачей, так и несчастьем. У восточных хантов сохранилась информация о проведении в прошлом лосиного праздника [Лукина, Кулсмзин, Тигаренко 1975: 169]. На р. Конда в случае добычи лося собиралась вся деревня, чтобы «обмыть копыта». Прежде всего варили голову. Шкуру снимали, оставив часть около носа и губ. Во время трапезы «лосиную голову передавали от старых к молодым» [см.: Персвалова 2001б].

«Лосиные сюжеты» нашли отражение в родовой организации обских угров. У хантов рек Аган, Тромьган, Пим, Мал. и Бол. Юган, Демьянка фиксируется наличие трех экзогамных групп-сир: Медведя (*Пули сир*), Бобра (*Мах сир*) и Лося (*Нёв сир*) [см.: Вербов 1936: 59–60; Кулсмзин, Лукина 1976: 232–236; Персвалова 1998: 109–111]. У рода *Нёв (Курын вой) сир*, считавших лося своим братом, сохранились табу по отношению к этому животному. Во время охоты им запрещалось смотреть, как падает подстреленный лось («*Торуму* нехорошо становится»). Обычно сделав выстрел, охотник отворачивался. Затем он должен был отрезать *лунк ваним* ('лицо бога') — кусочек шкуры между носом и губой лося — и, положив оружие (лук) на убитого зверя, призвать *Торума* (или самого охотника за Небесным лосем — *Сорни кон ики*), чтобы послал новую добычу. На Агане *лунк ваним* разрезали на три части и для совместной трапезы приглашали *Торум ики*, *Сорни кон ики* ('Золотого сына'), *Воейх орт* ('Зверей дающего духа'). Этот кусочек шкурки считался священным, его носили в патронташе или прикалывали деревянной палочкой «повыше» на стене дома или лабаза. Аганские ханты считали, что он непременно должен быть съеден самим охотником или его близким родственником. I Подъезжая с добычей к юртам, охотник оповещал об удаче выстрелами из ружья (4 раза при добыче лосихи, 5 — лося). Лосиное мясо варили, а кости и череп уносили в лес. Женщинам запрещалось употреблять в пищу глаза, губы, язык и голову зверя, шить из лосиных камусов обувь. Хотя лосиную кость повсеместно используют для изготовления рукоятей ножей и украшений олсней упряжи, класть в могилу такие изделия запрещалось [Персвалова 2001б: 169–172].

небольшой фигурки лося, вылитой из олова), сообщает В. Н. Чернецов. *Вит ялпынг ойка* считается предком фамилии Елесиных. Другой сын *Вит ялпынг ойки* — *Леп тит ойка*, по преданиям, некогда переселился с р. Лозьва на Сосьву в устье р. Лэплы. Его изображением была деревянная фигурка лося. *Леп тит ойка* представлялся предком рода Сампильталовых, живущих в вершине р. Сосьва. Елесины и Сампильталовы считали свои роды «братскими» [Чернецов 1939: 25–26; Источники 1987: 240]. В обличье лося, опираясь двумя руками на посохи (ноги) из ели и лиственницы, *Леп тит ойка* является на медвежий праздник. При посещении святилища *Леп тит ойки* В. Н. Чернецов обнаружил четыре чамьи (остатки старых амбарчиков), в одной из которых хранилась жертвенная посуда и топор для разрубания лосиных голов. Однако самого *Леп тит ойки* здесь не оказалась, не было ни его меча, ни свинцовой отливки лося с золотыми глазами и серебряной монетой, вставленной в живот. Найдены были лишь небольшой деревянный идол с серебряными глазами в сукожных остроконечных шапках... и *Щах ойка* — боевой бронзовый молоток с железным клювом, завернутый в бесчисленные одежды [Источники 1987: 201–202, 239; подробнее о святилище *Леп тит-ойки* см.: И. Н. Гемуев, А. В. Бауло 1999: 20–25].

Часть народа *пастэр* при продвижении на север, по-видимому, осела в районе Мужей, где в составе Аспукальского городка встречается фамилия Пасторов. Род *Ас пухлын ёх* — ‘Обского поселка народ’ или, как его иначе называют «Обь долбящий народ», включает фамилии Тарагупта, Елескин, Конкин, Костин и Пасьмаров. Из фамилий, перечисленных выше по ревизским сказкам, в Аспукальском городке встречаются: Костин, Кончин (вероятно, в сегодняшней огласовке Конкин) и Андрюшкин (Тыргуптин) (прил. I, табл. 12). Писмаровы, по 4–7-й ревизиям, записаны в ю. Хангальских, Костины — в ю. Люликарских Сосьвинской волости (прил. V, табл. 6, 15). Елесины, по сведениям В. Н. Чернецова, еще в начале XX в. проживали в верхнем течении Лозьвы [Источники 1987: 14].

По нашим полевым материалам, род *Ас пухлын ёх* ведет свое происхождение от Елесиных (Елескиных). По легенде, двое Елескиных в старое время бежали от чумы и спустились на Обь с Урала. Оленей тогда много пало, они пришли в эти места пешком и остались здесь жить. Когда у одного из Елескиных умерла жена, он женился во второй раз. Женщина была беременна и вскоре родила мальчика. Женщина и ее сын были родом с р. Нёсьеган (приток р. Сьня). От мальчика позднее пошли все Конкины. Поскольку его отчим, Елескин, считал мальчика своим приемным сыном, Конкины относятся к роду *Ас пухлын ёх*.

Одним из родовых божеств *Ас пухлын ёх* является *Хорам ур нэ* (*Мис нэ*) — 'Лесная Красавица', имевшая облик лосихи. По легендам, записанным в 1995 г. в пос. Мужы у П. П. Русьмиленко (Елескиной), а также в пос. Усть-Войкар у Е. К. Ребась (Конкиной) и Ф. А. Озелова, богиня Елескиных *Хорам ур нэ* была замужем за местным духом *Выл послан ики*. Совместная жизнь *Хорам ур нэ* и *Выл послан ики* (*Сёпр ики*) не сложилась:

Однажды супруги поссорились. *Выл послан ики* ударил жену по голове так, что кровь побежала. Говорит *Хорам ур нэ* мужу: «Как мы дальше жить будем вместе? Пусть только один дымок в *Выл*-после останется». Забрала ребенка и пошла в сторону Анжи-горта. Пришла в деревню, ребенка распеленала, мокрую подстилку поменяла, чистую постелила (место, где она подстилку выбросила, названо Олакун пугор — 'Постель ребенка меняла' и считается священным, там женщинам нельзя ходить).

Переехала *Хорам ур нэ* через р. Ай-вош-юган. Не доезжая до Мужей, ускорила шаг, а когда проходила по живуну Сойпиды-муши, ее нога провалилась в снег. Оглянулась *Хорам ур нэ* и увидела, что оставляет след в виде лосиного копыта. Перегрузив ребенка за плечи, побежала дальше в сторону вершины р. Войкар. Пришла к острову Юхлы пугор — 'Без деревьев остров', остановилась, болотной водой смыла кровь со своей головы (из этого болота женщинам нельзя воду пить).

Дошла *Хорам ур нэ* до середины Войкарского сора, на священном мысу решила передохнуть. Увидела орла-белохвоста, спускающегося на листовичный мыс. На листовичном мысе в священном болотце Емынтув она ребенка помыла. А ей голос говорит: «Зачем тут моешься, озеро-то священное. Старик-орел приходит сюда. Если ты на сору будешь мыться, где люди будут воду пить?»

Побежала женщина-лосиха на озеро Варчалор. Присела на отколовшийся от скалы камень, прозрачный, как стекло (камень тот и сейчас там же находится; глядя в него, можно различить сидящую женщину с младенцем). *Выл послан ики*, следуя за женой, каждый раз натыкался на освященные места. Шел-шел, до камня добрался и говорит: «Жена, не стоит ссориться, что было, то прошло, собирайся, домой пойдем». «Нет, ты живи, как сможешь, а я буду жить своей жизнью», — ответила ему женщина-лосиха.

По одной версии, *Хорам ур нэ* оставила своего сына на мысе Нанкильды нель ('Женщин поднимающихся мыс'), подумав: «Проезжающие ханты будут поры устраивать, может быть, рюмку здесь поставят». По другой, после ухода мужа она вернулась в ю. Усть-Войкар и основала Ай вош пай —

‘Маленький городок на возвышенности’. Сама ушла в Паль-важ (‘Высокий городок’), а хозяйном мыса и городка оставила своего сына.

Пельвожские Елесины, наряду с харпюскими Тобольчиными, считаются выходцами с р. Сев. Сосьва и родственниками обдорских хантов *пастэр ёх*. Все эти родовые группы, по-видимому, относятся к одному миграционному потоку, получившему в североугорском фольклоре наименование «народа пастэр». Легенды о хождениях женщины-лосихи в какой-то мере рисуют пути передвижения пришельцев-пастэр, переселение которых представляло одну из волн миграций с запада.

Миграции на Нижнюю Обь *охоль* (*лев охоль*, *ай лев охаль*, *сак охаль*, *пастэр*), вероятно, следует связывать с вытеснением сосьвинско-ляпинских хантов мигрантами-манси. По предположению Э. П. Соколовой, еще в XVII—XVIII в. в бассейне Сев. Сосьвы и Ляпина проживали ханты, о чем, по ее мнению, свидетельствуют «отсутствие в прошлом браков с мансийским населением Конды, Пельыма, Лозьвы и Сосьвы», наличие хантйской топонимики, сходство в языке и культуре северных манси и хантов, вхождение в Ляпинское княжество куноватских хантов, общее название «остяки» (а не «вогулы»). В итоге ассимиляции хантов пришельцами в XIX вв. сформировалась северная, сосьвинско-ляпинская группа манси [Соколова 1977: 136, 1979б: 120, 123, 1982: 33; см. также Бабаков 1973а: 214—215, 1973б: 86—87].

Вместе с тем материалы переписей 1782—1858 гг. показывают, что в начале XVIII в. основные мансийские фамилии, известные сегодня, уже проживали на реках Сосьва и Ляпин. В отличие от Куноватской и Обдорской волостей, семейный состав Ляпинской и Сосьвинской волостей был более устойчив, случаи замены старых и появления новых фамилий отмечаются крайне редко. В. М. Могильников утверждает, что миграция манси из западных районов Урала и Печорского Приуралья на восток началась под давлением коми не ранее XIII—XIV вв. [1995: 74—75]. Вероятнее всего, заселение сосьвинско-ляпинского бассейна манси завершилось к XVII в. и, как свидетельствуют фольклорные материалы, носило характер как военных захватов, так и мирных миграций. В то же время, по данным 4—7-й ревизий (в конце XVIII — начале XIX в.), наблюдается исчезновение ряда фамилий и отдельных семей из Сосьвинской и Ляпинской волостей, что, по-видимому, указывает на отток части угорского населения на север (см. прил. V—VI). Об этом же косвенно свидетельствует северная ориентация брачных связей жителей рек Ляпин и Сев. Сосьва (с хантами Куноватской волости и некото-

рыми городками Обдорской волости — Аспукальский, Войкарский, Шурышкарский). Новый этап миграций (XVIII—XIX вв.) был обусловлен экономическим фактором — развитием рыболовства. Рост населения и поиски лучших рыболовных и охотничьих угодий приводят к движению населения в низовья Оби. К примеру, остякам Пащерцовых юрт (роду *Пастэр ёх*) принадлежали лучшие угодья в низовьях Полуя — «важанный запор с несколькими сорами и 3 озера на Мохтылёвой протоке, отдаваемые в аренду» [Хондажевский 1880: 11—12]. О пришельцах *охаль* писал А. И. Якобий: «Внизу Оби нередко можно найти людей (Вогулов) из Ляпинской волости: приедут на лето для рыбы и остаются — кто войдет в родство с владельцами, — женятся и живут» [1895: 15].

Долговременность контактов северных хантов с *охаль* подтверждается антропологами. По заключению Г. А. Аксяновой и Е. А. Аксянова, «манси вместе с зауральскими хантами характеризуют более западную, нежели восточную антропологическую ориентацию, и могут рассматриваться как клин автохтонного приуральского населения в Западную Сибирь с сохранением некоторых архаичных особенностей» [2000: 194—195].

Походы «людей городков» (*хурун ёх*)

Кроме западного потока миграций, фиксируется южный (обской). Почти у каждого рода северных хантов сохранились предания о приходе на их земли воинственных *хурун ёх* — ‘людей городков’³⁵. Особенно широко подобные легенды распространены на Мал. Оби, среди хантов войкарско-шурышкарской группы и в самом нижнем течении Оби. Реже рассказы о грабительских набегах «людей городков» можно услышать от хантов, проживающих по Бол. Оби.

Вандиязский городок, расположенный на слиянии Мал. и Бол. Оби и известный в старину как ‘Наблюдательная деревня’, был условной границей северных остяцких княжеств (обдорского и куноватского). По рассказам шурышкарских хантов, в городке Лор вош — ‘Соровой городок’ (Шурышкары) проживал один из остяцких князей. В легенде, поведенной А. Бушевичу, рассказывается:

³⁵ По данным Е. П. Мартыновой, наименование этой этнической группы могло происходить от слова *хурам* — ‘узор’, ‘рисунок’, т. е. *хурун ёх* — «народ в узорчатой (красивой) одежде» или от названия бытовавших у них больших лодок с берестяной каютой — *хурун хол* [1998: 101]. По словам тегинских хантов, *хурун* можно перевести как ‘черные’.

Еще теперь в юртах у остяков как святыня хранится переходящий из поколения в поколение пояс, предохраняющий весь род от козней врагов и злого духа. Раньше этот пояс хранился в юртах Вандиас, находившихся как раз на границе двух враждующих между собою остяцких родов. В Вандиас жил постоянный сторожевой (пограничный страж) шурышкарских остяков и благодаря поясу все, что творилось в Вандиас, немедленно становилось известным шурышкарцам, так что враг никогда не мог застигнуть их врасплох. Но как-то раз случилось, вандиаская стража заснула; этим воспользовался злой дух, украл пояс и бросил его в лес. Застигнутые после этого врасплох шурышкарцы были разбиты врагом наголову, и лишь после розыска пояса им опять удалось освободиться от победителей.

[НА ТГИАМЭ. № 23: 16]

В записанной нами легенде, предводитель *хурун ёх* не единожды пытался завладеть волшебным поясом:

Однажды пояс попал в руки *хурун урта* (вождя *хурун ёх*). Улегся он на пояс и спрашивает: «Кто теперь сможет у меня пояс отнять?» Смотрит, а пояс уже на лиственнице висит. Стал дерево пилить, а из него кровь пошла. Так и не достался священный пояс *хурун урту*.

[Л. В. Шиянов, Шиян-пугор, р. Мал. Обь, 1989].

К Соровому городку-крепости у Белой горы *хурун ёх* приходили не раз. Однажды подоспевшие завоеватели были обмануты духом-хозяином озера: «увидев сор, *хурун ёх* подумали, что огромное войско стоит, воинов черным-черно, как великаны с копьями стоят». Испугались и ушли ни с чем. Дух-хозяин озера почитается как покровитель всех шурышкарских хантов. По преданиям, крепость на соре принадлежала роду *Лор вош ёх* — Кельчиным:

Однажды *Лор вош ёх* устраивали праздник (*пори*). Один из мужиков, шаман, видимо, сказал, что война с *хурун ёх* близко подходит. Народу было много, решили караулить. Поставили на караул девочку и молодую женщину (только что сосватанную невесту — *мень нэ*), а сами спать легли. Идут на больших лодках *хурун ёх* и кричат по-утиному: «Кока-вуй-ю, кока-вуй-ю». Девочка говорит *мень нэ*: «Слышишь, как птицы всполошились, пойдем, предупредим наших воинов». А *мень нэ* услышала, как начальник *хурун ёх*, заметив ее, сказал: «В красном платке, в красном платье женщина моего будет». Девочку успокаивает: «Зачем будить, это утки кричат». Ночью *хурун ёх* налетели, всех спящими перебили — и мужчин, и женщин. Только один мужик остался, он в протоку Хутли посл нырнул прямо в малице

и под водой, как рыба, ушел. За что его прозвали *Кельчи ху* — 'Со-рога'. *Хурун ёх* ниже по Оби спустились. *Кельчи ху* ждал, когда они обратно пойдут. Осенью возвращаются *хурун ёх*, а *Кельчи ху* их уже поджидает. На самой большой лодке одетый в железные одежды вождь *хурун ёх* сидит. *Кельчи ху* натянул лук, выстрелил в военачальника, от мощного выстрела лодка перевернулась. Всех воинов *хурун ёх* он перебил и с Хутли горта (р. Оби) перешел в городок Лор-вош жить. От имени богатыря *Кельчи ху* и произошла фамилия Кельчин.

[Н. Г. Кельчин, Шурышкары, р. Мал. Обь, 1989]

В верховьях р. Войкар во время войны с *хурун ёх* были перебиты все жители, несмотря на то что прятались в «надежном подземном ходе», соединившем их «земляные дома» (*мув хот*). Часть идущих по реке лодок войкарцам удалось потопить, однако нападавшие были лучше вооружены. Двое из оставшихся в живых мужчин, убегая от погони, переплывали реку, но вражеские стрелы настигли их на противоположном берегу. На том месте выросли две ели, ставшие священными.

По преданию, записанному М. А. Нетгиной-Лапиной, погибли от набега «южных хантов» все «тридцать мужчин», что выросли в селении Войтехово (недалеко от Березова). По собачьему лаю, поднятому из-за непредусмотрительно выброшенной местными жителями скорлупы от яиц чаек, узнали завоеватели о месте ночевки войтеховцев. С побежденных были сняты скальпы; «один мужчина без рук, без ног», дабы избежать такой участи, приполз к реке, нырнул в воду и утонул [1999: 29–31].

Среди нижнеобских богатырей известен *Лолха лал, ас вусты хуй* — 'На лыжах не застывшую Обь переходящий человек' из рода *Кунжолон ёх* (Сибарев). Специально охотившиеся за богатырем *хурун ёх* убили его во время загонной охоты на уток из его же лука, так как для чужого оружия он был неуязвим. При защите своей крепости представители рода *Юнг вош ёх* — 'Ледяного городка народ' (Сязи) обливали гору, на которой стоял их укрепленный городок, водой и по образовавшемуся льду скатывали на врага огромные бревна. Самые северные походы *хурун ёх* достигали р. Охсар-югана (Аксарки). По легенде, во время перестрелки двух богатырей от лога оторвало кусок земли, который от выстрела улетел на противоположный край, отчего ложбина напоминает чашу. Один из остяков, живших в Ямэ (по р. Охсар-юган), сумел перехитрить и истребить целый отряд воинов *хурун ёх*. Он спрятал свою жену в лесу, а сам насобирав дров, разложил их на полу землянки. Когда воины *хурун ёх* пришли в поселок, он пригласил их к себе в землянку, рассадил вокруг костра и стал угощать. Выбрав подходящий мо-

мент, хитрый мужик вышел из землянки, бревном привалил дверь и поджег жилище. Воины *хурун ёх* сгорели все до одного.

По свидетельству нижеобских хантов, *хурун ёх* приходили в Нижнее Приобье не только воевать, но и охотно торговали с местным населением. Свои изделия — большие лодки, инструменты, берестяную посуду — обычно обменивали на оленьи шкуры и пушнину. В фольклорных материалах встречаются сюжеты об установлении брачных связей между северными хантами и *хурун ёх*. Так, по рассказам шурышкарских хантов, *Кельчи ху* ходил в земли *хурун ёх* и там женился, затем вернулся на родину; от его сына, рожденного от женщины-*хурун*, происходит одна из ветвей рода Кельчиных — *Хутли ёх*. Считается, что все *хурун ёх* приходится им родней.

Набеги воинственных «людей городков», описанные в преданиях нижеобских хантов, можно сопоставить с походами кодских князей³⁶, посредством которых собиралась с северных княжеств дань для Москвы. В рассказах тегинских хантов содержится четкая ассоциация воинственных *хурун ёх* со «среднеобским» населением (*ас кутон ёх* — ‘середины Оби народ’³⁷ или *нум шоп хантэт* — ‘верховские ханты’), проживающим «выше по Оби» и «на слиянии Оби и Иртыша». «У них другая нация: свой язык и своя одежда», но «они почти что ханты»³⁸ — такое заключение делали старики. Среди городков «сторожевых людей» называются: Ем-вош (Нарыкары), Ам сам вош (Атлым), Самар ов (Самаровский городок). По свидетельству хантов, сбор «дани по реке Оби» был их основным занятием, в «Елизарово находился центр, куда все награбленное свозили». Представители соседних «княжеств» ездили туда зимой или летом на лодках и сами доставляли дань: «если не привезешь, *хурун ёх* по Оби идут и всех убивают, пленных не берут». Казымские ханты именовали кодичей *хорам ёх* или *ас хорам ёх*, а местом их локализации считали Атлым и Шеркалы. В фольклоре имеются указания на существование зависимости обдорских и куноватских хантов от Коды. По легенде шурышкарских хантов, вождь *хурун ёх* после победоносного похода собрал людей Шурышкарских юрт на сход, а затем отправил трех верных

³⁶ В архивных документах называется не менее одиннадцати «эпизодов, связанных с участием кодичей в военных походах» конца XVI — первой трети XVII в., в том числе и походы «на Обдор, на государевых же изменников на остяков» [подробнее см.: Вершинин, Пашков 2004].

³⁷ Хантов Сургутской Оби называют *ас тый хантэт* — ‘конца (вершины) Оби народ’.

³⁸ Подробная этническая характеристика кодских хантов в работе Е. П. Мартыновой «Очерки истории и культуры хантов» [1998: 51–79].

ему богатырей в разные места для поддержания порядка: *Наков-ики* — в Парават, *Ишмат-ики* — в Милёксим и *Шиян-ики* — в Шиянпугор.

Как отметил А. В. Головинёв, «трудно определить северную границу походов кодских хантов, будь то военные нападения или полюдь» [1995: 113]. Во всяком случае, можно считать, что «люди городков» своими притязаниями на северные территории или контролем над ними открыли путь следовавшим за ними мирным переселенцам. Вполне возможно, что за походами кодских военных отрядов последовали новые волны южных мигрантов, пополнивших нижнеобскую группу *послан ёх* ('людей проток').

«Пришедшие со стороны заката» (*русь ёх*)

Последний южный миграционный поток в Нижнее Приобье представлял собой движение многочисленной армии «русских» колонистов. По данным переписи 1897 г. в селе Обдорском постоянно проживало 421 чел. русских, в Кушевате — 70 чел. и Мужах — 60 чел. Несколько русских семейств зафиксированно в юртах Шурышкарских, Вандиязских и Шуга [Патканов 1911: 34, 37—38]. Подавляющее большинство русских, обосновавшихся в Обдорске и Березове в XVI—XX вв., составляли казаки, духовенство, чиновники, купцы и промышленники, мецданы и крестьяне.

В традиционных культурах существуют представления об этюсах-соседах, разделяемых на врагов или союзников, конкурентов или партнеров — обо всех, с кем данный народ вступает в любые контакты. В комплекс характеристик включаются внешние отличия, поведенческие стереотипы, отмечается своеобразие одежды, хозяйственной деятельности и образа жизни. По-разному оцениваются и интерпретируются исторические события. В этой связи интересно составить «этнический портрет» русских с позиции тех, кого сами они в ходе многовекового освоения Сибири называли «туземцами», «иноверцами», «инородцами», а сегодня именуют «аборигенами», «малыми народами», «коренными жителями Севера». Фольклор дает возможность проследить развитие отношения угорско-самодийских народов к «русским» и «русскому» и представить их взгляд на российско-советскую колонизацию.

К «русским» (хант. — *русь / руш*, манс. — *руч*, лес. нен. — *л.ус-са*) обские угры и самодийцы относят некоренных жителей Сибири. Северные ханты и манси, которым было известно деление на фратрии Пор и Мось, русских, как и прочих пришельцев (т. е. «не местных», «не чистых»), определяют в группу *пор (послан) ёх / махум*. По пояснению хантов, «русская земля», или «земля белого царя», находится на западе, на

«темной стороне — там, где заходит солнце», поэтому они причислены к *послан ёх*. По происхождению эта группа связана с известным персонажем угорского фольклора *Пор нэ*, нередко ассоциируемым с Бабой-Ягой. Отметим, что коми-зырян, так же пришельцев с запада, северные ханты причисляют к *мось ёх*.

При характеристике представителей «чужого» народа выделяются прежде всего черты, не соответствующие нормам и стереотипам этноса. Например, обские угры считают тундровых ненцев хорошими оленеводами, в фольклоре они выступают как соперники в борьбе за территории, оленей и женщин; светлые, с огромными глазами зыряне характеризуются как предприимчивый и хитрый народ, русские чаще всего рисуются как представители власти. Традиция такого отношения к русским сохраняется до сих пор: например, в экспедициях этнографам всякий раз доводится выслушивать жалобы информаторов на представителей государственных и хозяйственных органов в надежде, что голос местных жителей может быть услышан только с подачи «русского», наделенного полномочиями и вхожего в административные структуры.

Весьма непоэтично выглядит «портрет» русских в глазах лесных ненцев. Красивым у них считается плоское, «как дощечка», лицо с выдающимися скулами, узкими глазками-щелками, маленьким ртом и чуть выступающим носиком. С точки зрения ненцев, внешность русского человека привлекательностью не отличается. Особые насмешки вызывают «русские» крупные и курносые носы, в то же время светловолосость, особенно женская («лебединая»), воспевается в песнях и сказках. «Русские» воспринимались лесными ненцам как *капшан* — ‘причина, умерщвляющая человека’, т. е. «несущие с собой болезни и смерть». Ненцы считали, что до прихода «русских» на Север тундра была «чистой», здесь не было таких болезней, как холера, чума, оспа. Они связывают распространение эпидемий и появление ранее не известных в тундре заболеваний с открытием в Сибири ярмарок и торжков: «где много народу — там и болезнь». В одном из ненецких преданий говорится:

На спине Земли (Сибирские увалы), в вершине р. Пяку-пур, где проходила народная дорога на Сургут, есть гибельное место рода Панхой Пяк. Однажды в стойбище Пяков приехал парень-толмач и сообщил, что в городе эпидемия оспы, на ярмарку ехать нельзя. Однако пяковские князья, опасаясь последствий за невыплату ясака, не послушали гонца и отправились в город. Уже на обратном пути в княжеском аргише начали болеть люди. Оспа свирепствовала. Вымирали целыми

стойбищами; покойников некому хоронить было, так в чумах и лежали, росомахи и песцы растаскивали тела умерших.

[В. Н. Айваседо, Чебачка, р. Айваседо-Пур, 2000]

У лесных ненцев до сих пор бытует поверье: «если во сне увидишь русского, то кто-то в семье заболевает или умрет».

Всякая культура вырабатывает свое отношение к истории и даже ее периодизации. По представлениям обских угоров, история включает три эпохи: *Торум омсуман, мув омсуман* — ‘Небо садилось, Земля садилась’ (акт сотворения Неба и Земли), *мув ортум йис* — ‘землю делили’ или *лодх омсум йис* — ‘богов сажали’ (период подвигов и раздела земли между детьми *Торума*), «кукольный» век (время создания человека) [Молданов, Молданова 2000: 3–6, 11]. Последняя эпоха в свою очередь делится на *мошь пораин* — ‘сказочную пору’ и *катра (ис) пораин* — ‘старинную пору’. «Старина» соотносится с «царской порой» и резко отделяется от «советского времени».

Так называемые *русь мошь пораин* — ‘сказки русского времени’, героями которых выступают Белый царь, казаки, купцы, священники, широко представлены в угорском фольклоре. Сохранилось несколько преданий и легенд о приходе в Сибирь казаков во главе с Ермаком. В них описаны различные версии покорения обских земель и подчинения угорских князьков. В преданиях восточных хантов, *Тонья-богатырь*³⁹ — «царь остяков» с р. Юган — защищал свой городок от 700 казаков, стрелявших из пищалей («одному на плечо ружье кладут, другой целится, а третий поджигает»). Казаки пытались договориться с богатырем, предлагая «вместе воевать», но гордый князь *Тонья* отказался. Головы побежденных казаков, выстроенные в три ряда, он «свалил через урью», а вместо двух недостающих голов поставил головы убитых собак, за что неуязвимый герой был наказан *Торумом* [Мифы 1990: 178]. Другая хантыйская легенда рассказывает о приходе Ермака на р. Васюган и о встрече с местным богатырем, который, демонстрируя свою силу, «смял пушку» и перепрыгнул через Обь. По заключенному договору русские и ханты больше не воевали и «на Васюган Ермак не приходил». В предании обских хантов повествуется о «дружбе» Ермака с остяцким князем, имеющим «большую силу, богатую землю». В ответ на совет Ермака подчиниться воле русского царя князь предложил померяться силами шаманам. Да только шаман-остяк оказался слабее «русского шамана» — огне-

³⁹ Исторические события, связанные с остяцким богатырем Тоньей-Кинсмой, опираясь на фольклорные и архивные источники, подробно проанализировал Е. В. Вершинин [2002].

стрельного оружия, от выстрела которого «эхо вначале отдалось на полуденной стороне, а затем покатилося дальше по долине Оби: целый день от этого выстрела гудело кругом, и земля сотрясалась», «как будто бы небо свалилось». В завершении повествования Ермак и остяцкий князь подписывают договор и целуют скрещенные сабли. По требованию князя его народ под рукою Белого царя должен был жить «также вольно, как до сих пор жил», он же обязался «платить царю подать». За добровольное подчинение люди этого князя-остяка именовались «не ясащными, а вольноданцами», их не должны были брать «в солдаты» [Хантыйские сказки 1991: 9–11]. Несмотря на тесное переплетение в угорских преданиях о Ермаке правды (например союзнические отношения Москвы с некоторыми остяцкими князьями) и вымысла (приход самого Ермака на реки Юган и Васюган), очевидно, что столь ярко описанный в легенде пушечный выстрел, прокатившийся по Оби, стал залогом скорой победы казаков. Об устрашающем огнестрельном оружии у обских угров сохранился ряд загадок: «Одноглазый сын царя, сын барина небо качает, землю колеблет» (*Ружье одноствольное*); «Царь-князь ростом с ноготок небо качает, камни поднимает» (*Спусковой механизм*); «Когда курлыкнет журавль с обрубок хвоста, через семь урманов слышать» (*Оружейный выстрел*) [Методические рекомендации 1990: 12, 14; Загадки 2002: 125].

Вполне правдоподобными выглядят предания о визитах остяцких князей в Москву для принятия российского подданства и подтверждения своих полномочий. В записанных С. К. Паткановым в конце XIX в. «Сказаниях о поездках остяцких князей к русским царям» рассказывается о подношениях Белому царю лисиц «с золотым руном», желании государя «снять портрет» с сибирских гостей, выплате князьками недоимок за своих обнищавших сородичей. Вполне реалистичными выглядят стремление остяцкого князя иметь крестным отцом самого царя, наречение его христианским именем Роман (по царской фамилии) и женитьба на придворной девке. Отголоски подлинных событий можно увидеть в принятии крещения остяками вслед за князем и строительстве в княжеских юртах православной церкви; в намерении попа сжечь остяцких идолов и доставке их на судилище к царскому двору; в ограблении «вольными» русскими людьми священных амбарчиков и появлении княжеских кладов. В то же время, например, освобождение остяков от воинской повинности связывается с обязательством двух остяцких богатырей принимать участие во всех войнах русского царя. Верные союзническим обещаниям они в облике железных и каменных волков не раз бесстрашно истребляли царских врагов [см.: Патканов 1999: 113–121].

В рассказах о «царском времени» отмечается почтительное отношение инородцев к русским атрибутам власти. В угорской сказке «О царской собаке» герой в облике пса попадает к тобольскому купцу, екатеринбургскому губернатору и, наконец, московскому императору. За спасение императорского сына он был жалован «золотой медалью, золотым крестом, золотой цепочкой» и отпущен на родину. Нередко знаки отличия (грамоты, медали, оружие, кафтаны и пр.) выступали своеобразными «оберегами» от посягательств местной российской администрации. Одна из легенд пуровских ненцев гласит:

Князь лесных ненцев Лакку Айваседо был крупный мужик, богатый. Приехали однажды к нему сборщики налогов, три человека во главе с Поднаготовым, и начали претензии предъявлять. Князь раскупорил бочку спирта, ковшом зачерпнул и выпил. Снова зачерпнул ковшом спирта и подал Поднаготову, но тот отказался. Лакку ему в лицо спиртом плеснул. У него была царская медаль, он обвесил себя чернобурками, крест надел, грамоту в руки взял. Показал себя спереди и сзади и говорит: «Я — князь, а ты — батрак; я казне меха сдаю, а ты — только слуга, убирайся отсюда».

[В. Н. Айваседо, Чебачка, р. Айваседо-Пур, 2000]

Не случайно хантыйские божества оказываются обряженными в русские военные и чиновничьи кафтаны и мундиры. Идол из ю. Эндеских, по свидетельству Ю. И. Кушелевского, был «при шпаге» и одет «в старый заседательский мундир» [1868: 113—114]. Среди прикладов-одежд духов из «древнего амбарчика на Иртыше» имелся «солдатский сюртук... с блестящими пуговицами и галунами» [Карьялайнен 1995: 61]. Один из семейных духов-покровителей сынских хантов «носил» супервест конца XVIII в. из красного сукна. Среди изображений духов и подношений обнаруживаются образцы бронзолитейного производства, различного происхождения блюда и бутылки; среди сократальных вещей оказываются серебряные эполеты, «киверный герб русского пехотинца 1833—1843 гг.», «жестяной герб Российской империи», платок с изображением памятника с выбитой датой (1862 год) и надписью «Тысячелетие России» [см.: Бауло 2000: 133; 2002а: 26, 47; 2002б: 152—154; 2004: 91—92].

В фольклоре обских утров наблюдается особое отношение к привнесённым в традиционную культуру «русским» вещам. Указания на те или иные нормы поведения людей, систему запретов и законов содержит «бумага», ниспосланная герою Верховным богом («упавшая с неба»). В одном из сказаний «бумага с золотыми ветвями» выполняет роль предписания-назначения,

согласно которому главный герой в «кукольном веке» становится божеством — «царем с данью весенней белки, царем с данью осенней белки», «на всей священной земле, изогнутой в виде круга» ему предназначено «нескончаемую кровавую жертву со стрелы принимать, нескончаемую кровавую жертву с лука принимать». Берестяная грамота, содержащая договор о мире между Ермаком и хантами, по преданию, хранится в Новосибирске. Об отсутствии остяжской письменности рассказывает легенда, согласно которой охотник-остяк в отличие от своего русского напарника оставил «с неба» спущенную «бумагу» на пне, намереваясь забрать ее после промысла. Однако когда охотник вернулся, «бумаги» на месте не оказалось — «ее съел лось» [Мифы 1990: 105—125, 179—180]. В загадках о «русских» вещах непременно подчеркивается их «царское происхождение»: «Железное зубастое существо, привезенное от железо добывающего царя, быстро грызет, но не ест» (*Пила*); «Предмет, привезенный из края, где делают железо, звонким голосом звенит» (*Сверло*); «Существо, привезенное из железного города, имеет два кольца, два конца, а посередине гвоздь» (*Ножницы*); «Сын царя, сын боярина привезен из далеких стран: ног нет — ходит, рта нет — говорит: когда обедать, когда спать ложиться, когда работать» (*Часы*); «Царевич или боярский сын с медалями и погонами» (*Самовар*) [Методические рекомендации 1990: 12, 14—16].

Нашли отражение в угорском и самодийском фольклоре периоды становления фискальной системы и христианизации. «Царские» сказки изобилуют сюжетами, запечатлевшими негативное отношение к представителям российской администрации, сборщикам ясака и приказчикам, русским священникам, купцам и промышленникам [см.: Мифы 1990: 377—388]. В легендах об *Эква-пырыще* герой не намерен идти промышлять зверя и рыбу, так как «купцы и попы все равно заберут добытое». Добравшись до города, он выдает себя за Бога, а свою бабушку — за Божью мать, обводит вокруг пальца казака, главного попа, купца и самого царя, а затем женится на русской царице (или царской дочери) [Сказки 1991: 4—12]. Одна из характеристик *Эква-пырыща* состоит в том, что он с русскими «умело ладил». Убийство губернатора-мучителя приписывают легенды угорским братьям-богам *Тек ики* (из ю. Теги) и *Авт отыру* (с устья Оби).

Особое отрицание вызывали противоречащие представлениям обских угров о душе наречение личным именем и фиксация его в метрических книгах, перечисление имен усопших во время христианских церемоний. На неосторожного человека, произносившего имя умершего, сердились: «Ты разве поп, что выкрикиваешь имя?» [Ромбандеева 1991: 44, 52, 56, 89]. В одной

из сказок, чтобы навсегда уничтожить *Эква-пырыща*, «главные попы, и главные начальники, и главные купцы» намереваются, убив его, отпеть «хорошенько», чтобы больше никогда не рождалось такого человека [Мифы 1990: 379]. В публикации Н. Л. Гондатти имеется несколько занятных толкований сновидений: по представлениям манси, «увидеть во сне *капитана* (окружного исправника), *комиссара* (заседателя) и *потруся* (писаря) — к убыли»; «видеть во сне священника — к болезни» [1886: 73].

Хитрый купец и «старейший поп с большим серебряным крестом на груди» [Мифы 1990: 77], обличаемые в жадности, пьянстве и распутстве, высмеиваются участниками медвежьих игрищ. При исполнении обязательного ритуала обливания водой непременно разыгрываются сценки — русская баня, стирка белья, доение коровы [Источники 1987: 219, 220, 227, 230, 234]. Одну из таких сцен представлял высокий и худощавый мужчина, обряженный в женские одежды, — платок на голове и тряпка-юбка вокруг бедер. Он «мыл пол» и ругал всех: «Ходят туда-сюда, топчут пол» [Ромбандеева 1991: 100]. В другой сцене мужчина, «взяв палку и навеся на нее всяких тряпок... , кладет себе на плечо будто бы коромысло, приходит на реку, разбирает рубашки, стирает, колотит другой палкой вместо валька, выжимает», и вдруг, заслышав игру гудка, «запляшет» [Зуев 1947: 57]. Несмотря на многочисленные перемены, связанные с русским влиянием, традиционному в сказках отдается предпочтение. Например, в качестве приданого дочери Водяного царя жених *Тарыг-пец-нималья-сов* предпочел речную рыбу «коровам-лошадям». «Конечно, речную рыбу надо. Когда настанет на свете человеческий век, настанет на свете человеческое время, что будут люди есть» — таков был его ответ на вопрос тестя [Мифы 1990: 208]. Одна из загадок-пересмешек звучит так: «Четверо русских баб мочатся в одну яму» (*Коровье вымя*) [Patkanov 1990: 94].

Негативное восприятие «русских» и «русского» постепенно нивелировалось в сознании хантов и манси. В хантыйских мифах о сотворении мира Небесный отец *Нум-Торум* наряду с прочими божественными тварями создает коров и овец. Нередко сами хантыйские и мансийские божества величаются эпитетами типа: «Желанный Богатырь — Купец Нижнего Света, Купец Верхнего Света», обладающий «дорогим имуществом русского человека, дорогими товарами русского человека», ходящий «по веселой купеческой дороге» [Мифы 1990: 63, 105–106]. *Ими хилы* (в сказках мальчик-сирота или «тетушкин племянник») собирает «хлебную траву», обзаводится амбарами муки и собственным магазином [Земля Кошачьего Локотка 2001: 55, 65—

90]. И вот уже сам вездесущий покровитель и защитник людей *Мир суснэ хум* держит «в правой руке бутылку водки, а в левой — табакерку», а его мать, *Сянь торум*, имеет в помощниках «писарей» [Гондатти 1886: 56, 59—60]. Хантыйские и мансийские боги подобно чиновникам выдают письменные распоряжения [Мифы 1990: 60]. Под воздействием христианства на медвежьих игрищах появляется *Микол Торум* с крестом «из двух палочек, обернутых тряпкой», в руках. Выход его напоминает русскую плясовую [Источники 1987: 229, 231]. На женских бисерных воротниках и нагрудных украшениях, предназначенных для ношения креста (*кевын перна* — ‘каменный крест’) выполняется узор «купола русской церкви». Среди культовой атрибутики остяков и самоедов встречаются не только «покупные» иконы, складни и распятия, но и выполненные местными мастерами свинцовые изображения духов с крестами на груди и голове [Бауло 2002а: 26—27, 30—31, 40]. Рождаются загадки: «У мужчины одна челюсть земли коснулась, одна челюсть неба коснулась; пробегающие девушки, пробегающие парни так туда и заходят» (*Церковная дверь*); «Крик хорошего журавля со звонким голосом слышится за семью озерами» (*Звон колоколов*); «В трехслойном сорняке многослойная птица поет» (*Поющий поп*) [Методические рекомендации 1990: 12—13; Загадки 2002: 99].

В поздних угорских сказках русские боги оказываются сильнее остяцких духов:

Жена одного из местных божков зовёт мужа и его брата *Ими хилы* на Большую Обь рыбачить — больно ей большой рыбы захотелось. *Ими хилы* сам не хочет идти и брата не пускает: «Всегда маленькую рыбу ели». Уехали брат с женой, чум на берегу поставили. Идут большие лодки по Оби на гребях, жена местного духа с русским парнем кокетничает, он ей платки дарит. Сговорились убить мужа. Узнал *Ими хилы* о гибели брата, день и ночь плачет. Осенью русский парень с караваном ушел, а сноха спряталась. Решил *Ими хилы* наказать убийц, погнался за русским парнем. Убегает от него русский, с Неба железная лестница спустилась, колокольчиками звенит. Парень по ней на Небо забрался, *Ими хилы* за ним. На Небо вскарабкались, там русский Бог: «Зачем русского гоняешь, я его не отдам». Рассказал ему *Ими хилы*, как все было, отвечает русский Бог: «Раз баба все затеяла, ты ее убей, а русскому парню мизинец отруби».

[А. Я. Вальгамова, Овгорт, р. Сыня, 1989]

Известны случаи использования обычных фабричных кукол в качестве духов-лолхов. Божество *Русь ики* (‘Русский старик’) «возил в нартах»

А. Аляба (войкарские ханты), с тех пор как увидел во сне, что кукла едет верхом на белом олене. «Одна шаманка поставила куклу в святой угол вместе с другими духами; смотрят, а кукла курит». Новоявленному божеству сшили шапку из пешки и «пальто» из сукна, принесли в жертву оленя, белые рубахи, ткани и папиросы. «Русская кукла», одетая по-ненецки, выступает в роли *Ян ката* ('Бабушка') — покровительницы женщин в роду лесных ненцев Дян-сюта Айваседа. Еще В. Ф. Зуев подметил, что вещи, которые остяки и самоеды «у русских не дешевою ценою покупают» (коробки, ящики, ножи и прочие мелочи) «имеют быть в числе богов» и содержатся «в божественном почтении» [1947: 40]. Привозные статуэтки и игрушки — пластмассовые и резиновые лягушки, лошадки, солдатики-всадники — и сегодня нередко встречаются среди домашних святынь [Бауло 2002а: 16, 18–19, 40, 61; 2004: 94].

У ненцев р. Аган бытует легенда о получении бога *Песя* (*Пыл,яц, Пытляц,*) *кахэ* ('Щука-дух') от русского попа:

В царское время Айваседа купили *Песя кахэ* — 'Щуку-духа' — в Казымской церкви. В один год прибыли ненцы для положения ясака в Юильск. Поп пригласил в церковь всех ненецких князьков. Дьяки товар выложили. Затем выстроили родоначальников в один ряд, развернув спиной. Спрашивает поп: «Кому это на счастье?» Наш князек говорит: «Мне». Ему Щучий бог достался. Все Айваседа стали к роду Щуки относиться. Мужчины и женщины не употребляют в пищу щучью голову. Если кто-то сварит щуку с головой, мы не трогаем. Женщины, даже хантыйки, вышедшие замуж за Айваседа, не ели головы, живота и печени этой рыбы.

[П. Я. Айваседа, Варьёган, р. Аган, 2001]

По представлениям ляпинских манси, верховной бог *Торум* и его «белокурый» сын *Мир суснэ хум*, наряду с прочими, имели русских жен. *Отыр пыг* ('Богатырь-сыннок'), рожденный от русско-хантыйского божественного союза, считался духом-хранителем жителей д. Хурумпауль [Ромбандеева 1991: 44, 53–54, 56]. Легенды лесных ненцев о происхождении человека рассказывают о создании *Нумом* трех братьев — русского, ханта и ненца.

Под воздействием русской культуры в угорских и самодийских сказках и загадках появляются ярмарка, лавка, кабак, тюрьма, деньги, корабль/пароход, бумага/документ, карты/шахматы, водка/вино: «На Обском берегу тальниковая роса» (*Паруса*); «На речном берегу сухая елка» (*Парусная мачта*); «По полноводной широкой Оби плывет город с тысячным населением (*Пароход*)»; «В этом краю рубанут щепку — в тот край падает, в том

краю рубанут щепку — в этот край падает» (*Официальная бумага*) [Методические рекомендации 1990: 14; Загадки 2002: 125, 147]. По зимней дороге с верховьев р. Ляпин в Березово бежит на лыжах быстроногий *Пастойка*, чтобы привезти от русских «те или иные вести» и «свежий хлеб» [Ромбандеева 1991: 41]. В легенде ненцев с оз. Нум-то удачливый герой-силач Тылику, облачившись в одежды из белого горносталя, крадет у зырян стада оленей, отыгрывает в карты свою сестру, освобождается от тюрьмы русским начальником за то, что смог вытащить затонувший пароход. В рассказе о Чоня Шомяню маленького героя продают салехадскому купцу за спирт, а купеческий сын пытается избавиться от него с помощью отравленного вина.

В отличие от остяков и вогулов, близко знакомых с российской административной системой и русской культурой с XVI в., лесные самоеды испытывали минимальное русское влияние. В сказаниях, легендах, шаманских песнях лесных ненцев подробно воспроизводятся события, начиная с конца XIX в. Например, в описаниях «княжеских» сходок (*мыл.*) перечисляются имена и полномочия родовых старшин лесных ненцев:

Лесной князь был Лакку Айваседо. Все малые княжества ему подчинялись. Девять членов княжества составляли совет — Вейсу Пяк, Лечамма (Лечу) Вэлла, Тенора Айваседо (халясовинский), Якуи Айваседо (?), Емета (?), да еще старики все собирались. Яса Вэлла был палачом, исполняя решения совета (из хантов тоже палачи были). Если сами решить дела не могут, едут на сходку в Сургут; туда же меха возили, там казнили. Местный князь их хорошо угощал. Кто сколько может пили. От Пяков, Айваседо и Вэлла отдельные представители ездили на княжескую сходку в Березов. Нередко до Тобольска доезжали. В Тобольске нет ягеля для оленей, так они с собой мешками везли.

[И. А. Вэлла, В. Айваседо,
Пякопур, р. Пякопур, 2000]

Российско-советская история в интерпретации пууровского ненца О. Дянсюта Айваседо [Чебачка, р. Айваседо-Пур, 2000] выглядит так:

Лесные ненцы долго воевали с *капи* (селькупами), которые часто приходили на земли ненцев, грабили стойбища, уводили оленей и женщин. Ненцы собрались вместе и отгеснили врагов на р. Таз. Пока шла война с *капи*, в устье Оби русские основали острог. Тундровые и лесные ненцы, собрав огромное войско, предприняли попытку взятия крепости, но неудачно. Если бы они выбили русских из Обдорского городка, то двинулись бы дальше на Москву. Однако время было упущено. Тут

пришел Ленин. Вероятно, он был трусом, так как стал с ненцами договариваться (если бы он был храбрецом, то пошел бы войной), и ненцы обещали, как и русскому царю, платить ему ясак в Сургут.

В ненецких исторических преданиях, рассказывающих об установлении советской власти в Сибири и о событиях 1930-х гг., русские фигурируют как «острошاپочники»:

Когда пришли красные и спросили пяковского князя Вейсу: «За кого ты?» Он ответил: «Кто будет мне чай и хлеб давать, за того я и буду». Показал им свои царские подарки, похвастал своими крестами и прочими знаками отличия. Острошاپочники в Сургуте выдали Вейсу справки о том, что он на стороне красных. За привезенную князем пушнину они расплатились китайскими деньгами.

[П. Г. Турутина, Тарко-Сале, 2000]

Лесные ненцы Хошемеля и Ыльыйкапчу из рода Найвахи Пяк были предводителями восстания 1935–1936 гг. Пришли красноармейцы в тундру, одного из них ненцы убили. Другой, отправившись на его поиски, увидел у костра сидящих ненцев, которые поджаривали что-то на шомполах. Сначала понять не мог, что же это коптится, а затем смекнул... Чтобы он не донес, ненцы убили его, а молодую женщину, что с ними была, с собой увезли. До сургутского начальства дошло известие о потерявшихся в тундре красноармейцах. Отправили отряд острошاپочников. 30 человек Пяков из луков из-за маскировочных щитов стреляли, убитых на нарту сбросали, а сами в тундре скрылись. Сын хантыйского богача Кольчу Тюши прятал их, дал им свежих оленей, а затем и сам откаслал. Многих ненцев после этих событий расстреляли и посадили. Из рода Найвахи только 2–3 мужика осталось.

[Ю. А. Сэпы Пяк, р. Айваседо-Пур, 2000]

Воспоминания невольных участников (остяков и самоедов) событий, связанных с установлением советской власти, иногда звучат анекдотично:

Аннет Айваседа поехал в Сургут торговать. Их, местных националов, поймали то ли красные, то ли белые. Пообещали продуктов дать, если помогать станут. Куда деваться... Заставили на упряжках солдат возить под горой. Остановятся, солдаты на гору заберутся, постреляют друг в друга, спустятся и снова на нарты запрыгивают. Пули сплошной стеной стоят, так что валик на конце хоря срезает. Аннет был маленький ростом, с нарты выпал от страха, а солдат, что рядом с ним сидел, схватил его за малицу и снова на нарту посадил. Здоровый, видать, был, не сбежишь...

[А. А. Айваседа, Варьёган, р. Аган, 2004]

Во многих фольклорных сюжетах ненецкие шаманы, в отличие от угорских, оказываются сильнее и русских богов, и красноармейцев [см.: Головнёв 1995: 193–1994], вооруженных «красными луками-самострелами». По мнению казымских хантов, освобождению из «дома с маленькими окнами» (тюрьмы) пленных «кулаков» и «шаманов» могло помочь обращение к главному защитнику и покровителю хантов *Ас тый ики* (он же *Мир вантты ху* — ‘Мир осматривающий человек’):

Если мужчину какого-то
Тяжелая участь русских
Настигнет,
Если в дом с маленькими окнами,
С окнами дом
Закроют его,
С жертвой рогатых оленей
Славную молитву
Вы сотворите ему!
Народов мысли меняющий *вэрт*,
Людей мысли поворачивающий *вэрт*.
Если на камне священную зарубку
Не зарубала я [богиня *Калтац*], то
Из дома с маленькими окнами
Железнокогтистой священной рукой
Наружу он вытащит!
Поэтому его называют
Нужных мальчиков желающий великий царь,
Нужных девочек желающий великий царь!

[Молданов, Молданова 2000: 45]

В советское время у обских угоров и лесных ненцев дальнейшее развитие получает и такой жанр, как загадка: «Подаренный Лениным мудрый, светлый огонь» (*Электричество*); «Сказительница с разнообразными новостями, с прекрасными сказками, рассказами, песнями» (*Радио*); «Изображение человека на грязной бумаге появляется» (*Фотография*); «Шестьдесят мужиков в черных шапках в одном доме живут» (*Спички*); «Железокрылые птицы, как свист северного и южного ветра, быстрее ветра — вихри летят» (*Самолет*); «Посланный среди звезд предмет среди звезд сверкает» (*Спутник*)» [Методические рекомендации 1990: 12–13, 14, 17]. Загадки поражают наивностью, впрочем, как и другие достояния «советско-ненецкого» или «советско-угорского» искусства.

Позднее в личных песнях ненцев и хантов восхваляется «вкусная еда», «русскосъедобный продукт» — водка, да и сама советская власть, так и не понятая стариками, но, безусловно, хотя и выпущденно, воспринимаемая молодыми. В песне Нетю К. Айваседа рассказывается о мальчике Тюра Вэла, который «вырастет среди красных»»:

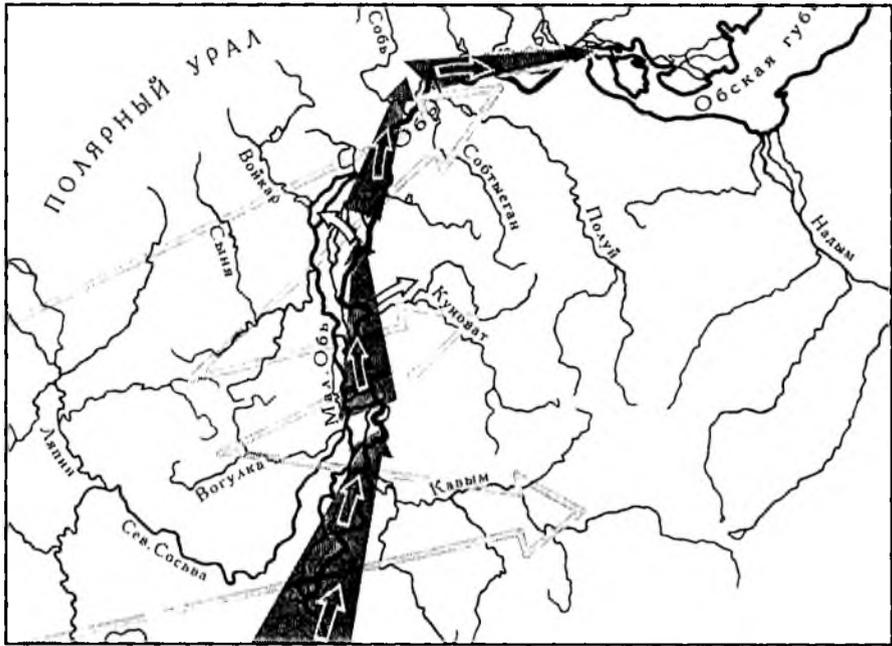
Так будет петь (он):
Тюра шагать (будет),
Всегда шагать (будет).
Среди красных
Тюра шагать (будет).
Красных (своих) лук
Тюра возьмет (полноценно).
Те-е...
Тюра возьмет
Красных (своих) лук
Тюра вырастет (возмужает)
Среди красных.
Те-е...
Я не я.
Не жилец я (я не буду жить).
(А) Тюра шагать (будет)
Среди красных.
Красных (своих) лук
Тюра возьмет,
Вэла возьмет
Красных (своих) лук.

[Песни 2003: 46–48, 66]

* * *

Основные пути заселения уграми Нижнего Приобья шли с запада (через Урал) и юга (по Оби). Западные переселенцы именуются в фольклоре *мось*, *лев охаль*, *ай лев охаль*, *сак охаль*, *пастэр ёх*, южные — *пор*, *послан*, *похрын*, *хурун ёх*. Представляется правомерным вывод Е. И. Ромбандеевой о синхронности и разномаршрутности проникновения народа *мось* в Зауралье с территорий Приуралья (Припечорья) [1993: 43]. То же можно сказать и о южном потоке миграций (см. карту-схему 1).

Направления миграций

мось, охаль, пастэр ёх

пор, послан ёх

хурун ёх

Первые потоки угров-мигрантов (*мось ёх* и *пор ёх*) на Нижнюю Обь были перекрыты последующими движениями переселенцев как с запада (*охаль, пастыр ёх*), так и с юга (более поздние потоки *послан ёх*, следовавшие за военными походами *хурун ёх*). Наслаиваясь один на другой, эти потоки миграций создали пеструю этническую картину. В состав нижнеобских хантов вошло самодийское население *ур ёх*, а сами угры-мигранты представляли собой смешение различных по происхождению «южных» и «западных» групп. В общем, обозначенные приуральско-угорский и южно-угорский миграционные потоки могут рассматриваться как два клина, сливающиеся на территории прежнего расселения зауральских таяжских самодийцев.

Глава III

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

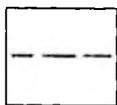
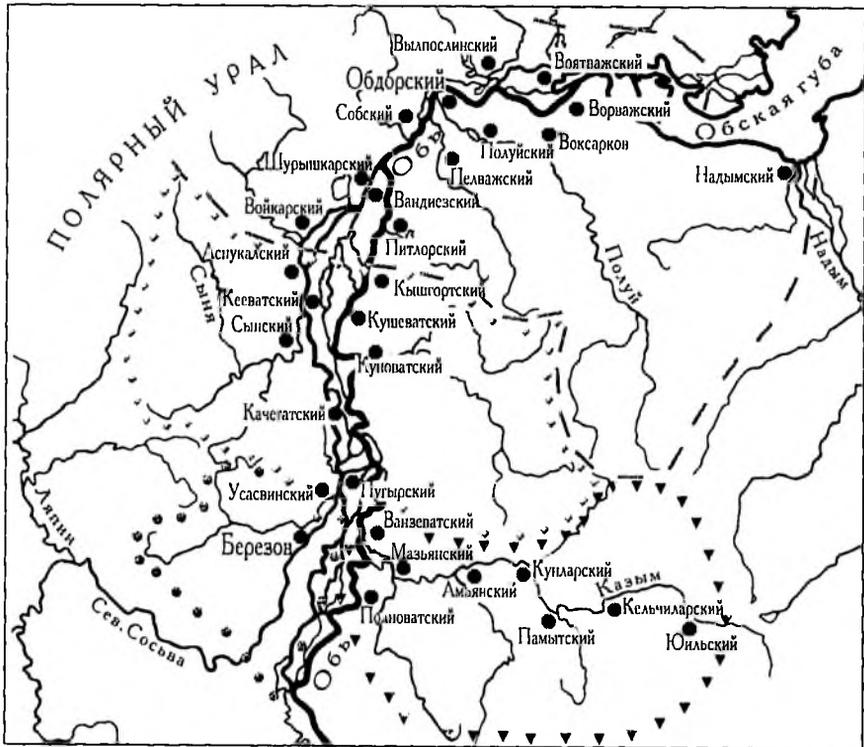
В конце XVI — начале XVII в. северные ханты были причислены к четырем волостям Березовского уезда Тобольской губернии — Обдорской, Куноватской, Казымской и Подгородной. По данным переписей, в конце XVIII—XIX вв. Обдорская волость располагалась в низовьях Оби и по течению ее притоков (рекам Полуй, Сось, Собтыюган и Войкар), а также по р. Надым, впадающей в Обскую губу. Население волости, возглавляемое княжеской династией Тайшиных, было представлено остяками (хантами) и самоедами (ненцами). Куноватская волость занимала бассейн Бол. и Мал. Оби и их притоков, рек Питляр, Сыня и Куноват. Основную часть туземного населения волости при князьях Артанзеевых составляли остяки. В волости числилось несколько самоедских семей. Территория Подгородной волости включала часть Бол. и Мал. Оби в районе Березова и течение р. Вогулка. Этнический состав волости был однороден, основное население — остяки. Правящая княжеская династия — Юркины—Непкины—Новьюховы. Казымская волость находилась в бассейне р. Казым и прилегающем к устью обском правобережье. В состав волости, во главе которой стояли князья Молдановы—Сенгеповы, входили остяки и самоеды (лесные ненцы).

Границы Обдорской, Куноватской, Казымской волостей в XVII—XIX вв. почти не изменялись. Территория Подгородной волости к концу XIX в. несколько сократилась, часть ее селений была включена в соседние — Ляпинскую, Сосьвинскую, Казымскую и Куноватскую волости [Соколова 1983: 25, 28, 30, 31] (см. карту-схему 2).

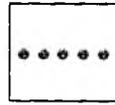
Численность и расселение

Общая численность остяцкого населения Обдорской волости в середине XVII в. (1642) составляла 744 человека (186 плательщика ясака). В ясачных книгах указаны только 2 остяцкие юрты, так как население в большинстве было кочевым. В конце XVII в. (1695) число ясачных плательщиков-остяков увеличилось до 390, соответствен-

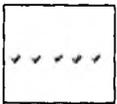
Остятские городки Обдорской, Куноватской, Подгородной и Казымской волостей (конец XVIII в.)

граница
Обдорской волости

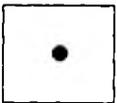
граница
Подгородной волости

граница
Куноватской волости

граница
Казымской волости

городки

но численность возросла до 1560 человек. Самоедское население волости значительно превышало остяцкое, численность «самоедов» составляла 4672 чел. (1168 плательщиков ясака)¹ [Долгих 1960: 65, 76–77].

В конце XVIII в., по данным 4-й ревизии (1782), остяки Обдорской волости были причислены к 12 городкам: Обдорскому (775 человек, 104 хозяйства), Вылпослинскому (184 чел., 24 хоз.), Воятважскому (71 чел., 14 хоз.), Воксаркову (147 чел., 28 хоз.), Ворважскому (115 чел., 12 хоз.), Надымскому (87 чел., 22 хоз.), Полуйскому (123 чел., 22 хоз.), Собскому (73 чел., 14 хоз.), Пелважскому (83 чел., 15 хоз.), Шурышкарскому (160 чел., 20 хоз.), Войкарскому (127 чел., 17 хоз.) и Аспукалскому (87 чел., 16 хоз.). В общей сложности в них проживало 2032 человека (308 хоз.) — 1018 мужчин и 1014 женщин.

В начале XIX столетия общая численность остяков Обдорской волости составила 3341 человек (1606 муж., 1735 жен., 401 хоз.). Ко времени проведения 7-й ревизии более чем вдвое увеличилась численность Воятважского (156 чел., 19 хоз.) и Ворважского (203 чел., 25 хоз.) городков, несколько менее — Обдорского (1426 чел., 134 хоз.), Вылпослинского (320 чел., 45 хоз.), Собского (125 чел., 15 хоз.), Шурышкарского (257 чел., 32 хоз.) и Войкарского (244 чел., 30 хоз.) городков. Число жителей остальных населенных пунктов возросло незначительно: Воксарков (166 чел. 26 хоз.), Надымский (92 чел. 22 хоз.), Полуйский (137 чел., 23 хоз.), Пелважский (121 чел., 14 хоз.).

Во второй половине XIX в., по данным 10-й ревизии (1858), названные городки, за исключением Обдорского и Надымского, были записаны как «юрты». Из состава Обдорского городка (учтено 271 чел., 39 хоз.) выделались юрты Пащерцовы (63 чел., 9 хоз.), Ендырские (229 чел., 41 хоз.), Харпоские (112 чел., 18 хоз.), Лабытнанские (190 чел., 27 хоз.) и Обдорский городок-2 (296 чел., 41 хоз.), из Ворважского городка — юрты Ворважские (109 чел., 12 хоз.) и Казымские (59 чел., 8 хоз.), из Шурышкарского — Шурышкарские (197 чел. 27 хоз.) и Вандияские (40 чел., 6 хоз.). Численность остяцкого населения заметно сократилась — до 2973 человек (1599 муж., 1374 жен., 448 хоз.). Наблюдается общая тенденция уменьшения населения во всех

¹ Здесь и далее для определения общей численности северных остяков относительно числа учтенных плательщиков ясака применен коэффициент 1:4, предложенный Б. О. Долгих, а не 1:3,5, использованный И. И. Крупником для подсчета самодийского населения Ямала. Общая численность дана без округления чисел [см.: Долгих 1960: 13–14; Крупник 2000: 127–130].

населенных пунктах, за исключением юрт Улпослинских (383 чел., 58 хоз.), Войкарских (264 чел., 46 хоз.) и Аспугольских (115 чел., 15 хоз.), где число жителей несколько возросло (прил. I, табл. 13).

В конце XIX столетия, по данным С. К. Патканова (1897), население Обдорской (остяцкой) инородной волости проживало в 28 населенных пунктах: из состава Войкарского городка выделились юрты Васьяховские и Везен-гортские (р. Унжен-ас), из Собского — Похранковы (Нанги, р. Бол. Обь), из Шурышкарского — Параватские (р. Бол. Обь), из Пелважского — Кунжольские (р. Искарская Обь), из Вуль-послинского — Хыш-пугорские (прот. Хар-посль и р. Бол. Обь) и Вож-пугольские (Веш-пугольские, пр. Вуль-посль). Воксарковские юрты записаны как Самотнельские (Оксарковские), Обдорские городки — как с. Обдорское (Пулынг-авыт-вож), «Обдорского городка ватаги (при р. Полуи)» и ю. Князьевские. Наблюдается дальнейшее снижение общей численности остяков Обдорской волости. По материалам переписи 1897 г., она составила 2441 человек (1311 муж., 1130 жен.) [1911: 36—37].

В конце XIX века в с. Обдорском², помимо остяков (54 муж., 40 жен.), проживали зыряне (273 муж., 266 жен.), русские (222 муж., 199 жен.), самоеды (93 муж., 71 жен.) и вогулы (14 муж., 13 жен.). Кроме того, в Обдоской (остяцкой) инородной волости насчитывалось несколько самоедских семей, приписанных к юртам Похранковым (Нанги) (2 муж., 2 жен.), Вуль-послинским (2 муж., 1 жен.), Казымским (1 жен.), Хар-послинским (1 жен.), Шурышкарским (1 жен.). Русское население зафиксировано в ю. Шурышкарских (3 муж., 2 жен.) и Вандиязских (1 муж., 1 жен.). В Обдорской (самоедской) инородной волости числилось более 700 хозяйств самоедов (1852 муж., 1671 жен.), в Шуге и Муре проживало 2 русских (6 муж., 2 жен.) и кочевало 2 зырянских (8 муж., 6 жен.) семьи [Патканов 1911: 36—38].

² По словам Иринарха, в с. Обдорском мало кто знал о существовании древнего Обдорского остяцкого городка, который «состоит из 25—30 землянок и самых жалких, едва возвышающихся над землей лачуг», расположившихся сразу за ярмарочной площадью. «Строения в нем не скучны, как в Обдорске, а раскинуты в разных друг от друга направлениях... Все землянки и лачуги похожи друг на друга, и далеко не всегда сразу можно узнать в них человеческие жилища... Характерною особенностью городка является еще то, что не все жилые строения его соединены между собою, хотя бы узкими тропинками. Если имеются они, то обычно от жилья к реке, куда приходится ходить за водой, и вверх на гору к селу, где по необходимости надо изредка появляться за мукой, хлебом и другими необходимыми в жизни продуктами» [1910. № 2: 73].

В ясачных книгах середины XVII века в Куноватской волости зарегистрировано 14 юрт и 138 плательщиков ясака (приблизительно 552 чел.). В конце того же столетия численность остяцкого населения увеличилась почти в 2,3 раза — 310 плательщиков ясака и соответственно 1240 человек. К Войкарскому городку Куноватской волости в числе 53 плательщиков ясака (212 чел.) была приписана «синевская» самоядь [Долгих 1960: 65, 76—77].

В конце XVIII столетия в Куноватской волости зафиксировано 10 городков с общей численностью 1360 человек (703 муж., 657 жен., 225 хоз.): Сынский (375 чел., 57 хоз.), Куноватский (234 чел., 47 хоз.), Кушеватский (137 чел., 18 хоз.), Кееватский (138 чел., 21 хоз.), Кышгортский (181 чел., 38 хоз.), Пугырский (51 чел., 8 хоз.), Качегатский (33 чел., 7 хоз.), Усасвинский (47 чел., 3 хоз.), Питлорский (69 чел., 9 хоз.), Вандиезский³ (95 чел., 17 хоз.).

В первой половине XIX в. численность остяцкого населения волости возросла до 1743 человек (920 муж., 823 жен., 277 хоз.). Наибольшее увеличение численности населения отмечается в крупных городках: Сынском (548 чел., 86 хоз.), Куповатском (275 чел., 43 хоз.), Кушеватском (186 чел., 28 хоз.), Кееватском (175 чел., 22 хоз.), Кышгортском (208 чел., 34 хоз.) и Вандиезском (128 чел., 23 хоз.). Незначительно возросло число жителей Пугырского (58 чел., 7 хоз.), Качегатского (42 чел., 8 хоз.) и Питлорского (79 чел. 18 хоз.) городков; в Усасвинском городке (44 чел., 8 хоз.) отмечено незначительное сокращение численности.

Во второй половине XIX в. из состава Сынского городка (учтено 172 чел. 34 хоз.) выделились юрты Нёсьюганские (92 чел., 20 хоз.), Увальнские (81 чел., 10 хоз.), Тыльдинские (60 чел., 13 хоз.), Ваоргортские (9 чел., 1 хоз.), Ишварские (21 чел., 5 хоз.) и Мужинские (42 чел., 6 хоз.), из Кееватского (75 чел., 13 хоз.) — Войкарские⁴ (104 чел., 19 хоз.) и Нянинские (42 чел., 6 хоз.), из Кушеватского — Кушеватские (147 чел. 23 хоз.) и Лангивожские⁵ (54 чел., 11 хоз.), из Кышгорт-

³ Вандиезский городок (Ванды-пугор) Куноватской волости находился на р. Мал.Обь при протокке Рынкам, а юрты Вандияские (Шиян-пугор) Обдорской волости — на р. Мал. Обь.

⁴ Юрты Войкарские Куноватской волости располагались по р. Мал. Обь, Войкарский городок Обдорской волости — в устье р. Войкар.

⁵ По словам П. С. Палласа, среди остяцких юрт на правой стороне Оби «примечания достоин Лангивашеский погост» (расположен немного ниже Кушеватского), который «прежде был большим остяцким укрепленным городком, но ныне только несколько юрт в нем осталось» [1788: 48].

ского — Кышгорские (105 чел. 14 хоз.) и Войтские (82 чел., 13 хоз.), из Качегатского — Качегатские (43 чел. 8 хоз.) и Мегитнёльские (30 чел., 6 хоз.), из Усасвинского — Усьсосвинские (6 чел. 1 хоз.) и Тегинские (46 чел., 9 хоз.), из Вандиезского — Вандияские (129 чел., 25 хоз.) и Собские⁶ (21 чел., 4 хоз.). Число жителей юрт Куноватских (272 чел., 46 хоз.) и Питлярских (65 чел., 12 хоз.) изменилось незначительно. По данным 10-й ревизии, не фиксируется Пугырский городок. Общая численность остяков Куноватской волости составила 1698 человек (933 муж., 765 жен., 299 хоз.) (прил. II, табл. 13).

По переписи 1897 г., в Куноватской инородной волости зафиксировано 45 населенных пунктов, в которых числилось 1684 остяка (914 муж., 770 жен.). Кроме того, здесь проживали зыряне (436 муж., 392 жен.), вогулы (55 муж., 53 жен.), самоеды (39 муж., 33 жен.) и русские (74 муж. 68 жен.). Если вогульское население было дисперсно расселено в нескольких остяцких юртах (Тегинские, Порисевы, Мегитнёльские, Ямские, Нёс-юган, Киеватские, Мужевские, Ланги-вож, Кушеват), то зырянское, русское и самоедское население проживало весьма компактно. Зыряне составляли 2/3 жителей села Мужы (380 муж., 357 жен.) и 1/2 населения юрт Качегатских при протоке Коневои (11 муж., 7 жен.). Несколько зырянских семей числились среди кочевого населения волости — «зырянский чум (бродячий)» (44 муж., 28 жен.). Русские были расселены преимущественно в селах Кушеват (34 муж., 36 жен.) и Мужы (29 муж., 31 жен.). Самоеды приписаны к Мужам (33 муж., 30 жен.), юртам Качегатским (2 муж., 2 жен.) и Ванька-горт (1 муж.), одна самоедская семья (3 муж., 1 жен.) кочевала [Патканов 1911: 32—34].

В середине XVII века в Подгородной волости было учтено 14 юрт и 58 плательщиков ясака (приблизительно 232 чел.). В конце XVII в. численность возросла более чем в 3 раза — 184 ясачных плательщика (736 чел.) [Долгих 1960: 65, 76—77]. В конце XVIII столетия, по данным 4-й ревизии, остяки Подгородной волости были приписаны к 9 юртам: Вогульским (70 чел., 18 хоз.), Пашерским (58 чел., 9 хоз.), Войтинховым (64 чел., 10 хоз.), Ванзеватским (38 чел., 7 хоз.), Чалкиным (87 чел., 24 хоз.), Неримовым (24 чел., 6 хоз.), Тушновым (53 чел., 9 хоз.), Амчуковым (5 чел., 2 хоз.), Тагеевским (30 чел., 8 хоз.). В общей сложности в них проживало 429 человек (238 муж., 191 жен., 93 хоз.).

⁶ Юрты Собские Куноватской волости были представлены фамилией Похрынков и располагались на р. Обь, а Собский городок Обдорской волости — на р. Сось.

В начале XIX в. общая численность остяков Подгородной волости составила 411 человек (229 муж., 182 жен., 87 хоз.). Несмотря на сокращение численности, в ряде юрт происходит заметное увеличение населения: рост числа жителей отмечается в юртах Вогульских (88 чел., 14 хоз.), Тушювых (71 чел., 10 хоз.), Ванзеватских (47 чел., 8 хоз.). Практически неизменной осталась численность населения в ю. Чалкиных (88 чел., 21 хоз.), сокращение наблюдается в юртах Пашерских (43 чел., 10 хоз.), Войтинховых (46 чел., 13 хоз.), Неримовых (5 чел., 2 хоз.), Тагеевских (20 чел., 8 хоз.) и Амчуковых (3 чел., 1 хоз.).

Во второй половине XIX в. общая численность остяков волости сократилась до 391 человек (217 муж., 174 жен., 64 хоз.). Судя по данным 10-й ревизии, изменился юртовый состав волости: не зафиксированы юрты Чалкины и Амчуковы, население ю. Тушювых приписано к юртам Тугьянским (26 чел., 6 хоз.), Чуильским (56 чел., 8 хоз.) и Непкиным (6 чел., 1 хоз.). Юрты Ванзеватские, численность которых сократилась, внесены в реестр как ю. Етлаховы (28 чел., 5 хоз.), Тагеевские — как Кондрашкины (7 чел., 2 хоз.). Из юрт Войтинховых (учтено 20 чел., 4 хоз.) выделены ю. Пугорские (47 чел., 8 хоз.). Значительное увеличение численности произошло в бывших ю. Вогульских, зафиксированных в материалах 10-й ревизии как «Вогульской реки Шоганские юрты» (120 чел. 17 хоз.). За счет переселенцев из юрт Чалкиных и Амчуковых возросла численность жителей ю. Неримовых (42 чел., 8 хоз.). Практически на прежней отметке осталась численность населения ю. Пашерских (Пашерцевых) (39 чел., 5 хоз.) (прил. III, табл. 10).

По данным переписи 1897 г., в Подгородной инородной волости зафиксировано 11 юрт: Неремовские, Пашерцевы, Тугьянские, Чуильские, Ветлаховские, Похранковские, Войтинховские, Пугорские, Усть-Сосьвинские, Шоганские, Вышпырдымские, в которых числилось 394 остяка (204 муж., 190 жен.), 68 вогулов (31 муж., 37 жен.) и 1 русский. Кроме того, на территории волости кочевало 7 семейств зырян (19 муж., 16 жен.) и самоедов (5 муж., 3 жен.) [Патканов 1911: 38]. По мнению Е. П. Мартыновой, сокращение численности остяков Подгородной волости в XIX в. связано с причислением ряда юрт к соседним волостям (к Казымской — Ванзеватских и Непкинских) [1998: 85].

В середине XVII века в Казымской волости было зафиксировано 10 городков и 147 плательщиков ясака (приблизительно 588 чел.). В конце того же столетия численность населения увеличилась в 1,6 раза —

235 плательщиков ясака (940 чел.). К Юильскому городку Казымской волости была приписана «казымская самоядь» родов Айваседа и Пяк в числе 192 плательщиков ясака (768 чел.) [Долгих 1960: 65, 76—77].

В конце XVIII века в волости значилось 8 городков: Юильский (61 чел., 17 хоз.), Памытский (163 чел., 35 хоз.), Кунларский (151 чел., 33 хоз.), Амьянский (34 чел., 6 хоз.), Кельчиларский (47 чел., 8 хоз.), Мазьянский (105 чел., 18 хоз.), Полноватский (88 чел., 15 хоз.), Ванзеватский (33 чел., 6 хоз.) и ю. Тушевы (32 чел., 4 хоз.)⁷. Два селения — Ванзеват и Полноват — располагались на Оби, остальные — по р. Казым. Общая численность остяков составляла 714 человек (362 муж., 352 жен., 142 хоз.).

В начале XIX столетия происходит заметное увеличение численности остяцкого населения Казымской волости — 852 человек (523 муж., 329 жен., 144 хоз.). Число населенных пунктов осталось практически неизменным: жители не зафиксированных по 7-й ревизии ю. Тушевых были учтены в составе Ванзеватского городка (71 чел., 12 хоз.). Увеличение численности происходит в основном за счет естественного прироста. Наблюдается закономерность непропорционального возрастания мужского и женского населения. Более чем в 1,5 раза увеличилось число мужчин в Памытском (133 муж., 84 жен., 33 хоз.), Кунларском (114 муж., 67 жен., 35 хоз.), Юильском (52 муж., 28 жен., 14 хоз.) и Амьянском (29 муж., 27 жен., 6 хоз.) городках. В Полноватском (62 муж., 37 жен., 18 хоз.) городке при увеличении численности мужского населения происходит сокращение женского. Пропорционально возросло число жителей в Мазьянском (62 муж., 51 жен., 20 хоз.) городке, отмечено незначительное сокращение численности в Кельчиларском городке (24 муж., 11 жен., 6 хоз.).

К середине XIX в. общая численность остяков Казымской волости достигает 1096 человек (651 муж., 445 жен., 165 хоз.). Число населенных пунктов не изменилось: Кельчиларский городок записан как ю. Выргимские, Кунларский — как Хуллорские, Памытский — как Помутские, остальные городки (кроме Юильского) — как юрты, сохраняя прежние названия. Существенно возросло число жителей в тех селениях, где, по данным 10-й ревизии, зафиксировано увеличение численности

⁷ Семейный состав Ванзеватского городка и ю. Тушевых (позднее — ю. Ванзеватские) Казымской волости и юрт Тушовых (позднее — Тугьянские, Пепкины, Чуильские) и Ванзеватских (Етлаховы) Подгородной волости был различен (прил. III, табл. 1, 2; прил. IV, табл. 8).

ти мужского населения: юрты Помутские (180 муж., 140 жен., 42 хоз.), Хуллорские (132 муж., 73 жен., 40 хоз.), Амьянские (46 муж., 30 жен., 8 хоз.), Юильский городок (75 муж., 49 жен., 12 хоз.). Тенденция возрастания мужского населения фиксируется в ю. Ванзеватских (74 муж., 27 жен., 22 хоз.). Незначительно увеличилось число жителей юрт Выргимских (бывший Кельчиларский городок) (29 муж., 15 жен., 7 хоз.) и Мазьянских (69 муж., 58 жен., 19 хоз.), и только в ю. Полноватских (46 муж., 53 жен., 15 хоз.) оно сохранилось на прежнем уровне (прил. IV, табл. 9). Следует отметить, что рост численности наблюдается, несмотря на частые указания в переписях — «пропущен» по предыдущей ревизии или находится «в вынужденной отлучке».

По данным переписи 1897 г., в списке населенных пунктов Казымской инородной волости обозначены с. Полноватское и 12 юрт: Юльевские (Юльевский городок), Кунлорские, Амьянские, Выргимские, Мозиянские, Ванзеватские, Полноватские, Ельбигортские, Робятские, Резанские, Тугиянские, Непкинские. Три последних селения прежде причислялись к Подгородной волости. Кельчиларский городок записан как ю. Ильбигорские. Общая численность остяцкого населения составляла 1331 чел. (683 муж., 648 жен., приблизительно 254 хоз.). Кроме остяков, в с. Полноватском проживало 9 русских и 15 вогул. В состав Казымской волости входили «кочевые самоеды» шести ватаг численностью 467 чел. (268 муж., 199 жен., 111 хоз.) [Патканов 1911: 28–29]. Среди остяцкого населения Казымской волости наблюдается значительный прирост женского населения и колебание численности населения отдельных юрт. Возрастание численности происходит в юртах Выргимских и Амьянских; несколько увеличивается в юртах Юильских, Помутских и Ванзеватских; сокращается в юртах Кунлорских, Мозиянских и Полноватских. Вероятнее всего, колебания численности можно связывать с локальными перемещениями населения, обусловленными потребностями хозяйства и нехваткой промысловых угодий. Особенно явно движение остяков с низовий Казыма в верховья [Касум-Ёх 1993: 24–25].

В середине XVII в. численность остяков Обдорской, Куноватской, Подгородной и Казымской волостей составляла 2116 человек, в конце того же столетия достигла 4476 (см. табл. 1).

**Динамика численности остяцкого населения
Обдорской, Куноватской, Подгородной и Казымской волостей
в XVII—XIX вв.**

[ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43, 404, 992;
Долгих 1960: 65, 76—77; Патканов 1911: 28—29, 32—38]

Волость	Середина XVII в.	Конец XVII в.	Конец XVIII в.	Начало XIX в.	Середина XIX в.	Конец XIX в.
Обдорская	744	1560 прирост 109,7 %	2032 прирост 30,3 %	3341 прирост 64,4 %	2973 убыль 11,8 %	2441 убыль 17,2 %
Куноватская	552	1240 прирост 124,6 %	1360 прирост 9,7 %	1743 прирост 28,2 %	1698 убыль 2,6 %	1684 убыль 0,8 %
Подгородная	232	736 прирост 217,2 %	429 убыль 41,7 %	411 убыль 4,2 %	391 убыль 4,9 %	394 прирост 0,8 %
Казымская	588	940 прирост 59,9 %	714 убыль 24,4 %	852 прирост 19,3 %	1096 прирост 28,6 %	1331 прирост 21,4 %
Всего	2116	4476 прирост 111,5 %	4535 прирост 1,3 %	6347 прирост 40,0 %	6158 убыль 3,0 %	5850 убыль 5,0 %

Резкое увеличение демографических показателей могло быть вызвано складыванием российской фискальной системы, основной целью которой было умножение числа ясачных людей и собираемой с них «мягкой рукляди». Об этом косвенно свидетельствует синхронность изменений числа ясачных плательщиков по всем волостям: в Обдорской — на 109,7 %, в Куноватской — на 124,6 %, Подгородной — на 217,2 %, Казымской — на 59,9 % (в среднем прирост составил 111,5 %). Столь внушительное, в 2 или 3 раза, умножение числа плательщиков ясака не вызовет недоумений, если обратиться к архивным документам. Воеводой М. С. Лодыженским, например, за два с небольшим года службы в Березове (1647—1649) было обложено ясаком 406 человек и собраны недоимки за 12 лет, приведена под государеву руку «воровская самоядь» [История... Хрестоматия 1999: 79—80]. «Приискивание» и «прибирание» березовскими воеводами и служилыми людьми новых данников

(«захребетников, детей и братьев и племянников»), «сыски» утаиваемых остяцкими князьками людей могли существенно пополнить списки ясачных плательщиков.

С конца XVII до конца XVIII в. общая численность северных остяков возросла до 4535 человек, прирост составил 1,3 %. Наблюдается непропорциональное изменение численности по волостям — увеличение остяцкого населения в Обдорской (на 30,3 %) и Куноватской (на 9,7 %) волостях и сокращение в Подгородной (на 41,7 %) и Казымской (на 24,4 %). Необходимо отметить, что во взятом нами для подсчетов 1695 г. число плательщиков ясака Березовского уезда имеет максимальные показатели, однако уже в 1701 г. оно повсеместно сокращается, самый значительный разрыв численности наблюдается именно в Подгородной и Казымской волостях [Долгих 1960: 65, 68]. Диспропорции изменения общей численности остяков в начале XVIII в. могли быть вызваны «неполным» учетом, а в конце XVIII в. — переходом к новой системе регистрации коренных жителей (от фиксации ясачных плательщиков к переписи всего населения). Любые политико-административные меры и изменения фискальной системы быстрее и острее сказывались на ближних к административному центру (Березов) волостях. В данном случае могли сыграть роль «ослабления в ясачном сборе» после многочисленных просьб остяков об освобождении от ясачной повинности «старых, и увечных, и малых робят» и развернувшаяся христианизация. Кроме того, период с середины XVII по конец XVIII в., составляющий почти полтора столетия, был сопряжен с миграциями угорского населения на север, что могло служить причиной реального роста населения северохантыйских волостей.

За последующие три с небольшим десятка лет (с 1782 по 1816 гг.) численность североостяцкого населения достигла 6347 человек, прирост составил 40,0 %. В «северных» волостях число остяков возросло почти наполовину: в Обдорской — на 64,4 %, в Куноватской — на 28,2 %. В Подгородной волости продолжается процесс постепенного сокращения численности (убыль — 4,2 %), в Казымской, напротив, наметилась тенденция к возрастанию (прирост — 19,3 %). Рост числа обдорско-куноватских остяков в конце XVIII — начале XIX в. связан, с одной стороны, с естественным приростом, о чем свидетельствует стабильность фамильного состава волостей, с другой стороны, с постепенным продвижением на север отдельных семей и родов «южных» групп северных хантов. Несмотря на значительное увеличение численности, широкого миг-

рационального потока населения не наблюдалось; по-видимому, движение носило характер «отходничества».

В середине XIX в. общая численность северных остяков сократилась до 6158 человек (убыль 3 %), к концу XIX в. — до 5850 (убыль 5,0 %). Тенденция убывания была характерна для северных волостей: в Обдорской убыль составила, соответственно, 11,8 и 17,2 %, в Куноватской — 2,6 и 0,8 %. В Подгородной волости наблюдается незначительное колебание численности: в середине века население сократилось на 4,9 %, а в конце возросло на 0,8 % (несмотря на уменьшение числа юрт). В Казымской волости число остяков заметно увеличилось, прирост составил 28,6 и 21,4 %. Возможно, эти разнонаправленные процессы (сокращение численности в Обдорской и увеличение в Казымской волостях) имеют одну и ту же основу — отток обско-угорского населения в глубинные районы Нижнего Приобья (лесотундровую и глубинно-таежную зоны). В Обдорской волости это может быть связано с большей миграционной подвижностью кочевого населения и переходом части кочевых хантов в состав «самоедских родов» [см.: Вербов 1939; Васильев 1979; Головнёв 1988а], а в Казымской волости сопряжено с новой волной движения населения из южного, Обско-Иртышского, и западного, Сосьвинско-Ляпинского, регионов [см.: Соколова 1977; 1986]. В целом миграционные процессы XIX в. имели экономическую подоплеку, выраженную в нехватке промысловых угодий, развитии рыбопромышленности в низовьях Оби, переходе части остяцкого населения к оленеводству предгорно-таежного и лесотундрового типов (см. главу V).

Фамильный и родовой состав

Анализ фамильного состава хантов Обдорской, Куноватской, Подгородной и Казымской волостей проведен на основе материалов 4-й (1782 г.), 7-й (1816 г.) и 10-й (1858 г.) ревизий. В ряде случаев, для уточнения, использовались материалы 5-й (1795 г.), 6-й (1811 г.) и 9-й (1850 г.) ревизий. Список фамилий по городкам и юртам Обдорской, Куноватской, Подгородной, Казымской, Сосьвинской и Ляпинской волостей содержится в сводных таблицах (см. прил. I—VI). Подробная характеристика изменений численности и фамильного состава дана в конце каждой таблицы. Названия городков и юрт, а также фамилии приводятся в соответствии с привлекаемым источником, несмотря на частые разночтения.

Обдорская волость. В конце XVIII в. в самом крупном, Обдорском, городке зафиксировано шестьдесят две фамилии. К началу XIX в. число их увеличилось до 68. При этом произошло заметное изменение фамильного состава в связи с тем, что, во-первых, не был учтен ряд фамилий, представленных одной семьей (Неврасов, Шумхов, Аркин) или одним мужчиной (Иналиев, Олешкин, Полятов), во-вторых, одни фамилии сменились другими вследствие записи части некрещеного северохантыйского населения по именам и отчествам глав семей: числившиеся в 4-й ревизии Лабины были зафиксированы в 7-й как Выхлины, Асевы — как Селимовы, Мурзины — Норпахтины, Абаковы — Павызеруевы, Седины — Ешнековы, Пахлины — Седомины, Ваврины — Елжины, Таныховы — Игины, Березины — Сосвелтины, Зайкины — Неляковы. По этому же признаку были зарегистрированы вновь появившиеся дочерние семьи-фамилии: из состава Сониных выделились Сиводушкины и Черпаковы, из Каевых — Колымовы, Марковых — Одигины и Тобольчины, Агинпунговых — Игины и Волоткины, Неримовых — Поины и Хангалины, Тылдиных — Тетховы и Ярлины, Абысяковых — Лохрымовы и Руксылановы, Ишкиных — Тотховы, Егомдановых — Махлины и Тендины.

Во второй половине XIX в. тенденция замены и дробления фамилий проявляется еще заметнее: к примеру, из фамилии Тылдиных вычленилось пять дочерних, из фамилии Семлаховых — шесть, Агинпунговых — семь, Сесмановых — десять, Неримовых — 13. По данным 10-й ревизии, в сравнении с 7-й, в Обдорском городке (без учета выделившихся юрт) исчезло 16 фамилий, появилось 10 новых. Следует оговориться, что сопоставление данных 7-й и 9-й (или 10-й) ревизий затруднено из-за отсутствия в записях отчеств. К примеру, зафиксированная в 10-й ревизии фамилия Немысов могла восходить к личным именам Няльмаса Зайкина, Немаса Чуткова или Немаса Сиводушкина, зарегистрированных в материалах 7-й ревизии. Поэтому, сменяемость фамильного состава не может быть однозначно объяснена миграциями населения, хотя в ряде случаев переселение отдельных семей (например Дружининых) фиксируется достаточно определенно (прил. I, табл. 1).

Во втором по численности городке Обдорской волости, Вылпослинском, по данным 1782 г., отмечено 14 фамилий. Из состава наиболее крупных фамилий — Шеншлаховых, Максаровых, Тявиных, Вытпоховых, Ютмасовых и Немчинковых — выделилось несколько дочерних.

Нередко при этом исчезала основная, отцовская, фамилия: так, Выгюховы в 7-й ревизии записаны Чехлымовыми и Мелеховыми, в 10-й — Умбысевыми, Хабысевыми, Ударовыми и Моляковыми. По данным 1858 г., число фамилий Вылпослинского городка достигло 34. Девять из них соотнести с прежними фамилиями не представляется возможным. Они могли быть привнесены мигрантами или оказаться дочерними по отношению к исчезнувшим. Такова, например, ситуация с вновь появившимися в городке родственными друг другу фамилиями Невалевых и Немгатовых, которые могли быть как пришельцами, так и наследниками исчезнувшей фамилии Немчинковых (прил. I, табл. 2).

Фамильный состав Воятважского городка более устойчив. Из числившихся в 1782 г. семи фамилий в 1816 г. не фиксируются одна — Чаков. Фамилии Шившин, Невлемов, Евтюшкин, Максимов и Важин распадаются на ряд дочерних, записанных по именам глав семей. Появившиеся фамилии — Ляпов и Нек — с некоторой долей вероятности могут считаться дочерними по отношению к Важиным и Евтюшкиным (прил. I, табл. 3).

За период с 1782 по 1858 гг. число фамилий Воксаркова городка сократилось с 16 до 10, что вызвано исчезновением как крупных (Митрин—Якушкин, Мартынов, Небондин—Выников), так и мелких (Айнин, Непляхов, Пехалиев, Тыксин) фамилий. В Ворважском городке число фамилий возросло за счет их дробления на дочерние, при этом часть фамилий (Чакилев, Мелов) исчезла. Заметно изменился фамильный состав Надымского городка: фамилии с малочисленным составом не фиксируются, из крупных выделались дочерние, записанные по именам глав семей. Не исключено, что некоторые из вновь появившихся фамилий также были дочерними по отношению к существовавшим прежде. В Полуёском городке, наряду со сходными процессами, отмечено «вымирание» ряда малочисленных фамилий (Дементьев, Ямдуев—Евкин) и фамилий, представленных одним мужчиной (Пурьисев, Тюлдин, Лядин, Низимов) (прил. I, табл. 4—7).

По материалам 4-й ревизии, в Пелважском городке зафиксировано шесть фамилий, по 7-й — пять, по 10-й — четыре. Исчезли фамилии: Кормандиев (самая многочисленная), Тадин и Нетин; появилась одна — Паильдин. В 9-й ревизии пельважские Паильдины записаны как Степан Паильдин Езек и Василий Паильдин Вытлин, что дает возможность связывать их с Паильдинами из Харпюских юрт и Вытлиными из

Полуйского городка. Однако по набору личных имен Паильдины соотносимы с исчезнувшей фамилией Кормандиевых, что не позволяет исключать их «местного» происхождения (прил. I, табл. 8).

В Собском городке в 1782 г. насчитывалось 11 фамилий. Из состава самой многочисленной из них, Токуровых, к 1816 г. выделились фамилии Комаров и Сынгатов; в ревизии 1858 г. из всех названных отмечена только одна фамилия — Сынгатов. То же происходит с фамилией Сюмахов: в 1816 г. они записаны под фамилиями Чумаков и Чурасков, а в 1858 г. — только Чурасков. Если устойчивость численности Чурасковых свидетельствует об их постоянном проживании в Собском городке, то сокращение фамильной линии Токуровых—Комаровых—Сынгатовых могло быть вызвано их частичным отселением. Процесс дробления и замены фамилий в Пелважском и Собском городках шел не столь интенсивно, как в северных городках, — из основной фамилии выделялось обычно не более одной-двух дочерних (прил. I, табл. 9).

Фамильный состав Шурышкарского городка за период с 1782 по 1858 гг. заметно изменился: из 15 фамилий, зафиксированных 4-й ревизией, к 10-й сохранилось 11 (включая ю. Вандияские). Шесть прежних фамилий были заменены новыми, образованными от имен и отчеств глав семей; одна фамилия — Ругин — может определенно быть причислена к «пришлым». Более стабильным выглядит фамильный состав Войкарского городка. Отселившейся следует считать фамилию Альмин. Появление новых фамилий обусловлено исключительно процессом их дробления на дочерние. Еще более устойчив фамильный состав Аспукальского городка, где отмечена замена только одной фамилии (Андрюшкиных на Тыргуптиных), а также выделение в отдельную семью «братанника» Везиных — Отчама. Сокращение фамильного состава Аспукальского городка связано с исчезновением фамилий, представленных одной семьей (прил. I, табл. 10—12).

В целом северные городки Обдорской волости (Обдорский и расположенные ниже по р. Обь) характеризуются интенсивностью дробления фамилий и образованием новых от имен и отчеств глав семей. Некоторые из новых фамилий следует связывать с «перетоком» населения между соседними городками. Исчезновение ряда фамилий (нескольких семей одной фамилии) может быть объяснено «оттоком» остяков на север, с чем связано и уменьшение общей численности населения северных городков. Фамильный состав южных городков Обдорской волости от-

личается большей устойчивостью: здесь менее интенсивен процесс выделения дочерних фамилий и замены прежних новыми.

Куноватская волость. В самом многочисленном, Сынском, городке, по данным 4-й ревизии, проживало 33 фамилии, по 7-й их осталось 26, по 10-й (включая юрты Ишварские, Мужинские и Ваоргортские) — 20. Наблюдается тенденция исчезновения фамилий, представленных одной семьей. В то же время из крупных фамилий выделяются дочерние (из Пырысовых — Пугорчины) и происходит замена фамилий (Шолидемов—Максимов—Патласов, Лыхнов—Кантеров) (прил. II, табл. 1—1-а, б).

В Куноватском городке в 1782 г. было зафиксировано 24 фамилии, в 1816 г. — 22, в 1858 г. — 16. Изменение фамильного состава обусловлено причислением ряда фамилий к соседним юртам (Жажимхов), отселением (Нахтымов—Рахтымов, Рочин, Сернов) и их заменой (Тасманов—Сеулин—Муратов, Поуртин—Мечин, Ярлин—Учников, Легасев—Навыюхов, Данилов—Шобеков). Фамильный состав Кушеватского городка с 1782 по 1816 гг. практически не изменился. В 1858 г. к нему были приписаны фамилии, прежде относившиеся к Куноватскому городку (Зажимхов, возможно Пузылаков); кроме того, исчезли фамилии, представленные одной семьей (Езелов, Кутылев, Кепчиков).

В Кееватском городке прослеживается процесс рассредоточения фамилий по близлежащим юртам. Из представленных в 4-й ревизии 12 фамилий, 6 позднее были приписаны к юртам Нянинским (Елнин—Сеулин), Мужинским (Панов) и Войкарским (Нензялин—Нензелов, Телхов—Тюльхов, Лорахов—Ларов, Сюртахов—Чуртановы; сюда же отнесены Ламбышовы из юрт Кышгорских и часть Тогачевых из Сынского городка) (прил. II, табл. 1-в, г, 2—4).

Заметным изменениям подвергся фамильный состав Кышгортского городка. Из 14 числившихся по данным 4-й ревизии фамилий к 10-й (вместе с юртами Войтскими) осталось только 6. Уменьшение числа фамилий связано как с исчезновением фамилий-односемеек, так и с причислением части населения к соседним юртам (Лепашков, возможно, Марков). Несколько фамилий (Салтыков, Чонжин, Салтыков—Чонжин), несмотря на разность происхождения, записаны под одной — Салтыков (прил. II, табл. 5).

Особенно подвижным был фамильный состав селений, расположенных на Оби — Качегатского и Пугырского городков, а также появив-

шихся в 10-й ревизии ю. Мегитнёльских. В Качегатском городке выделяются две ведущие фамилии — Тарасов и Воломахов. В 7-й ревизии не зафиксированы фамилии Полунчепов и Стефанов, в 10-й — Дружинин. Появились три новых фамилии: Нюляхов, Мальцевов (обе прежде числились в Сынском городке) и Альмин. В составе Мегитнёльских юрт учтено пять фамилий, две из которых, Тарасов и Альмин, отмечены и в Качегатском городке. Пугырский городок, по данным 4-й ревизии, включал семь фамилий, по 7-й, их осталось четыре (Тоев, Колыванов, Лукьянов, Иванов). По 10-й ревизии население Пугырского городка не учтено в составе Куноватской волости. Возможно, ю. Пугырские были причислены к Подгородной волости, хотя по фамильному составу это не прослеживается. В Усасвинском городке фигурируют три фамилии — Ендин, Тимошкин и Нетин. Первая из них сменилась фамилией Рындин, вторая — Мошкин, третья причислена к ю. Тегинским (прил. II, табл. 6—9).

Питлорский городок на протяжении 1782—1858 гг. был представлен только одной фамилией — Хартаганов. Вандиезский городок, по данным 4-й ревизии, включал семь фамилий. Из них в 7-й ревизии отсутствует фамилия Тонгылев, ранее представленная одним мужчиной. Той же переписью в состав Вандиезского городка причислены самоеды Менгаковы. По данным 10-й ревизии, отмечается процесс замены фамилий (Дмитриев—Ковшин) и выделения дочерних (Лорахов—Манин, Альгамов). Фамилия Похрынков, по данным 10-й ревизии, числится в ю. Собских (прил. II, табл. 10—11).

В целом фамильный состав Куноватской волости более стабилен, чем Обдорской: здесь процесс дробления фамилий и их замены менее интенсивен, что связано с завершением формирования официального статуса фамилии среди крещеного остяцкого населения. Наблюдается перераспределение фамилий между соседними селениями по Мал. и Бол. Оби. Расположение Качегатского, Пугырского, Усасвинского городков и Мегитнёльских юрт на «проходных» местах — Оби и обских протоках — при их относительно небольшой численности, повлияло на нестабильность фамильного состава этих населенных пунктов.

Подгородная волость. Фамильный состав отличается несколько большей стабильностью. По данным 4-й и 7-й ревизий, в расположенных на р. Обь ю. Тушовых учтено пять фамилий — Петров, Миляхов, Курыков, Кадылев, Непкин (Нетин). В ю. Ванзеватских отмечены две фамилии — Никишкин и Яуров. За период с 1782 по 1816 гг. исчезает

только одна фамилия — Петров. Во второй половине XIX в. отмечаются несущественные изменения фамильного состава: в ю. Тугьянских (бывшие Тушювы) поселяются переселенцы из ю. Чалкиных той же волости — Себуровы; Кадылевы записаны Курыковыми; одна семья Яуровых из ю. Етлаховых (бывшие Ванзеватские) переселяется в ю. Шоганские на р. Вогулка. Не значительные изменения фамильного состава наблюдаются в юртах Пашерских, Войтинховых (Пугорских) и Вогульских (Шоганских). В первых юртах из пяти фамилий, учтенных 4-й и 7-й ревизиями, отсутствуют две (Кундин и Еголмин); во вторых из пяти прежних фамилий исчезает одна (Жданов); в третьих из семи фамилий не фиксируются две (Морошкин и Коршунов) и появляется одна (Яуров). Наиболее многочисленные фамилии — Новьюхов (49 чел., 5 хоз.) и Рябчиков (47 чел., 6 хоз.) из ю. Вогульских, Гындышев (28 чел., 4 хоз.) из ю. Пугорских (прил. III, табл. 1–2, 4–5, 8–9).

Серьезные изменения произошли в юртах Чалкиных, Неримовых, Тагеевских и Амчуковых. В 1782 г. в ю. Чалкиных числилось 12 фамилий (наиболее многочисленная — Себуров), в 1816 г. — 10 (исчезли фамилии-односемейки Ишкин и Миляхов). В материалах 1858 г. названные юрты в Подгородной волости не фиксируются. Часть выходцев из этого селения обнаруживается в соседних населенных пунктах: Себуров — в Тугьянских, Тыманов и Матвеев (под фамилией Новьюхов) — в Неримовых. По данным 4-й ревизии, в ю. Неримовых зафиксированы две фамилии (Пеганов—Матвеев, Лебимков), по 7-й ревизии исчезает фамилия Лебимков, но появляется Рубцов, по 10-й ревизии к ним добавляются переселенцы из соседних юрт — Тымановы, Новьюховы и Амчуковы. В 1782 г. в юртах Тагеевских значилось три фамилии — Ланбин, Кондрашкин и Шогалхов, в 1858 г. фиксируются только Кондрашкины (по единственной фамилии было изменено и название поселения — ю. Кондрашкины). По данным 4-й ревизии, в юртах Амчуковых проживала семья Новьюховых и «подгородный татарин Семенов», по 7-й ревизии Новьюхов числится под фамилией Амчуков; по 10-й ревизии юрты не фиксируются, а Амчуковы появляются в ю. Неримовых (прил. III, табл. 3, 6, 7).

В целом с конца XVIII в. до середины XIX в. фамильный состав Подгородной волости изменился незначительно — наблюдается процесс исчезновения отдельных фамилий и семей, а также ощутим переток населения между соседними юртами в пределах волости. На нестабиль-

ность фамильного состава при относительно небольшой численности юрт оказывало существенное влияние расположение Подгородной волости на Мал. и Бол. Оби, где подвижность населения была ощутимой. Необходимо отметить, что уже ко времени 4-й ревизии (1782 г.) здесь числилось несколько распространенных в Ляпинской и Сосьвинской волостях фамилий: Кундин (Кондин) Ноптин (Нобтин), Новьюхов, Лебимков (Лебымов), Курыков, Яуров, Гришкин. По-видимому, целая группа фамилий исчезнувшего из реестровых списков 10-й ревизии Ляпинского (Обского) городка осела в обском междуречье, среди них уже упомянутые Кундин (Кондин) и Новьюхов, а также Нахрачѳев, Носков (Носкин), Кугин и Тушев. От последней фамилии, вероятно, происходит название юрт Тушовых Подгородной и Тушевых Казымской волостей. Фамилия Войтенхов, известная в Сосьвинской волости, совпадает с наименованием ю. Войтинховых. Вероятно, из Ляпинской волости проистекают распространенные в настоящее время на Мал. и Бол. Оби фамилии: Кимлобазов, Рубахов, Гындыбин и пр. (прил. V, табл. 1, 14, 16; прил. VI, табл. 1—2, 4—5, 7).

Казымская волость. За период 1782—1858 гг. фамильный состав изменился незначительно. В Юильском городке (позднее — ю. Вершинские) 4-й ревизией зафиксировано 11 фамилий. Самой многочисленной была фамилия Молданов: 1782 г. — 22 чел. (6 хоз.), 1816 г. — 36 чел. (5 хоз.), 1858 г. — 74 чел. (6 хоз.). Остальные фамилии — Мулеев, Юзин (Азин), Тамгазин, Шамарин, Немасов, Пендыленхов и Пентыхов — представлены одной-двумя семьями. По данным 7-й ревизии, в городке не фиксируются фамилии Сеусев и Вабин, по 10-й — Тамгазин. Хорошо прослеживается момент формирования фамилий: одна семья Немасовых по 10-й ревизии записана Нитовыми; из четырех в разное время зафиксированных родственных фамилий — Мулесев, Ленуев, Юзин (Азин) и Тозин — к 10-й остаются только Тозины; числившийся по 7-й ревизии Михайло Пендыленхов (Пендыхов) в 10-й зарегистрирован как Хансаров; Федор Пентыхов по 7-й ревизии значится под фамилией Пентлахов с указанием «он же Недушкин», в 9-й его потомки записаны Сенгеповыми, в 10-й — Степановыми. Возможно, изначально созвучные Пендыленхов—Пендыхов—Хансаров и Пентыхов—Пентлахов (он же Недушкин)—Степанов — одна и та же фамилия в разной огласовке. Основной клан Пендаховых проживал в Мазьянском городке (прил. IV, табл. 1).

Относительной стабильностью отличается семейный состав Памытского городка (ю. Помутские). По данным 4-й ревизии, зафиксировано 17 семей, в 7-й их остается 14 (исчезают Такуров, Ромхов, Тозин), в 10-й — девять (исчезают Парапов, Мандазин, Ложатков, Степанов, Исаков). Новых семей за указанный период не появляется, одна семья Алековых записана с указанием «он же Хоров». К 1858 г. четко оформился семейный костяк ю. Помутских: Тарлины (120 чел., 13 хоз.), Вандымовы (50 чел., 8 хоз.), Лоземовы (45 чел., 6 хоз.), Вагатовы (26 чел., 3 хоз.), Хоровы (19 чел., 3 хоз.) и Алековы (включая Алековых—Хоровых — 16 чел., 2 хоз.), Хоронзеевы (19 чел., 2 хоз.), Рандымовы (15 чел., 3 хоз.). Одной семьей были представлены только Етлаховы (Етныховы); фамилия совпадает с поздним названием ю. Ванзеватских Подгородной волости — Етлаховы или Ветлаховские (при одноименной протоке) (прил. IV, табл. 2).

Кунларский городок (ю. Хуллорские) имел сравнительно неустойчивый семейный состав. В 1782 г. в городке зафиксировано 16 семей, наиболее многочисленные из них: Ханзин (26 чел., 5 хоз.), Песков (24 чел., 7 хоз.), Тоголмасов (17 чел., 2 хоз.), Игин (16 чел., 4 хоз.). В 1816 г. зарегистрировано 14 семей: исчезают фамилии-односемейки (Туйнов, Сарамхов, Алмадиев, Евтешкин), появляется фамилия Сандин (возможно прочтение Сангин; эта же фамилия встречается в Мазьяновском и Полноватском городках), одна семья Ханзиных записана Григорьевыми. В 1858 г. вновь отмечено 14 семей. В материалах 9-й и 10-й ревизий часто встречаются записи «пропущен» или «в вынужденной отлучке». К исчезнувшим отнесены фамилии Лоптахов, Таменов, Феткин и Сандин. Появляются новые фамилии — Хаймасов и Рандымов (возможно, переселенцы из ю. Помутских, где встречается эта фамилия). Наблюдается процесс выделения дочерних семей: Юрьевы в 7-й ревизии записаны Логиновыми, в 10-й — Логиновыми и Григорьевыми; Игины — Игинными и Захаровыми, Тоголмасовы — Тоголмасовыми и Степановыми, Ивановы — Аманевыми. В середине XIX в. семейный костяк Кунларских юрт составляли Игины—Захаровы (37 чел., 5 хоз.), Сизаровы (26 чел., 6 хоз.), Абатины (25 чел., 4 хоз.), Ханзины (23 чел., 5 хоз.), Песковы (24 чел., 6 хоз.), Тоголмасовы—Степановы (17 чел., 4 хоз.) (прил. IV, табл. 3).

Относительным постоянством отличается семейный состав Амьянского и Кельчиларского (ю. Выргимские) городков. По данным 4-й

ревизии, в Амьянском городке значилось три фамилии: Колчин, Яшкин и Никифоров. В 7-й ревизии Никифоровы записаны Яковлевыми, исчезает фамилия Яшкин; в 10-й ревизии Никифоровы—Яковлевы фигурируют под фамилией Ерныхов, а Колчины зарегистрированы как Каксины с указанием «они же Колчины». В 1782 г. в Кельчилярском городке числилось шесть фамилий, в 1816 и 1858 гг. остается только три (исчезают фамилии, представленные одной семьей, — Никишкин, Бурундуков и Тыгылев). Наблюдается процесс дробления фамилий: по данным 7-й ревизии, от фамилии Тавдавадин отделяется фамилия Леонтьев, по 10-й они записаны как Шаровы. Основные фамилии — Логинов (28 чел., 5 хоз.) и Нехорошков, «он же Тосманов» (14 чел., 1 хоз.) (прил. IV, табл. 4, 5).

Значительным изменениям за период с 1782 по 1858 гг. подвергся фамильный состав Мазьянского городка. По данным 4-й ревизии, отмечено семь фамилий, в 7-й их остается пять (исчезают Ныгылев и Енпожехов). В XIX в. наблюдается процесс складывания фамилий: Константинов распадается на дочерние — Игров, Прокопьев, Гусев; в различных вариациях фиксируются родственные фамилии Ныгылев и Шихлимов. По данным 10-й ревизии, появляется целый ряд новых фамилий: Ростин, Хоронзеев, Инеров, Непомнящий, Тользенев, Антымов. Четыре последних зарегистрированы с указанием, что в предыдущей переписи они были «пропущены». Основная фамилия — Пендахов (44 чел., 4 хоз.) (прил. IV, табл. 6).

Фамильный состав Полноватского (ю. Полноватские) и Ванзеватского (юрты Ванзеватские и Тушевы) городков был относительно стабильным. Из восьми зафиксированных 4-й ревизией в Полноватском городке фамилий к 10-й остается пять. К 1816 г. исчезла фамилия Семенов, к 1858 г. — Ярлин, а также родственные фамилии Лебымов и Махов. Фамильный костяк составляли Гришкины (42 чел., 5 хоз.) и Рязановы (32 чел., 5 хоз.). Немногочисленным, но относительно постоянным было число семей Тубылевых (Тобылев, Тупалев) и Сандиных (Сандрин). По данным 4-й ревизии, по три фамилии числилось в Ванзеватском городке (Самарин, Молданов и Сагырваров) и ю. Тушевых (Юмин, Пентлахов, Нипин). В последующем фамильный состав ю. Ванзеватских остается неизменным (фамилия Нипин по 10-й ревизии записана в огласовке «Дыбин» и «Типин»). Самые многочисленные фамилии городка — Молданов (53 чел., 9 хоз.) и Юмин (18 чел., 5 хоз.) (прил. IV, табл. 7, 8).

В общем фамильный состав Казымской волости можно считать относительно стабильным. Процесс дробления фамилий и их замены менее активен, чем в Куноватской и Обдорской волостях. Наблюдается незначительное перераспределение фамилий между соседними селениями — с р. Бол. Обь в верховья Казыма. Обращает на себя внимание наличие фамилий, распространенных у сосьвинских и ляпинских вогулов — Тасманов, Сенгепов (Сенгепов, Сангопов, Сепов), Сандин (Сандрин), Лебымов, Тобылев (Тубылев, Тупалев), Ныгылев, Сенгин—Сангин (Сангатов), Азин (Тозин), Хоров (Хорин), Алмадиев (Амадиев), Хамзин (Хымзин), Юрьев (прил. V, табл. 1—2, 4, 7; прил. VI, табл. 1—2, 8—9, 12, 14—15). Основной костяк фамилий казымских остяков, сформировавшийся к концу XVIII в., еще более выкристаллизовался к середине XIX в. Наличие большого числа общих для северных остяков (прежде всего Подгородной и Казымской волостей) и сосьвинско-ляпинских вогул имен и фамилий, выявленных по материалам метрических книг, отмечено Э. П. Соколовой [1990: 37, 39].

В целом фамильный состав Обдорской, Куноватской, Подгородной и Казымской волостей был неустойчив. В Казымской, Подгородной и Куноватской волостях, а также южных городках Обдорской волости к концу XVIII в. обнаруживаются сформировавшиеся фамилии, хотя процесс их замены и дробления продолжался до второй половины XIX в. В северных городках Обдорской волости состав фамилий от ревизии к ревизии почти полностью обновлялся — настолько, что лишь составление генеалогических схем дало возможность судить о степени родства между ними. Как справедливо отмечает Э. П. Соколова, «фамилия была чужда обско-угорскому обществу» и появилась «лишь после прихода русских в Сибирь... в результате административно-фискальной и христианизаторской политики царского правительства» [1983: 124—125]. Собственно у северных хантов фамилия — *опрась нэм* и означает 'имя по отцу' (по предкам) (манс. *oparisname* — 'предков имя' [см.: Чернецов 1947: 159]), а у восточных тот же определитель — *пош нэм* переводится как 'имя со спины' или 'заднее имя'. Несмотря на существенные изменения фамильного состава североостяцких волостей, ревизские сказки конца XVIII — середины XIX в. фиксируют момент относительной стабильности угорского общества, когда массовых миграций населения не наблюдается. Тем не менее происходил отток населения в северном и восточном направлениях, особенно из северных городков Обдорской волости и из Сосьвинско-Ляпинского региона.

Примечателен факт совпадения значительного числа фамилий крещеного остяцкого населения Обдорской, Куноватской, Подгородной и Казымской волостей второй половины XIX в. с современными хантыйскими фамилиями, тогда как среди некрещеных остяков и самоедов Обдорской и Куноватской волостей, напротив, большинство фамилий, из-за их патронимической природы, сложно сопоставить с сегодняшними фамилиями и родовыми наименованиями. При соотнесении данных переписей (1782—1858 гг.) и наших полевых материалов устанавливается, что в состав остяцких городков северных волостей входили представители различных родов. По мнению Э. П. Соколовой, об отсутствии рода у обских угров говорит тот факт, что в архивных материалах (ясачных, ревизских и метрических книгах) не фиксируется «ни списков родов, ни их конкретных наименований» [1983: 121]. На наш взгляд, это обусловлено двумя обстоятельствами: 1) воздействием фискальной системы, выбиравшей оптимальный вариант более полного учета податного населения, и 2) массовой христианизацией, сыгравшей заметную роль в образовании фамилий.

Как известно, в одних и тех же, Обдорской и Казымской, волостях остяцкое население учитывалось по городкам (юртам), самодийское — по родам (ватагам). На этом основывается заключение о наличии рода у ненцев и его отсутствии у хантов [см. например: Соколова 1976а; 1976б, 1983]. Не следует, однако, упускать из виду то, что ясачные книги и ревизии преследовали прежде всего фискальные цели, в связи с чем отражали не столько реальную картину, сколько систему взаимоотношений государственных служб и податного туземного населения. Для волостной администрации оказалось удобнее приписывать полуоседлое угорское население к постоянным селениям — городкам («сборным» юртам) и юртам. Посемейные списки давали возможность наиболее тщательного учета всех жителей городков (юрт), облагаемых ясачной и прочими повинностями. При этом принцип учета «ревизской души» по принадлежности к городку и фамилии, введенный по аналогии с русской регистрационной системой, формально заместил собой хантыйскую родовую структуру, которая, тем не менее, в отдельных проявлениях сохранилась до современности (см. главу IV). «Бродячие» самоеды, не имевшие постоянных поселений, подвергались учету гораздо сложнее, переписчики вынуждены были искать приемлемую для обложения социальную единицу. Ненецкий род в этом отношении представлял собой едва ли не

единственную, хотя далеко не столь удобную, как городок и фамилия, форму учета. Не случайно уже во второй половине XIX в. запись ясачного самодийского населения велась по ватагам, представлявшим собой административно выделенные сегменты больших родов. Стремясь к полному охвату ревизиями туземного населения, волостная администрация постоянно сетовала на то, что «значительная часть населения, без ведома местных властей, перекочевывает на продолжительное время не только в другие волости, но и губернии и, не признавая никакой постоянной местной оседлости, остается незамеченною и недоступною для регистрации», а «ватажные старшины, в особенности больших ватаг (ста и более ревизских душ), не знают и половины имен своей ватаги» [НА ТГИАМЭ. № 46: 2—2об.]. За исключением приписки к городкам (и юртам) или родам (и ватагам) запись «кочевого» и «бродячего» населения ничем существенным не отличалась — изначально она велась по именам глав семейств, от которых впоследствии были образованы фамилии. Кстати, учет самодийского населения в составе Куноватской и Ляпинской волостей, при их немногочисленности и досягаемости, также велся по фамилиям.

Роль крещения в формировании фискальной системы видна на примере появления фамилии Салтыковых (р. Мал. Обь). В нее вошли три неродственные группы: *Уйт ёх* — 'Тальниковые' или «Между речек живущие», *Нарты горт ёх* (наименование образовано от названия протоки) и *Вар-ов ёх* — 'Устья запора люди'. О возникновении общей для трех групп фамилии Салтыков рассказывают следующее:

В старые времена в Нарты горт приехал *Русь ики* (русский мужик), у него от хантыйки родился сын. Местный поп прослышал про это и приехал крестить новорожденного. Заодно он собрал жителей трех юрт и заставил их купить русскую фамилию. Попу кто пещца, кто лисицу несет — он за это фамилию дает. Оказалось, что жителям всех трех юрт поп продал одну фамилию — Салтыков.

[С. К. Салтыков, Л. В. Шиянов, Шиян-пугор, р. Мал. Обь, 1991]

Вероятно, в вытеснении фамилией рода имела место не только игра случая, но и преднамеренное игнорирование рода. Православные священнослужители, борясь с родовыми кумирнями и шайтанами, стремились избегать фиксации родовых имен в метрических книгах. При крещении в них записывались лишь имена новорожденных и их отцов, которые впоследствии легли в основу фамилий.

В составе хантыйского населения бывшей Обдорской волости нами выявлено более 25 родов. Крупнейший по численности Обдорский городок включал три рода. Самый большой род назывался *Канась* (*Канащ*) ёх — 'Княжеский народ'. Из известных на сегодняшний день фамилий к нему относились представители собственно княжеской семьи — Тайшины, а также Куйбины, Мазеркины и Тёткины (Обдорские городки). Кроме того, в состав «сборного» княжеского рода входили *Иш лёх* (*Ет лох*) ёх — Ендыревы и Ермаковы (ю. Ендырские), *Лабыт нанг* ёх (или *Ил вал* ёх) — Рускаламовы, Тользины (ю. Лабытнанские) и *Пул авыт* ёх — Алма. К Обдорскому городку были приписаны два пришлых рода: *Пастэр* ёх — 'Народ Пастэр' — Шугановы, Кормяковы, Ильины (ю. Пащерцовы) и *Юган горт* ёх — 'Городка на реке народ' — Тобольчины (ю. Харпюские) (прил. I, табл. 1).

Остальные шесть северных городков представлены, как правило, одним родом. Население Вылпослинского городка составляло род *Выл послан* ёх — 'Люди большой протоки' — Климовы, Тяви, Выжигари и Ходяковы (фамилия не зафиксирована переписями). Воятважский городок известен как род *Осяс* ёх — Макаровы, Тибици, Айхо, Лелет, Лондо, Салло, Хейвы (из перечисленных фамилий в переписях фигурируют только Макаровы). Жители Воксаркова городка составляли род *Охсар юган* ёх — 'Лисьей реки народ' — Выйчины, Сядлины, Таличины, Мугольховы, Пандо (Выйчины в материалах переписей могли проходить как Вачины или Вынзины; имя Пандо встречается в составе фамилии Чечулиных). Из Ворважского городка, по 10-й ревизии, выделались ю. Ворважские, население которых входило в род *Похрын* ёх, — 'Островные' — Хановины и Ядобчевы, и Казымские, одна из фамилий которых — Садо — причисляется к ненецкому роду Негачи. Род Нядынги, по-видимому, составлял костяк Надымского городка. Полуыйский городок был представлен родом *Пул* ёх — 'Реки Полуя народ' — Атаман, Кали, Шеховы, Тохма, Магля (в ревизиях значатся две первые фамилии, в составе которых встречаются имена Магля и Тохма; Шеховы были записаны Игиневыми) (прил. I, табл. 2–7).

Число родов в составе 5 южных городков Обдорской волости колеблется от одного до пяти. В Пелважском городке проживало три рода: *Кунжолон* ёх или *Катра возж* ёх — 'Старого городка народ' — Сибаковы и Сязи, *Паль важен* ёх — 'Городка на возвышенности народ' —

Паильдины, *Собты юган ёх* — 'Реки Собтыеган народ' — Нева. Собский городок Обдорской волости и ю. Собские Куноватской волости представлены родом *Похрын ёх* или *Серас ёх* — 'Островные' или 'Торговый народ' — Тарымовы и Серасховы. В составе Шурышкарского городка зафиксировано пять родов: *Лор вош ёх* — 'Городка на сору народ' — Кельчины, *Махсар ёх* — Максаровы и Бубины, *Пор авыт ёх* — Ямру, Родямовы и Накovy, *Авытты ёх* — Ругины (вошедшие в состав рода *Пит лор ёх* Питларского городка Куноватской волости), *Лох пат горт ёх* или *Шиян пугор ёх* — 'Старика Шияна народ' — Шияновы (упомянутые 10-й ревизией в юртах Вандияских). В Войкарский городок входили три рода: *Ай вош ёх* — 'Маленького городка народ' — Аляба, Ребась, Тынзяновы, *Нёрапса ёх* — 'Неимеющие ничего' — Хунзи, Возиловы (Озеловы), Назаровы, Сюлись, *Везын горт ёх* — Манямовы. Аспукальский городок также включал три рода: *Ас пухлын ёх* — 'Деревни на Оби народ' (или «Обь долбящие») — Тарагупта, Елеси-ны, Конкины, Костины, Пасьмаровы, *Послан ёх* — 'Проточные' — Романовы, Карасимовы и Нензяловы, *Ханты-мужи ёх* — Пастыревы (прил. I, табл. 8—12).

Население Куноватской волости принадлежало более чем к 30 родам. Самый крупный Сынский городок составляли: *Сеня (Щаня) ёх* — 'Реки Сыня народ' — Лонгортовы, Вальгамовы и часть Куртямовых (*чёркан ёх*) и *Послан ёх* — 'Проточные' — другая часть Куртямовых, а также Артанзеевы, Пырысевы, Путорчины, Макаровы, Талигины, Еп-рины, Рохтымовы, Кантеровы, Питласовы, Муркины (фамилия не фиксируется ревизиями). Числившиеся в составе Сынского городка, а затем в юртах Ишварских, Мужинских и Войкарских, Тогачевы относятся к трем разным родам: ишварские Тогачевы вместе с войкарскими Тимкиными и Карасимовыми входят в род *Послан ёх*, мужинские — в род *Ханты-мужи ёх*, анги-гортские — в род *Анжи горт ёх* (4-й ревизией зафиксированы Тогасевы и Тогазиёвы, представлявшие, вероятно, различные роды; позднее они записаны под одной фамилией — Тогачев). Примерно та же ситуация, что в Сынском городке, фиксируется в Куноватском. Здесь группа *Кун авыт ёх* — 'Реки Куноват народ' представлена фамилиями Яркин, Тользин, Новьюхов, Муратов и частью Тояровых, а *Послан ёх* включают другую часть Тояровых, а также Сотруевых, Тоголмачевых, Уксуемых, Толба (прил. II, табл. 1, 1-а, б, в, 2).

В Кушевском городке числятся четыре рода: *Сорт юган ёх* (или *Куш авыт ёх*) — 'Цучьей реки народ' — Русьмиленко, *Ланги вош ёх* — 'Беличьего городка народ' — Нялимовы и Тоболевы, *Шишен горт ёх* или

Шовр мохтын ёх — 'Заячьей протоки народ' — Литва и Пузыланы, *Ош тер горт ёх* — Зерновы (прил. II, табл. 3).

Кееватский городок включал роды: *Кейв авыт ёх* — 'Каменного городка народ' — Сухарины, *Нянь горт ёх* — 'Хлебного городка народ' — Севли, *Тапсы горт ёх* — Нензеловы, *Вуем горт ёх* — 'Утинового городка народ' — Сандрины, *Тохот горт ёх* — Сюртаховы и Лейпожих (последняя фамилия не числится по ревизским спискам, созвучна с фамилией Енпожихов, зафиксированной в Мазьянском городке Казымской волости). Кышгорский городок представлен родами: *Хош горт ёх* — 'Тальниковой деревни народ' — Тырлины, *Утья горт ёх* — 'Утьинской речки народ' — Мошкины, а также тремя родами *Нарты горт ёх*, *Вар-ов ёх* и *Уйт ёх*, записанными под упоминавшейся выше фамилией Салтыков (прил. II, табл. 1-в, г, 4-5).

В Качегатском городке фиксируются два рода: *Ас ов горт ёх* — 'На повороте Оби живущий народ' — Тарасовы и Алемаховы, *Послан ёх* — Шульгины (фамилия не числится в ревизиях). Юрты Мегитнёльские, появившиеся в 10-й ревизии, кроме Тарасовых и Альминых, включали фамилию Чубахов, причисляемую к роду *Нярас горт ёх*. Усасвинский городок состоял из родов: *Тек ёх* или *Хозыц горт ёх* — 'Травяной болтушки деревни народ' — Неттины. Пугырский городок представлен родом *Пырысь горт ёх* — 'Старого поселка народ' — Туевы (прил. II, табл. 6-9).

В Питлорском городке проживали Хартагановы, составлявшие с Ругинными (приписанными к Шурышкарскому городку Обдорской волости) род *Пит лор ёх* — 'Черного (упавшего) сора народ'. Вандиезский городок включал два рода: *Ванды пугор ёх* — 'Наблюдательной деревни народ' — Кондыгины (не фиксируются переписями), Ковшины, Альгамовы, Лораховы, Пронькины, Радионовы и *Похрын ёх (Послан ёх)* — Похрынковы (прил. II, табл. 10-11).

По утвердившемуся среди угроведов мнению, хантам Подгородной и Казымской волостей было свойственно деление на фратрии Мось и Пор⁸. Однако, и в этом регионе можно обнаружить наличие рода, хотя представления о нем более размыты, чем у обдорско-куноватской группы.

⁸ По данным Е. П. Мартыновой, к Мось причисляются Новьюховы, Кугины, Рубаховы, Хандыбины, Аятовы, Туевы (тсгинско-березовская группа), Молдановы, Касины, Себуровы, Ользины, Туполесы (казымская группа). К Пор относятся Иепкины, Неттины, Миляховы, Отшамовы, Выртыпенковы, Явровы, Шоголховы и Новьюховы с р. Вогулка (тсгинско-березовская группа), Азины, Гришкины, Куриковы, Лсельховы, Тарлины, Шадрины (казымская группа) [1998: 115].

Например, у березовско-тутлеймских хантов это уже упоминавшийся род *Пастэр ёх* (ю. Пашерские), а также *Тухлан сир ёх* — ‘Крылатого рода люди’ — Куриковы (ю. Чуильские), *Сюпар ёх* — Себуровы (юрты Чалкины и Тугьянские), *Кирнёлпи ёх* — ‘С коростой на носу’ — Рябчиковы (ю. Вогульские), *Войтил ёх* — Гындышевы (ю. Войтинховы и Пугорские), *Ётла-курт ёх* — ‘Никто не приезжает’ — Яуровы (юрты Войтинховы и Вогульские). Один род, по-видимому, составляли Нахрачёвы (возможно, они числились под фамилией Нобтин из ю. Чалкиных) и Еновы, Носкины и часть Неттиных (юрты Тегинские Куноватской волости и Непкины Подгородной волости). Отмечается родовая связь Новьюховых (ю. Вогульские) и Отшамовых. К одному роду причислялись выходцы с р. Ляпин Рубаховы и Гындыбины (возможно, в ревизиях они проходят под фамилией Кызыбины из ю. Войтинховых).

Большинство родов и фамилий березовских хантов воспринимаются «пришлыми», среди них *Шуиль ёх* — Миляховы (ю. Чалкины), оленоводы Аятовы, Кугины, а также уже упомянутые Явровы, Нахрачёвы и др. (прил. II, табл. 1–9). В. Н. Чернецов причисляет к выходцам из юрт Петкаш с Северной Сосьвы *Сопыр махум* — Себуровых. Гришкины, по его данным, относятся к тунгусам (*тункас махум*), однако их духом покровителем считается сын *Тахт котль ойка* (‘Старик Средней Сосьвы’) [Источники 1987: 239]. А. В. Бауло предполагает, что фамилия Лельхов мансийского происхождения (*лель хоп* — ‘низкая лодка’), хотя ее представители считают себя хантами [2002а: 55].

В публикациях Т. А. Молданова перечисляются старинные, вероятно, вымершие роды казымских хантов: *Турнан союм ёх* — ‘Травянистого ручья народ’ и *Сыхлац ёх* — ‘Торгующий народ’, по преданиям, проживавшее на р. Амня, а также род *Нюхсан сир ёх* — ‘Соболиного рода люди’ с р. Лахсум. Наряду с ними упоминаются хантыйские роды *Тохар ёх* и *Сора ёх*, обитавшие в верховьях рек Сыня и Сосьва. Более того, некоторые родовые группы вполне сопоставимы с сегодняшними фамилиями: *Мусяц ёх* — Юхлымовы и Лозямовы, *Вошан (Вошан) ёх* — Молдановы и Сенгеповы [Молданов 1999: 17–19, 24, 44–46, 74, 98, 124, 128–130].

По нашим полевым материалам, хорошо известны на Казыме *Мусяц ёх* — ‘Реки Мозям народ’ — Лозямов и Григорьев, *Вошан (Вошиц) ёх* — ‘Городка народ’ или *Вут вошан ёх* — ‘Городка в верховьях реки народ’ — Молданов, Максимов, к ним примыкали Сенге-

повы (*Кельси юган ёх*) и Каксипы (*Амня тый ёх*). Родственными называются *Ай хар садам ёх* — 'Маленькой голой горы народ' — Артямов, Волдин и Рандымовы (*Хар курт ёх*), иногда к ним относят Аликовых (*Хышац еган ёх*). Кроме того финсируются *Сёрмыц ёх* — Обатин, Захаров и *Хорт ёх* — Хоров, *Сепы ёх* — Тоголмазов и *Сора ёх* — Песков, *Ёрн ёх* — 'Ненецкий род' — Ерныхов, *Ось (Ощ) олац ёх* — Тарлин, Вагатов, *Похрын ёх* — Вандымов, *Юган ов ёх* — Тасманов, *Пул ов ёх* — Тоголмазов.

Не обращаясь к проблеме складывания родовой системы северных хантов (ее характеристике посвящен отдельный раздел — см. главу IV), отметим, что северохантыйские родовые группы различаются по численности и территории распространения. Небольшие роды, представленные одной фамилией (и даже частью фамилии), обычно проживали на проходных местах по Мал. и Бол. Оби. Крупные родовые группы (например, *Сыня ёх* и *Кун авыт ёх*) охватывали почти половину населения притоков Оби — рек Сыня и Куноват. Обращает на себя внимание повсеместное присутствие родовых групп под названием *Послан ёх* ('Проточный народ'). Особо может быть упомянут род *Канась ёх*, включавший фамилии самых многочисленных Обдорских городков.

Каждый из северных городков Обдорской волости (за исключением Обдорского городка) может быть соотнесен с одним родом, хотя их генетическая монолитность проблематична — в каждом из городков родов выявлено присутствие ненецких компонентов. Высокая подвижность населения северных городков приводила к размыванию и перегруппировке хантыйских родов. К примеру, в устье Оби род *Послан ёх* ('Проточные') более известен под названием *Похрын ёх* — 'Островные'. Две его ветви проживали на р. Сось: Тарымовы и Серасховы — в Собском городке Обдорской волости, Похрынковы — в ю. Собских Куноватской волости. Еще одна часть *Похрын ёх* составляла население Воятважского городка — Хановины и Ядобчевы. По-видимому, происходило постепенное расселение и рассредоточение рода *Похрын ёх*: исчезнувшая на сегодняшний день фамилия Похрынковых обосновалась в устье Оби, что вызвало появление в конце XIX в. юрт Похрынковых на песке Нанги [Патканов 1911: 36; Дунип-Горкавич 1915: 30]; часть оленеводов Серасховых кочевала в районе Байдарацкой губы. Под самодийским влиянием они со временем оформились в различные ветви «ненецкого» рода Поронгуй (подробнее о ненецко-хантыйских связях

см. главу V). Среди населения «южных» городков также существовали довольно многочисленные роды, отдельные ветви которых проживали в различных селениях: например, род *Ас пухлын ёх* был расселен в юртах Нори горт — 'Циновка-деревня' (Тарагупта), Нохор юх горт — 'Кедровая деревня' (Елесины), Анши горт — 'Шиповниковая деревня' (Костины), Яраско горт (Костины), Выл посл горт — 'Большой протоки деревня' (Пасьмаровы).

У хантов Подгородной и Казымской волостей при выраженном фратриальном делении наблюдается процесс «размывания» рода. Особенно это характерно для подвижной и многосоставной тегинско-березовской группы, где представители одного рода были расселены по разным юртам и даже волостям. Например, по полевым данным, Новьюховы проживали в трех поселках: Устрём, Васълор и Юхан-курт; известна эта фамилия и на р. Куноват. А. В. Бауло сообщает, что Новьюховы считаются выходцами с Куновата; на святилище духа-покровителя поселка Курт-аки, наряду с прочими культовыми атрибутами, хранилась сабля, переданная якобы неким куноватским стариком [2002а: 36–37]. По данным 4–10-й ревизий, фамилия Новьюхов фиксируется в юртах Вогульских, Амчуковых, Чалкиных, а позднее — Неримовых (прил. III, табл. 3, 6, 8, 9). Кроме того, Новьюховы числятся в Ляпинском (Обском), Таликовы—Томановы—Новьюховы — в ю. Резимовых Сосьвинской волости, Легасевы—Навьюховы — в Куноватском городке Куноватской волости (прил. II, табл. 2, прил. V, табл. 16; прил. VI, табл. 7). В то же время представители одного рода могли оказаться зафиксированными под разными фамилиями. Например, часть Носкиных была записана под фамилией Неттин, но их представители продолжали считаться «братьями», а с тегинскими Неттинными — «разными родами».

Направления брачных связей

Поскольку метрические книги, учитывавшие «венчанные» браки, не дают полной картины брачных связей северных хантов (71,8 % остяцкого населения Обдорской волости было некрещеным), анализ брачных контактов остяков Обдорской, Куноватской, Подгородной и Казымской волостей проведен по данным ревизских сказок конца XVIII в.

4-я ревизия (1782 г.) зафиксировала в Обдорской волости 500 браков остяков, из которых 418 (83,6 %) внутриволостные и 82 (17,1 %) межволостные. Анализ брачных связей позволяет говорить о существовании

двух групп городков, имевших разные ориентации в выборе брачных партнеров: северная включала Обдорский, Вылпослинский, Воятвужский, Воксарков, Ворважский, Надымский и Полуийский городки; южная объединяла Пелважский, Собский, Шурышкарский, Войкарский и Аспукальский городки. В северной группе процент межволостных браков крайне низок, здесь заключено только 6 (1,6 %) браков с женщинами из других волостей — Ляпинской и Куноватской (причем три из них с самоедками), зато существенна доля браков с ненцами той же, Обдорской, волости — 144 (38,7 %). В семи северных городках картина брачных связей с самоедами выглядит следующим образом: остяки Воксаркова городка заключили 65 % своих браков с самоедками, Обдорского — 43, Надымского — 40, Вылпослинского — 38,8, Ворважского — 20, Воятвужского — 15, Полуийского — 7,4. Во второй половине XVIII в. браки остяков северных городков Обдорской волости были ориентированы преимущественно на север. Население пяти южных городков, напротив, тяготело при выборе брачных партнеров к южным волостям: из 128 заключенных ими браков на межволостные приходилось 76 (59,4 %), при этом основная их часть, 54 (71,0 %) брака, — на Куноватскую волость (см. табл. 2, 3).

Существенную роль в упрочении брачных связей между остяками северных городков и самоедами, с одной стороны, остяками южных городков и соседних волостей, с другой, сыграла массовая христианизация населения Обского Севера. Крещению, как известно, подверглись в первую очередь угры, заселявшие южные районы. Самоеды и большинство обдорских остяков, благодаря кочевому образу жизни, избежали крещения. Как отметил А. В. Головнёв, «христианизация была воспринята самоедами и остяками-оленоводами как обычная война, предполагающая беспощадность и ритуализованные действия по отношению к неверным — нелюдям (между некрещеными и крещеными хантами прервались даже брачные связи)» [1995: 105]. На севере Западной Сибири сложилось языческое единство обдорских остяков и самоедов против крещеных остяков и вогулов, а также их крестителей. Этот факт обусловил столь резкое размежевание в брачных ориентациях севера и юга, что предпочтительнее стало взять жену из иноэтночной среды, чем из «бескосых». Если во второй половине XVIII в. остяцкое население, проживавшее южнее Обдорска, было почти полностью крещено, то среди остяков северных городков зафиксировано всего несколько крещеных семейств: в

1782 г., в Обдорском городке числилось пять крещеных семей (13 муж., 17 жен.), в Полуйском — одна (1 муж.); в 1816 г., в Обдорском городке проживало семь крещеных семей (31 муж., 19 жен.), в Полуйском — одна (2 муж., 3 жен.); в 1858 г. в Обдорском городке значилось три крещеных семьи (25 муж., 27 жен.), в ю. Харпоских — шесть (17 муж., 17 жен.), в ю. Пашерцовых — одна (2 муж., 3 жен.), в Полуйском городке — одна (3 муж. 1 жен.). Большинство крещеных остяков из числа жителей северных городков приходилось на Обдорский городок, в частности на княжескую семью и ее окружение. Не случайно во второй половине XIX в. метрические книги зафиксировали у остяков Обдорской волости только 13 браков: два внутриволостных, десять межволостных и один межнациональный брак [Соколова 1990: 129].

Из 310 браков остяков Куноватской волости, учтенных 4-й ревизией, на межволостные приходится почти половина — 154 (49,7 %), что обусловлено соседством с пятью волостями: Обдорской, Казымской, Ляпинской, Сосьвинской и Подгородной. С Обдорской волостью заключено 70 браков (45,5 %), с Ляпинской — 44 (28,5 %), с Сосьвинской — 17 (11 %), с Подгородной — 12 (7,8 %), с Казымской — 11 (7,2 %) (см. табл. 4, 5). Остяками Куноватской волости заключен только один брак с «закаменными» самоедами. Самоеды той же волости брачевались преимущественно в своей этнической среде — с самоедами «каменной» (с родом Вануйто — 7 браков, с Карачеи — 2) и «закаменной» (4 брака) сторон.

Из общего числа (810) браков остяков Обдорской и Куноватской волостей на долю соседних (Ляпинской, Подгородной, Казымской и Сосьвинской) приходилось 109 (13,5 %), из них 25 (3,1 %) браков заключены остяками Обдорской волости, 84 (10,4 %) — Куноватской⁹. Анализ брачных связей остяков Обдорской и Куноватской волостей в конце XVIII в. позволяет говорить о двух направлениях брачных ориентаций: северном (при существенной доле браков с ненцами), характерном для северных городков Обдорской волости, и южном (преимущественно ляпинско-сосьвинском), свойственном городкам Куноватской волости. Вместе с тем выявляется и внутреннее ядро брачных контактов обдорско-куноватских остяков: жители южных городков Обдорской во-

⁹ Те же тенденции в выборе брачных партнеров остяками Куноватской волости наблюдаются в XIX в. (по данным метрических книг), за исключением несколько большего числа браков, приходящихся на Сосьвинскую волость [Соколова 1990: 98].

лости и северных городков Куноватской волости (Питлорского, Вандиезского, Кышгорского, Кееватского) охотнее вступали в брак друг с другом, чем с другими соседями. Наши данные в целом совпадают с выявленными В. Г. Бабаковым «ареалами второго уровня» — куноватским (с Войкарским и Шурышкарским городками Обдорской волости) и обдорским (занимавшим особое место в системе брачных контактов северных хантов ввиду наличия традиционных связей его населения с тундровыми ненцами) [1973б: 136—138, 141—143, 151].

По данным 4-й ревизии (1782 г.), остяками Подгородной волости заключено 109 браков, из них внутриволостных — 16 (14,7 %), межволостных — 93 (85,3 %). Диапазон брачных связей был широк: с представительницами Казымской волости заключено 29 браков (31,2 % от числа межволостных), Сосьвинской — 26 (28 %), Ляпинской — 15 (16,1 %), Куноватской — 13 (14 %), Кодских городков Самаровского ведомства — 7 (7,5 %), Обдорской — 3 (3,2 %) (см. табл. 6, 7). В целом в Подгородной волости при низком уровне эндогамности обнаруживается явное тяготение брачных ориентаций к соседним, Казымской и Сосьвинской, волостям. В отличие от Обдорской и Куноватской волостей, в Подгородной отмечены брачные контакты с остяками Кодских городков (юрты Вежакарские, Нарыкарские, Проточные, Чемашевский погост)¹⁰.

В Казымской волости, по данным 4-й ревизии, зафиксирован 171 брак, в том числе: внутриволостных 109 (63,7 %), межволостных 62 (36,3 %). Из Подгородной волости было взято 26 женщин (41,9 %), из Сосьвинской — 12 (19,4 %), Ляпинской — 7 (11,2 %), Куноватской — 5 (8,1 %), Обдорской — 1 (1,6 %), Березовского ведомства — 7 (11,2 %), Самаровского — 2 (3,2 %) и Сургутского — 2 (3,2 %) (см. табл. 8, 9). В целом для Казымской волости был характерен высокий уровень эндогамных браков (61,1 %). Межволостные брачные связи остяков среднего и нижнего течения р. Казым имели юго-западную ориентацию и в значительной степени были направлены на соседнюю, Подгородную, волость. Брачные контакты жителей городков верхнего

¹⁰ Характеризуя брачные связи остяков Подгородной волости по материалам метрических книг, З. П. Соколова указала на значительный процент экзогамных браков (с преобладанием брачных союзов с остяками Казымской, Ляпинской и Сосьвинской волостей) и подчеркнула, что данная территория являлась «связующим звеном между нижнеобскими хантами, ляпинскими и сосьвинскими манси и обскими (кодскими) хантами» [1990: 36, 40].

Обдорская волость. Внутриволостные браки остяков в конце XVIII в.

№	Городок	Взято в Обдорскую волость													
		городок													
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	Всего
1	Обдорский	43	21	3	8	7	2	12	1	4	-	3	-	77	181
2	Вылпослинский	21	-	1	-	4	3	-	-	1	-	-	-	19	49
3	Воятважский	4	1	1	5	24	4	-	-	-	-	-	-	3	20
4	Ворважский	7	1	1	9	4	2	-	-	-	-	-	-	6	30
5	Воксарков	1	3	2	3	-	1	4	-	-	-	-	-	26	40
6	Надымский	3	3	-	-	3	2	1	-	-	-	-	-	8	20
7	Полуйский	11	-	-	-	5	-	5	3	-	-	-	-	2	26
8	Пелважский	1	-	-	-	-	-	1	-	3	3	1	-	-	9
9	Собский	3	1	-	-	-	-	1	1	1	4	-	1	1	13
10	Шурышкарский	-	-	-	-	-	-	-	1	1	7	5	2	-	16
11	Войкарский	5	-	-	-	-	-	-	-	1	1	3	-	-	10
12	Аспулакский	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	1	-	4
13	самоеды	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	Всего	99	30	8	25	25	25	24	6	12	16	13	4	142	418

Таблица 3

Обдорская волость. Межволостные браки остяков в конце XVIII в.

№	Волость	Взято в Обдорскую волость													
		городок													
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	Всего
1	Обдорская	99	30	8	25	25	14	24	6	12	16	13	4	142	418
2	Куноватская	2*	-	-	-	-	-	1	7	5	15	14	13	-	57
3	Подгородная	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	2
4	Казымская	-	-	-	-	-	-	-	5	1	-	-	-	-	6
5	Сосьвинская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	7	-	-	11
6	Ляпинская	3**	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	1	-	6
	Всего														500

* Из Куноватской волости в Обдорский городок взяты одна самоедка и одна остячка.

** Из Ляпинской волости в Обдорский городок взяты две самоедки.

Таблица 6

Подгородная волость. Внутриволостные браки остяков в конце XVIII в.

№	о т д а н о и з	Юрты	Взято в Подгородную волость									
			юрты									Всего
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	
1		Тушювы	-	-	1	-	1	-	-	-	-	2
2		Ванзеватские (Етлаховы)	4	1	1	-	1	-	-	-	-	7
3		Чалкины	-	-	-	2	-	-	-	1	-	3
4		Пашерские	-	-	2	-	-	-	-	-	-	2
5		Войтинховы	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6		Неримовы	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1
7		Тагеевские	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
8		Вогульские	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1
9		Амчуковы	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
		Всего	4	1	4	2	2	-	-	3	-	16

Таблица 7

Подгородная волость. Межволостные браки остяков в конце XVIII в.

№	Волость	Взято в Подгородную волость									
		юрты									Всего
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	
1	Обдорская	-	-	-	-	1	-	-	2	-	3
2	Куноватская	2	-	1	2	5	-	-	3	-	13
3	Подгородная	4	-	4	2	3	-	-	3	-	16
4	Казымская	1	8	6	6	3	-	4	-	1	29
5	Сосьвинская	4	1	10	2	-	2	4	3	-	26
6	Ляпинская	1	-	-	1	5	4	2	2	-	15
7	Кодские городки Самаровского ведомства	-	-	3	2	-	1	1	-	-	7
Всего											109

Таблица 8

Казымская волость. Внутриволостные браки остяков в конце XVIII в.

№	о т д а н о и э	Городок	Взято в Казымскую волость										
			городок										Всего
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
1		Юильский	-	11	7	-	14	1	-	-	-	-	20
2		Памытский	3	7	6	2	-	-	-	2	-	-	20
3		Кунларский	3	7	7	1	4	3	3	3	-	-	31
4		Амьянский	-	1	1	-	1	-	1	-	-	-	4
5		Кельчиларский	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	3
6		Мазьянский	3	-	-	1	-	2	1	2	-	-	9
7		Полноватский	-	-	1	1	-	1	1	1	-	-	5
8		Ванзеватский	-	1	3	-	-	5	-	-	-	-	9
9		ю. Выргимские	1	-	-	-	1	3	-	1	-	-	6
10		Полноватский погост	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	2
		Всего	10	28	26	6	8	15	7	9	-	-	109

Таблица 9

Казымская волость. Межволостные браки остяков в конце XVIII в.

№	Волость	Взято в Казымскую волость											
		городок										Всего	
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		
1	Обдорская	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1
2	Куноватская	-	-	2	-	-	1	1	1	-	-	-	5
3	Подгородная	1	3	2	1	-	5	7	7	-	-	-	26
4	Казымская	10	28	26	6	8	15	7	9	-	-	-	109
5	Сосьвинская	-	4	1	-	-	1	4	2	-	-	-	12
6	Ляпинская	2	1	2	-	-	-	1	1	-	-	-	7
7	Самаровское ведомство	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	2
8	Березовское ведомство	2	3	-	1	-	-	1	-	-	-	-	7
9	Сургутское ведомство	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
		Всего										171	

течения реки расширились за счет северного и южного направлений [Касум-Ёх 1993: 20—22]. В отличие от Обдорской и Куноватской волостей, в Казымской отмечены брачные связи с осятками Кодских городков (Атлымский городок, юрты Карымкарские, Нарыкарские, Вежакарские, Проточные) и жителями Сургутского ведомства.

Как видно из приведенных таблиц, городки Обдорской, Куноватской, Подгородной и Казымской волостей не были экзогамны, поскольку состояли, как правило, из нескольких родов. Северные городки Обдорской волости в конце XVIII—XIX вв. включали в свой состав неродственные и даже иноэтнические (ненецкие) компоненты. Южные городки Обдорской и прочих волостей, нередко объединяли несколько родов. Поэтому в них также фиксируется определенное число браков, заключенных внутри городка. Анализ брачных связей северных остяков по данным ревизских сказок и метрических книг позволяет говорить о тесных контактах остяков подгородно-казымско-сосьвинско-ляпинского региона и о некоторой обособленности обдорско-куноватского.

Локальные группы

Определение этнографической и территориальной групп дано Э. П. Соколовой. Этнографические группы — это «крупные группировки, соответствующие большим диалектным группам (с различиями на уровне самостоятельных языков), сложение которых относится к далекому прошлому и связано с родственными, но различающимися между собой культурами. Эти группы расселены на территории крупных административных единиц (уезд), отличаются существенными различиями в культуре, а также самоназванием и заключением браков в своей среде». Территориальными определены группы, «расселенные в бассейнах обских и иртышских притоков, отличающиеся друг от друга языковыми особенностями на уровне говоров и наречий (или диалектов), самоназванием географического характера и некоторым этнографическим своеобразием; их расселение чаще всего совпадает с границами волости, браки по преимуществу заключаются в пределах этих групп. Основным фактором формирования таких территориальных групп обских угров... были, вероятно, удаленность друг от друга и изолированность в речных бассейнах» [Соколова 1973: 123—124]. Обдорская (приуральская), куноватская (шурьшкарская), березовская и казымская территориальные группы входят в состав этнографической группы северных хантов. Од-

нако внутри территориальных групп обнаруживаются и более мелкие сообщества, которые можно назвать локальными или локально-территориальными.

Каждая локальная группа занимала бассейн (часть бассейна) реки (притока Оби) или часть течения Мал. и Бол. Оби, имела самоназвание географического характера и отличались от других языковыми особенностями, отмечаемыми самими местными жителями. Основным фактором формирования таких локальных групп следует считать их компактное расселение, некоторую обособленность в осуществлении хозяйственного цикла и транспортных перемещениях. Контакты населения внутри локальных групп могли основываться на совместном или очередном использовании угодий: так, население р. Войкар на летние рыболовные промыслы выезжало на р. Мал. Обь, в свою очередь жители ближайших юрт Мал. Оби имели на Войкаре угодья для заповного рыболовства. Иными словами, интенсивность общения (хозяйственно-бытового, торгово-обменного, культово-ритуального и т. д.) служила основой формирования локальных групп.

Северные ханты определяют себя как *хантэт* — ‘люди’ (*хантэ-ху* — ‘человек’). Тундровые ненцы именуют их *хаби*, лесные ненцы — *хапы/капи*. В составе обдорско-куноватских хантов выделяются две группы: северная, включавшая угорское население, проживавшее ниже Салехарда (условная граница приходила по рекам Сось и Собтыеган), и южная, охватывавшая территорию Куноватской волости и часть Обдорской — по Бол. и Мал. Оби. Особняком стоят березовская, включавшая угорское население р. Вогулка и прилегающих территорий Мал. и Бол. Оби (Подгородная и часть Казымской волости), и казымская, соотносимая с жителями бассейна р. Казым (большая часть Казымской волости), группы.

Для определения групп широко употребляется традиционная для обских угров терминология относительно течения реки и оси север—юг: *ным шоп хантэт* (‘нижнего течения народ’) или *авус пелек ёх* (‘северной стороны народ’) и *нум шоп хантэт* (‘верхнего течения народ’). В то же время существуют и собственные названия. Представителей северной группы обдорско-куноватских хантов обычно именуют *лаца ёх* (*лацаит*) — ‘в устье Оби живущие люди’ или, отмечая особенности их говора, *молай ёх*. Нередко ханты южной группы называют своих северных соплеменников ненецким словом *хаби* (*хапи, хапы*). В свою

очередь ханты северной группы нарекают южных тем же ненецким прозвищем *хапы* или *нум хапы* — ‘верхние хабы’. Экзотоним «хабы» был распространен среди североугорского населения достаточно широко: остяки р. Лагорта, притока Войкара, именовались *лохорта хабы*; один из притоков р. Сыня носит название *Хабинейеган*; сосвинско-ляпинских манси называли *сыхыти хабы*; представители родовой группы Похронковых (Поронгуй, Серасховы) имели прозвище *сеин хабы* и т. д. Это обстоятельство может служить одним из свидетельств существенного участия ненцев в формировании обдорско-куноватских хантов. Березовскую и казымскую территориальные группы именуют *сумат ёх* (‘города Березова люди’) и *касум ёх* (‘реки Казыма люди’).

В культуре северной группы (жители семи северных городков) обдорско-куноватских хантов особенно заметно ненецкое участие. По словам представителей южной группы, северная резко отличается от них «и по разговору, и по одежде», причем язык «северян» настолько смешан с ненецким, что его трудно понять. По тем же признакам, «разговору и одежде»¹¹, самими нижеобскими хантами среди северной группы обособляются: обдорские (Обдорский городок, юрты Лабытнанские, Харпоские, Ендырские), вылпослинско-халасьпугорские (Вылпослинский и Воятважский городки), оксарковские (Воксарков городок), ворважско-казымские (Ворважский городок и ю. Казымские) и надымские (Надымский городок) ханты. Несколько отличаются от них полуёйские (Полуёйский городок) и пельважско-собские (ю. Пашерцовы, Пелважский и Собский городки и Собские юрты Куноватской волости) ханты. В южной части Обдорской волости выделяются шурышкарско-лопходгортско-вандиязская (Шурышкарский городок и ю. Вандияские Обдорской волости и Вандиезский городок Куноватской волости) и войкарско-унтсельгортско-аспугольская (Войкарский и Аспукальский городки) локальные группы.

В составе Куноватской волости, по нашим полевым материалам, обнаруживается восемь локальных групп: по Бол. Оби — милёксимско-питлярско-параватская (часть населения Шурышкарского городка Обдорской волости и Питлорский городок), хошгортско-утынская (Кышгорский городок), кушеватско-лангивожская (Кушеватский городок), куноватская (Куноватский городок) и шишенговская (приписываемая

¹¹ Локальным особенностям одежды и современного декоративно-прикладного искусства нижеобских хантов посвящены несколько работ А. М. Сязи [1995а; 2000].

то к Куноватскому, то к Кушеватскому городкам); по Мал. Оби — мужевско-киеватская (Кееватский городок), сынская (Сынский городок) и азовско-пословская (Качегатский городок и ю. Мегитнёльские).

Выделявшиеся в составе Куноватской волости тегинские ханты (Усасвинский городок, юрты Тегинские и Пугырские) составляли одну группу с березовско-тутлейским населением (ю. Вогульские Подгородной волости) — не случайно Теги вошли в состав Ханты-Мансийского национального округа, а не Ямало-Ненецкого. По мнению Е. П. Мартыновой, население Подгородной волости в этническом отношении было монолитным и образовывало одну группу березовских хантов [1998: 85].

Ханты Казымской волости подразделялись на приобскую (или усть-казымскую) и собственно казымскую (или верхнеказымскую) группы [Мартынова 1998: 84]. По нашим материалам, выделялись полноватско-ванзеватская (Полноватский, Ванзеватский городки Казымской волости и юрты Тугьянские, Пашерские, Войтинховы, Пугорские Подгородной волости) и казымской (оставшиеся городки Казымской волости) группы. При этом первая тяготела более к тегинско-березовско-тутлейской локальной группе, чем к казымской. Среди хантов казымско-юильской группы нередко обособляются более мелкие локальные подразделения, например юильская (Юильский городок), помутская (Памытский городок), хуллорская (Кунларский городок), амнинская (Амьянский городок), сорумская (Кельчиларский городок) и мазьянская (Мазьянский городок) группы. Вероятно, учитывая территориальный принцип, основывались «сборные юрты», предназначенные «для размещения людей во время положения ясака». А. А. Дунин-Горкавич называет шесть участков и соответственно шесть сборных пунктов: Мазьянский, Выргинский, Хул-Лорский, Амнинский, Ильбигорский и Юильский [1996. Т. II: 238]. В культуре тегинско-березовско-тутлейской и казымской групп особенно заметно сосвинско-ляпинское участие [см.: Соколова 1990: 39–40].

Большую роль для групп, расселенных в бассейнах крупных рек, играло наличие общего культурного комплекса, чаще всего выраженного в культе хозяина или хозяйки реки: *Касум най ими* — у казымских хантов, *Кейв ур ху ики* — у сынских, *Най ими* — у войкарских, братья *Мось ху* — у куповатских хантов, братья *Пул ики* — у полуьских хантов. В ряде случаев единство группы подчеркивалось не наличием общего духа, а мифологическим родством или свойством родовых ду-

хов (такова символика единства иельвожско-собских и казымских хантов). В ряде групп отмечено проведение общих обрядовых церемоний (вылпослинско-халасьпугорская группа).

Трудность выделения комплекса признаков, типичных для всех локальных групп, вызвана разнообразием самих групп: в одних случаях они соответствовали роду (в отдельных северных городках), в других — включали несколько родов (большинство южных городков); одни могли быть относительно изолированными, занимая бассейн одной реки, другие, напротив, быть «открытыми», располагаясь на «проходных» местах (на Оби). Территориальные и локальные группы имели свои названия: *кун авыт ёх* — 'куповатские ханты', *сеня (щаня) ёх* — 'сынские ханты', *пит лор ёх* — 'питлярский народ', *тек ёх* — 'тегинский народ' и др.

Возможно, в прошлом роль центров локальных групп выполняли перечисленные выше городки. Традиция их именования «городками», очевидно, восходит к эпохе средневековья, когда они играли реальную военно-оборонительную роль. «Городок» конца XVIII в. был административной единицей, к которой было приписано ясачное остяцкое (а в ряде случаев и самодийское) население близлежащих юрт и стойбищ. По-видимому, после присоединения Северо-Западной Сибири к Русскому государству их структура была настолько разрушена процессом децентрализации, что они утратили свои основные функции военно-оборонительных, административно-политических, торговых и культово-ритуальных центров [см.: Мартынова 1991а: 62–65]. Вследствие миграций, обусловленных ясачной политикой, христианизацией и демографическим давлением русских и зырян, в XVI — начале XVIII в. происходило значительное смещение угорских локальных групп и формирование новых центров с иными функциями.

* * *

Данные ясачных книг (XVII в.), ревизских сказок (1782–1858 гг.) и переписи 1897 г. свидетельствуют о значительных колебаниях численности остяцкого населения Нижнего Приобья на протяжении XVII–XIX вв. Резкое увеличение демографических показаний по всем волостям, наблюдаемое в конце XVII в., сменяется неравномерностью изменения численности в конце XVIII в. — число остяков северных, Обдорской и Куноватской, волостей продолжает расти, а число жителей южных, Подгородной и Казымской, волостей сокращается. С одной сто-

роны, этот факт мог быть вызван становлением и упрочением российской фискальной системы: выявлением новых, ранее неучтенных, данников и переходом к новой системе регистрации коренных жителей — от учета ясачных плательщиков к переписи всего населения. С другой стороны, период, составляющий почти полтора столетия, был сопряжен с миграциями угорского населения на север и, вероятно, был временем складывания североугорской общности.

В конце XVIII — начале XIX в. происходит дальнейшее возрастание численности остяков Обдорской и Куноватской волостей, наблюдается увеличение числа коренных жителей в Казымской волости, замедляются темпы убывания населения в Подгородной волости. На рубеже XVIII—XIX вв. общая численность остяков Нижнего Приобья достигает максимума. Увеличение демографических показателей, по-видимому, связано с естественным приростом населения и относительной стабилизацией общности северных угров. С середины XIX в. обнаруживается обратная тенденция — уменьшение численности нижеобских остяков Обдорской и Куноватской волостей. Наиболее отчетливо этот процесс проявился в Обдорской волости, что связано с возросшей миграционной подвижностью кочевого населения, приписанного к Обдорской волости, и переходом части кочевых остяков в состав «самоедских» родов. В то же время в Казымской волости число жителей продолжает расти, а в Подгородной волости приостанавливается наблюдаемый с конца XVIII в. процесс убыли остяков. В целом XIX в. характеризуется постепенным сокращением общей численности североостяцкого населения. Несинхронность изменения числа остяков по волостям, прежде всего заметное убывание в Обдорской волости и возрастание в Казымской, может свидетельствовать об оттоке угорского населения в глубинные районы Нижнего Приобья.

Несмотря на существенные изменения семейного состава Обдорской, Куноватской, Подгородной и Казымской волостей, ревизские сказки конца XVIII — середины XIX в. фиксируют момент относительной стабильности угорского общества, когда значительных (массовых) миграций населения не наблюдается. Отток остяцкого населения в северном направлении с середины XIX в., происходивший особенно явно в северных городках Обдорской волости, выразился в изменении их семейного состава, в частности в исчезновении ряда фамилий (нескольких семей одной фамилии). В то же время семейный состав Подгородной, Ка-

зымской, Куноватской волостей и южных городков Обдорской волости отличался относительной устойчивостью, что было связано с завершением формирования «фамилии» среди крещеного остяцкого населения, а также с меньшей мобильностью жителей «юга». К середине XIX в. во многих населенных пунктах Подгородной и Казымской волостей сформировался костяк фамилий, известных на этих территориях по сей день. Обращает на себя внимание наличие уже в XVIII в. большого числа фамилий, совпадающих с фамилиями Сосьвинской и Ляпинской волостей.

Анализ брачных связей остяков Обдорской и Куноватской волостей в конце XVIII в. позволяет определить два направления брачных контактов: северное, характерное для северных городков Обдорской волости, где наблюдается большой процент браков, заключаемых с ненцами, и южное, свойственное городкам Куноватской волости, с преимущественными браками с южными (ляпинско-сосьвинскими) соплеменниками. Значительную роль в резком размежевании в брачных ориентациях «севера» и «юга» сыграла массовая христианизация населения Обского Севера. Выявляется и внутреннее «ядро» брачных контактов — пространство южных городков Обдорской волости и северных городков Куноватской волости. Диапазон брачных связей остяков Подгородной и Казымской волостей был более широк благодаря их «открытому» положению. При низком уровне эндогамных браков в Подгородной волости и, напротив, очень высоком в Казымской волости, наблюдается взаимное тяготение брачных ориентаций, а также наличие постоянных брачных связей с соседними, Сосьвинской и Ляпинской, волостями.

Этнографическая группа северных хантов неоднородна, в ней достаточно явно обособляются обдорско-куноватское и березовско-казымское сообщества. В составе обдорско-куноватских хантов выделяются: северная группа, включавшая угорское население ниже Обдорска (*лаца ёх* или *хаби*), и южная группа, охватывавшая территорию Куноватской и частично Обдорской волостей — по Бол. и Мал. Оби. В этническом составе северной группы, включавшей население семи северных городков Обдорской волости, особенно заметно ненецкое участие, южной (сынских, куноватских, и особенно азовско-пословских хантов) — сосьвинско-ляпинское.

Березовско-казымское сообщество объединяет березовскую (*сумат ёх*), включая тегинских, тутлеймских и полноватских хантов, и казымскую (*касум юган ёх*) территориальные группы. Сосьвинско-ляпинское участие в этих территориальных группах было настолько велико, что сами

ханты отмечают более тесное культурное сходство с западными соседями (*охаль*), чем со своими северными соплеменниками. По общему мнению угроvedов, березовская и казымская группа сформировались на протяжении XVIII—XIX вв. при активном участии северных манси [см.: Соколова 1977, 1986, 1990: 36—40, 69—70; Бауло 2002а: 5—6]. Об этом свидетельствуют не только проанализированные архивные материалы, но и лингвистические, антропологические и фольклорные данные. Близость языка сосвинско-ляпинских вогул и остяков была подмечена еще Н. А. Абрамовым [1857б: 332]. В то же время многие исследователи свидетельствовали, что население юрт по Мал. и Бол. Оби и на р. Вогулка (Подгородная волость) было смешанным. Проживавшие в них остяки и вогулы понимали оба языка, а определить их этническую принадлежность порой не представлялось возможным [Миллер 1937: 284; Сибирь XVIII в. 1996: 231—232; Папай 1995: 198; Руденко 1913: 30; Источники 1987: 213, 215, 239]. В настоящее время на р. Сев. Сосьва и Ляпин хантыйский язык используется как «сакральный» [см.: Ромбандеева 1991: 101—102], то же самое можно сказать относительно мансийского языка на р. Казым. Антропологи подчеркивают единство физического типа северных хантов и северных манси [Давыдова 1989: 166—167]. Заметное мансийское участие в формировании березовской и казымской групп хантов проявляется и в религиозно-культурной сфере [см.: Соколова 1971а; Бауло 2000, 2002а].

На основании полевых материалов нами выявлены локальные и родовые группы нижеобских хантов, которые заметно различаются по численности и территории расселения. Северные городки Обдорской волости, как правило, представлены одним родом, хотя включали в свой состав неродственные и даже иноэтничные (ненецкие) компоненты. Крупные родовые группы (например *Сеня ёх* и *Кун авыт ёх*) охватывали почти половину населения притоков Оби — рек Сыня и Куноват. Обращает внимание практически повсеместное присутствие родовых групп под названием *Послан ёх* ('Проточный народ'). Небольшие роды, представленные одной фамилией (или даже частью фамилии), были сконцентрированы на Мал. и Бол. Оби.

Глава IV

РОДСТВО И ЭТНИЧНОСТЬ

Пестрота этнической картины, вызванная миграциями в Нижнее Приобье различных по характеру и происхождению угорских групп, сказалась на внутренней социальной структуре северохантыйской общности. В значительной степени эти процессы нашли отражение в системе брачно-родственных связей, сущность которой заключалась в регламентации взаимоотношений между «своими» и «чужими», старожилами и мигрантами. Вместе с тем, родственные и подобные им микросоциальные взаимодействия заключали в себе все те явления, которые на макроуровне составляли «ткань» этнической истории всех северных хантов. Иными словами, из истории отдельных родов складывалась история народа.

Понятие рода не имеет общепринятого определения в этнографии, в том числе североведении. Попытки сформулировать его всякий раз наталкивались на множественность версий и переходных вариаций, вызывая появление все большего числа терминов (клан, линидж, патрилинидж, матрилинидж, рэмедж, патронимия, родовая община и т. д.) для обозначения специфических характеристик родственных групп. Л. Г. Морган представлял род как «совокупность кровных родственников, происходящих от одного общего предка, отличающихся особым родовым именем и связанных узами крови» [1934: 38]. В свое время, подводя итоги дискуссий о «роде», М. О. Косвен отметил, что «в результате всех существующих попыток дать определение рода остается единственно правильным и адекватным» атрибутирование его как «совокупности всех родственников, ведущих происхождение от общего предка» [1963: 119]. Б. О. Долгих подразумевал под родом «экзогамную группу родственников эпохи родо-племенного строя, верящих в общее свое происхождение, имеющих свое название и связанных обычно рядом прав, обязанностей и традиций» [1964: 1–2]. Основными признаками рода у обских угров В. Н. Чернецов называет родовую экзогамию, самоназвание (ро-

довое имя), веру в единство происхождения от общего предка, наличие фонда личных имен, родовых кладбищ и кровной мести [1947]. З. П. Соколова обнаруживает в социальной организации хантов и манси «отсутствие локализованного рода», предпочитая употреблять понятие «генеалогическая группа» [1983; 1991].

Примечательно, что определение рода не дано и в «Своде этнографических понятий и терминов», а в разделе «Организация родовая» о роде говорится как об унилинейной и экзогамной ячейке, субъекте коллективной собственности на землю, организации материальной взаимопомощи и физической взаимозащиты, которая могла иметь своих предводителей, адаптировала в свой состав новых членов, обладала развитым родовым культом, а также выраженным сознанием родовой принадлежности, находившим отражение в общем самоназвании [Социально-экономические 1986: 121—123]. Не пытаясь в очередной раз дать определение столь многоликому общественному явлению и не вдаваясь в полемику о сущности и времени существования рода у обских угров, отметим, что правильнее исходить не из дефиниции рода как социального института, а из категории «родства», причем использовать те реальные значения родства, которые существуют в культуре северных хантов. Ниже мы употребляем термин «род» не столько как «научную категорию», сколько в значении, которое придавал ему В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» [1991. Т. IV: 9—12, 101]. Не претендуя на всеобъемлющее исследование социальной и родовой структуры, мы охарактеризуем различные родственные группы или, точнее, варианты «родства» нижеобских хантов в ракурсе изучения этнических процессов. Выявление их на «микроуровне» помогает установить конкретные обстоятельства, мотивы, последствия взаимодействий одних родственных групп с другими. Рассматривая эти «внутренние» этнические процессы, остановимся на том, что представляли собой различные родственные группы, и как происходило их взаимодействие с соседними, пришлыми и иноэтническими сообществами.

«Люди одного очага»

У нижеобских хантов есть понятие *и рат ёх* (*рат*) — ‘люди одного очага’ (*акв рат* — манс. [см.: Источники 1987: 151]). *Рат* включает кровных родственников, ведущих происхождение от одного корня

(предка), или, как говорят ханты, *и хотэл*, — ‘из одного дома’¹. Связанные друг с другом *рат*, как правило, образуют род. К примеру, род *Серас ёх* (или *Похрын ёх*) включает три *рат*: *Тавы пухлэн ёх* — ‘Весеннего поселка народ’ (Серасховы), *Сус пухлэн ёх* — ‘Осеннего поселка народ’ (Серасхавы) и *Супь ёх* — ‘Собский народ’ (Тарымовы).

В словаре Н. И. Терёшкина *rat* переводится как «очаг, место в первобытном жилище, где разводили и поддерживали огонь» [1981: 399]. Северные ханты очаг называют *тут хар* — ‘домашнего огня место’, *рат* же означает очажный лист, на котором разводили огонь. По представлениям нижеобских хантов, «людей одного очага» объединял домашний огонь, считавшийся у кровных родственников общим. Огонь в очаге мог сообщить о скором прибытии родовичей попискиванием или о смерти одного из них — сильным треском; как поясняют ханты, «это огонь родственника вперед него приходит» [Кулемзин, Лукина 1978: 185]. Члены одного *рат* могут по традиции передавать очажный огонь друг другу, и, приходя в гости, «кормить» его, подбрасывая дрова. В чужой *рат* огонь не давали.

Еще более отчетливая символика родства свойственна представлениям о *емын рат* — ‘священном огне’, к которому запрещалось прирагиваться кому-либо, кроме самых ближайших родственников. К очагу войкарких хантов Севли, чей огонь считался священным, «чужим» нельзя было даже близко садиться. Если «чужой» разведет в таком очаге огонь, у него непременно опухнут руки. Пепел из *емын рат* не должен падать на пол, чтобы на него никто не наступал. В священный огонь-очаг нельзя плевать, бросать мусор, в нем нельзя печь шишки, так как он «должен оставаться чистым». По рассказам очевидцев, из *емын рат* в домах Севли выходили «корявые» желтоватого цвета ящерицы. Вероятно, священный огонь, ассоциировавшийся с первоочагом, прежде имел каждый род (известно, что таковой хранили Севли, Ребась, Серасховы и др.). Ханты говорят, что *емын рат* — «это звезда с неба в землю заходит; когда стемнеет, она вниз спускается, будто глаз».

¹ Н. М. Талигина приводит ряд выражений, определяющих кровно-родовые отношения хантов р. Сыня: *и ратц хоятат* — ‘люди одного очага’, *и хоят хоятат* — ‘люди из одного дома’, *ма ши тыхлтэл хоят* — ‘я человек из такого-то гнезда’ [1998: 21]. Ханты р. Казым говорят *и хотан ёх* — ‘люди одного дома’, т. е. проживающие в одном жилище кровные родственники. Многие обряды священной ночи медвежьего праздника выполнялись исключительно мужчинами «одного дома» — ближайшими родственниками удачливого охотника; участие посторонних лиц, а тем более женщин и детей, запрещалось [Молданов 1999: 60, 125].

Возможно, сопоставление *емын рат* со звездой относится к мифоритуальному комплексу, символизирующему неразрывную связь живущих и умерших родственников. По представлениям восточных хантов, «звезды — это свесившиеся с неба корни деревьев» или «обитающие вверху души тех умерших людей, которые вели праведный образ жизни» [Кулемзин, Лукина 1977: 122]. Под корнями-звездами, уходящими через *рат* в землю, живут души умерших предков — яйцерицы, жучки, шмели (у восточных хантов о звездном небе бытует загадка: «На потолке — шкура, облепленная шмелями» [Кулемзин, Лукина 1978: 184]). На звезды — небесные души предков — не полагалось смотреть сквозь дымовое отверстие чума. Северные ханты считают, что на небе имеется *Торум хот ув* — ‘дверь дома Торума’ — белое пятно, которое редко кто может разглядеть, но «если увидишь, как дверь дома открывается, необходимо пожелать себе и своим родственникам хорошей жизни».

Сложный комплекс представлений об огне-родстве *рат* у северных хантов основывается на идее единства и взаимосвязи живущих и умерших родовичей. У сургутских хантов родство того же порядка, что и *рат*, обозначается как *пык'т* — ‘порода’. А. В. Головнёв определяет его как «вертикальное» (межпоколенное) родство, охватывающее и живых, и мертвых родственников, где *ый пык'т* — «люди одного поколения, похороненные на одном кладбище» [1991: 206]. Не случайно *пык'т* иногда переводят как ‘потусторонняя родня’, имея в виду умерших родственников, находящихся «по другую сторону очага».

В. Н. Чернецов, считая одним из признаков рода наличие родовых кладбищ, отмечал, что «покойники, лежащие на кладбище, продолжали быть частью рода, вторжение на это кладбище живого или мертвого чужеродца было недопустимо». Души предков «держатся за родовые связи и стремятся даже следовать за родом в случае переселения его на другое место» [1947: 178; 1959: 123]. На родовых кладбищах нижеобских хантов у каждого *рат*, чьи могилы располагались «чуть в стороне» друг от друга, было отдельное костровое место. У небольших по численности родов могилы радиально или рядами выстраивались вокруг одного кострища. При посещении кладбища (поминки, похороны) старейший разводил костер и приглашал к огню всех умерших членов *рат* — стучал по могиле каждого родственника. Сопричастность пришедшего на кладбище к родовому костру выражалось в «кормлении» огня. По наблюдениям Е. И. Ромбандеевой, «пока находятся на кладбище, каждый, даже

ребенок, должен бросить в костер хотя бы по одной палочке. Без этого нельзя побывать на кладбище — не почтительно». Особо внимательно относятся к сохраняющемуся в доме в течение 4—5 или 40—50 дней «огню покойного». Погасший огонь оплакивают «как и самого умершего». Соседи, услышав плач, говорят: «Погас его огонь» и идут «разделить горе этих людей» [Ромбандеева 1991: 86].

На святилищах общий огонь являлся свидетельством родства участников ритуала, даже если они принадлежали к различным *рат*. В этом случае общий огонь означал единство «корня» собравшихся *рат*. Например, фамилии питлярских хантов Наков, Ямру и Родямов, представляющие собой отдельные *рат*, считаются связанными единым происхождением и относятся к роду *Пор авыт ёх*. На общем родовом святилище каждый из этих *рат* имел свою священную нарту, но огонь при жертвоприношениях они разводили общий. Примечательно, что и образ их родового духа *Нанк ики* ('Старика-лиственницы') выражает ту же идею связи трех *рат* единым корнем. По легенде, *Нанк ики* во время потопа выбрался на берег из водоворота и сказал: «*Ма нэм Пора*» (Мое имя Пора). С тех пор юрты, что находятся напротив этого места, стали называть Параватом, а в их центре выросла священная лиственница — *Патан Нанк ики* (*патан* — 'ветвистое от определенного места' или 'обрубленное' дерево). Корень у лиственницы один, а от ее середины расходятся три ствола, которые считаются «ветвями» *Наковых*, *Ямру* и *Родямовых*. В старое время у священной лиственницы устраивались общие жертвоприношения, при этом каждый *рат* украшал дарами свою ветвь.

В пределах одного очага-*рат* — вертикального (межпоколенного) родственного круга — осуществлялся и обряд *ляксыс* (*ляksam*), означавший передачу душ умерших предков новому поколению. Этимологию термина *ляксыс* выявить достаточно сложно. Нижнеобские ханты переводят *ляksam* как 'воскресать' или 'присваивать'. Н. М. Талигина дает буквальный перевод — *ляksam* — 'плюнутый, плюнувший' (*Хойтен нох ляккас* — 'Кто вверх вернулся?', *Хойтен ехи ехтас?* — 'Кто домой вернулся?', *Хойтен нох ялпилас?* — 'Кто вверх ожил (обновился, вернулся из того мира)?') [1998: 47]. По данным В. Н. Чернецова, глагол *l'axtxati* представляет собой возвратный вид от глагола *l'axti* «схватить» и означает «вцепиться, схватиться за что-нибудь» [1959: 140]. Ритуал определения вселяющейся души умершего предка в новорож-

денного описан В. Н. Чернецовым у обских и сосьвинских манси (*лях-тхати*), Е. И. Ромбандеевой у сыгвинских манси (*ляхтхатунк-ве* — 'встретиться друг с другом', *ляхтхаты* — 'стукнуться'), З. П. Соколовой у куноватских хантов (*хоя лыксыс*) [Чернецов 1947: 171, 1959: 140; Источники 1987: 157—158; Ромбандеева 1991: 76, 88, 1993: 99; Соколова 1975б: 48—49].

Обряд *ляксыс* у северных хантов проводился сразу после возвращения матери и младенца из дома роженицы. *Альтем анки* ('носящая мать') ставила люльку с ребенком к очагу, а затем, положив под колыбель топор или нож, приподнимала ее, мысленно называя имена умерших родственников. В том случае, если люлька «прилипала»² («цеплялась», «хваталась»), считалось, что душа этого предка «просится вселиться» в тело новорожденного. На Сыне определяли *ляksam*, гадая на *иттарма* [Талигина 1995: 139—140]. В том случае, если «воскресающая душа» определялась неверно, ребенок плакал, и следовало провести повторный обряд «хватания» души. «Если ребенок сильно плачет — это умершие между собой спорят», — говорят северные ханты. Иногда покойники так «сильно воюют» за обладание телом младенца, что на лице новорожденного появляются царапины.

Случается, что в младенца пытается вселиться душа еще живого человека, которому суждено вскоре умереть:

У Юры Тохма родился сын. Когда стали гадать, кто из родственников душу младенца возьмет, долго не могли определить имя. Мальчик тем временем не переставая плакал. И после обряда он продолжал плакать. Решили повторно искать ему имя. Подошло имя старика, дяди Юры, который недавно сгорел в своем доме. Когда обряд проводили в первый раз, о смерти старца еще не было известно, однако его душа, предчувствуя гибель, уже ушла из тела и просилась вселиться в новорожденного Юриного сына. Во время первого обряда имя деда не вспоминали, поскольку считали живым. Его имя нашло ребенка только при повторном обряде. Когда не могут найти, кто из умерших берет ребенка, называют имена еще живых стариков, и если люлька прилипает, значит, старик вскоре умрет, так как душа его уже покинула.

[Н. П. Худи, Зеленый Яр, р. Полуи, 1994]

² На Казыме во время гадания на сакральных предметах (например медвежьей голове) для обозначения положительного результата использовался термин *ил ханл / ханлат* — 'прилипает', 'тяжелеет' [см.: Молданов 1999: 121, 126].

Предполагается, что каждый член рода должен возродиться 4–5 раз (соответственно числу женских и мужских душ) в новых поколениях [подробнее см.: Перевалова 1992; Golovnev 1994]. Р. А. Еприна (Хартаганова), рассказывая мне об обряде *ляксыс*, говорила: «У меня теперь пять мужей, потому что мой старик уже пять раз *ляксыс*». В повседневной жизни к унаследовавшему душу ребенку обращались как к предку, называя его «нереальным» термином родства [Чернецов 1959: 140], при этом соблюдались все обряды (избегания и пр.), соответствующие былому статусу покойного. «В быту часто можно услышать разговор о том, что тот или иной человек растит своего отца, мать...» [Молданов, Молданова 2000: 38]. «Вместе с *ляксыс* ребенок приобретает вторую семью, второй круг близких родственников» и социальный статус, в котором некогда находился умерший [Талигина 1995: 140; 1998: 47]. Признается, что ребенок не только похож на своего предшественника внешне, но и во многом повторяет его судьбу. У ляпинских манси дети, оказавшиеся «продолжателями жизни» одного и того же человека, воспринимались как «слившиеся в одно целое», они могли не только «походить на умершего внешне и по поступкам своим, а иногда и болеть всеми его болезнями». В то же время считалось, что жизнь-душа «не перейдет к младенцу, не продлится», если положить покойного в могилу вниз лицом [Ромбандеева 1991: 82, 88–89].

С обрядом *ляксыс* ханты связывают наречение новорожденного именем, так как «вместе с душой предка ребенок получает и его имя» [Чернецов 1947: 171, 1959: 140–141; Соколова 1975б: 48]. Обские ханты (ю. Посл-горт) переводят *ляксепталя* как 'именоваться'. В каждом *рат* существовал определенный набор предковых (наследственных) имен, передававшихся из поколения в поколение. Членами *рат* считаются *яха ляксыс* ('вместе воскресающие'). Так, «воскресают» члены фамилий, входящих в один *рат*: Озелов и Возелов, Сибарев и Сязи. По-видимому, об этих именах Ф. Белявский писал: «Каждый род или поколение имеет свои собственные имена, даваемые по назначению родных или в память покойных: присвоение же имени из чужого рода без согласия считается величайшею обидою, и дело оканчивается не иначе, как дракой» [1833: 123].

В связи с обрядом «воскресания» души Е. И. Ромбандеева упоминает и об определении духа-покровителя для новорожденного: «после того, как ребенка принесли в дом, один из духов-покровителей берет его под свою защиту» [1993: 99]. У нижнеобских хантов принадлежность

младенца к *лолду* называется тем же термином — *ляksam*. Нахождение духа, покровительствующего душе новорожденного, возлагалось на шаманов или «знающих бабушек». В Тегях обряд определения личного духа-покровителя (*лавлты отэм* — ‘меня берущий’) воспринимался как «взятие головы» (*охл вуса*) [Лапина 1998: 57, 104].

Душа ребенка могла «воскреснуть» под опекой общехантыйских божеств (*Калтац ими*, *Урт ики*), но чаще ее охрана возлагалась на родовых духов-*лолдов*. Если рождался ребенок среди *Кун авыт ёх* (*мось ёх*), определяли, к которому из трех братьев-*мось* (*Ун мось ху*, *Кутоп мось ху* или *Ай мось ху*) «цеплялась» душа младенца. Соответственно, в священную нарту одного из братьев-духов укладывались миниатюрные лук и стрела (при рождении мальчика) или игольница и наперсток (при рождении девочки). На Казыме по велению «сереброволосой» богини-прародительницы *Калтац*, отмеряющей срок жизни каждому человеку (наносящей «на камне священную зарубку»), первая родившаяся в семье девочка имела духом-покровителем саму *Калтац*, вторая — *Касум най ими* (‘Казыма великую женщину’), третья — *Ар хотан ими* (‘Многих домов женщину’). Мальчикам назначали *Ас тый ики* (‘Верховьев Оби старика’, он же *Мир вантты ху* — ‘Мир осматривающий дух’), *Ем воз ики* (‘Священного города старика’), *Вэйт ики* (‘Мужчину из Войтехово’). Как наставление звучит песня *Калтац* на медвежьем празднике:

Первую дочь имеющие женщины,
Начало косы славной
Мне завяжите!
Мир с тысячами *най* сотворившей великой *най*,
Мне завяжите!
Вторую дочь имеющие многочисленные женщины,
Второй дочери славные волосы
В облике священного соболя великой *най*
У Порога Священного Камня великой *най*
Матери вы завяжите!
Третью дочь имеющие женщины,
Третьей дочери славные волосы
Семь домов охраняющей великой *най*
Шесть домов охраняющей великой *най*
Ей завяжите!
Первого сына родившие многочисленные женщины,
Первого сына славный узел волос

Верховьев обильной Оби великому царю
Ему завяжите!

Второго сына родившие многочисленные женщины,
Вэрт'у, в облике когтистого в шубе,
Вэрт'у, в облике клыкастого в шубе
Ему завяжите!

Третьего сына родившие женщины,
Середины обильной Вэйт, старшему *вэрт'у*,
Середины рыбной Вэйт, старшему *вэрт'у*,
Вэрт'у, в облике осенним ветром обдуваемой чайки,
Вэрт'у, в облике весенним ветром обдуваемой чайки,
Ему завяжите!

Птенчики, милые птенчики,
Напуганные, разъясняющие многочисленные слова
Вам пропела!

[Молданов, Молданова 2000: 43, 47–48]

Человек, связанный «родством-воскрешением» с определенным духом-*лодх*ом, исполнял все обрядовые установки и запреты по отношению к нему с особой тщательностью. Считалось, что ребенок наследует «личные качества» и «характер» духа. Например, девочки, «посвященные» *Касум най ими*, были своенравными, воинственными и неуживчивыми. О таких говорили: «Там, где они пройдут, новая дорога образуется», «до конца дойдут, все разнесут». «Ненавязчивая коррекция» черт характера в детстве приводила к склонности и даже стремлению взрослого человека обнаруживать в себе некую «психологическую идентичность» с божеством [Молданов, Молданова 2000: 7–11].

«Единство разных»

Несколько очагов-*рат* образовывали родственное объединение, в основе которого лежали представления о единстве происхождения, общем культе и запрете взаимных браков. Такое родственное сообщество называлось *сир* (*сыр*), что обычно переводится как «род» [см.: Терёшкин 1981: 430]. Распространенное у обских манси и хантов понятие *sir* В. Н. Чернецов также определял как «род» (например в выражении *tui sir xo* — «какого рода человек») [1939: 20]. *Сир* восточных хантов В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина переводят как «доля» или «часть» [1976: 236].

По нашим полевым данным, в толковании хантами понятия *сир* (*сыр*), помимо общепринятого значения «род», обнаруживаются приме-

чательные оттенки. Э. Н. Лозьямова переводит *сыр* как 'родство', а *сир* (*щир*) как 'подобие'. По словам Т. Е. Серасхова, «когда, говоря о роде, добавляешь *сир*, вроде как сказочнее получается». Сургутские ханты характеризуют род-*сир* как 'один выводок'. Примерно в том же значении сынские и шурышкарские ханты используют выражения *и сир рут* ('одна порода') или *и пугот* ('одна стая'). Людей одного рода северные ханты называют *и сир*, часто добавляя русское по происхождению слово *рут*³. При этом *рут* (*рот, род*) дополняет выражение значением «русский род» (кровные родственники одной фамилии), тогда как понятие *сир* содержит в себе смысл 'одинаковости' или 'единства разных'. Таким образом, собственно термин *сир* может трактоваться как «общность», «соединенность».

Люди одного *сир* (*сыр*) считаются кровными родственниками и называют друг друга «братьями» и «сестрами». Как женщины, так и мужчины выполняют обряды избегания. Принадлежность лиц, вступающих в брак, к определенному *сир* имела решающее значение при выборе брачного партнера. Браки между членами фамилий, входящих в одну родовую группу *сир*, были запрещены. Брачующихся в одном *сир* называли *сырли* — 'безродный', 'не признающий родства'. По сообщениям нижеобских хантов, подобная брачная связь считалась самым тяжким грехом и грозила всему роду вымиранием, поскольку «у людей одного *сир* одна кровь», и «дети от таких браков рождаются уродами». До настоящего времени такие браки встречаются крайне редко, причем старики решительно заявляют об обреченности «греховных семей». По данным В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной, восточные ханты видят смысл деления на *сир* «в необходимости регулирования системы заключения браков» и отмечают, что еще до недавнего времени 80 % браков заключалось с учетом норм родовой экзогамии [1976: 237].

Исследователи прошлого века сообщают о существовании строгой родовой экзогамии у северных хантов. В «Описании Тобольского наместничества» говорится: «При бракосочетаниях некрещеные, как остяки, так и самоедцы, почитают родство, в мужском своем поколении никогда жен не берут, а берут в других поколениях», «остяки у самоедцов, а самоедцы у остяков». «Женский пол имян не имеют», мужья именуют

³ И. Хэнкель отмечал, что «для внешнего мира» остяками и вогулами использовалось русское выражение *рут род* ('род', 'родство', 'вид'), настоящее название рода или клана — *сир* (кроме того, *сир* имеет значения 'способ', 'качество', 'обычай', 'нравы'). Древняя структура клана сохранилась, хотя «держится в тайне от чужих» [2001:12–16].

«только женою, а посторонние называют по роду, из какого взята» [1982: 31–32]. В. Ф. Зуев указывает: «У сстяков за грех почитается взять себе в жены из того же рода, коего фамилию сам прозывается, которая по мужчинам у их считается, а не по женщинам, а если женщина вышла замуж в другой род, родила дочь, а в первом роде родился парень, то уже законные супружники, и так не касаясь до племени своей фамилии, выбирает себе невесту из другого роду» [1947: 60]. По словам Ф. Белявского, невеста «должна быть совершенных лет и от другого рода — на родной же, даже и дальней, дикари ни за что не женятся» [1833: 118]. То же об обдорских хантах говорит В. В. Барте-нев: «В своих брачных и наследственных обычаях остяки строго придерживаются гентильного родства. Родство определяется принадлежностью к роду... Браки возможны только между членами различных родов. Эндогамические браки не допускаются... Обычай не признает только тех браков, которые совершены были между членами одного и того же рода, хотя за давностью лет родственные отношения членов рода уже определены быть не могут» [1896: 96–98].

Фамилии, входящие в одну социально-эзогоамную группу *сир*, воспринимались у нижеобских хантов как и *лоцх ёх* (*хоят*) — ‘людьми одного божества’ (манс. — *акв опарищ* [см.: Источники 1987: 151]), поклонялись одному духу и имели общее святилище. Словами М. А. Каст-рена, «кроме родства лица одного рода связываются общим идолослужением. Каждый род имеет издревле своих собственных кумиров, кото-рые часто хранятся и чествуются всем родом, жертвами и другими обря-дами, в особой юрте» [1860: 185]. В. Н. Чернецов указывает, что одним из признаков обско-угорского рода «следует считать веру в общего предка, являющуюся как бы идеологическим объяснением сознания кровного родства членами рода, и родовой культ этого общего предка» [1947: 171]. Так, духом-*лоцхом* рода *Ай вош ёх* является *Най ими* (у войкарских хантов *най* означает — ‘солнце’, ‘огонь’; этот же термин используется как обращение к пожилым уважаемым женщинам). Она почиталась как хозяйка р. Войкар, другое ее имя *Юган ими* — ‘Реки-женщина’. Хра-нителями *Най ими* были Тынзяновы, но с вымиранием их фамилии это право перешло к Аляба. Изображение *Най ими*, одетой по-женски в *сах*, старинный платок с кистями, серьги, бусы, имеет внутри «сердце» — *лабыт тель* (семь халатиков из черной ткани). Ее святилище *Тут юх пай* (‘Огненного дерева возвышенность’) находилось в вершине р. Вой-

кар. *Дух-лодх* рода *Нёрапса ёх* — *Курык ики* ('Орел-старик'). Его хранителями считаются Озеловы. Изображение *Курык ики* — металлическая фигурка птицы, облаченная в белую меховую одежду (*гусь*) и пояс, хранится в священных нартах в д. Унсельгорт. Святилище Орла-старика находится на *Холом лор нёль* — 'Заосоченного озера мысе'.

О родовом духе нижеобские ханты говорят: «Его тепло, как огонь, греет». Жертвенный огонь святилища объединял *сир* в единое целое. На святилище северохантыйских родов *Выл послан ёх* и *Осяс ёх* устраивалось жертвоприношение духу *Мукута чи*. Когда мужчины разводили жертвенный огонь, в центр костра ставили молодую ель. Члены *рат* привозили в берестяных ведрах рыбий жир. Во время церемонии каждый *рат* выливал в костер жир, отчего огонь разгорался все сильнее. Род *Канась ёх* на капище духа *Сорни юх* ('Золотое дерево') разводил два костра. У костра духа Золотого дерева рассаживались только члены рода *Канась ёх*. Приглашенные гости располагались у другого костра — *Торум тут рахал* — 'Огня, зажженного для Торума'.

По данным Т. А. Молданова, во время медвежьих игрищ всякий присутствующий должен исполнить хотя бы один танец, посвященный медведю. После поклона «гостю-медведю» певец обязательно оглашает, из какого *сир* (казым. *шир*) вышедший на танец человек, например:

Торума *шир* мужчин старший мужчина
На дощатый пол дома, на его середину
Он выходит!

Танец-посвящение «возвращается охотнику в виде охотничьей удачи, а женщинам — в виде огня в очаге, благополучия семье, здоровья детей» [Молданов 2002: 162—163]. Как свидетельствуют ханты р. Казым, у каждого рода раньше был «свой бор с амбарчиком», во время жертвоприношений роды *Вошиц ёх*, *Мусяц ёх*, *Ай хар сац ёх* собирались «каждый в своем доме». По словам тегинских хантов, «когда на праздники приезжали, каждый род сажали за свою чашку; их так и называли — *муль ан* ('одна чашка'). Например, фамилии Неттин, Отшамов, Новыхов отделялись от *пай ёх* — 'другого народа'».

В качестве обобщения понятия род у северных хантов можно привести наблюдение М. А. Кастрена, который, на наш взгляд, наиболее глубоко проник в природу общественных отношений туземцев Нижней Оби: «Как самоеды, так и остяки распадаются на множество родов, из которых каждый сам по себе составляет обширную семью. У остяков, при-

нявших христианство, различие это уже исчезло, и они управляются русскими законами и обычаями. Одни обдорские остяки крепко держатся своего патриархального устройства, которое поддерживает в народе согласие, нравственность и чистоту нравов. Побудительная здесь сила к добру — любовь к своему роду. Каждый род состоит из нескольких семей, связанных между собою единством происхождения и связями родственными. У остяков и особенно у самоедов нередко встречаешь роды, состоящие из нескольких сотен и даже нескольких тысяч душ, из которых многие не помнят своего первоначального происхождения, но, тем не менее, все считаются родственниками и не вступают между собою в брачные союзы и в обязанность себе вменяют помогать друг другу. Обыкновенно на кочевьях своих все, принадлежащие к одному роду, семьи живут вместе, и, по требованию обычая, богатый делит здесь свое имущество с бедным»; «кроме родства, звеном соединения между отдельными лицами одного и того же рода служит единство религии. Каждый род издавна имеет своих идолов, которые часто сохраняются в одной и той же юрте и чествуются от всего рода жертвоприношениями и другими религиозными обрядами. Эти «божьи юрты» состоят под надзором духовного, который в одно и то же время и прорицатель, и жрец, и врач и пользуется почти божественным почтением» [Кастрен 1858: 304–305].

Таким образом, род-*сир* выступал как экзогамное объединение людей различных поколений и фамилий, носящих общее название, осознающих единство происхождения и осуществляющих общий религиозный культ. При этом экзогамия как основной регулятор брачно-родственных отношений выступала как центробежная сила (поиск брачного партнера ввиду экзогамности *сир* возможен лишь вне родовой общности) и, напротив, религиозная функция *сир* являлась центростремительной силой, консолидирующей группу. Северохантыйский *сир* идентичен восточнохантыйскому, которому также свойственны брачно-регулирующая и религиозно-культурная функции [см.: Перевалова 1990; 1991].

Принято считать, что одним из признаков рода является происхождение его членов от одного предка. В северохантыйской традиции это относится к *рат*, тогда как *сир* характеризуется как сообщество «разных», основанное на единстве культа и экзогамии. Отсутствие генеалогической связи и многосоставность рода нижеобских хантов обусловили и название группы — *и сир рут* ('единство разных'). По-видимому, и в названии *сир*, и в его толковании хантами отразились действительно сложные

процессы формирования социальных групп. В качестве иллюстрации можно привести историю рода войкарских хантов *Нёрапса ёх*.

По легенде, человек, носивший имя *Нёрапса ху* ('Нагуленный' или 'Не имевший ничего'), пришел на Мал. Обь из-за Урала. Его приютил местный житель, накормивший и одевший *Нёрапса ху*. Вскоре начался потоп, и *Нёрапса ху* спасался вместе с аборигенами на горе Кейв-ур ('Камень-ненец'). После ухода «большой воды» оставшиеся на одной горе люди — Хунзи, Сюлись, Назаровы и Озеловы — разошлись по разным юртам, но стали считаться одним родом — *Нёрапса ёх*.

По другой легенде, образованию рода *Нёрапса ёх* предшествовала война между жителями Северного Приобья и пришедшими из-за Урала «зырянами» под началом вождя *Ханды-иги*:

Земля кружилась и никак не останавливалась. Когда вода ушла и все высохло, появился пугор. Затем война пришла. Один местный воин остался сражаться, а сыновья его в лес убежали. Пришедший с войной говорит:

— Зачем твои сыновья в лес убежали, у меня есть две девочки.

— Тебя испугались и убежали.

— Позови их домой. У меня есть две девочки *Нёрапса*, у них отца нет, они бедно росли.

Двух парней на сестрах-зырянках женили, от них *Нёрапса ёх* пошли.

[Ф. А. Озелов, Усть-Войкар, р. Войкар, 1995]

Обе легенды сообщают о приходе *Нёрапса ёх* из-за Урала и их контактах с местными жителями: в одном случае речь идет об их совместном спасении от потопа на «ненецкой горе», в другом — о войне и заключении брачных отношений. *Нёрапса ёх* называются «зырянами», в чем можно видеть указание на их приуральское происхождение (по аналогии с беглыми язычниками «зырянами», упоминаемыми И. Г. Георги). В то же время имя их вождя, *Ханды-иги*, явно соотносимо с этнонимом «ханты» и может служить косвенным свидетельством угорской принадлежности переселенцев. Вполне вероятно, что в легенде повествуется об одном из походов приуральских угров, известных в фольклоре под названием *мось*.

Если это так, то становится понятно, почему пришельцы вместе с туземцами спасались на «ненецкой горе» (напомню, что первыми из угров на земли ненцев *ур ёх* пришли приуральские *мось*). Примечательно, что одна из основных фамилий образовавшегося в результате описанных

событий рода *Нёрапса ёх* — Хунзи — считается ненецкой по происхождению. По легенде некогда *ур ёх* Хунзи купили у войкарских хантов рода *Ай вош ёх* девушку и в приданое за ней получили от свояков рыболовное угодье в вершине р. Войкар, «чтобы дальше мирно жить». Таким образом, этногенетическую фабулу предания можно сжато представить в следующем виде: приуральские угры (ханты, мось) пришли на Обь, вступили в контакт и, в конце концов, породнились с местными ненцами (*ур ёх*); в результате этого взаимодействия сложился северохантыйский род *Нёрапса ёх*. Впоследствии потомки *ур ёх* стали носить фамилию Хунзи, а потомки легендарного пришельца *Нёрапса ху* — фамилию Возелов (Озелов)⁴.

Вообще название рода *Нёрапса ёх* распространяется на фамилии Хунзи, Озелов, Назаров и Сюлись. По материалам переписей, фамилия Озелов выделилась из фамилии Хунзи в середине XIX в. (прил. I, табл. 2). Возможно, в легендах повествуется о том времени, когда пришельцы *Нёрапса* и туземцы *ур ёх*, жившие «на одной горе», регистрировались под одним именем — Хунзи. Позднее, с разделением фамилий (или их более дробной фиксацией) ветвь пришельцев обособилась под фамилией Озелов, хотя продолжала сохранять культовые и ритуальные связи с основным туземным родом Хунзи. Не исключено, что факт внедрения чужака (чужаков) в родственную среду закрепился в родовом сознании и выразился в одном из значений наименования рода — 'Нагуленный'. Со временем это же обстоятельство стало основанием выделения самостоятельной ветви рода — Озеловых. Фиксируемая переписями генеалогическая связь Озеловых и Хунзи с разрастанием групп была подзабыта, и в настоящее время названные фамилии относятся к разным *рат* (*кат рат ёх* — 'разных очагов люди'), хотя память об их родстве-сир сохраняется в преданиях и культовых традициях.

При сопоставлении фольклорных и ревизских (статистических) данных можно попытаться проследить развитие отношений рода *Нёрапса ёх* с соседними родами хантов рек Мал. Обь и Войкар. К Войкарскому городку (*Ай вош* — 'Маленький городок'), наряду с войкарскими хантами, было приписано обское население, проживающее при впадении р. Войкар в Мал. Обь. Городок характеризуется небольшой

⁴ Отметим, что Л. Н. Жеребцов, опираясь на архивные материалы 1720 г., упоминает д. Озел (Озельская) среди новых деревень и починков, возникших возле Усть-Сысолы [1982: 66].

численностью и относительно стабильным семейным составом. По данным ревизии 1782 г., в нем проживало 127 человек, к 1816 г. численность городка возросла почти вдвое и составила 244 чел., к 1858 г. — 264 чел. Увеличение общей численности населения происходило исключительно за счет естественного прироста. Семейный состав Войкарского городка за период 1782—1858 гг. изменился незначительно. По материалам 4-й ревизии, в городке проживало 10 фамилий. В 7-й ревизии не фиксируется фамилия Ютмасов (ей созвучно хантыйское название хантов Сюлись — *ютта ёх*), из фамилии Нестерков выделяются дочерняя фамилия Алябев, из фамилии Хунзин — Возилов. По данным 10-й ревизии, исчезает фамилия Алмин⁵, Немчинковы записаны по отчеству одного из глав семей Назаровыми, фамилия Олешкин распадается на Манемовых и Паспеловых, фамилия Ребасов сливается с фамилией Федкин (прил. I, табл. 2). По нашим полевым данным, из прежних фамилий на сегодняшний день сохранилось восемь. Эти фамилии входят в состав трех родов: *Ай вош ёх* — 'Маленького городка народ' (название рода совпадает с самоназванием войкарских хантов) с фамилиями Ребась, Аляба и Тынзянов; *Нёрапса ёх* — 'Нагуленный' или 'Ничего не имеющий' — Хунзи, Возелов (Озелов), Назаров и Сюлись; *Везын горт ёх* — 'Поселка Везын народ' — Манямовы.

По данным фольклора, роду *Нёрапса ёх* пришлось столкнуться в борьбе за земли прежде всего с родом *Ай вош ёх* (в составе которого «чистыми хантами» считаются только Ребась, называемые *Айна ёх*). Как уже упоминалось, за Хунзи (*ур ёх*), представлявших собой ветвь рода *Нёрапса ёх*, была отдана в замужество женщина *Ай вош ёх* и в приданое озеро в вершине р. Войкар. По-видимому, «сборный» (ненецко-угорский) род *Нёрапса ёх* был достаточно сильным, вследствие чего жители Войкара вынуждены были отдавать ему свои земли. Благоволение духов (в частности лесного духа *мис нэ* под именем «девушки с *тутчан*») к роду *Нёрапса ёх* воспевается в предании об *Ай вош ху* (человеке рода *Ай вош ёх*) и *Нёрапса ху* (человеке рода *Нёрапса ёх*) [исполнитель — Е. К. Ребась, перевод А. И. Озеловой, Усть-Войкар, р. Войкар, 1995]:

⁵ Альмины встречаются в юртах Качегатских и Мегитнельских Куноватской волости (прил. II, табл. 7, 8); определить их генеалогическую связь с войкарскими Альминными не представляется возможным, так как запись была произведена без указания отчеств. По рассказам полуйских хантов, Альма (*Пул авыт ёх*) некогда вошла в род *Канась ёх*, «прежде у них не было рода, они долго не знали, к кому присоединиться, затем они купили место Ханял в устье Полуя и поселились там навсегда».

Нёрапсу ху и Ай вош ху по реке едут,
Нёрапса ху и Ай вош ху вместе едут.
Нёрапса ху видит, по берегу женщина идет,
В белых кисах женщина идет,
В руках *тутчан* [женскую сумку] несет,
Идет вверх по реке.
Нёрапса ху на веслах,
Ай вош ху лодкой управляет.
Нёрапса ху говорит:
— Девушка идет, давай остановимся,
Возьмем ее с собой.
Ай вош ху отвечает:
— Нет, не возьмем,
Девушка наступит на нашу лодку,
Видно, что она имеет лошадиное-коровье копыто.
Нёрапса ху не отстает:
— Новые кисы на ней и *тутчан* красивый.
— *Ларась* [деревянный ящик] вижу, а не *тутчан*.
Едут дальше, по второй реке.
Девушка сама просит:
— Возьмите меня в свою лодку.
Ай вош ху говорит *Нёрапса ху*:
— Нет, не надо, не останавливайся, не причаливай.
Нёрапса ху ему отвечает:
— Почему не останавливаться, она устала.
Посадим, посадим.
Девушка говорит парням:
— Не посадите, так не посадите.
У *Ай вош ху* половина дыма пусть струится,
Другая половина дыма пусть в лес идет.
Идут по третьей реке.
Девушка снова просит их остановиться:
— Если не можете меня посадить,
Возьмите хотя бы мой *тутчан*⁶.
Ай вош ху говорит:
— Не останавливайся, не посадим,
Пусть своей дорогой идет.
Девушка им говорит:

⁶ *Тучан* (*тутчан*) — женский символ; девушка с сумкой-*тучан* воспринимается как потенциальная невеста, а предложение взять хотя бы сумку — желание выйти замуж за попутчиков [см.: Персвалова 1992; Головинсв, Персвалова 1994].

— Не возьмете, ладно, не берите,
У *Ай вош ху*, которые богато жили,
Пусть только сорок оленей останется,
Нёрапса ху пусть имеют сто оленей,
На их богатство пусть все смотрят.
Нёрапса ёх и сейчас богато живут,
А *Ай вош ёх* на них смотрят только.

О том, как складывались отношения между родовыми духами *Най ими* (рода *Ай вош ёх*) и *Курык ики* (рода *Нёрапса ёх*) рассказывает следующая легенда:

В те далекие времена, когда землю начинали строить, *Най ими*, хозяйка р. Войкар и покровительница рода *Ай вош ёх*, жила на Емын нёл — священном мысе Войкарского сора. Однажды к ней прилетел свататься *Курык ики* ('Орел-Старик'). Долетев до Войкарского сора, он опустился на Нанк авыт нёл ('Лиственничный мыс'). *Най ими* закричала на него: «Зачем ты здесь сел, напротив Лиственничного мыса мое священное место, если ты здесь останешься, как люди по Войкарскому сору между двух святилищ проезжать будут?» Рассердился *Курык ики*, взмахнул крыльями и полетел, от взмаха его крыльев все лиственницы на Нанк авыт нёл в одну сторону наклонились. Осерчавший жених полетел вверх по Малой Оби в Везын-горт, где сел на вершину большого кедра, а затем отправился дальше вниз по реке на Холам лор.
[М. Е. Озелова, Унсельгорт, р. Мал. Обь, 1989]

Так легенда поясняет, почему изображение *Курык ики* хранится в Везын-горте, тогда как местом «главного» Орла-Старика считался Унсельгорт, откуда культовое изображение *Курык ики* возили в священных нартах на Урал (в обряде «возвращения на Урал» можно видеть дополнительное свидетельство приуральского происхождения родоначальника рода *Нёрапса ёх*).

Еще один обряд, посвященный родовым духам, проводился до недавнего времени на Войкаре. На совместных ритуальных встречах два рода войкарских хантов (*Ай вош ёх*, *Нёрапса ёх*) и обской род *Послан ёх*⁷ ('Проточные') проводили обряд жертвоприношения собаки.

⁷ В состав рода *Послан ёх* входили фамилии Романов (*отляр ёх*) и Карасимов, к ним примыкали фамилии Нензелов (*тапсы горт ёх*) и Севли (*нянь горт ёх*). По данным пересей, фамилия Романов (Луцероманов) числится в составе Аспукалского городка Обдорской волости, Нензелов (Нензялин, Энзель) и Елнин—Сеулин — в Кесватском городке, а позднее в юртах Войкарских и Няпинских Куноватской волости (прил. I, табл. 12; прил. II, табл. 1 в, г, 4). Романовы и Карасимовы имели зимние юрты в верховьях р. Войкар.

Послан ху был шаманом в этих местах, в вершине Войкара у него стоял берестяной чум. Молодую собаку (суку) наряжали как девушку в сах и платок, надевали на нее наконники, серьги, нагрудные украшения. В ходе всего обряда ее называли *эвиэль* — 'девушка'. Пока шаман камлал, «загипнотизированная» им собака сидела не шелохнувшись. Затем мужчины, взяв с собой «девушку», садились в семь больших лодок и отправлялись вниз по р. Войкар, соревнуясь в мастерстве гребли. Войдя в Войкарский сор, они достигали священного мыса Емын нёль, пересекали сор и высаживались на Нанк авыт нёль. Собаку-*эвиэль* вели к расположенному неподалеку озерцу Емын тув лор. Посадив ее в лодку или на плот, совершали семь кругов «по солнцу», после чего с камнем на шее опускали на дно озера (по другой версии, жертва тонула вместе с плотом).

[М. С. Нензелова (Хунзи), Д. А. Нензелова,
Г. П. Ребась, р. Мал. Обь, 1995]

В этом обряде символически повторяется некогда случившаяся «продажа» женщины *Ай вош ёх* в род *Нёрапса ёх*. При этом «девушка»-собака посвящается хозяину священного озера *Курык ики* (здесь и поныне находится святилище Орла-Старика). Примечательно, что жертвоприношение собаки, являющееся особенностью культа духа рода *Нёрапса ёх*, сопоставима с аналогичными самодийскими традициями и, таким образом, соответствует одному из этнических компонентов рода (Хунзи — *ур ёх*) [см. Перевалова 1996]. Среди соседних родовых духов (соответственно соседних родов) *Курык ики* (род *Нёрапса ёх*) претендовал на значимое место, что выражено, например, в притче-приговоре на хорошую погоду (от лица *Курык ики*):

Ногу царапаю, царапаю.
Лицо царапаю, царапаю.
Как ты, я ростом,
С косами, как ты,
Везучая женщина, *Най ими*.
В Маленького городка вшивые штаны,
Я бы не залез.
Солнце, сияй, сияй!
Ай вош ёх — вшивые штаны,
Послан ёх — вшивые штаны,
Орел царапает когтями.

[А. П. Озелова, М. С. Нензелова,
р. Мал. Обь, 1995]

Приговор «на хорошую погоду» нельзя произносить ни *Ай вош ёх*, ни *Послан ёх*, иначе солнце может больше не выйти. Это позволено только *Нёрапса ёх*, поскольку их родовой дух *Курык ики* «царапает Солнце». Выраженные в мифоритуальном стиле взаимоотношения родовых духов *Нёрапса ёх*, *Ай вош ёх* и *Послан ёх* показывают контуры родовых взаимосвязей среди северообских хантов, сложность их этнического состава и путей складывания в единую этническую группу. Механизм взаимосвязи различных по происхождению родов (или их компонентов) был основан на действии как традиционных (через свойство, приобщение к культуре, территориальную близость), так и исторически сложившихся (появление новых поселений, выделение административной элиты) факторов развития этнического сообщества северных хантов.

Феномен «нового» родства

В этнической истории северных хантов обнаруживается участие различных по происхождению групп туземцев и мигрантов, о которых речь шла выше. Наблюдение за «поведением» рода нам представляется тем уровнем, на котором можно различить процессы взаимной социокультурной адаптации этих групп. В традициях родовых отношений определены те условия, которые позволяли пришельцам приобретать «новое родство». Более того, хантыйская «идеология родства» требовала непременно приобщения пришельцев к родовым устоям (брачно-родственным отношениям, культурам и обрядам). Ниже мы рассмотрим несколько вариантов формирования «родственных» связей среди нижнеобских хантов.

Характеризуя экзогамные системы народов Северо-Западной Сибири, А. В. Головнёв приходит к выводу, что «структура экзогамных институтов обуславливалась действием принципа поиска минимально родственного брачного партнера (как средства противления инцесту) в определенной коммуникативной среде». При этом «низкий уровень интенсивности и узость сферы общения соответствовали локальности и билинейности, обратные показатели — патрилинейности и дислокальности экзогамных норм». Рост мобильности и сопутствующее расширение диапазона общения приводили к утрате локальности экзогамной регламентации и замене ее патрилинейностью. Доминирование у нижнеобских хантов локальной билинейной экзогамии способствовало появлению так называемого «территориального» или «соседского» родства. Существовавшая традиция обмена брачными партнерами между

отдельными родами, проживающими по соседству, приводила к тому, что в результате тесных брачных связей (через несколько поколений) члены родов становились свойственниками (свозяками). «На фоне новых брачных связей соседство и свойство переосознавалось как родство» [1988б: 89].

«Младшие братишки»

К роду *Пит лор ёх* — ‘Черного сора народ’ относятся фамилии Хартаганов и Ругин. По полевым материалам, они составляют и *сир рут*, имеют один *рат*. По данным 4–10-й ревизий, Ругины в составе одной семьи фиксируются в Шурышкарском городке Обдорской волости только с 1850 г. Пришлые, вероятно, из Кодских городков (эта фамилия одна из основных в Малоатлымском городке) Ругины имели прежде особое название — *Авытты ёх*. Поселившись по соседству с Хартагановыми (ю. Питлорские Куноватской волости), они стали заключать с ними браки. По данным 10-й ревизии, в семье Ругиных числятся два племянника Хартагановых (прил. I, табл. 10; прил. II, табл. 10). Затем произошло постепенное «породнение» двух соседних родов, и браки между Хартагановыми и Ругиными были запрещены. Возникшее родство было подкреплено легендой: «Две тысячи лет назад во время *емын инк* (потопа) отрывало кусочки земли и течением несло вниз на север, люди спасались на плотях. Хартагановы и Ругины остались на одном пугоре и с тех пор считаются братьями». Более того, Ругины приняли и духа-покровителя рода *Пит лор ёх* — *Лэв нэ ими*, имевшей облик Женщины-Собаки. Сейчас Хартагановы и Ругины считаются даже *яха ляксыс* — ‘вместе воскресающими’. Однако последние (как некогда пришлые) по отношению к Хартагановым именуются *апсием* — ‘младшими братишками’.

Объясняя подобную ситуацию в отношении своего рода, ишварские ханты Тогачевы говорят, что Тимкины называются их «братишками» потому, что «появились позднее». Следовательно, небольшие по численности родовые группы, став свойственниками, довольно легко адаптировались в род своих бывших соседей. Переосознание «родства» способствовало сохранению у нижнеобских хантов билинейной экзогамии. К примеру, куноватские Тояровы, часть которых относилась к *кун авыт ёх*, до недавнего времени могли брачеваться со своими однофамильцами, причисляемыми к *послан ёх* (ведущими происхождение от ямгортских Пырысевых). После того как одна из женщин Тояровых

(*послан ёх*) вышла замуж за однофамильца *кун авыт ёх*, жениться стало возможно «не ближе пятого колена, и то с разрешения стариков».

Долговременное проживание в непосредственной близости приводит к тому, что иногда даже достаточно крупные роды становятся родственными. Различные по происхождению роды приуральских хантов *Выл послан ёх* и *Осяс ёх*, проживавшие долгое время на противоположных берегах Оби, стали считать себя родственниками, вследствие чего браки между ними не допускаются. Правда, полного осознания единства двух родов не произошло: они имеют разных духов-*лодхов* и отдельные родовые святилища. Капище *лодха* рода *Осяс ёх* — *Хор вой нёл ики* ('Быка-оленья мысового старика') и его семи дочерей находилось на священном озере Емын лор. Родовой дух рода *Выл послан ёх*, именовавшийся *Мукута чи* ('Без крыши'), имел «на Кривой Оби избушку без крыши и потолка». Однако и в кульгово-ритуальной сфере намечается слияние двух родов. На *Осяс ёх* распространяется запрет убивать лебедей, так как *Мукута чи* имел три облика: лебедя, лисицы и оленя. *Мукута чи* занял первенствующую позицию по отношению к *Хор вой нёл ики*, что указывает на складывание между ними «семейной» иерархии. Оба рода устраивают совместные ритуальные «игрища на танцевальном ручье» (Торовой еган, приток р. Няды яха).

Как видно, *сир (сыр)* — «живое» родство, строившееся не только на учете генеалогических линий, но и на реальных отношениях близкого «соседства» и «свойства», в котором по принципу территориальной близости в числе родственников могли оказаться и пришельцы.

«Бабушкой выращенный внук»

Во время потопа остался один мальчик, который рос у бабушки. После ухода воды встречает он мужика Сибарева, у него спрашивают: «Ты родом откуда?» Мальчик отвечает: «Я не знаю, я — бабушкин (Сязем)».

[В. А. Сязи (Кондыгина), Полярный Урал, 1990]

Эта небольшая легенда о происхождении фамилии Сязи бытует в роде *Кунжолон ёх* или *Катра вош ёх* ('Старого городка народ'), включающего фамилии Сязи (*Юнг вош ёх* — 'Ледяного городка народ') и Сибарев (*Ур горт ёх* — 'Красивого городка народ'). Известен и более простой вариант этой легенды:

У дочери Сибаревых родился нагулянный сын, его вырастила бабка, от прозвища этого мальчика *Сезием* — 'Бабушкой выращенный' и происходит фамилия Сязи.

[Л. Е. Нсва (Сязи), Полярный Урал, 1990]

При выяснении происхождения фамильного состава *сир* довольно часто встречается сюжет возвращения женщины с ребенком после смерти мужа в семью отца, в виду чего в составе отцовского рода выделяется новая ветвь. Один из родов нижнеобских хантов, *Ас пухлын ёх*, имеет прозвище «пасынки». Он ведет свое происхождение от пришлых из-за Урала Елесиных и относится к группе *пастэр ёх*, осевшей на Мал. Оби в районе Мужей. Когда у одного из Елесиных умерла жена, он женился во второй раз. Женщина была беременна и вскоре родила мальчика. Женщина и ее сын были родом с р. Нёсьеган (приток р. Сыня). От родившегося мальчика позднее пошли все Конкины. Поскольку его отчим-Елескин считал мальчика своим приемным сыном, Конкины относятся к роду *Ас пухлын ёх*. У нижнеобских хантов внебрачные дети или дети родственников, взятые на воспитание, часто получали права родных детей, считались членами рода и нередко являлись основателями новых подразделений рода.

Появление побочных ветвей рода, основанное на «преимущественном праве матери на своих детей», у северных манси описывает В. Н. Чернецов: «Сочетание счета родства по мужской линии с пережиточной матрилокальностью неминуемо создавало такие условия, при которых мужчина или его дети, носящие уже его имя, попадали в селение рода матери, что влекло за собою в отдельных случаях возникновение новых ветвей данного рода» [1947: 27]. Довольно часто о двух родственных фамилиях можно слышать, что они «от одной бабки ведут родство». К таковым относятся Романовы и Карасимовы из рода *Послан ёх*, считающиеся более близкой родней между собой, чем с фамилиями того же рода Нензеловыми и Севли.

«Родство по божеству»

Нередко родство и свойство за давностью лет облакаются в религиозную форму. Объясняя процесс дробления родов в обско-угорском обществе, В. Н. Чернецов приходит к выводу, что «каждый *логит* являлся тотемным предком какого-либо рода, и в то же время был связан с дву-

У очара (р. Бол. Обь)

Сон (р. Бол. Обь)

Берестяной короб с последом (р. Куноват)

Кормление (р. Сьви)

Мать и дочь (р. Подуї)

С куклами-акань (р. Полуї)

Наследница князей Тайшпных (р. Бол. Обь)

Внучка (р. Полуй)

Бабушка (р. Полуй)

За шитьем (р. Полуї)

Орнамент для саха (р. Мал. Обь)

Женская гордость — сумка-тутчан (р. Бол. Обь)

Досуг (р. Войкар)

Автор на хаптыйском стойбище (р. Бол. Обь)

мя-тремя или даже большим количеством других родов, где он также почитался в той или иной степени, причем предки этих родов считались его сыновьями и дочерьми». Сюжеты, связанные с родством духов (*то-румов*) «братских» и «сыновних» родов, описаны В. Н. Чернецовым на материалах северных манси [1939: 23—25].

К братским-по-*лодху* родам можно отнести *Кунжолон ёх* (Сязи, Сибаревы) и *Собты юган ёх* — 'Народ реки Собтыеган' (Нева). Их близость основывается на «родстве» их духов: богиней рода *Собты юган ёх* считалась *Хотан ими* — 'Женщина-Лебедь' (она же *Мось нэ ими* или *Юган нэ*), приходившаяся родной сестрой покровителю рода *Кунжолон ёх* — 'Старику-Горностаю' (*Сос ики*). По легенде, прилетевшая в эти края *Хотан ими* хотела обосноваться на Мелёксимском сору, но озеро было узким, и Лебедь не вошла в него. Поэтому для жительства она выбрала круглое озеро Собтын-лор. Однажды *Хотан ими* была украдена духом *Хынь ики* (*Пастэр ики*), из-за чего ее брат Горностаю долго воевал с хозяином Преисподней в низовьях Оби и на Обской губе. Брат вернул сестру домой. Вскоре *Хотан ими* родила дочь — *Хынь эви*. Когда девочка выросла, *Сос ики* взял племянницу в жены.

Нередко мифологическую подоплеку приобретают и отношения свойства. В продолжение этой легенды следует рассказ о том, что Старик-Горностаю выдал свою сестру замуж за *Курлы ики* — 'Безногого старика', хозяина р. Юган и духа-покровителя рода *Юган горт ёх* — 'Городка на реке народ' (Тобольчины). О Тобольчиных местные ханты говорят, что «они взяли у *Кунжолон ёх* огонь, а *лодха* — нет». Выражение «взявшие огонь без *лодха*» означает, что взята замуж женщина (хранительница огня), тогда как культовые традиции рода продолжают вестись по мужской линии — «по *лодху*». Тем не менее «свойства» *лодхов* оказалось достаточно, чтобы браки между Тобольчиными и родом *Кунжолон ёх* (а вдобавок и с *Собты юган ёх*) были запрещены. Указанные роды считаются родственными, хотя Тобольчины «никакого отношения к Старику-Горностаю не имеют».

«Родство» в понимании хантов гораздо шире, чем просто кровнородственная связь. Как родство осознаются связи между природой и человеком (не случайно медведь называется младшим братом человека), между людьми, между человеком и духом, между духами. По определению В. Н. Чернецова, «в сыновних или родительских отношениях между тотемными предками отдельных родов мы действительно вправе видеть

отражение существовавшей некогда генетической связи между этими родами» [1939: 23–25]. Однако «родство духов» могло символизировать не только генетическую, но и относительно недавно возникшую (по браку, соседству) связь между родами или их подразделениями.

«Разводящие огонь»

Родового духа *Кунжолон ёх*, Старика-Горностая, чаще именовали *Ухлан ики* — ‘В нартах дед’, так как хранили *лодха* в священной нарте, полозья которой были загнуты на две стороны (олений в эти нарты запрягали по направлению движения, так как разворачивать их запрещалось). Его хозяев, Сибаревых и Сязи, называли *лодх тайды ёх* — ‘державшие *лодха*’ или «имеющие на руке *лодха*». Правая сторона священных нарт, принадлежащая собственно представителям рода *Кунжолон ёх*, была богато украшена. Левая сторона нарт относилась к фамилии Паильдиных и была украшена бедно. Паильдины⁸ считались отдельным родом — *Паль важен ёх* — ‘Городка на возвышенности люди’, хозяйкой их родового святилища на горе Ай вош нель была важенька-оленуха, по преданию, спущенная со своим теленком с неба. Бедный род *Паль важен ёх* (Паильдины) был принят Сязи и Сибаревыми «в услужение к *Ухлан ики*» — «они были как слуги, как валеты у короля». По традиции, сами хозяева духа *Ухлан ики* не имели права что-либо делать у своего *лодха*, эти обязанности были возложены на Паильдиных, которые разводили на капище Старика-Горностая огонь и обслуживали ритуалы. Принятых «в услужение к *лодху*» называли *тут альты ёх* — ‘около огня люди’.

Принятие в услужение к родовому духу членов другого рода и даже другого народа было широко распространено среди нижнеобских хантов. В «прислужники» к духу рода *Осяс ёх* — *Хор вой нёла ики* — был взят полуйский ненец Венянго. Хранителями родового духа *Выл послан ёх* и *Осяс ёх*, уже упоминавшегося *Мукута чи*, считались Круптинские (выходцы с южных территорий, прежде имевшие название *Лоун ёх* — ‘Костистые’ или ‘Язёвые’). Главным хранителем *Мукута чи* в прежние годы был всеми уважаемый старик *Хатту ики*. В настоящее время последним из *Лоун ёх* остался проживающий в Халасьпугоре Яшка Круп-

⁸ Имется основание считать Паильдиных выходцами из Приуралья. Л. Н. Жеребцов отмечает, что в документах конца XV в. на всем течении Сысолы упомянуты лишь два поселения — Вотча и Пысдин (Пыльс). В писцовой книге 1585 г. записан погост Пыелдино с 30 деревнями и починками [1982: 60, 65–66].

тинский. Яшка называет себя «главным шаманом» и ведет себя по отношению к соседям «вызывающе». Те в свою очередь жалуются, что «Яшка пьет и по пьяному делу болтает много лишнего», но сменить «главного шамана» не имеют права, поскольку он последний из рода хранителей духа.

Служители *лодхов* передают свое «жреческое» право по наследству и нередко считаются членами того рода, чей дух находится у них на содержании. Главного духа *Сеня ёх* (Лонгортовы, Вальгамовы, часть Куртямовых) — *Кейв ур ху акем ики* ('Каменного ненца дядьку-старика'), подобно Старику-Горностаю, положено постоянно перевозить в нарте с изогнутыми с обеих сторон полозьями: «такая у него судьба, он — олень». Хозяевами *лодха*, или, как говорят сынские ханты, «дядьями бога» являлась самая многочисленная на р. Сыня фамилия — Лонгортовы. Хранителями (*девл* — 'слугами') божества считались принадлежащие к тому же роду Вальгамовы и Куртямовы. Они возили *лодха* на Урал, сменяясь через каждые два года. Несмотря на то что *Кейв ур ху акем ики* «был при слугах постоянно», только в присутствии Лонгортовых последние могли доставать его изображение из священных нарт. По рассказам, Куртямовы однажды украли божка, «хотели, чтобы он только им помогал», но когда везли *лодха*, нарты под идолом развалились. *Кейв ур ху акем ики* наказал за проступок «слуг» — все, кто после этого события его «возили», быстро умирали (по рассказам, с тех пор умерли уже девять человек). Куртямовы и Вальгамовы, подобно Круптинским и Венянго, считаются с хозяевами *лодхов* одним родом, хотя единства происхождения между ними нет (что касается Паильдиных, то они называются близкими родственниками Сибаревым и Сязи, но относятся к другому роду).

Хантыйская культура целиком построена на отношениях родства. Родовой *лодх* воспринимался как олицетворение всех семейных духов и душ и в то же время как «старейшина» родового сообщества. Мужчины, представители рода, считались его ближайшими родственниками. Женщины-чужеродки не посещали родовые святилища. Проезжая мимо капища (священного мыса, дерева, нарт), и во время проведения ритуалов они закрывали лицо от духа (и даже места, где находится божество) подобно тому, как они «избегали» старших родственников мужа. По рассказам, во время ритуальных игрищ женщины родов *Выл послан ёх* и *Осяс ёх* находились в чуме, «если кто-то из них в это время выходил по нужде, пламя костра вспыхивало так, что у мужиков загорались опушки малиц». Как правило, чужеродцы не допускались на родовое капище.

Во время «съездов» на святилище, благодаря причастности духа к родовому культу осуществлялся «внешний диалог» — ритуальный «совет родственных душ». Символом единения рода являлось жертвоприношение *лодха*, когда «родство» людей и духа скреплялось жертвенной кровью и общей трапезой [Головнёв 1991: 213]. Люди (члены рода) находились в «гостях» у *лодха*. По обычаям гостевания, приехавшие родственники-мужчины в доме-святилище проходили «в передний угол» и вели себя соответственно статусу родственника-гостя. Здесь они не должны были совершать обрядовых действий по отношению к своему родственнику-духу. Обслуживание *лодха* и пиршества возлагалось на людей «со стороны». По сообщению Тимофея Молданова, в услужении Казымской богини «были два старика Тузиных». У нее нельзя «поварить» ни юильским, ни казымским хантам. Отец этих стариков был из *охаль*: куплен у сосьвинских манси и приставлен поваром к *Касум най ими*.

О приглашении «работников» для жертвоприношения на Човальском камне лозьвинскими манси сообщает И. Глушков: «У нарты с Пубыхом была воткнута березка, к ветвям которой были привязаны два платка со ввязанными в углах серебряными деньгами... К березе или к нарте был привязан аркан: за него держались все шесть человек мужчин и кланялись на юг. После поклонов следовало шесть протяжных выкриков, за ними шесть поклонов с произношением слов и опять три раза крик; в это время р а б о т н и к (разрядка моя — Е. П.) зажег заранее приготовленный костер из сучьев у лежавшей ели, взялся за конец аркана — все встали на колени и, подняв головы кверху, как бы целовали воздух, затем кланялись в землю. Еремей взял топор, ударил по темени привязанного к нарте белого оленя и вслед за этим вонзил нож в сердце. Сейчас же были заколоты и другие олени» [1900: 72].

Здесь сталкиваются две крайности, когда присутствие «чужих» (не членов рода) на святилище, с одной стороны, исключалось, с другой стороны, как видно, было необходимым. Если хозяйева *лодха*, сидящие вокруг родового огня, были мужчинами-гостями, кем же считались присутствующие «свои-чужие» иноплеменники? Из представленных описаний ясно, что в обязанности «слуг» входило разведение родового огня. Если святилище (как и кладбище) воспринимается как «дом» рода, то в нем должна быть хозяйка. Присутствие женщин на родовых святилищах не допускается, ее роль и выполняет «слуга»-чужеродец. Так, разводящие огонь пельважские Паильдины, «в течение трапезы рода *Кунжолон ёх*

стояли в стороне». Вылпослинский Круптинский во время церемонии не только разжигал огонь, но и, сидя у костра, держал в вытянутой руке котел до тех пор, пока мясо (оленьи языки и сердца) не сварится. В обязанности Круптинских входила и доставка *Мукута чи* на игровой ручей. В нарты с загнутыми на обе стороны полозьями впрягалась тройка оленей, сам дух-*лодх* восседал на топорнице, привязанном к нартам. Сзади нарт шел особый однорогий олень со спиленным правым рогом и ветвистым левым. Возможно, символическое «деление» оленя на правую и левую части, как и распределение нарт на правую и левую половины, является знаком отделения «своего—чужого». Это сродни женским запретам есть переднюю (левую) половину туши медведя или дикого оленя.

«Родство по ясаку»

Складывание «нового родства» нередко было обусловлено экономическими и политическими мотивами. В состав одного из северных родов *Послан (Похрын) ёх* входили фамилии Тарымов и Серасхов⁹. О формировании рода известно, что «чистыми» считаются только Тарымовы. По преданию, Серасховы пришли на р. Собь с Сыни. Фамилия Серасхов происходит от названия *Серас ёх* — «Торговые люди». В старину они были богатым родом и ходили в эти места торговать. Местные остяки Тарымовы имели богатые озера, где велась загонная охота на линную птицу. Промысел птицы был так обилен (в один загон добывали по несколько тысяч голов), что поохотиться «на паях» сюда приезжали ханты с р. Сыня. Серасховы же, купив несколько озер, осели в этих местах и породнились с Тарымовыми.

Родство четырех родов: *Кунжолон ёх* (Сязи, Сибиревы), *Собты юган ёх* (Нева), *Паль важен ёх* (Паильдины) и *Юган горт ёх* (Тобольчины) имеет своеобразную подоплеку. В старину *Юган горт ёх* называли «служилыми манси» (*лев л, ал.*). Представитель этого рода,

⁹ Обс фамилии Чурасков—Чумаков и Токуров—Тарымов, по данным 4—10-й ревизий, числились в Собском городке (по 10-й ревизии, ю. Собские зафиксированы в Куноватской волости). Население этих юрт составляли Похрынков (по предыдущим ревизиям приписанные к Вандязскому городку Куноватской волости) (прил. I, табл. 9; прил. II, табл. 11). Фамилия Похрынковы происходит от названия рода *Похрын ёх*. Позже часть Похрынковых ушла в низовья Оби и составила ядро северного рода *Похрын ёх* (исн. Поронгуй).

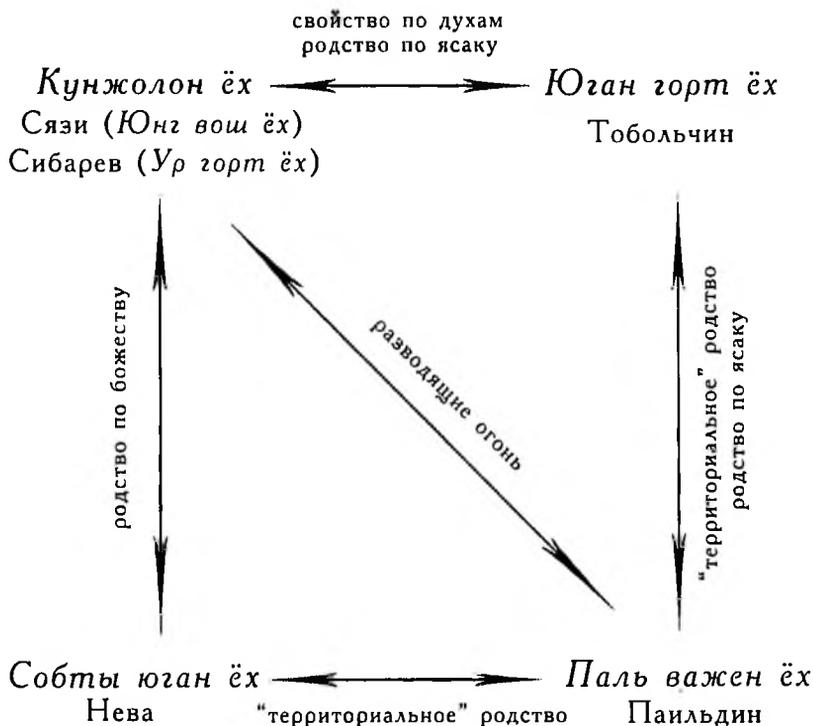
Севиу Тобольчин, был старшиной Харпоских юрт. В его же ведомство входил Пелважский городок с числившимися в нем родами *Кунжолон ёх*, *Собты юган ёх* и *Паль важен ёх*. По свидетельству нижеобских хантов, Тобольчины «природнились» (*яха лунтасты питнат* — 'вместе считаться стали') к вышенеречисленным родам, когда «совместно ясак платили».

Кроме того, родственная связь Тобольчиных с *Паль важен ёх* была основана на взаимных браках. По преданию, Тобольчины переселились в низовья Оби с р. Лев-юган (Сев. Сосьва). Фамилия Тобольчин происходит от зафиксированного в Обдорском городке имени Тобольчи Негрова Маркова¹⁰ (4-я ревизия). По данным 9-й ревизии, его потомки записаны как «род Тобольчина». По 10-й ревизии Тобольчины числятся в ю. Харпоских старшины Севиу Тобольчина. В этих же юртах в списках крещеных остяков отмечены Мурзины—Норпахтины—Паильдины (фамилия, принадлежащая ныне к роду *Паль важен ёх*). В то же время фамилия Паильдин появляется и в Пелважском городке (прил. I, табл. 1, 8). Возможно, это часть рода Мурзиных (известно, что Мурзины относились к княжескому роду), со временем «породнившаяся» посредством взаимных браков и совместной платы ясака с Тобольчиными. Сейчас Паильдины и Тобольчины считаются родственниками, и браки между ними запрещены. Связи четырех названных родов (*Кунжолон ёх*, *Собты юган ёх*, *Паль важен ёх* и *Юган горт ёх*) можно представить наглядно (см. схему 1).

«Новое родство» сыграло свою роль в образовании одного из наиболее многочисленных северохантыйских родов — *Канась ёх* ('Княжеский народ'). Кроме князей Тайшинных, к роду причисляются: *Канась горт ёх* ('Княжких юрт народ') — Куйбины, *Иш лёх (Ет лох) ёх* — Тэткнины, Ермаковы и Ендыревы, *Лабыт нанг ёх* (или *Ил вал ёх*) — Рускаламовы, Тользины, Мазеркины и *Пул авыт ёх* ('устья Полуя народ') — Альма. Все указанные фамилии, по данным ревизий 1782—1858 гг., фиксируются в Обдорском городке и выделившихся из него юртах (прил. I, табл. 1).

¹⁰ По данным 4–10-й ревизий, фамилия Марков—Макаров числится в Сынском городке Куноватской волости (прил. II, табл. 1).

Родственные связи
Кунжолон ёх, Собты юган ёх,
Паль важен ёх, Юган горт ёх

Часть названных фамилий имеет непосредственные генеалогические взаимосвязи. В прямом родстве с Тайшинными состоят Мамруковы (Поины) и Ермаковы (первая фамилия произошла от имени обдорского князя Мамрука, а вторая — от имени его сына, Ермака [см.: Абрамов 18576: 336]), а также Мурзины, Ендыревы, Паильдины. Вместе с тем,

по свидетельству нижеобских хантов, Рускаламовы были приглашены для обслуживания родового духа Тайшиных — *Сорни юх*. Альма осели на р. Полу́й, купив богатые угодья в устье реки. «Новое родство» Мурзиных и Тобольчиных обеспечило связь последних с родом *Канась ёх*.

Как уже говорилось, остяцкие старшины Обдорской волости избирались преимущественно из «родственников» князей Тайшиных. Не удивительно, что представители различных окрестных родов не упускали случая породниться с Тайшиными или, во всяком случае, «не забыть» некогда существовавших связей. Таким образом, фамилии, составлявшие род *Канась ёх*, были взаимосвязаны как генеалогическим, так и «новым» родством (территориальным, «по ясаку» или «по *лодху*»).

* * *

Род нижеобских хантов представлял собой весьма сложное объединение, связанное различными отношениями «родства». Можно условно выделить две основные категории родства у хантов: родство-*рат* и родство-*сир*. Первое основывалось на реальном генеалогическом родстве небольших по численности групп (обычно составляющих одну фамилию), второе представляло собой скорее идеологическую, чем генетическую, форму связей. Родство-*сир* строилось, помимо прямых родословных отношений, на общности культа (*лодхов*) или связи через «служение *лодху*», интенсивном брачном партнерстве, появлении дочерних ветвей рода по материнской линии (вопреки преобладающей патрилинейности), соседстве и даже совместном платёже ясака. Все эти варианты «нового» (или «территориального») родства чаще всего сочетались в различных комбинациях, обеспечивая возможно более прочное основание социального взаимодействия отдельных групп населения. Эта форма родства служила главным механизмом приобщения друг к другу различных по происхождению мигрантов, образовавших этническую общность северных хантов. Не исключено, что в разные исторические периоды отдельные пути установления родства играли первенствующую роль (к примеру «родство по *лодху*» в эпоху христианизации, «родство по ясаку» в период упрочения административно-фискальной системы управления и т. д.).

Гибкость родства-*сир* позволяла войти в состав северных хантов не только инородным, но и иноэтничным группам. «Исчезновение» куноватских ненцев во второй половине XIX в. В. И. Васильев связывает с «эпидемиями оспы и гриппа, свирепствовавшими на Обдорском Севере

в конце 40 — начале 50 годов» и возможным недоучетом ревизского населения [1978: 124]. Однако не следует исключать и возможность включения части ненцев в состав остяков. Ревизскими сказками засвидетельствован только один случай перехода ненцев Менгаковых в остяцкий род Вандиезского городка (прил. II, табл. 11—12). Процесс ассимиляции уграми таежных ненцев *ур ёх* происходил в течение длительного времени и благодаря охарактеризованным адаптационным механизмам мог пройти незаметно для фискальной администрации.

По нашим полевым данным, ненцы вошли в состав ряда родов северных хантов. Так, род *Лор вош ёх* (шурьшкарские ханты) делится на два 'очага'-*рат*. Одни считаются *Хутли ёх* (названные по месту проживания), другие напрямую относятся к *ур ёх* — ненцам. По преданию, во время войны с *ур ёх* одна женщина из рода *Лор вош ёх* была взята замуж стариком-ненцем. После его смерти она с родившимся сыном вернулась к отцу. От этого мальчика пошла новая ветвь Кельчиных — *Ур ёх*. О самодийских корнях фамилии Хунзи из рода *Нёрапса ёх* (войкарские ханты) уже шла речь выше. Созвучны ненецкая фамилия Возичевы (зафиксированная ревизией 1851 г.) и хантыйская фамилия Возиловы из того же рода *Нёрапса ёх*. По 4-й ревизии в Куноватском городке встречается фамилия Возимов (прил. II, табл. 2).

Таким образом, механизм «нового родства» сыграл интегрирующую роль в формировании северохантыйского сообщества. Подвижная система межгрупповой и межэтнической коммуникации создала возможность развития культуры северных хантов за счет сочетания элементов традиций западных (приуральских) и южных (кодских) угров, лесных и тундровых ненцев.

Глава V

ДВОЙСТВЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ

В результате контактов приуральских и приобских угров с самодийцами сложилась самобытная культура северных хантов. Ее облик столь же сложен и многосоставен, как и этническая история нижнеобских угров. В данной главе мы обращаем внимание на те явления в культурном комплексе северных хантов, которые, с нашей точки зрения, в наибольшей мере отражают его «межэтнический» (пограичъый) характер. Попытаемся определить собственно угорское участие в северохантыйском культурогенезе, соотнося его с рассмотренными выше западным и южным миграционными потоками. Эта задача трудноразрешима ввиду того, что у южных (кодских) хантов западно-угорское влияние представлено не менее явно, чем у северных. Взаимодействие в Нижнем Приобье западных и южных мигрантов, имеющих единую этническую основу, происходило более гладко, чем их контакты с местным самодийским населением. Однако именно контакты угров и самодийцев привели к формированию самобытной общности и культуры северных хантов. Поэтому основное внимание в настоящей главе уделено рассмотрению самодийско-угорских связей.

Общность культуры северных угров (хантов) и самодийцев (ненцев) настолько велика, что многие путешественники и исследователи с трудом отыскивали различия между нижнеобскими остяками и самоедами. Первый исследователь населения Нижней Оби В. Ф. Зуев, совершивший поездку в Обдорский край в 1771/72 гг., не разделял в своем описании остяков и самоедов, поскольку они «в рассуждении своей смежности в некоторых случаях не разнствуют между собою». В то же время он обособлял группу самоедов, «которые отчасти около Обского устья за рыболовным промыслом расположились, суть как междуумки сих двух народов, имеют почти совсем будто особливой язык и особливое обхождение», которые «замешавшись между сих двух народов, обоих приняли обыкновения и поступки, ибо совсем сходны с самоедскими, сходны и с остяцкими; с самоядью поступают по-самоедски, а с остяками по-остяцки, ... жен берут от остяков и самоедцов» [1947: 21–22]. По словам одного из авторов второй

половины XIX в., самоеды «резко отличаются от остяков здоровым видом, смелостью и бодростью, а в сношениях с ними держат себя гордо, как бы повелительно, считая свое племя высшим и властвующим; остяки осознают над собой превосходство самоедов, стараются подражать им во всем и даже говорят их наречием; зажиточный же самоед, особенно старшина рода, считает для себя унижительным говорить по-остяцки» [Губарев 1863: 228]. Н. К. Хондажевский отмечал: «Проживая совместно около Обской губы, остяки и самоеды поклоняются тем же самым богам, вступают в браки между собою и придерживаются одинаковых обычаев. Но они не слились в одну народность и говорят на различных языках. Кто из них представляет преобладающее племя — решить мудрено. Если остяков больше числом, то покажется, будто бы они берут верх над самоедами. Наоборот, там, где самоеды многочисленнее, можно прийти к выводу, что остяки подчиняются им. В стойбищах, куда мне довелось заехать, самоеды преобладали над остяками, и по своей численности и по другим признакам. Они превосходили остяков ростом, силою и расторопностью, и плохо говорили по-остяцки, тогда как остяки хорошо знали их язык» [1880: 17]. Относительно северных групп нижнеобских хантов О. Финш и А. Брэм писали: «Если трудно найти у остяков племенные особенности, то еще труднее рассматривать самоедов и остяков как отдельные расы, так как оба эти племени отличаются одним языком. При этом следует заметить, что разговорный язык самоедов понимает почти каждый остяк, между тем как самоеды очень редко говорят по-остяцки» [1882: 363].

Таким образом, при явном различии северных остяков и самоедов по языку и ряду других признаков, очевидно и сходство многих элементов их культуры. Мы остановимся лишь на некоторых из них, определяя своей целью не анализ культуры в целом, а подбор иллюстраций для характеристики двойственной, угорско-самодийской, природы северохантыйской культуры. Для этого в основных культурно-деятельностных сферах — экохозяйственной, соционормативной и духовной — нами выделены следующие явления: в экохозяйственной сфере — развитие рыболовства и оленеводства и в связи с этим изменение характера миграций и расселения; в соционормативной — особенности установок, регулирующих брачнородственные отношения; в духовной — ряд наиболее этнопоказательных, с точки зрения самих хантов и ненцев, мифоритуальных традиций (в частности представления о собаке и медведе).

Северные «рыбоядцы»

Рыболовство в Нижнем Приобье, по словам А. А. Дунина-Горкавича, заменяло земледелие и служило основным источником существования для большей части населения [1996. Т. II: 338]. Вместе с тем доля рыболовного промысла в системе жизнеобеспечения и способы добычи рыбы у различных групп северных хантов заметно варьировали.

Население, живущее в пойменных районах крупных рек и по Оби, занималось рыболовством круглогодично (по А. В. Головиёву, приречно-таежный тип хозяйственного комплекса (ХК) [1993: 121–122, 126–127]). Ранней весной, когда протоки освобождались ото льда, ставили сплошные заграждения (*поль*), которые облавливали малыми неводами или оснащали рукавами (*нос*). Сетковали по берегам, а в период половодья — по сорам. На р. Обь и ее многочисленных протоках в течение лета промышляли калыданами (*хульты пун* — ‘рыболовная ловушка’) осетра, нельму, муксуна, налима. С выходом песков и до рекостава неводили артельно по 6–10 человек (*соип ёх* — ‘невода народ’). Остяцкие артели различались по способу организации промыслов: 1) артель равноправных пайщиков, где объединялись 5–6 хозяйств, составлявших общий невод из нескольких малых (от 20 до 40 м). Рыба делилась «по паям» соответственно внесенной доле невода. Наиболее опытный промысловик получал добавочный пай за организацию лова; 2) артель неравноправных пайщиков, где имевшее лодку и невод хозяйство приглашало две–три семьи для совместного лова рыбы. Добытая рыба делилась «на пай» между участниками промысла, хозяин лодки и снастей получал дополнительные пай; 3) небольшая семейная артель, объединявшая две–три обычно родственных семьи. На богатых песках несколько артелей вотчинников промышляли поочередно. Большая часть добытой рыбы шла на продажу, часть — на расчет с оленеводами за выпас стад, часть — на заготовку впрок. Во второй половине июля и августе, когда вода начинала убывать, на выходах из соров ставили большие запоры-вары (до 900 м). В их сооружении участвовало от 10 до 20 человек (*вар верты ёх* — ‘вар делать народ’ или *лор верты ёх* — ‘сор городить народ’). У *варов* неводили; в низовьях Оби запоры оснащались варовыми гимгами. Осенью проводился промысел плавными сетями, тогда же добывали рыбу при помощи различных заграждений, облавливая их важканами, саибами, котдами.

Зимой хозяйства приречно-таежного типа большое внимание уделяли подледному рыболовству. Как только река вставала, «ехали на Обь долбиться». По данным Н. А. Варпаховского, на Нижней Оби (от Березова до

Обдорска) сооружали сплошные заграждения, которые в зависимости от ширины реки оснащались 40—100 большими ловушками-гимгами. На шести заграждениях по Бол. Оби лов производился осетровыми гимгами, на семнадцати по Мал. Оби — соровыми [1898: 8—9]. По сведениям А. А. Дунина-Горкавича, на Мал. и Бол. Оби насчитывалось по десять зимних заборов. Полный забор могли поставить «15 человек и 4 лошади в 5—12 дней», устройство его обходилось до 1000 руб. Каждому рабочему полагалось осматривать семь ловушек, оплата «с содержанием за весь сезон» была равна 25 рублям. На изготовлении гимг специализировались остяки, проживавшие близ с. Мужы [1995. Т. I: 206, 209, прил. I: 21]. В этот же период на Оби и ее притоках ставили частичные заграждения (*поль шоп*) с гимгами. Кроме того, для добычи рыбы в зимний период употреблялись крючки, переметы, самоловы и др. [Варпаховский 1898: 10—11, 13—15]. С началом «загара» («замора») промысел рыбы состоял в «черпанье» у живунов. Мальми речками и живунами обычно владели отдельные семьи или группы семей. В целом для хозяйств преречно-таежного ХК было характерно почти круглогодичное рыболовство с интервалами, приходившимися на время ледостава и вскрытия рек.

Активно занимались запорно-сетевым рыболовством ханты левобережья Нижней Оби — рек Сось, Войкар, Сыня, Вогулка (по А. В. Головнёву, таежно-предуральский тип ХК [1993: 121—122, 128]). Сразу после ледохода рыбу промыщляли важанами, в мае-июне — ставными сетями и запорами по сорам, после спада воды и до осени — неводами и калыданами в устьях рек и на Мал. Оби, в августе во время выхода рыбы с соров на нерест — запорами и речными неводами, в сентябре — острогами и важанами. Войкарские, сынские и собские ханты имели свои рыболовные вотчины на Мал. и Бол. Оби, куда переселялись уже в мае. Например, сынские Лонгортоты стояли в Ляксе м гортe, Ущ гортe и Акань лейме. «Важанили» (*вошты пун* — ‘важный мешок’ или *ас вошты пун* — ‘обской важный мешок’) на запорах по обским протокам, «калыданили» на Оби в одиночку или по двое. Неводили группой по 7—6 человек, «собирая большой невод из нескольких малых» (до 500 сажень). А. А. Дунин-Горкавич свидетельствовал, что ханты р. Вогулка добывали в лето по 100 муксунов и 1000 сырков на человека. Рыба шла в основном на продажу, кроме того, заготавливалось от 5 до 10 пудов сушеной рыбы (позема и юколы) на семью. Каждый хозяин с р. Сыня, помимо зимнего запаса, продавал рыбы на 50—100 руб. Только икры щокура и пыжьяна собиралось более 100 пудов [1996. Т. II: 256—257].

В середине июля (к Петрову дню) часть населения уходила «городить лесные озера». Большие летние запоры-вары (от 70 до 1000 м) устанавливали сообща, чередуя ловушки пайциков. Добытую рыбу делили по паям или «на удачу» («что в ловушку попадет»). В августе шиянпугорские и вандязские ханты перекрывали р. Обь совместно. В сентябре при скате рыбы из озер речки вновь закрывали. На Войкаре по 4–5 человек «обваживали» сооруженные совместно частичные заграждения. Семьи оленеводов-пастухов в летний период практиковали лов хариуса и щукура в горных речках крючковой снастью и сетевыми ловушками (*пун-хыр*), озерной рыбы — сетями и малыми неводами (25–30 м). Осенью лучили налима и тайменя на больших перекатах с берега или с лодки.

Специфика рыболовства северотаежного Предуралья состояла в отсутствии замора в реках Сыня, Войкар, Сось, поэтому на протяжении всей зимы и начала весны здесь производился запорный и неводно-сетевой подледный лов рыбы. Запоры ставили после спада воды как индивидуально, так и сообща (*поль верты ёх* — ‘запора народ’). Например, хорпынгорские ханты (р. Сыня) имели четыре запора: *Лонт соим поль* — ‘Гусиной протоки запор’, *Нанк лер поль* — ‘Лиственничный корень запор’, *Сак юш ов поль* — ‘Дорога на Саран-пауль запор’, *«Еран ёх вили еган ов поль* — ‘Запор на речке, где война с ненцами была’. «Всей деревней городили, так как узких мест по реке не было, одному не перекрыть». Собские ханты также ставили большие зимние запоры на реках Сось и Обь (полностью перекрывая реку), полузапоры — в ямах и на перекатах. На р. Войкар на зиму каждый «закрывал» свою реку или участок реки; на время загара устраивали большой запор на Оби. В целом, как летний, так и зимний промысел рыбы были ориентированы на продажу и личное потребление. По сведениям А. А. Дунина-Горкавича, в первой половине зимы в районе Оби от юрт Войкарских до Шурьшкарских проводился лов осетровой молоди при помощи частичных заграждений. На р. Войкар ежегодно добывалось 2000 пудов налима и 2000 пудов прочей рыбы (пыжьяна, шокура, сырка, щуки, ерша). Ханты р. Сыня только мороженой рыбы продавали свыше 2000 пудов [1996. Т. II: 256–257].

Для хозяйств, проживавших в удаленных от р. Обь правобережных глубинно-таежных районах, рыболовство играло менее значительную роль (по А. В. Головнёву, глубинно-таежный тип ХК [1993: 121–122, 127–128]). Весенний промысел рыбы состоял в применении для лова сетей и малых неводов. В летнее время глубинно-таежное население в связи с хозяйственной

целесообразностью разделялось на три подгруппы. Первую составляли пастухи, на которых возлагался уход за оленями, объединивших стада двух—трех семей. Они практиковали главным образом рыболовство запорного типа. В верхнем течении р. Казым и озерах по рекам Сорум и Курь-ях промышляли малыми неводами сырка. Добытая рыба шла исключительно для личного потребления. Вторую подгруппу составляли выезжающие на обские калыданные и неводные пески промысловики. С наступлением варовой поры (июль-август) выделялась подгруппа рыболовов, ухажившая на период установки больших запоров в устье обских притоков — рек Питлор, Куноват, Казым. Кроме того, по сорах все лето промышляли сетями и важанами. Осенью на реках устанавливались частичные заграждения. В первой половине зимы на озерах проводилась добыча рыбы сетями подо льдом [см.: Касум-Ех 1993: 34—38]. Спецификой рыболовства правобережных глубинно-таежных хозяйств можно считать интенсивный промысел рыбы в заморный период, хотя «замор» наблюдался не на всех правобережных притоках. В декабре-январе хозяйства глубинно-таежного типа устанавливали небольшие запоры и черпали у ключей задыхающуюся рыбу. Число малых зимних запоров зависело от продуктивности рыбоугодий и потребностей семьи. По словам хантов, «на Куновате вся вершина в живых озерах», поэтому верховские пускали хантов нижнего течения на свои угодья.

У безоленных и малооленных хантйских хозяйств, круглый год проживавших в низовьях Оби и на побережье Обской и Тазовской губ (по А. В. Головнёву, лесотундровый тип ХК [1993: 121—122, 124—125]), специализированное летнее рыболовство было главной отраслью. Организация и скупка продукции рыбодобычи производилась русскими предпринимателями. К неводье приступали вслед за вскрытием реки, когда пески не были затоплены, и талая вода не успевала дойти до низовьев Оби. Самое горячее время — весенней и летний подъем рыбы из Обской губы. В этот период рыбу промышляли с помощью больших стрежевых неводов (от 300 до 500 м). В течение лета осуществлялся промысел на салмах полуневодами (30—70 м). Добыча рыбы проводилась артельно: для тяги большого невода требовалось 10—14 человек, полуневода — 5 [Дунин-Горкавич 1995. Т. I: 221—226]. Наряду с неводьбой, проходил лов ценных полупроходных пород рыбы сетями и переметами. Весьма продуктивна была двух-трехнедельная добыча рыбы важанами, несмотря на большие затраты на устройство для них заграждений ввиду необходимости доставки леса. Продуктивность в ночь на один важан составляла от 1 до 10 осетров, по

Муринской Оби — 150. За сезон на ваянах одного заграждения по Муринской Оби добывали до 7000 осетров [Варпаховский 1898: 28—29]. Рыбопромысел малыми неводами и сетями хозяйств лесотундрового типа в осенне-зимний период заметно уступал по масштабам летнему и имел в основном натуральное значение.

Рыболовство было одной из экономических основ формирования общности хантов Нижнего Приобья. Ежегодный переход хантов с верховьев притоков Оби в низовья и на берега Мал. и Бол. Оби для варового, калыданного и неводного промыслов в летний период и обратное движение к «живунам» или незаморным рекам в зимний период обеспечивали постоянство контактов глубинно-таежного и приречно-таежного населения. Обусловленные хозяйственным циклом широтные миграции создавали устойчивые связи населения правобережья и левобережья Оби.

Значительные изменения в системе хозяйства нижнеобских остяков были вызваны развитием в XIX — начале XX в. рыбопромышленности. До конца XVIII в. ввиду отсутствия рынков сбыта рыбный промысел оставался вне интересов «промышленных» и «гулящих» людей. Служилые люди Березова, Обдорской и Собской застав занимались рыбной ловлей исключительно для личного потребления, ограничиваясь промыслом в «градских дачах». Хотя ясачные сборщики, отправлявшиеся в инородческие волости за «мягкой рухлядью», не брезговали и «рыбным сбором» [НА ТИАМЗ. Тм кп 12849. Л. 1—1об.]. Рыболовные угодья находились в исключительном пользовании сибирских инородцев. С началом развития промышленного рыболовства самой распространенной формой отношений между инородцами-вотчинниками и промышленниками становится сдача угодий «в кортом». В 1805 г. правительство официально разрешило брать в аренду «рыбные ловли» сроком на один год при обязательном согласии инородческих князюв и старшин. По сведениям Н. Абрамова, в 1848 г. инородцами Березовского края было отдано «в кортом» 150 рыболовных угодий за 6050,5 руб. серебром [18576: 412]. С 1854 г. по указу Главного управления Западной Сибири «рыбные и другие промыслы», принадлежащие инородцам, должны были наниматься за особую плату «по добровольному с ними условию». Аренда неводных песков и прочих промысловых мест (ям, соров, проток, салм, плавных песков) ограничивалась четырьмя годами, по истечении срока должен был заключаться новый контракт. Отношения с инородцами оформлялись в письменном виде при согласии 2/3 всех вотчинников [НА ТГИАМЗ. Тм кп 12513/1—17]. Аренда инородческих угодий производилась как с участием вотчинников в промысле, так

и без него [Варпаховский 1898: 109—139]. В первом случае вотчинники занимались к арендатору промышлять «на паях» и за оплату деньгами или составляли отдельную артель, сдавая рыбу тому же арендатору (например низовские полуневодачки) [Дунин-Горкавич 1995. Т. I: 189—192, прил. I: 1—21].

Развитие рыбопромышленности стало одной из причин массовых миграций угорского населения южных районов Северного Приобья в низовья Оби, где были сосредоточены лучшие рыболовные угодья Западной Сибири, изобилующие ценными породами рыб. Сезонные меридиональные передвижения дополнили связь правобережье—левобережье контактами по оси север—юг и создавали дополнительные условия для консолидации общности северных хантов. Диапазон контактов на основе рыбопромыслового цикла был достаточно широк. К примеру, часть куноватских хантов весной отправлялась «на гребях на встречу первого вонзя» в Обскую губу (Пуйко, Панаевск, Салемал), подряжаясь на лето к русским купцам. Часть населения выезжала на р. Обь неводить на местных песках и тоже занималась к купцам. Оставшиеся на Куновате во второй половине июля или августе, когда вода убывала, сообща ставили большие запоры на озерах Кун-авыт-лор и Ухол-ават-лор. При этом «на городьбу в устье Куновата съезжались все куноватские ханты (до 20—25 чумов), кроме ушедших на Урал оленеводов».

К концу XIX в. практически все угорское население Нижнего Приобья, прежде всего хозяйства приречно-таежного и лесотундрового ХК, было вовлечено в сферу торгово-промышленных отношений¹. Массовое движе-

¹ Масштабы рыбопромышленности в Нижнем Приобье еще более возросли во второй половине XIX в. с развитием пароходного сообщения. Круг русских купцов и промышленников, арендовавших рыболовные пески у инородцев, был ограничен. Как правило, наиболее ценные рыбоугодья оставались за одним арендатором на протяжении нескольких лет или переходили из рук в руки. Ведущая роль в северообской рыбопромышленности принадлежала тобольским купцам. Небольшие рыболовные пески арендовались березовскими и тобольскими мещанами, крестьянами, казаками и чиновниками. Среди крупных арендаторов выделялись торговой дом «Михаил Плотников и сыновья», промышленники Новицкис, Матошины, Протопоповы, Котовниковы, Карповы, Бронниковы, Корниловы. Арендная плата зависела от продуктивности рыбоугодий. Обычно она составляла от 10 до 70 рублей за лето, за богатые пески — 300 и более рублей [Дунин-Горкавич 1995. Т. I: 195—196, прил. I: 1—21; Варпаховский 1898: 109—139]. В 1866—1868 гг. было возбуждено дело «Об ограждении интересов инородцев Березовского округа по рыбопромышленности». Судя по рапорту березовского земского исправника, только по Обдорскому участку инородцы сдавали в аренду 42 рыболовных угодья. Самая низкая цена (8,5 рублей) была взята инородцами ю. Кушевских за рыболовное место Пугор-Лор, самая высокая (400 рублей) — за принадлежащий березовским крестьянам песок Мелёксимский (Большой) [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 41. Д. 356. Л. 10об.—14].

ние угорского населения в низовья Оби нередко сопровождалось конфликтами. Нередко инородцы сдавали в «кортом» вотчинные угодья русским купцам и промышленникам «за уплату ясака» или долга «за казенную муку». По условиям аренды инородческих угодий воспрещалось «окортомление» гольцов (остров, образовавшийся от наноса песка) и салм (подводный голец) приморских побережий. Однако на практике стоверстные участки инородческих рыболовных вотчин были скуплены тобольскими и березовскими купцами. Захват рыболовных угодий совершался помимо воли и желания самих вотчинников. Широко были распространены конфликты из-за аренды рыболовных вотчин между самими купцами и промышленниками, старавшимися переманить на свою сторону инородцев. Доходило до того, что крупные рыбопромышленники грозили «сжечь имущество мелких, не давали строиться и выгоняли их вместе с неводчиками» (инородцами). Практиковалась спаивание туземцев, по замечанию одного из купцов, вино на пески привозилось «не ведрами, а бочками» [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 41. Д. 418. Л. 5—13; Оп. 42. Д. 358. Л. 4—8об.]. Остяки Надымских юрт, по словам купца Ф. Н. Карпова, просили его принять в аренду их рыболовные вотчины «с тем, чтобы оные не могли взять березовские купцы», которые приглашают «инородцев другой волости обневаживать их места» — «купают невода у верховских остяков и увозят их для промыслов в чужие низовые места, через что разоряют инородцев» [ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 41. Д. 418: 7—7об.].

Споры за рыболовные угодья между местным населением и пришельцами продолжались и в советское время. К примеру, при обследовании в 1927—1929 г. экспедицией Общества изучения края при музее Тобольского Севера выяснилось, что «значительная часть населения собственно бассейна р. Казыма по опросным сведениям до 80-х годов при 410 душах обоего пола за недостатком рыболовных угодий в казымских «вотчинах» выезжает ежегодно на Обь... Это явление вызвано тем, что мощный горный сор Шижим-лор (ранее именовавшийся Казым-лор) административной практикой 1913 года был изъят от казымцев и передан вогульским выходцам с Ляпина — Мингетнелу с 12 ловцами, а административная практика со временем даже включила сор в границы Обдорской волости»; в целях устройства Казымского района Общество изучения края рекомендует «включение плеса Горной Оби до устья Куновата в территорию района с предоставлением казымцам права пользования издревле освоенным Казым-лором [НА ТГИАМЗ. № 1010].

Рыболовство, даже в торгово-промышленном варианте, соответствовало экохозяйственной специфике северных хантов и обуславливало преобладание угорских традиций в соответствующих сферах материальной и духовной культуры. В. Ф. Зуев отмечал, что у северных остяков и самоедов рыболовство «их пропитание, а олени богатство заключают» [1947: 68]. Действительно, для нижнеобских хантов рыба составляла основу пищевого рациона. Поражает многообразие блюд и способов заготовки рыбы. Г. Новицкий сообщал, что летом «за обычай» остякам есть «вземше от воды» живую рыбу «с кровью», а зимою они «мразния рыбы паче всего прыятны вкушают». Помимо свежей рыбы, им упоминаются позёмы, что без соли «усушают», хранящийся в больших берестяных сосудах рыбий жир и «избраннейшее ястие» — варка [1884: 34—35]. Способы приготовления сырой рыбы, позёмов, варки, порса, ютты, жира, ухи и заготовки рыбьих костей для корма собакам северными остяками подробно описаны В. Ф. Зуевым [1947: 33, 36—38, 70—1]. Н. А. Варпаховский и А. А. Дунин-Горкавич указывали, что «инородцы соленой рыбы не употребляют» и готовить не умеют. Наряду с прочими остяцкими рыбными блюдами, они называют похлебку из рыбьей муки, а также хлеб, замешанный на рыбьей икре, и лепешки из муки, ягод и рыбьего жира [Варпаховский 1898: 103—107; Дунин-Горкавич 1996. Т. III: 86—87].

Путешественники и исследователи XVIII—XIX вв. единодушно утверждали, что у остяков была широко распространена одежда, обувь и утварь из кожи рыб. Г. Новицкий писал, что летнее остяцкое «одеяние» (кажаны чулки, сапоги) шьется «наипаче с налима», а также «с осетра и стерлядей». Рыбью кожу «одерше» они «только трудами своими умягчают». В зимнее время остяки носят одежду и обувь из птичьих шкур и «еленных кож», а бедняк «лютость тяжчайших мразов в налимым претерпевает кажане» [1884: 37]. П. С. Паллас сообщал, что остяки имели «платье для дождя» и мужские штаны из рыбьих кож [1788: 51]. И. Г. Георги указывал на бытование у березовских и обдорских остяков «чулок, штанов и верхнего платья» «из рыбьих шкур, выделанных кож или оленьих шкур» [1776: 71]. Из кожи рыб (налима, стерляди, тайменя) мастерили женские сумки и хозяйственные мешки. Налимий мешок высотой 14 вершков и диаметром дна 7 вершков «выдерживал двухпудовую тяжесть». Кожа налима и тайменя употреблялась вместо стекол в окнах изб [Дунин-Горкавич 1995. Т. I: 235, 1996. Т. III: 92; Варпаховский 1898: 104—105]. Из костей и кож рыб изготовляли различные бытовые вещи и игрушки. Рыбьи кости использовались как иглы.

Широко применялся рыбий клей. Помимо соединения с помощью клея деревянных деталей, известно, что обские угры мастерили лыжи-подволоки, приклеивая камусы к основе, обклеивали берестой кибить и тетиву луков, в фольклоре нередко упоминается склеивание шкур [Мифы 1990: 64—65]. Сравнивая остяков и самоедов, В. Ф. Зуев отмечал, что первые клей из осетров и стерляди «варят карлуками в котле» и «в холодной воде закалывают» или плавательный пузырь «по вынятии расплывают и на ветру сушат», а в случае надобности варят. Вторые же «кроме сего клею, еще делают из рогов оленьих», «коим и клеят по сказкам еще крепче, нежели осетровым клеем» [1947: 37, 70—71]. У. Т. Сирелиус заверял, что остяки, проживающие по Оби и Иртышу, изготавливают клей из плавательного пузыря осетра и стерляди, у прочего населения «остяко-вогульской области» на его производство идут глаз чебака и карася (р. Сосьва), чешуя чебака и щуки (Сургутский округ), икра щуки (р. Иртыш), рога и жилы оленя [1907: 55—57]. В то же время А. А. Дунин-Горкавич свидетельствовал, что «остяки вываривают клей из рыбьей чешуи», а самоеды, напротив, употребляют «исключительно осетровый» [1996. Т. III: 93]. Несмотря на имеющиеся расхождения во мнениях, изготовление рыбьего клея свойственно в большой степени хантам, чем ненцам. Наиболее ценный, осетровый клей, широко бытовал у северных хантов, где добыча таких промысловых видов рыб, как осетр и нельма, была наиболее интенсивна. В XVIII в. фунт осетрового клея стоил от 15 до 28 коп. [Зуев 1947: 71]. В конце XIX в. высоко ценились высушенные цельные осетровые пузыри, «надетые на пучок травы», так называемые «башмачки» [Варпаховский 1898: 105].

Издавна у остяков существовал целый свод экологических норм и правил по установке рыболовных ловушек. Во избежание перекрытия основных путей миграции рыбы запрещалось полностью «запирать» (перегораживать) русла крупных рек. Обряды *поры* (бескровное жертвоприношение) и *йир* (кровавое жертвоприношение) устраивались по случаю установки больших варов и выезда остяцкого населения с притоков на р. Обь для весенне-летнего рыболовного промысла. Повсеместно недопустимым считался перепромысел рыбы. Объем лова рыбы был соразмерен с текущими потребностями. У обских угров существует множество общих запретов по отношению к рыбе. Ее запрещается кидать, небрежно с ней обращаться; ее нельзя чистить ножом, а только специальной косточкой или палочкой; рыбы кости нельзя бросать в огонь, иначе рыба ловиться не будет.

Наибольшее число «рыбных» табу северных «рыбоядцев» связано с промыслом и употреблением в пищу осетра, налима и щуки. Практически повсеместно женщины не разделявали осетра (*сух / сох*) и не ели его в сыром виде, а в периоды регул и после родов запрет распространялся на употребление этих видов рыб в вареном виде. По сведениям М. А. Лапиной, при добыче осетра гадали: удачливый рыбак бросал сердце рыбы в воду как камешек; сколько раз оно на воде подпрыгнет, столько осетров будет добыто. Осетровый хрящ вытаскивали целиком, подвешивали для просушки у костра, только затем перерезали и клали в котел с рыбой. Ели хрящ без использования острых и железных предметов. Собские ханты, как мужчины, так и женщины, не употребляли в пищу сырой осетровой икры [1996: 66—68].

По случаю добычи после вскрытия рек первого осетра или нельмы устраивалась *поры*. Ханты Мал. Оби собирались на берегу и выставляли угощение для духов. На р. Войкар «чашку с осетром ставили» семейным *лохам*. Образ осетра имел *Лор вош ики* — ‘Сорового (Шурышкарского сора) городка старик’. Мужчины из рода *Лор вош ёх* не употребляли осетра в пищу в сыром виде. По угорским легендам, во время великого потопа спаслись только те люди, чей плот был сколочен позвонками осетра и накрыт «семислойной палаткой из кожи осетра или стерляди». Об осетре и нельме сложено немало сказок и загадок: «Лодка с головой плывет далеко от берега, лодка без головы плывет у берега» (*Осетр и нельма*); «По середине реки каменная колотушка» (*Осетр*) [Методические рекомендации 1990: 17—18].

На реках Бол. и Мал. Обь, Сыня, Войкар, Сось, помимо осетра, табуировались щука (*сорт*) и налим (*паннэ*). Войкарцам и шурышкарцам (в летнее время даже мужчинам) запрещалось употреблять в сыром виде всех трех рыб; табу на осетра снималось только после застывания Войкарского и Шурышкарского соров. На реках Мал. Обь, Вогулка и по Тегинской протоке женщины не разделявали осетра и налима, а также язя и карася, являвшихся, по представлениям хантов, пуговицами на поясе богатыря *Тэк ики*. На Казыме женщины могли резать и есть любую рыбу, однако во время выезда на летний рыболовный промысел на р. Обь, придерживались общих запретов [Лапина 1996: 66, 69]. При нарушении табу по отношению к названным рыбам было принято отливать металлические изображения, которые хранились среди домашних святынь. В противном случае, как считали ханты, несчастье могло постигнуть весь род.

В отличие от осетра, налима и щуки слывут представителями нижнего мира. В записанном в низовьях Оби этиологическом рассказе «Летучий зверь-

налим» повествуется о превращении некогда огромного летающего по небу и плавающего по морю зверя в обыкновенную рыбу-налима. Наказание ему было дано за то, что он съел низового самоеда, ханта-дровосека, старца-попа. В подтверждение этой легенды в голове рыбы можно найти косточки похожие на полозья нарт, топор и рукавицы, крест [Мифы 1990: 76—78, 510]. По одной из легенд нижеобских хантов, налим был создан и «подсунут» людям духом *Хынъ ики*. Разглядев в песчаном иле чуждое творение, отец *Торум* плюнул, и от его плевка у налима появилась печень, а сама рыба стала считаться священной. Однако налима никогда не ставили в качестве угощения духам. В хантыйской мифологии рыбы считаются родственниками друг другу. Осетр и стерлядь приходятся зятьями, нельма — племянником, щокур и муксун — племянницами налиму. Поэтому нельзя варить в одном котле тестя-налима зятя-осетра и зятя-стерлядь. Перед разделкой налима мужчины ударяют по рыбе с двух сторон, приговаривая: «Четырехбородого зятя (осетра) позови, племянницу с длинной и узкой челюстью (нельму) позови, племянниц (щокура и муксуна) позови» [Лапина 1996: 67—68]. У северных хантов сохранилось предания о духе-налиме, обитающем в районе пос. Харсаим.

По сведениям А. М. Сязи, представители северной группы нижеобских хантов никогда не называют щуку *хул* — ‘рыба’², наименования прочих рыб включают общий компонент *хул*. Высушенные щучьи зубы использовались как лекарственное средство [1995б: 99]. У северных и восточных хантов бытует сказание о кровожадной щуке:

Прежде щука ползала по земле, как змея. Костей в ее голове не было, имелись только челюсти. Этими челюстями она поедала все, что попадалось ей на земле. Увидела однажды: летит ворон, несет лопатку оленя (кость), она эту лопатку проглотила. Дальше ползет. Смотрит, человек на обласке едет, ловушку на рыбу ставить. Взаяся он ловушку ставить, а деревянную лопатку рядом положил. Щука ближе подползла. Мужик ее по голове ударил, лопатка надвое переломилась, щука одну половинку съела. Потом она схватила женщину, несущую вязанку дров. Откусила переднюю ногу лося. Съела полозья нарт. Увидела ворону и ее съела. У бога *Посты-янг-ики* стащила ножи и их съела. Рассердился на нее *Посты-янг-ики*, схватил ее и бросил в воду. С тех пор щука живет в воде, а среди головных костей ее можно найти все те вещи, что она проглотила. Семь костей в голове у щуки.

[Т. И. Аликова, р. Тромъеган, 1999]

² Белую рыбу северные ханты считают «хантыйской», а щуку — «русской» рыбой [Енов 1994: 88].

По другой легенде, сам *Торум* укротил нрав всепожирающей щуки, ударив ее по левой щеке, от чего у нее в голове есть крестообразная кость. По сообщению М. А. Лапиной, во время трапезы голову налима и щуки клали хозяину дома или гостям. Этот человек должен был рассказать пять сказок или поведать легенду о голове щуки, показав все косточки. При этом одна из косточек, называемая *мосьху луп* — ‘весло сказочника’, подбрасывалась кверху со словами: «Сказочник держи весло» [1996: 68]. У хантов существовала традиция клятвы на щучьем носу (подобно клятве на лапе медведя). Орнамент «щучьи зубы» служил оберегом одежды и жилища. Вид рогой щуки, по словам хантов, имеет водяное чудовище-взс.

У северных «рыбоядцев» известна целая плеяда богов, покровительствующих рыбным промыслам. По представлениям казымских хантов, в устье Оби, «там, где сливаются семь морей-океанов», находится «из чешуек мелкой рыбы узорчатый дом» духа *Хоймас* (‘Нерест дающего старика’). Его фольклорный эпитет «*Вэрт* с косами, наполненными озерной рыбой». Считается, что «на нерест косяки рыб отправляющий муж» занят тем, что бесконечно строгаёт деревянную заготовку, стружка же, выходящая из-под его руки, обращается «с мелкими жабрами жабры имеющими многочисленными рыбами», «с крупными жабрами жабры имеющими многочисленными рыбами». Ему адресуются просьбы об удаче в промыслах [Молданов 1999: 33—34; Молданов, Молданова 2000: 59—65]. По воззрениям северной групп нижнеобских хантов, *Ас ики* (он же *Хоймас*) считается старшим сыном верховного бога *Торума*. Он посылает рыбу в Обь и ее притоки, поэтому почитается как божество рыб. В его ведении находятся все рыбы и морские животные. Он может принимать облик чайки. По одной из легенд, когда-то давно водяное чудовище перекрыло морские ворота напротив Ангальского мыса, и рыба не могла идти на нерест в верховья рек. Без рыбы ханты болели и умирали. Тогда люди попросили *Ас ики* помочь им. Старик-Чайка, приподняв чудовище над водой, выпустил косяки морской рыбы в Обь [Лапина 1995: 119]. По сведениям Г. Н. Новицкого, у Старика Обского имелось два святилища: одно располагалось «на устье Иртыша недалеко Самарова града», а другое — «при великой реки Оби». Антропоморфное изображение *Ас ики* («дска некая, нос аки труба жестяны, очеса стеклянны, роги на главе малые»), покрытое «различными рубищды» и «червленною одеждою з золотою грудью», «по трилетно» пребывало на одном из капищ. В жертву божеству приносили первую добытую нельму [1884: 56—57]. По одной из легенд, *Ас ики*, покинув своих братьев-богатырей, женился на местной богине *Юхан ими* и поселился в районе Ангальского мыса. Прежде изображение *Ас ики* и его сына *Ай пежи лехой* держали полуьские ханты Кали.

По сведениям, собранным Н. Л. Гондатти, Обская губа, устья Оби и Иртыша находятся во власти сыновей *Тору*ма. «В море, из которого вытекает Обь» живет *Ас ях торум*, «заведующий всей обской рыбой, птицей и зверем». Именно он имеет образ чайки, иногда представляется всадником на белом коне. «На Обской губе, при взморье» обитает его брат *Аутья одыр*. Он «заведует морской рыбой» и «имеет образ щуки». Ежегодно весной он получает от отца *Тору*ма распоряжение о количестве отпускаемой в Обь рыбы, а затем с этой просьбой обращается к *Вит хону* — 'Морскому царю', живущему «в Ледовитом море за устьем Оби» и заботящемуся о плодovitости рыб. Осенью же *Аутья одыр* спрашивает своего брата *Ас ях торума* о результатах промысла. Еще один брат божественной семерки *Аяс торум* пребывал в Березово, как раз на месте постройки Богородицкой церкви. Он был женат на дочери великана, жившего около моря при устье Оби, и мог принимать образ лебедя [1886: 56–58, 63]. По мнению В. М. Кулемзина, *Ас ях торэм* ('Обского народа Бог'), в отличие от усть-обского хозяина рыб *Ас ики* ('Обской старик'), обитал в нижнем течении Оби и выступал в роли хозяина реки, подобно *Касум или* ('Казымской женщине'), *Яхэн ики* ('Юганскому старику'), *Лэм ики* ('Ляминскому старику') [Мифология 2000: 111–112]. А. В. Бауло и А. А. Люцидарская соотносят упомянутого Гондатти *Аяс торума* с *Ай-ас-ойкой* ('Стариком Малой Оби') и сообщают, что в конце XX в. его святилище находилось на священном острове недалеко от бывших Непкинских юрт [Мифология 2001: 34–35].

Кроме сыновей *Тору*ма, представителем водной стихии у северных хантов выступало мифологическое зооморфное чудовище-взс, обитающее в глубоких омутах, водоворотах или под крутыми обрывами речных берегов (аналогичен мансийскому *Виткась* [см.: Мифология 2001: 45–46]). По суждениям хантов, *взс* имеет гигантские размеры, его голову венчают огромные рога, а спину — мощные зубцы. Рогами, которые *взс* может сбрасывать, подобно лосю или оленю, он подрывает берега, из-за чего реки меняют свои русла. В мифологического обитателя водной стихии могут превратиться перед смертью медведь, лось и собака, что роют и едят землю, или старая щука, что имеет на лбу своеобразные утолщения — «рога». Находки в береговых осыпях бивней и костей мамонтов породили устойчивые представления о *взсе* и о мамонте как об одном существе, называемом *мув хор* — «земляной-бык». У северных групп хантов *взс* нередко отождествляется с образом поперек реки лежащего ящероподобного *юра* (*инк ёр*) «с посолом, как у щуки». По рассказам хантов, *взс* следит за поведением человека на воде. Нарушивших этические установки он наказывает — поднимает над поверхностью

воды спину, преграждая путь движущимся по реке лодкам. Сильно разгневавшись, может опрокинуть лодку и погубить человека. У мест обитания *вэса* было принято устраивать жертвоприношения. Имеются сведения об изготовлении северными группами хантов больших деревянных изображений *вэса*, устанавливаемых на речных берегах напротив омутов и около варовых запоров, а также хранении среди домашних святынь металлических отливок этих сверхъестественных существ (*хор инк ёр*). По моей просьбе на Полуе была вырезана деревянная фигурка *вэса*, аналогичная тем, что ставились «на рыбацких местах», только меньших размеров. А. Худи, вручая мне изображение, добавил: «Дома покрасишь зеленым, получится крокодил».

Поражает присутствие огромного числа изображений рыб среди культовой атрибутики хантов Нижнего Приобья. На Сыне «для удачного промысла» отливались из свинца фигурки муксуна, нельмы и осетра. С этой же целью среди священных предметов березовских и сынских хантов хранились завернутые в ткань речные раковины. В домашний набор священных вещей хантов юрт Евригорт «был положен каданнный камень с изображением двух рыб» [Бауло 2002а: 16, 19, 22, 25, 39—41; 2004: 92, 97, 98].

Типы оленеводства и характер миграций

Заселение хантами Нижнего Приобья, по мнению А. В. Головнёва, имело вид освоения рыболовами-собаководами (уграми) оптимальной для их хозяйственного комплекса экологической зоны — побережья р. Обь и нижнего течения ее притоков. В верховьях рек и на водорозделах долгое время доминировала самодийская охотничье-олeneводческая хозяйственная культура. До развития крупнотадного оленеводства хозяйственно-культурные границы между ненцами и уграми выступали значительно резче. С нарушением эколого-экономического баланса (сокращением популяции дикого оленя) в зоне приобской тайги самодийская хозяйственная культура, утратив главный компонент, была вытеснена угорской, базировавшейся на рыболовстве и комплексной охоте. Потребности пушногодобычи вызвали отлив части хантыйского населения в глубинную тайгу по притокам Оби, «где еще преобладала самодийская хозяйственная традиция и где обе культуры сосуществовали и взаимодополнялись» [1988а: 90].

По рассказам полуёйских хантов, до недавнего времени часть угодый на р. Полуёй считалась принадлежащей хантам, часть — ненцам (*ур ёх*, Анагуричи). По преданиям, *ур ёх* на Полуе в изобилии добывали дикого оленя, используя для этого луки и «странные» (с точки зрения хантов) сети — *ур калан пон* ('ненецкий мешок для ловли оленей'). По свидетельству хантов из

ю. Хош-горт ('Тальниковая деревня'), их поселок прежде располагался на таковой стороне Оби, тогда как берега Хошгортского сора принадлежали *шаманен ёх* — 'шаманскому народу'. *Хош горт ёх* (Тырлины) и *шаманен ёх* «боялись друг друга и прятались друг от друга». После того как народ *шаманен ёх* исчез, ханты Тырлины переселились на его земли. Подобные предания сохранились и у питлорских хантов: до прихода в низовья Оби рода *Пит лор ёх* (Хартаганов, Ругин) в устье Питлярского сора проживал народ *сорт ёх* — 'щучье племя'. По рассказам питлярских хантов, *сорт ёх* имели землянки, крыши которых были покрыты дерном. От селения *сорт ёх*, расположенного на берегу сора (в 15 км от пос. Ханты-Питляр), сохранились деревянные основания жилищ и глиняные черепки. Им же принадлежали и загорюди для оленей, построенные на болотах и поблизости от Питлярского сора. Ханты утверждают, что «*сорт ёх* держали оленей еще во времена прадедов».

Во всех случаях речь идет о предшественниках хантов, прямо или косвенно связываемых в преданиях с ненцами *ур ёх*. О своих непосредственных предках ханты говорят как о промысловиках-рыболовах, населявших первоначально низкие пойменные берега Оби, о народе *ур ёх* — как об охотниках на дикого оленя и оленеводах, занимавших высокие берега соров и рек. Правда, в имеющихся у нас фрагментарных описаниях оленеводства *ур ёх* (например загорюдей, строившихся людьми «щучьего племени») не встречается характеристик, присущих ненецкому тундровому крупностадному оленеводству. Означает ли это, что в период освоения хантами низовий Оби ненцы (*ур ёх*) практиковали оленеводство иного типа, и можно ли считать северных хантов преемниками этого древнего стиля оленеводства?

По мнению большинства исследователей, обские угры заимствовали оленеводство у ненцев [см.: Чернецов 1937; Золотарев, Левин 1940; Василевич, Левин 1951; Козьмин 1980, 1986; Головнёв 1993]. Н. В. Лукина предлагает вести речь не о заимствовании, а о ненецком влиянии, «допуская возможность самостоятельного формирования если не всех, то многих черт лесного оленеводства» у хантов. По одной из легенд, покровительница домашних оленей *Касум най ими* получила «больших оленей» от народа *авус-ях*. «Что это за народ — пока неясно... Современные ханты на русском языке называют его по-разному: коми, тазовские ненцы, чукчи, энцы» [1984: 11–12].

А. П. Зенько считает возможным соотнести легендарный народ *авус-ях* «с оленеводческими группами коми, которые в XVIII в. начали активное проникновение в Западную Сибирь». При этом автор отмечает, что по сюжетной структуре рассказ об *авус-ях* «практически полностью совпадает с запи-

санньми. . . у юганских хантов сказками о войнах с ненцами» [1995: 35—36]. По мнению А. В. Головнёва, в преданиях об *авус ёх* — воинственных людях «в красивых кисах и малицах, приходивших издалека за оленями и женщинами» и «не едящих щуку» — речь идет «о тундровых ненцах, действительно не употреблявших в пищу щуку, носящих глухую меховую одежду и способных совершать невероятно протяженные рейды на оленных упряжках». Особое отношение к щуке дало обским уграм основание считать ненцев «народом Ицукки», т. е. почитающим *Сорт ойку* или *Сорт ики* как табуированного духа-покровителя» [1995: 102]. Е. П. Мартынова утверждает, что под именем *авус ях* выступали «северные, обдорско-казымские, ханты, которые при сопоставлении с другими территориальными группами называют себя «северный народ», табуируют щуку, носят кисы и малицы» [1998: 146—147].

По нашим полевым данным, почти все группы нижнеобских хантов табуируют щуку. Как уже говорилось, ее запрещается есть сырой (наряду с осетром и налимом), а женщинам во время регул даже вареной. Кроме того, по обычаям самой северной группы хантов (*лада-хаби*) перед употреблением щуки в пищу ей отрезают нос, «чтобы она стала непохожей на щуку», либо не едят щучью голову вообще. Можно (хотя и весьма условно) проследить усиление пищевого запрета на щуку по мере продвижения из заселенных уграми таежных территорий (где щука является одним из повседневных пищевых продуктов) к ненецким тундрам (где ее не едят вообще). При этом низовья р. Обь оказываются районом сочетания обеих традиций.

Духом-покровителем хантыйского рода *Тохот горт ёх* являлся *Сорт ики* (*Лакас ики*) — 'Щука-старик'. К этому роду относится фамилия Лейпожих, которую В. И. Васильев считал происходящей от войкарской самояди [1978: 128]. Тромъеганские ханты считают *Сорт Ох* ('Щучью голову') главным духом ненцев. На р. Аган, где распространены браки между хантами и лесными ненцами, *Сорт сыр* (*сырып*) *ях* — 'Щучий род' представлен выходцами с оз. Нум-то Айваседа-Наханы (казым. — Логаны). Хантыйки, вышедшие замуж за Айваседа, не употребляют в пищу голову, живот и печень щуки. Известны ляпинский *Сорт ойка* ('Старик-Щука'), принадлежащий «людям ненецких чумов» (*ёрн колен махум*) — Сайнаховым [Чернецов 1947: 162, 172; Соколова 1970: 121; Головнёв 1995: 102]. К этому же кругу можно отнести уже упоминавшийся оленеводческий народ *сорт ёх* ('щучье племя'), некогда живший на р. Питляра.

Столь широкое распространение образов Щуки-духа и «щучьего народа» на Нижней Оби позволяет предположить, что этот ареал входил в территорию расселения легендарного народа *авус ёх*, для которого табуация щуки

выступала одной из главных характеристик. Для всех южных групп северных хантов, *авус ёх* представлялись дальними или ближними северными соседями. По рассказам тегинских и шурышкарских хантов, *авус ёх* (*авус пелек ёх*) — это 'северные люди', жившие в нижнем течении Оби. Вероятно, в состав оленеводческого народа *авус ёх* входили не только тундровые ненцы, но и самоеды северной тайги Приобья, оказавшиеся в составе северных хантов. С известной долей условности можно допустить, что под именем *авус ёх* в легендах хантов фигурировали воинственные потомки тех древних обитателей Северного Приобья, которые в этногенетических преданиях известны под названием *ур ёх* (*ор ёх*). Другими словами, на раннем этапе угорско-самодийских контактов, когда угры продвигались на земли самодийцев, последние рисовались в фольклоре как «дикие туземцы» *ур ёх*, позднее, когда потомки «диких туземцев» стали совершать частые грабительские набеги на угорские селения, они обрели новое фольклорное имя — 'северных людей' — *авус ёх*. Перемена образа во многом была связана с изменениями в культуре самих самоедов, превратившихся из промысловиков в оленеводов. Не исключено, что за фольклорным именем *авус ёх*, известным не только среди северных, но и среди восточных хантов³, кро-

³ У восточных хантов сохранилось немало преданий о неоднократных вторжениях в их земли народа *авус ях*. По легендам, они приходили с севера («со стороны северного сияния») или северо-востока: летом спускались по верховьям рек на больших лодках из бересты или коры, а зимой двигались на оленьих упряжках или лыжах через болота. По описаниям *авус ях* имели другой язык («говорили быстро»), носили железные рубахи-кольчуги, хоронили покойников, в отличие от местных хантов, «на поверхности». Аганские ханты соотносят «северных людей» то с ненцами, то с селькупам, реже с зырянами и тунгусами. Грабительские набеги *авус ях* на богатые угорские селения в целях захвата женщин, оленей и прочего имущества нередко заканчивались серьезными баталиями. Неслучайно ханты связывают с этими событиями появление укресленных поселений, а их предания хранят имена героев-богатырей — *Рап-ики* и *Ванын* (р. Аган), *Солик* (р. Тромьган), отстаивавших хантыйские земли. По легендам, аганские ханты строили на высоких местах огромные «подземные» дома. Зимой склоны возвышенностей обливали водой, чтобы по образовавшемуся льду было невозможно подняться врагам. Особенно много всмянок было в верховьях Агана. Военная тактика хантов включала устройство на реке подводных плотов-ловушек, перекрывание русла веревками, насылание на врага болезней и пр. Сюжеты преданий повествуют о преимуществе в силе и ловкости хантов-богатырей над вождями *авус ях*. Меткость и мощь соперников испытывалась в соревнованиях: стрельба по лосиному рогу, сидящему на сушине орлу, выжимание сока из ствола березы и т. д. Среди героев называются косатый богатырь-бегун, не имеющий коленных чашечек и способный за ночь пробежать от верховий до устья реки, и шаман, чей бубен извещал о нападении врага всю округу. На Агане бытуют предания о совместном противостоянии хантов и лесных ненцев Иуси народу *авус ях*. Иногда сражения с «северным народом» заканчивались заключением мира и обменом подарками между богатырями.

ется не одно, а несколько этнических образований, а сюжеты легенд отражают угорско-самодийские конфликты на различных этапах этнической истории этих народов.

Ханты-мигранты могли заимствовать навыки оленеводства у ненцев еще в ту эпоху (условно, позднем средневековье), когда у последних еще не сложилось крупностадное оленеводство, и доминирующими были его ранние, стационарная или отгонная, формы. На это, во всяком случае, указывают характеристики, которые содержатся в предании питлярских хантов о народе *сорт ёх*, содержавшем оленей в деревянных загородах. В этом отношении объяснимо присутствие в культурно-хозяйственном комплексе северных хантов нескольких типов оленеводства: стационарного или «избного» (у казымских хантов, а также групп, пограничных с Казымом и Сев. Сосьвой), горно-таежного отгонного (у североуральских хантов), тундрового и лесотундрового (у самых северных хантов) [типологию оленеводства см.: Головнёв 1993: 86—87, 102, 196]. По существу ханты не просто заимствовали оленеводство у ненцев, а соучаствовали в его развитии, пройдя вместе с соседями-самоедами все стадии формирования североуральского оленеводства. В культуре северных угров до сих пор сохранились те ранние формы оленеводства, которые уже забыты тундровыми ненцами. Это в значительной мере обусловлено экологическими особенностями северной тайги, где возможно сосуществование различных типов оленеводства. Более того, ханты заняли ту территорию северного Зауралья, которая, по предположению А. В. Головнёва, входила в ареал первоначального становления северосамодийского оленеводства [1989а: 97—98; 1993: 102—106].

Для стационарного и отгонного типов оленеводства характерно содержание небольшого поголовья оленей. А. А. Дунин-Горкавич свидетельствовал, что на р. Сыня безоленных остяков не было, в 14 населенных пунктах 75 хозяев имели 1475 оленей, что составляло по 20 голов на хозяина [1995. Т. I: 168]. У сынских остяков семья, владевшая 150 оленями, считалась богатой [Тоболяков 1930: 63]. По данным И. Г. Юданова, на Сыне на одно хозяйство приходилось в среднем 40 оленей. Только 4 хозяйства круглый год занимались выпасом поголовья (т. е. были пастухами-кочевниками), остальные на полгода (с апреля по октябрь) отдавали свои стада на выпас пастухам. От нескольких десятков до нескольких сотен оленей на хозяйство держали войкарские, шурышкарские и собские ханты. Для хантыйского населения левых притоков Оби — Сыни, Войкара, Соби — местами летнего выпаса оленей служили отроги Урала, и только незначительная часть мало-

оленьих хозяйств практиковала содержание поголовья «у юрт, устраивая для оленей укрытие с дымокурами» [Юданов 1932: 43—44]. Зимние пастбища хантов Бол. Оби, и в частности шурышкарских хантов, находились «на питлярской и куповатской стороне». Не была исключением для этих групп круглогодичная передача оленей на выпас пастухам-родственникам.

Ханты правых обских притоков — Питляра, Собтыегана — имели небольшие стада оленей (до 100 голов), которые на летний период отправляли с пастухами на Урал или выпасали в окрестных лесах. На Куновате в 15 населенных пунктах у 33 домохозяев насчитывалось 226 оленей, т. е. по 7 голов на хозяина [Дунин-Горкавич 1999. Т. II: 168]. На лето куноватские ханты перегоняли объединенное стадо на Пос-Полуй, где его окарауливали с применением оленьих сараев, навесов и дымокуров. В зимний период практиковалось раздельное содержание оленей.

У населения низовой и верховой р. Казым заметно различались численность оленьих стад и способы их выпаса. Ханты, проживавшие в нижнем течении и на р. Обь, имели до 10—15 оленей на семью, объединенные стада выпасали на Вотме и Хататлюме. Население среднего течения содержало до 50—100 голов. Владельцами самых многочисленных стад, достигавших 3—5 тысяч голов, были ханты и ненцы верховой реки и оз. Нум-то. Верховские ханты выпасали оленей в междуречье Казыма и Куновата, а лесные ненцы осваивали тундры в районе озер Нум-то и Пяку-то, рек Надым и Ай-Надым. В летнее время для больших оленьих стад устраивали дымокуры, для небольших — оленьи сараи [Касум-Ех 1993: 41—44]. По замечанию А. А. Дунина-Горкавича, «по Казыму оленеводство удовлетворительно; там замечательно крупный скот». Остяки юрт Хуллорских, Ильбигортских и Вершинских имели от 10 до 400 оленей. В летнее время стада выпасали преимущественно на чистых местах под присмотром пастухов, которым выплачивали по 30 коп. с оленя за сезон. Не было безоленных остяков и на р. Вогулка: в пяти населенных пунктах у 20 домохозяев имелось 146 оленей, т. е. по 7 голов на хозяина [1995. Т. I: 168; 1996. Т. II: 240].

В целом для северотаежной области Нижнего Приобья было характерно сочетание стационарного и отгонного типов оленеводства, нередко совмещавшихся и дополнявших друг друга. Вертикальное кочевание (из речных долин в горные тундры Урала) способствовало укреплению связей между правобережными и левобережными хантами. При этом контакты между тундровыми оленеводами (ненцами) и североуральскими пастухами (хантами) были эпизодическими, поскольку зимой, когда тундровые ненецкие хозяйства достигали границы леса, северотаежные хантыйские группы уже уходили в отдаленные области своих промысловых угодий.

У хантов, живших в устье Оби и на побережье Обской губы, сочетались тундровый крупностадный и лесотундровый типы оленеводства. М. А. Кастрен отмечал, что остяки «различаются в своем образе жизни: одни из них живут только рыболовством, другие же, кроме того, содержат и оленей. Последние из них, по крайней мере, летом разделяются надвое, из которых одни исключительно преданы рыболовству, другие отправляются на кочевья со своими оленями». Особо он выделяет обдорских остяков, которые «разделяются на рыбаков и владельцев оленей. Первые живут по рекам, особенно по Оби и Надыму; последние кочуют, по крайней мере, часть года по тундрам и живут там в постоянном сношении с самоедами. Число остяков, занимающихся исключительно уходом за оленями, незначительно и ежегодно уменьшается от смешения с сильным племенем самоедов. Смешение это так быстро идет вперед, что оленные остяки не только усвоили себе верования, нравы и обычаи самоедов, но и даже их язык, на котором нередко говорят лучше, чем на своем» [1858: 314]. С. У. Ремезов в свое время подметил, что из числа различных групп остяков «обдоринские» выделяются тем, что «с самоедами емяются» [см.: Андреев 1939: 112].

С развитием крупностадного оленеводства в низовьях Оби сложилась свособразная хантыйская культура, представляющая собой нечто среднее между таежно-хантыйской культурой и ненецкой оленеводческой. В хозяйственном отношении она сочетает как ненецкие (преимущественно в оленеводстве), так и угорские (в промыслах) черты. Как отмечалось выше, эти самые северные ханты именуются *хаби* (*хабы, хапи, капи*). Ненцы называли так не только обских угров, но и селькупов, кетов. Первоначально этот термин означал «раб» [Кастрен 1860: 244], или «работник» — человек, нанятый пастухом к оленеводу. В связи с массовым вовлечением угорского северотаежного населения в оленеводство, название *хаби* приобрело этнонимический смысл [Головнёв 1988а: 92]. О *хаби* можно говорить как об относительно компактной и самобытной общности, сложившейся в сочетании угорской, таежно-самодийской и тундрово-ненецкой культур. В ее состав входили семь ненецких родов хантыйского происхождения (Салиндер, Неркыгы, Тибичи, Нядынгты, Пандо, Поронгуй, Лар), а также родственные им группы хантов, населявших устье Оби и берега Обской губы (*Пул авыт ёх, Выл послан ёх, Осяс ёх, Охсар юган ёх, Похрын ёх, Пул ёх*).

По мнению А. В. Головнёва, характер ненецко-угорских контактов на границе северной тайги и тундры определялся прежде всего эколого-хозяйственными процессами: становлением в XVII в. крупностадного оленевод-

ства, значительно расширившего амплитуду кочеваний тундровых ненцев, и развитием в XIX в. рыбопромышленного предпринимательства, на основе которого сложилась смешанная ненецко-угорская группа лесотундровых промысловиков-оленоводо-в. На основе территориально-хозяйственных связей происходил постоянный переток тундрово-ненецкого и таежно-угорского населения: разорившиеся оленоводы при переходе к промысловому способу хозяйствования подвергались угорской аккультурации, в свою очередь обские угры, попав в среду оленоводо-в, постепенно оненечивались. В северной тайге сложилась двойственная система собственности: хантыйская — на промысловые угодья, ненецкая — на оленоводческие пастбища [1988а: 91—92; 1995: 103].

Эпизоды хозяйственного освоения хантами пограничных с ненцами лесотундровых территорий отражены в материалах, собранных исследователями второй половины XIX — начала XX вв. И. С. Поляков записал на р. Надым следующее предание:

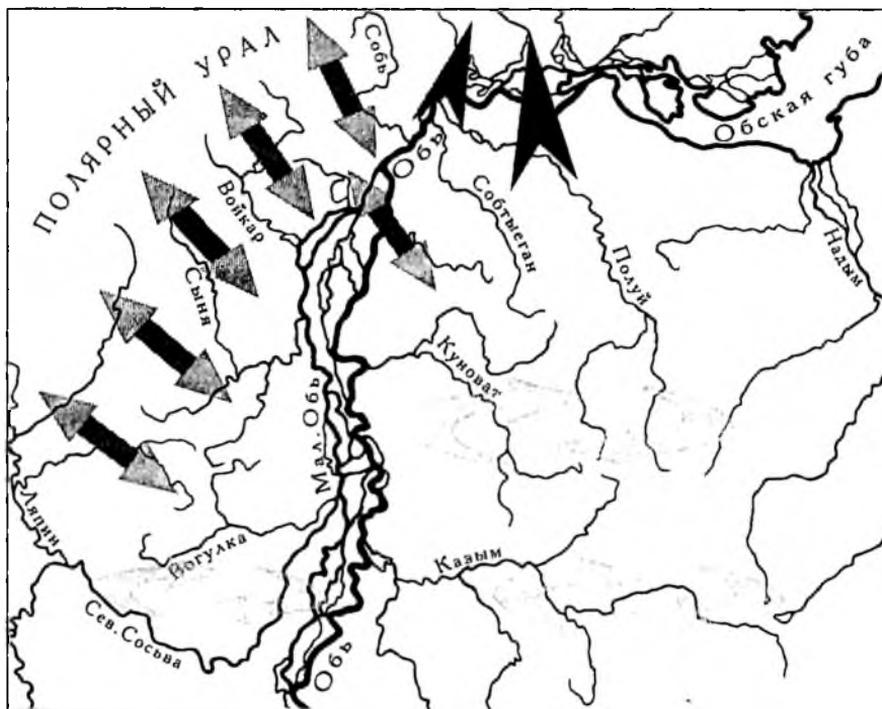
После того, как Торум сотворил воду и землю, здесь на Надыме, в Хоровой, поселился Ясовой, прародитель нынешних здешних вотчинников-остяков, трех братьев Няульчи, Хангая, Сон'гома. Он городил заездки (ез) и в них важанил... Однажды, когда случилось наводнение и большая часть земли была затоплена, Ясовой сидел около загороженного им заездка в русле реки и вел свой промысел. Вдруг к нему подъехал незнакомый остяк и стал просить, чтоб Ясовой, первый поселенец местности, отдал ему ез. Ясовой удивился и сказал, что приезжий может сам городить себе новый ез и важанить... Тогда вновь появившийся остяк, предок нынешних Надымских вотчинников, рода Тонки, Тямас-Катон, заехал вверх по реке, натянул лук и отправил свою стрелу в тыл Ясовой и, подъехавши на близкое расстояние, спустил ее. Стрела угодила прямо в затылок Ясовой, и он мертвый повалился в важану... Когда дети убитого достаточно подросли и окрепли, то пришельцы уговорили старшего в роде, чтоб он не сердился, не имел бы зла за смерть отца, за что обещали ему двух жен. Откуда появился первый житель Надыма, ничего не известно, родственники остяка Тямас-Катона, впоследствии заселившие эти земли, прежде проживали по Оби ниже Обдорска [1877: 146—147].

Н. К. Хондажевский сообщал, что «вокруг Надыма живут 22 остяцких семейств, попавших в работники к рыбопромышленникам, и летом приходят ловить рыбу несколько самоедских ватаг» [1880: 14—15]. Б. М. Житков писал, что «между Шучьей и Хадыте лежат кочевья Варвацких оленных остяков, число которых определить очень трудно, так как они часто меняют

места кочевий от хода рыбного промысла» [1913: 28]. В верхнем и среднем течении р. Щучьей, по указанию И. Н. Шухова, остяки в числе 30—40 человек, «гопимые нуждой, отчасти желая избавиться от уплаты громадных долгов, ... имея в виду заняться промыслом сельги», появились только в 1880-е гг. Однако к моменту экспедиции Шухова (1913 г.), «находясь на территории каменных самоедов, остяки настолько осамоедились, что совсем не говорили по-остяцки», только два остяка-старика помнили свой родной язык; примечательно и то, что пришельцы-остяки уже считались «вотчинниками» рыболовных угодий [1914: 26—27]. Во время экскурсии в бухту Находка (1912 г.) А. Бушевич обнаружил здесь три чума — один остяцкий и два самоедских. Самым зажиточным из них было семейство остяка, который имел «не только около ста оленей и обыкновенные самоедские рыболовные снасти», но и русскую лодку, и полуневод. Богатство остяка выражалось и в наличии трех жен и «принятого на хлебы самоедского мальчугана» [1914: 70, 80].

Приобщение северных хантов к оленеводству самодийского типа повлекло за собой восприятие основных элементов ненецкой оленеводческой культуры: ездовых и грузовых нарт, упряжи, передвижного жилища, мужской одежды, обуви и т. д. [Васильев 1988: 101]. Брачные связи хантов-хаби в значительной мере были переориентированы на пенцев, чему способствовало и складывание смешанной хантыйско-ненецкой общности промысловиков-олeneводов в устье Оби и на берегах Обской губы. Изменилась система миграций и расселения северных групп нижеобских хантов, в большей или меньшей степени заимствовавших ненецкий пастушеский стиль сезонных передвижений: север (лето) — юг (зима). Таким образом, если у южных групп нижеобских хантов по-прежнему преобладали широтные миграции (связывавшие левобережье и правобережье Нижней Оби, например питлярские ханты; верховья и низовья реки — куноватские, сынские и казымские ханты), то у северной группы хантов-хаби — меридиональные (связывавшие северную тайгу с тундрой). Соответственно сложилась и конфигурация границ расселения обдорско-куноватских хантов, отразившаяся в современном административном районировании: Шурышкарский район Ямало-Ненецкого округа охватывает оба берега Оби на широте северной тайги (зону проживания южной группы); границы Приуральского района вытянуты в меридиональном направлении и включают на юге устье Оби и смежные берега Обской губы, на севере — предгорья Полярного Урала и, частично, тундра Ямала (территорию расселения северной группы). Особняком стоящие березовцы и казымцы вошли, наряду с сосвинскими и ляпинскими манси, в состав Березовского и Белоярского районов Ханты-Мансийского округа (см. карту-схему 3).

Направления сезонных миграций
северных хантов-оленоводов
(зима—лето)

лесотундровое
(отгонное)

предуральское
(отгонное)

северотасжское
(стационарное)

На стыке ненецкой и угорской экзогамных систем

В системе общественных отношений северных хантов обнаруживаются явления, присущие, с одной стороны, более южным группам хантов и манси, с другой — ненцам. Выше шла речь о посреднической роли североугорских князей (Тайшиных, Артанзеевых) в социально-политической истории нижнеобских туземцев, об административной практике причисления обдорских остяков, подобно самоедам, к разряду «бродячих» инородцев (в отличие от других угорских групп, отнесенных к категории «кочевых»). В этих и других случаях общественная организация северных хантов проявляла свою двойственную, угорско-самодийскую, природу. Эта же характеристика может быть дана еще одной важной функции социальной системы северных хантов — экзогамным нормам, регулирующим брачно-родственные отношения. Лесотундровая полоса Нижнего Приобья исторически и до сегодняшнего дня остается ареалом тесных связей ненцев и северных хантов. В течение двух последних столетий часть нижнеобских хантов вошла в состав ненцев. Первое сообщение о родах хантыйского происхождения в составе тундровых ненцев в этнографической литературе было сделано Г. Д. Вербовым. Установив наличие среди ненцев семи хантыйских родов (Сальяндер, Лар, Неркыгы, Тибиця, Пандо, Поронггуй, Нядангты), автор определил признаки их этнической принадлежности к обским уграм: 1) сознание хантыйского происхождения и уверенность в этом со стороны ненцев; 2) частичное сохранение родного языка; 3) бытование религиозно-культурных элементов, присущих хантам (некоторых деталей похоронного обряда) и ношение кос; 4) наличие, наряду с ненецкими, хантыйских наименований родов, нередко связанных с названием прежнего местобитания [1939: 60—63].

Б. О. Долгих, продолживший изучение «остяцких» родов, определил территории их расселения по материалам переписи 1926—1927 гг. [1970: 74—75, 84, 106—114]. В. И. Васильев на основе сопоставления архивных статистических и полевых генеалогических материалов пришел к заключению «о сравнительно позднем по времени вхождении хантыйских компонентов в состав тундровых ненцев» [1979: 211]. А. В. Головнёв соотнес названные ненецкие роды с соответствующими хантыйскими социальными группами, установил сложный состав отдельных родов (например наличие двух групп в составе рода Неркыгы, более десяти — в составе рода Салиндер), определил экономические и брачно-родственные механизмы ненецко-хантыйских связей [1988а: 90—97]. В нашу задачу входит характеристика внешних и

внутренних (прежде всего брачно-родственных) связей северохантыйских сообществ, с которыми связаны своим происхождением семь родов *хаби*.

В состав родов хантов-*хаби* входили фамилии:

Выл послан ёх ('Большой протоки народ', ненецкое название Неркыгы (Неркаги) — 'Тальниковые') — Тяви, Климовы, Выжигари, Ходяковы;

Осяс ёх (нен. Тибичи — 'Тнилые') — Лелет, Лондо, Тибичи, Салло, Хейвы, Айхо, Макаровы;

Охсар юган ёх ('Лисей реки народ', нен. Пандо) — Выйчины, Чарлины, Пандо, Таличины, Могольковы, Круптинские, Хуиндо;

Похрын ёх ('Островные', нен. Пороцгуй) — Ядобчевы, Хановины;

Пул ёх ('Реки Полуя народ', нен. Лар — 'Озерные') — Атаман, Кали, Шеховы, Магя, Тохма;

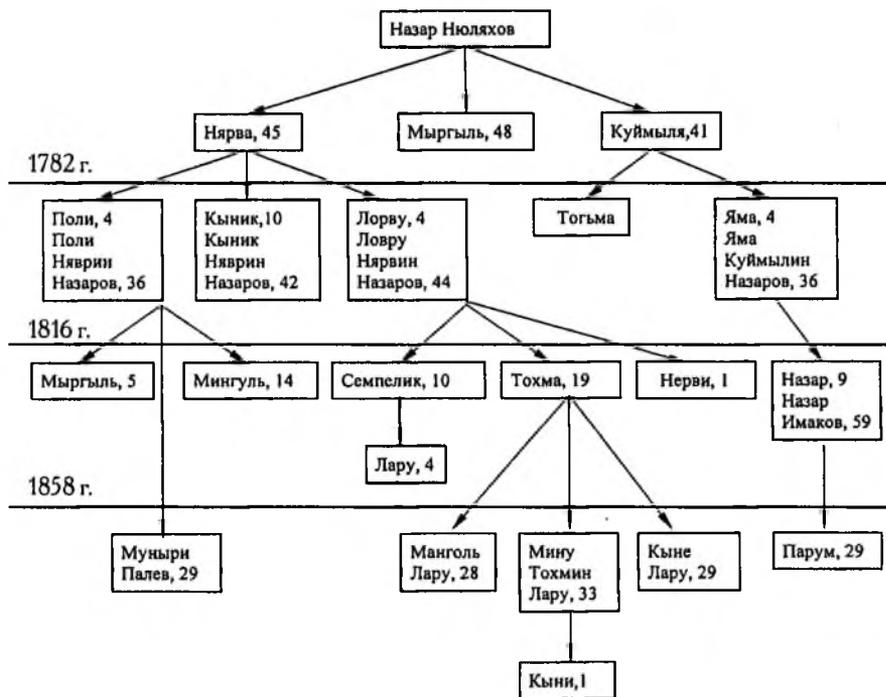
Пул авыт ёх ('Устья Полуя народ', нен. Сяландер — 'Житель мыса') или *Канась ёх* ('Княжеский народ') — Тайшины, Куйбины, Теткины, Мазеркины, Рускаламовы, Ермаковы, Ендыревы, Альма;

Нядынги (нен. Нядагты — 'Ягельные').

В одной из работ В. И. Васильев отмечает, что «самоедизация» названных родов «представляла довольно длительный процесс», который «нашел отражение только в материалах второй половины XIX в., причем не в данных официальных переписей, а в церковных метрических книгах» [1988: 102]. Между тем уже в материалах ревизий можно отыскать свидетельства формирования родов *хаби*. Вполне вероятно, что семь родов *хаби* были причислены в ревизских сказках к семи северным городкам Обдорской волости. В качестве иллюстрации обратимся к материалам переписей по Полуёскому городку и проследим изменения фамильного состава его жителей с конца XVIII в.

В конце XVIII в. в Полуёском городке проживало 123 человека. В начале XIX в. численность городка составляла 137 чел., в середине того же столетия — 112 чел. В 1782 г. в Полуёском городке было учтено 18 фамилий, в том числе фамилия Нюляхов. В 1816 г. Нюляховы были записаны, по христианскому имени родоначальника, Назара Нюляхова, Назаровыми (см. схему 2). Одного из внуков Назара Нюляхова звали Лорву (вероятно, Лор-ху) Назаров. Как видно на схеме, один из сыновей Лорву в 1850 г. был записан под фамилией Лару. Другой сын Лорву носил имя Тохма. В 1850 г. дети Тохмы записаны под фамилией, образованной от имени отца (Тохма), в 1858 г. они же записаны под двойной фамилией Тохмин—Лару (по именам отца и деда).

Генеалогия фамилии Ньюляхов
(составлена по данным переписей 1782–1858 гг.)

В Нижнем Приобье известны род Лар (среди ненцев) и фамилия Тохма (среди хантов). Оба названия переводятся с хантыйского: Лар — 'Озерные', Тохма — 'Маленький кусающийся мальчик'. По преданию, Лар и Тохма были родными братьями и прежде жили на р. Полу́й (по-ненецки Полу́й называется Лар яха — 'Озерная река'). Они были настолько бедны, что «за хлебом приходилось в Обдорск пешком ходить». В поисках богатых рыболовней Лар со своими людьми ушел в самое устье Оби (к Салемалу). Тохма и его люди остались на Полуе. Позднее от имени первого брата произошел ненецкий род Лар, от имени другого была образована хантыйская фамилия Тохма. Однако они продолжают считаться кровными родственниками, и браки между ними запрещены. Одновременно всех жителей Полуя, относящихся, наряду с Тохма, к роду *Пул ёх*, ненцы стали именовать Лар.

Род Лар вошел в состав ненецкой фратрии Харючи, тогда как остальные шесть родов *хаби* относятся к фратрии Вануйто [о фратриальной принадлежности *хаби* см.: Вербов 1939: 61]. По-видимому, экзогамная «исключительность» рода Лар основана на том, что в момент его вхождения в ненецкую среду он уже был связан территориальным родством с жившим по-соседству ненецким родом Анагуричи (по преданию, один рукав р. Полу́й считался владениями ненцев Анагуричи, другой — хантов *Пул ёх*). Браки между Анагуричи и *Пул ёх* до сих пор запрещены.

Остальные шесть родов *хаби* вошли в состав ненецкой фратрии Вануйто ввиду того, что относились к разряду пришельцев, в отличие от группы Харючи — *ненэй ненэче* ('настоящих людей'). В то же время, по материалам ревизий, *хаби* не выглядят сколько-нибудь определенно принадлежащими к одной из ненецких фратрий. Они заключали браки между собой, основываясь на нормах хантыйской локальной экзогамии, а ненцы по отношению к ним соблюдали правила ненецкой дуальной экзогамии. Ненцы фратрии Вануйто, в отличие от родов фратрии Харючи, не брачевались с *хаби* шести родов (кроме рода Лар). По данным переписи 1782 г., из 59 браков, заключенных ненцами с остячками, на долю фратрии Вануйто приходится лишь 8 (13,6 %) (см. табл. 10).

Из восьми женщин-*хаби*, взятых замуж ненцами фратрии Вануйто, пять проживали прежде в Надымском городке. Бассейн р. Надым был самой отдаленной северо-восточной территорией расселения хантов, где они появились на последнем этапе своего продвижения на север (приблизительно в XVIII–XIX вв.).

Пришельцы-ханты первоначально вступали в брачные связи с представителями обеих ненецких фратрий до тех пор, пока на основе территориаль-

**Брачные связи самоедов с остячками
Обдорской волости в конце XVIII в.*
(ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43)**

	О б л о р с к	В о к с а р к о в	Н а д ы м	П о л у й	В о р в а ж	В о я т в а ж	В ы л п о с л	Итого
Остяцкий городок								
Самоедский род								
Браки самоедов фратрии Харючи с остячками								
Карачея	18	4	3	-	1	-	2	28
Ану Карачея	4	6	2	-	-	-	-	12
Езынгя	6	-	-	1	-	-	-	7
Нарычи	1	-	-	-	-	-	-	1
Адер	2	-	1	-	-	-	-	3
Всего	31	10	6	1	1	-	2	51
Браки самоедов фратрии Вануйто с остячками								
Ваното	-	-	1	-	-	-	-	1
Япгик	-	-	1	-	1	1	-	3
Яр	-	-	1	-	-	-	-	1
Муртюк	-	1	2	-	-	-	-	3
Всего	-	1	5	-	1	1	-	8

* Представлены роды каменных и низовых самоедов, в которых зафиксированы браки мужчин-самоедов с женщинами-остячками.

ного родства не сформировалось осознание их принадлежности к определенной ненецкой фратрии. Ближайшими их соседями в Надымской тундре оказались ненцы рода Анагуричи, относящиеся к фратрии Харючи (Анагуричи называются в преданиях «чистыми» *ур ёх*). По легендам, во время потопа один человек в этих местах был обнаружен «сидящим» (спасающимся) в лодке, поэтому его прозвали Анагуричи — 'Кормовая часть лодки' (от ненецкого *лано* — 'лодка' и *харчи* — 'задняя часть'). Название одной из ветвей рода — Лавер — переводится как 'Весло'. Е. П. Мартынова выявила,

что род Анагуричи (Нано-Харючи — ‘Лодочные Харючи’) имеет подразделения: Харючи (‘Подобные журавлю’), Лобер (‘Весло от лодки’), Нойтем (‘Красные подвязки на кисах’) и Цоба. Сопка Поньте неподалеку от современного пос. Аксарка — место первоначального пристанища Аначуричи после потопа, именно оттуда они расселились по всему южному побережью Обской губы. Из-за тундровых земель Анагуричи постоянно воевали с *пяками*. Только после обмена девушками-невестами и клятвы у «высокой лиственницы», наступило примирение [2001: 138]. Род Анагуричи по-хантыйски именуется Юганпелек (от хант. *юган* — ‘речка’ и *пелек* — ‘половина’, ‘сторона’) или Юмпелек — ‘По другую сторону югана (Полая) живущие’. Полуийские ханты определяют их своими давними соседями.

Родством с Анагуричи связаны надымские *хаби* Нядынги, по легендам, осевшие после потопа на одном «ягельном клочке земли» и ставшие считаться родственниками. По записанному Г. М. Дмитриевым-Садовниковым преданию, «фамилия Нядынги из рода Погрон-яг (Островной народ)» обосновалась в Надымской дельте у Святого Мыса во времена потопа. В начале XX в. остяко-самоеды Нядынги причисляли себя к самоедам [1917: 24; 1918: 28]. Нядынги (Нядунги) на ненецком означает ‘Ягельные’ (от *няда* — ‘ягель’, ‘мох’). Пуровские лесные ненцы относили «мох едящих людей» к коренным жителям верховий Надыма (*Нятан еха* — ‘Моховая речка’). В сказаниях великаны-Нядунги запрягали в упряжку людей и ели человеческое мясо. «Самоеды, они и есть самоеды» — говорят о них лесные ненцы. В одной из легенд, младший сын бога *Нума*, женившись на жещнице Нядунги, научил их род есть олений жир и рыбу. Основным занятием «мох едящих» была охота на дикого оленя с помощью петель и «скрадом». На лыжах они передвигались так быстро, что не оставляли следов. Были сильны — могли унести «бревно с семью панизаншими на него дикими оленями». Жилища свои строили в сопках среди тальниковых кочек.

По данным Е. П. Мартыновой, род Нядонги (Нядынги) издавна проживал в низовьях Надыма и связан с обитателями Надымского городка (*Нямдотто харад* — ‘Рогатый дом’ или *Харад несыто* — ‘Дом у озера’). Среди местного населения они слышат «драчунами и разбойниками», за что имеют прозвище *саю* — ‘воинственные’. По легенде, занимавшиеся охотой, рыболовством и оленеводством и ездившие на собачьих нартах Нядонги жили в «земляных домах» и постоянно воевали с «береговыми самоедами». Когда были убиты все взрослые мужчины городка, оставшиеся в живых долго прятались в землянках, но голод не пощадил никого. Спасти сумел только мальчик

Улов (Бол. Обь)

Летний рыбака (р. Обь. Обь)

Разделка рыбы (р. Бол. Обь)

Макушка чума (Полярный Урал)

Оленевод (Полярный Урал)

Стойбище на Полярном Урале

Укладка парты (Полярный Урал)

У коралы (Полярный Урал)

по имени Сэрос ('Выживший от голода'), которого вырастили ненцы из рода Явэй, а затем женили на своей дочери. От этого парнишки и ведет происхождение род Нядонги. К исконным же жителям р. Надым исследовательница относит хантыйский род Ясовей (низовья реки) и связанный с лесными ненцами род Вэлла (среднее и нижнее течение реки). Представители других родов, как ненецких, так и хантыйских по происхождению, «заселяли бассейн р. Надым и южный берег Обской губы с Нижней Оби» [2001: 136—138].

По данным 4—10-й ревизий, Агануричи и Нядынги в составе Надымского городка не обнаруживаются. Однако среди населения городка отмечены несколько фамилий, которые легко соотносятся с именами потомков остяка, захватившего земли вотчинника Ясовой (из предания, поведанного И. С. Поляковым). Среди названных были Тонка, Тярмас-Катон и Индерма [1877: 146—147]. Одной из основных фамилий Надымского городка в конце XVIII в. была Хатанев⁴. От имени Тормаса Хатанева (в повествовании — Тярмас-Катона) была образована фамилия Тормасов, зафиксированная 7-й ревизией, наряду с «отцовской». В середине XIX в. от фамилии Тормасов отделяются «дочерние» Тонкини и Лятегин, образованные от имен Тонки Тормасова (в повествовании — Тонка) и Ляденга Ударова Хатанева. Возглавлял Надымский городок остяцкий старшина Сераб Тонкин. Судя по фамильному составу, к городку, наряду с остяками, были причислены и самоеды. К последним с большой долей вероятности можно отнести фамилии Тадебин и Вызыны—Ненчи (см. прил. I, табл. 6).

Вероятно, сразу после переселения хантов на р. Надым Нядынги вступили в брачные контакты с местными жителями, ненцами Анагуричи, вследствие чего вскоре на основе территориального родства-свойства сложилось их экзогамное единство. Воспринимавшиеся как родственники Анагуричи, надымские хаби (Нядынги) стали относиться к фратрии Харючи и выступать в качестве брачных партнеров Вануйто. Позднее род Нядынги переориентировался в брачных связях (возможно, за счет его пополнения новыми мигрантами) и стал считаться одной из ветвей «сборного» рода Салиндер. Благодаря этому в настоящее время он относится к фратрии Вануйто, хотя в пределах Надымской тундры сохраняется память о его близости к «настоящим ненцам» Анагуричи. Этнографические данные о сложном формировании населения р. Надым подтверждаются выводами антропологов о наибольшем тяготении к финно-уграм крайне западной — канинской и крайне восточной — надым-

⁴ Кроме того, Хатаневы, по материалам переписей 1782—1858 гг., зафиксированы в Ююльском городке Ляпинской волости (прил. VI, табл. 2).

ской групп в этническом ареале тундровых ненцев [Аксянова, Аксянов 2000: 194—195].

Очевидно, что население северных городков Обдорской волости было смешанным, состоящим из остяков и самоедов. Приведу лишь два примера. Группа самодийцев *орас ёх* ('обской лесной народ'), к которому относятся ненцы Негачи и Садо, проживала около Горноказымска и, по словам местных стариков-хантов, «относилась к породе ненцев, но была сильно смешанной с хантами». По материалам ревизий 1782—1858 гг., Саду были приписаны к Ворважскому городку (ю. Казымские) в числе «остяков» (прил. I, табл. 5). Среди «остяков» Обдорского городка значатся фамилии Адер (Одер) и Нячин, «образованные, вероятно, от наименований ненецких родов Надер и Няч» [Головнёв 1988а: 93]. Здесь же, в Обдорском городке, среди остяков встречается фамилия Яр, которая соотносится с одноименным ненецким родом. В то же время род старшины Мадца Нячина (вероятно, ненца по происхождению), составлявший население городка Обдорский-2, включал хантыйские фамилии Мазеркин и Тетхов (Теткин), причисляемые хантами к роду *Канась ёх* (прил. I, табл. 1).

Таким образом, население северных остяцких городков и составлявших их родов в период проведения ревизий представляло собой смешанную остяцко-самоедскую общность. Здесь и происходило формирование брачных ориентаций соседей — ненцев и хантов — на основе многочисленных механизмов образования «нового родства», рассмотренных в предыдущей главе. Если ненцы разных родов взяли замуж 59 остячек (по данным 4-й ревизии), то число браков остяков с ненками почти втрое больше — 145, что составило около 29 % общего количества браков, заключенных мужчинами-остяками Обдорской волости. Подавляющее большинство это браки между остяками и самоедками фратрии Харючи; на долю фратрии Вануйто пришлось лишь 15 браков — 10,3 % (см. табл. 11).

Из двух приведенных соотношений ненецко-хантыйских и хантыйско-ненецких брачных ориентаций, видно, что в том и другом случаях остяки северных городков по отношению к ненцам следовали правилам тундрово-ненецкой бифратриальной системы, заключая браки преимущественно с представителями фратрии Харючи. На брачные связи среди самих хантов-хаби ненецкие экзогамные правила не распространялись — жители северных городков вступали в браки между собой по правилам хантыйской родовой и локальной экзогамии. Таким образом, северные ханты оказались включенными в две экзогамные системы — ненецкую и хантыйскую, учет которых при

Брачные связи остяков с самоедками
Обдорской волости в конце XVIII в.
(ТФГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43)

Остяцкий городок	О б д о р с к	В ы л п о с л	В о я т в а ж	В о к с а р к о в	В о р в а ж	Н а д ы м	П о л у й	С о б с к и й	Итого
Самоедский род									
Фратрия Харючи									
Карачея	38	8	1	8	3	5	-	-	63
Апу Карачея	11	1	1	11	2	2	-	-	28
Тазу Карачея	-	1	-	-	-	-	-	-	1
Адер	3	4	-	2	-	-	-	-	9
Езынги	8	1	-	-	1	-	-	-	10
Югомпелек	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Всего	61	15	2	21	6	7	-	-	112
Фратрия Вануйто									
Тэзыи	3	-	-	-	-	-	-	-	3
Лагей	-	1	-	-	-	-	-	-	1
Пучей	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Айваседа	-	-	-	-	-	-	1	-	1
Япгик	-	-	-	1	-	-	-	-	1
Вануйто	2	-	-	2	-	1	-	1	6
Муртюки	2	-	-	-	-	-	-	-	2
Всего	8	1	-	3	1	1	1	-	15
безуказания рода	11	3	1	2	-	-	1	-	18
Итого взяты	80	19	3	26	6	8	2	1	145

выборе брачного партнера зависел от местожительства и социального окружения: к примеру, на севере Ямала (вдали от хантыйской территории) браки между Салиндер и Поронгуй считаются недопустимыми, поскольку оба рода хаби относятся к фратрии Вануйто; в Надымской тундре (на границе с землями хантов) подобный брачный союз соответствует местным экзогамным нормам.

Рост подвижности населения вследствие развития оленеводства обусловил территориальное рассредоточение и перегруппировку хантыйских родов. Род *Похрын ёх*, ранее проживавший в ю. Собских (Похрынковых) Куноватской волости (прил. II, табл. 11) частично переселился в низовья Оби, где в конце XIX в. появляются ю. Похранховы (песок Нанги) [см.: Патканов 1911: 36; Дунип-Горкавич 1915: 30]. На новой территории ханты Похранховы становятся ненцами-хаби Поронгуй, у них складывается «новое родство» в отношении рода Пандо, а также (фамилии Ядопчевых) с родами Анагуричи и Неркыгы. По указанию Г. М. Дмитриева-Садовникова, к роду *Похрын ях* принадлежали и надымские Нядынги (Ядопчу) [1917: 24]. Подобным образом сложилось «родство» родов Тибичи (*Ояс ёх*) и Неркыгы (*Выл послан ёх*), скрепленное общим культом. Территориальные (брачные) связи привели к осознанию экзогамного единства между родом Пандо и мигрировавшими в низовья Оби оленеводами Серасховыми и Тобольчинными, между родом Неркыгы и Собринными [Головнёв 1988а: 93—94; Перевалова 1990: 78—80, 1991: 125—126].

В этнографической литературе, посвященной ненцам, семь родов хаби принято называть «ненецкими родами хантыйского происхождения». С точки зрения ненцев, это действительно так. Род Неркыгы, имевший подразделения Пя-Неркыгы (Лесные Неркыгы) и Яв-Неркыгы (Морские Неркыгы), был расселен группами в отдаленных приморских тундрах Ямала и близлежащих к лесной полосе районах Приобья. Еще большей территориальной разобщенностью характеризуется род Салиндер [Головнёв 1988а: 93—94]. Соответственно, степень «оненечивания» различных подразделений этих родов была неодинакова. Если в северных тундрах Ямала и Гыдана представители рода Салиндер считаются ненцами, то их дальние родственники, оставшиеся в лесотундре и северной тайге, продолжают называть себя хантами. Однако и в том и в другом случаях они выделяются в среде окружающего населения: на севере считаются связанными с хантами, на юге — с ненцами. Другими словами, если с позиции ненцев их можно считать «ненцами хантыйского происхождения», то с точки зрения хантов они выглядят

«оненечившимися хантами». Это относится и к их системе брачно-родственных ориентаций, в которой сочетаются установки ненецкой дуально-фратриальной организации и хантыйской билинейно-родовой экзогамии.

В той же степени, в какой ненецкая бифратриальная система воздействовала на экзогамные нормы самых северных групп нижнеобских хантов, на южные группы оказывала влияние дуально-фратриальная организация манси и хантов таежного Приобья. Как уже говорилось, свидетельства о принадлежности того или иного рода (фамилии) к угорским фратриям Пор (Послан) и Мось можно встретить среди хантов рек Казым, Сыня, Куноват и прилегающих к их устьям обских территорий; севернее они, если и обнаруживаются, то не считаются определяющими для экзогамных норм. К примеру, ханты Питляра имеют представление о существовании Пор и Мось, но заявляют при этом, что сами не относятся ни к тем, ни к другим. На Полуе часть рода *Пул ёх* (Атамапы, Тохма) причисляют себя к Мось, другая часть (Кали, Магя, Шеховы) — к Пор, при этом все вместе они составляют единую экзогамную группу.

Основная часть сведений о делении обских угров на фратрии Пор и Мось касается районов проживания северных манси и соседних с ними групп северных хантов. В. Н. Чернецов и Э. П. Соколова рассматривают дихотомию Пор—Мось как древний социальный феномен, присутший обским уграм в целом [см.: Чернецов 1939; Соколова 1983]. В. Г. Бабаков и А. В. Головнёв считают дуально-фратриальную организацию локальным явлением, свойственным уграм сосвинско-ляпинского бассейна и ряда районов Нижней Оби [см.: Бабаков 1973б: 160—169, 1988; Головнёв 1988а]. В. Г. Бабаков предлагает связывать вопрос о терминах *Пор ёх* (*махум*) и *Мось ёх* (*махум*) с относительно «поздними процессами этнической миксации южных и северных групп хантов и манси, происходившими в Западной Сибири под напором сначала тюркской, а затем и русской колонизации» [1988: 47]. По мнению А. В. Головнёва, обско-угорская дуально-фратриальная система начала складываться недавно, с середины II тыс. н. э., вследствие роста мобильности оленеводческих групп. Продвинувшиеся на север североуральские манси (предгорно-таежная охотничье-олeneводческая культура) столкнулись с местными хантами (приречно-таежной промысловой культурой). Контакт двух культур привел к смене свойственных полуседлому промысловому населению локально-билинейных экзогамных установок дуально-экзогамными, основанными на широком фронте новых брачных контактов подвижного оленеводческого населения [1988а: 96—97].

Несмотря на отмеченные различия, мнения названных авторов сходятся в том, что возникновение дихотомии Пор—Мось следует связывать с контактом и слиянием двух (или более) различных в культурном отношении групп. Эта позиция, высказанная первоначально В. Штайницем [Steinitz 1938], представляется нам непротиворечивой и соответствует данным о различных миграционных потоках угров в Нижнее Приобье. Оставляя в стороне сложную проблему генезиса обско-угорской фратриальной организации и полемику относительно масштабов ее распространения, рассмотрим проявления угорской дуально-эзогамной системы у нижнеобских хантов.

В главе о войнах и миграциях мы привели данные о переселении на север «людей мось» и «людей пор (*послан*)», их семейном составе, некоторых особенностях культово-ритуальной практики. Для рассмотрения экзогамных норм важное значение имеет свойственное северным хантам противопоставление Мось как «местных» («чистых») и Послан (Пор) как «пришлых». Роды, относящиеся к Мось, на Сыне называются *Сеня ёх* ('Сыни народ'), на Куновате — *Кун авыт ёх* ('Куновата народ'), на Казыме — *Касум ёх* ('Казыма народ') или *Торум сир ёх* ('По законам Торума живущий народ'), что подчеркивает их «местное» происхождение. В то же время, как отмечалось, «местными» мось ёх стали в результате завоевания ими территорий самоедов *ур ёх*. Таким образом, понятие «местный» имеет в большей мере значение «основной», «господствующий», что подкрепляется соответствующими мифологическими и ритуальными традициями (например преданиями и святилищами, посвященными братьям-воинам мось на Куновате). В отличие от Мось, Послан (Пор) на притоках Оби — Сыне, Куновате, Казыме — выглядят «пришлыми», «сборными», не имеющими единого культа. Деление сынских и куноватских, березовских и казымских хантов на Мось и Пор (Послан), сходное с ненецким делением на «настоящих» Харючи и «других» Вануйто, играло важную роль в регламентации брачных связей. Можно считать, что сынские и куноватские ханты представляли собой северный рубеж распространения дихотомии Мось—Пор (Послан). Районы Сыни и Куновата прилегали с севера к бассейну Сев. Сосьвы и Ляпина, где дуально-фратриальная система выражена наиболее отчетливо. Постоянные брачные контакты наблюдались между березовско-казымскими хантами и населением Сев. Сосьвы и Ляпина. В то же время среди названных групп встречаются роды, не причисляющие себя ни к одной из фратрий, например березовские Рябчиковы (*Кирнёлпи ёх*).

Имеются фамилии с двойной фратриальной принадлежностью. Как правило, это «записанные под чужими фамилиями» представители того или иного рода, например сынские Куртямовы, куноватские Тояровы, тегинские Неттины.

К северу от рек Сыня и Куноват ни «местные» Мось, ни «пришлые» Послан не представляли собой монолитные группы. Если и существовало понятие о принадлежности какого-либо из родов к Мось или Послан, то оно не имело брачнорегулирующего значения. Род войкарских хантов *Ай вош ёх*, относящийся к Мось, находился в брачных связях с родом малообских хантов *Нёрапса ёх*, также причисляющим себя к Мось. Кушеватские ханты Русь-миленко, по преданию, связаны брачными отношениями с жителями Сыни и Куновата, но определить свою принадлежность к Мось или Пор затрудняются. Еще дальше к северу, среди хантов устья Оби и берегов Обской губы, сведения о Пор и Мось не распространены.

Таким образом, брачно-родственные отношения в среде северных хантов регламентировались преимущественно нормами родовой билинейной экзогамии. На севере и юге ареала они дополнялись установками дуально-фратриальных систем: самые северные группы были вовлечены в ненецкую бифратриальную организацию (Харючи—Вануйто), южные — в тасжно-угорскую (Мось—Пор).

Две традиции в мифоритуальном отношении к собаке и медведю

В мифоритуальной сфере северных хантов, как в хозяйственных и социальных отношениях, обнаруживается совмещение самодийских и угорских традиций. Мы ограничимся лишь отдельными иллюстрациями, которые сами ханты и ненцы нередко используют для демонстрации различий между их культурами. К таковым, помимо прочих, относятся представления о собаке и медведе. Кроме того, и собаке, и медведю отведено значительное место в культово-ритуальной практике как угров, так и самодийцев.

«Запретная» и «жертвенная» (собака)

Северным хантам известно собаководство двух типов: ездовое, сосредоточенное у берегов крупных рек, и охотничье, распространенное в глубинно-таежных районах [см. Головинёв 1993: 106—110]. Ханты-оленоводы держали для окарауливания стад пастушеских собак-оленегонок.

Нижнее Приобье было центром угорского ездового собаководства⁵, о чем свидетельствуют находки деталей собачьей упряжи на Усть-Полуе [Мошинская 1965: 22, 41]. Езда на собаках была известна аборигенному досамодийскому населению Ямала и сохранялась у ненецких родов Япстик и Яунгад. В то же время в ненецком фольклоре упоминания об упряжном собаководстве связываются с побережьем «большой реки» (низовьями Оби) и соотносятся с «остяками» (в частности с «салиндерами»). На обском устье живает рыбак Вэннотэтто ('Владелец собак') [Головнёв 1993: 108—110]. Нижнеобской остяк Сибарев увозит девушку *Менк эви* с горы *Паль важ нёль* на собачьей упряжке. В легендах северных хаптов *Лоон верты ими* — 'Жилы сучащая женщина' делает нитки из собачьих сухожилий.

Об использовании жителями Обского Севера ездовых собак повествуют письменные источники [Титов 1890: 17—21; Новицкий 1884: 37; Георги 1776: 68; Паллас 1788: 22; Андреев 1947: 101]. Г. Новицкий, в частности, подчеркивал, что «путь свой zde» отправлять «ради многих и высочайших снегов» возможно только на оленях или псах. Для передвижений остяк «и по пяти, и по шти, и двенадцать до единых нарт закладывает псов». За день собачья упряжка могла преодолеть расстояние пятьдесят и более верст [1884: 37]. По словам войкарских хаптов, «упряжка из трех собак могла поднять ездока и 150 кг груза».

Как отмечал А. В. Головнёв, содержание ездовых собак было целесообразно исключительно в районах интенсивного рыболовства (на крупных реках) [1993: 110]. Каждая ездовая собака потребляет в день до 2 кг рыбы, для прокорма упряжки в 5—7 собак требуется 10—14 кг рыбы в день [ГФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 42: 5—5об.]. О содержании собак остяками В. Ф. Зуев писал: «Добрые собаки никогда из юрт не выпускаются, а езжалые на дворе всегда около юрт пребывают, но когда остяку, куда ехать надобится, то всех споняет в избу и, тут накормя, запрягши выезжает. Впрочем, и все собаки обыкновенно в юртах трескают, а из некоторых и спят тут

⁵ Вопрос о происхождении упряжного собаководства в североведческой литературе решается неоднозначно. Считая территорией становления упряжного собаководства север Западной Сибири, исследователи расходятся во мнениях об этнической среде его формирования. Л. В. Хомич предполагала заимствование ненцами упряжного собаководства от русских поморов в XIV—XV вв. [1966: 39, 90]. В. И. Васильев считал его характерным для хозяйства самодийского аборигенного населения западно-сибирской тундры [1979: 57, 74—65]. Е. Г. Фёдорова утверждает, что ездовое собаководство сформировалось в среде древнего самодийского или досамодийского населения [2000: 86]. А. В. Головнёв выделяет приморско-тундровый и нижнеобской ареалы развития ездового собаководства [1993: 106—111].

Мужской пояс (р. Бол. Обь)

Жертвоприношение (р. Мал. Обь)

Трапеза у священного лабаза (р. Войкар)

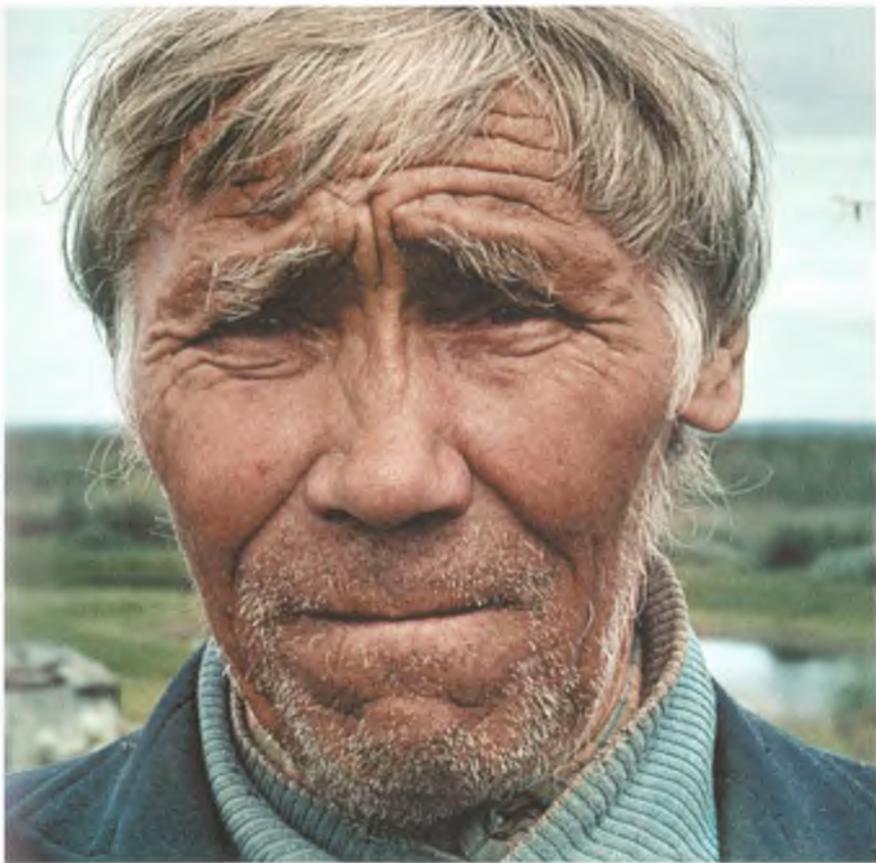
Божество Ас ики (р. Полуй)

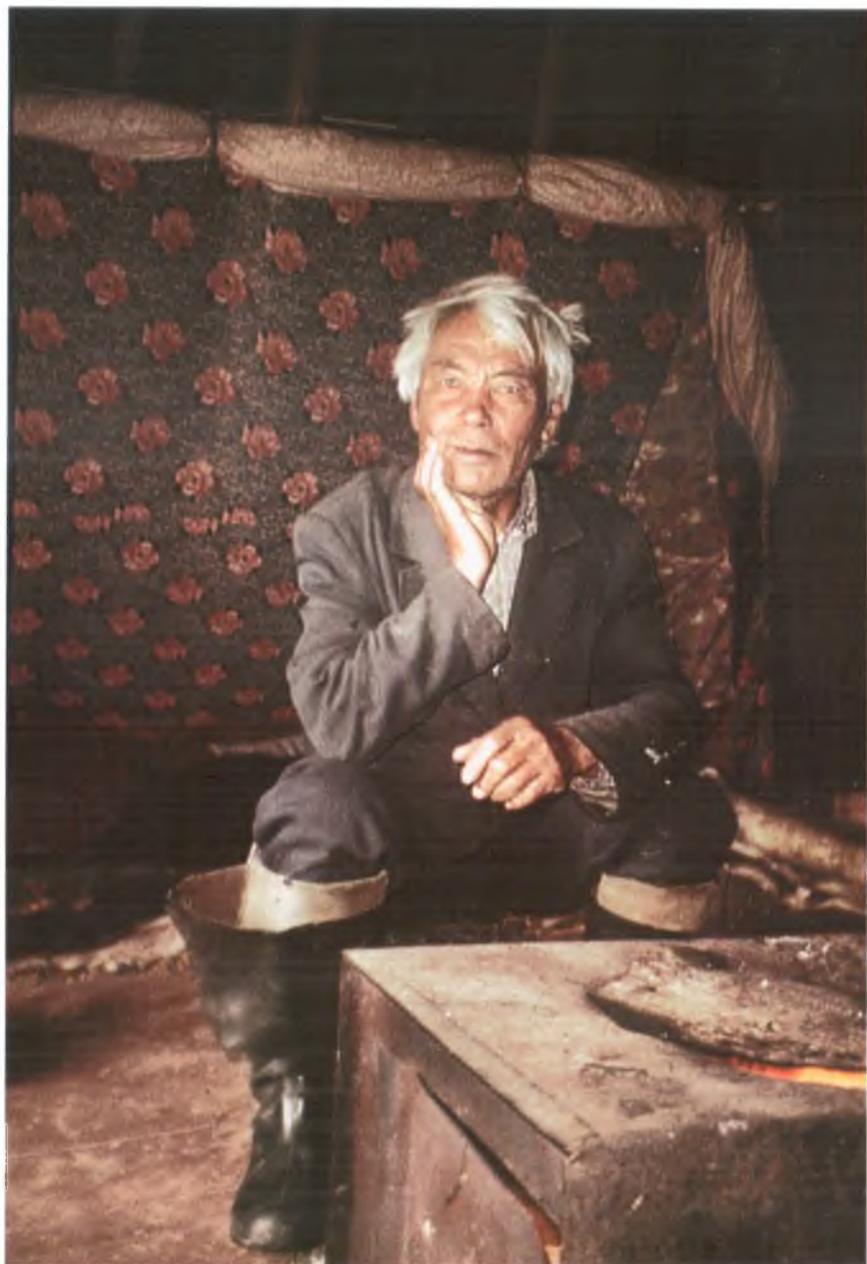
Иконы в чуме (р. Бол. Обь)

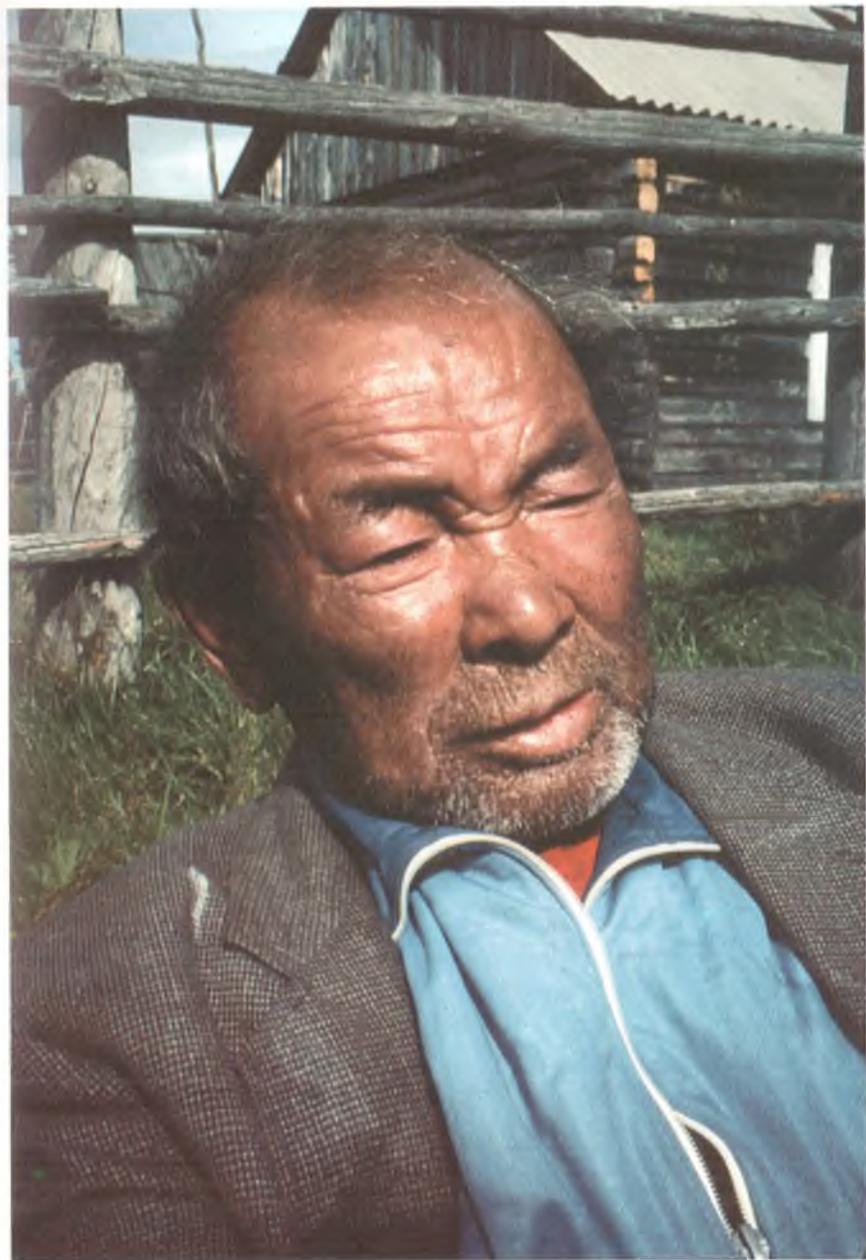
У берестяного чума (р. Мал. Обь)

На берегу Полуя

Разговор (р. Бол. Обь)

В гостях на Войкаре

Среди домашних святынь (р. Сьня)

Кукла по умершему иттарма (р. Мал. Обь)

Кладбище душ-ионгот (р. Полуї)

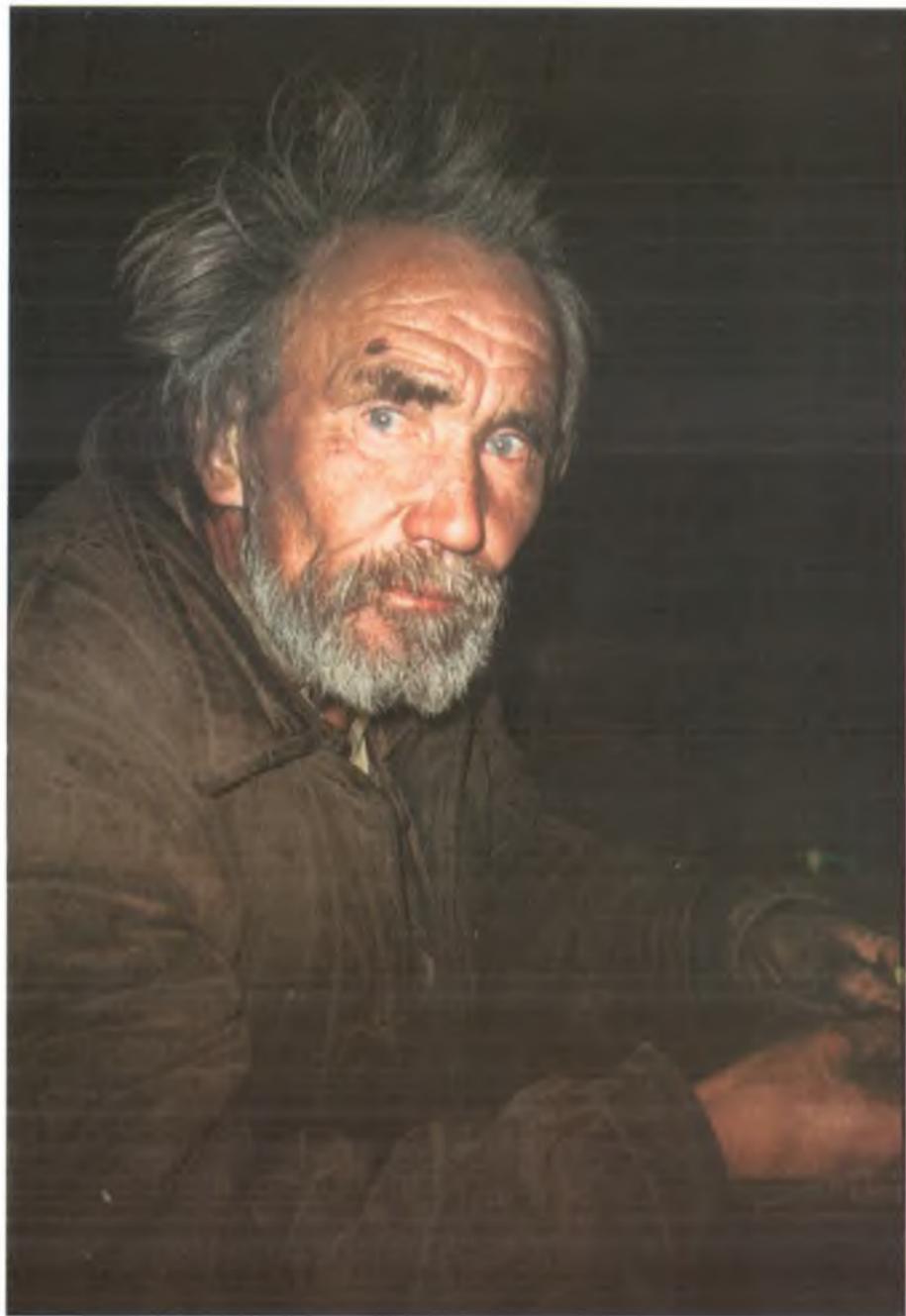
Поминание усопших (р. Куловат)

Захоронение-ура (р. Сьня)

Могила оленевода (р. Войкар)

Воспоминания (р. Бол. Обь)

же». Зимой собак кормили похлебкой из сухой рыбы или толченых рыбьих костей, летом — свежей рыбой. В летнее время остяки рыбы «так много промышляют, что больших налимов около юрт валяются ужасные кучи, на которых сытые собаки и не смотрят», а в сушеном виде ее «на весь год как про себя, так и для собак запасают довольно» [1947: 29, 33, 35].

В глубинно-таежных районах, где масипгабы рыболовства были меньше, ханты держали охотничьих собак, которых запрягали в легкие ручные нарты. На промысле охотник и собака вместе тянули нарты с охотничьим инвентарем, продуктовыми запасами и добычей. На собачьей нарте перевозились дрова, вода, сено. В летний период собак держали на привязи или надевали колодку, чтобы они не убежали в лес и не пугали домашних оленей. На стойбище для собак специально отводилась площадка с *амп коот* ('собачьим домом').

В соответствии с двумя типами собаководства, в духовной культуре нижнеобских хантов наблюдается двойственное отношение к собаке. Почитание ее известно как уграм, так и самодийцам, причем «в качестве жертвы» она известна у самодийских народов; «обские же угры приносят ее в жертву крайне редко», считая, что «собаку вообще нельзя убивать» [Мошинская, Лукина 1982: 54—55]. У северных хантов выявляются обе тенденции по отношению к собаке: одна предполагает жертвоприношение, другая запрещает умерщвление собаки и возводит ее до уровня духа-покровителя.

Питлорский сор издавна считался «особым местом у остяков для приношения жертвы после нечаянного или преднамеренного убийства собаки» [Старцев 1928: 114]. Хозяйкой сора и покровительницей рода *Пит лор ёх* являлась *Амп ими* ('Женщина-собака') или, как ее называли в обрядности, *Ханза оры*, *Олян оры* — 'Пятнистый воющий, Красивый воющий зверь'. Участок левого берега Питлорского сора, где находилось капище *Амп ими*, как и остров напротив, считались священными. Сюда, в случае убийства собаки, принято было привозить отлитые из свинца изображения собак (*амп хор*).

В питлорском обряде выражен широко распространенный в угорской традиции запрет умерщвления собаки. Правда, отношение к собаке среди самих *Пит лор ёх* не было одинаковым. По словам стариков, в отличие от Хартагановых, Ругины (вошедшие в состав рода позднее) носили на одежде панду из собачьего меха (*амп пон*), что противоречит запрету «убивать и обдирать собаку». С вхождением фамилии Ругиных в род *Пит лор ёх* запрет умерщвления собак был распространен и на них.

Культ собаки питлорских хантов тяготеет в значительной степени к Тегам, где хранится главный угорский Собачий дух — *Тек ики*. По преда-

нию, *Тек ики* родился в селении Хосун-курт и был выкормлен женщинами-сестрами «болтушкой из хвоща». Выросший богатырь⁶ был назначен *Торумом* духом-покровителем селения Тек курт. *Тек ики* и его братья некогда жили в одной деревне и постоянно воевали с *ур ёх* (ненцами), *нум шоп ёх* (верховскими хантами) и печорами-зырянами. В этих походах *Тек ики* захватил себе семь жен с семи сторон света. Он носил густые длинные волосы, ложась спать, укладывался на одну половину волос, а другой прикрывался (одно из его имен *Уптуц хо* — ‘Мужчина с волосами’). Просьба к семи женам заплести ему семь кос предвещала дальний поход или военные сборы. По поверью, девки, вышедшие замуж за тегинских парней, постепенно теряли волосы, *Тек ики* забирал их себе — он завещал, чтобы густых волос не было ни у кого, кроме него. По материалам М. А. Лапиной, дух-богатырь *Тэк ики* не только носит кольчугу, меч, кинжал и лук со стрелами, но и обладает «волшебным словом», которого опасался сам Небесный отец *Торум*. Он ездит «на трех серебристых быках-оленях» или лыжах-скороходах. Им совершено немало подвигов, в боях он был ранен. Священные сказания о *Тэк ики* должны быть непременно рассказаны до конца, так как богатыря нельзя «оставлять посреди дороги» [2002: 172—175].

На святилище *Тек ики*, как и на капище питлярской *Амп ими*, привозили металлические отливки собак. Одно из прозвищ *Тек ики* — *Ханза оры* (‘Пестрый воющий зверь’) — подобно ритуальному имени питлярской Собаки. Вероятно, питлорская *Амп ими* связана по происхождению с культурным центром *Тек ики*. По материалам Е. И. Ромбандеевой, *Тек ики* (‘Богатырь деревни Тек’) входит в северо-сосьвинский пантеон, являясь младшим братом сосьвинско-ляпинских богатырей. Он может обернуться не только собакой, но и рыжим лисом [1993: 51—52]. По легенде, опубликованной А. В. Бауло, *Тек ики* и его младший брат «шли с Урала», в вершине Тегинской речки есть священная просека, образовавшаяся от выстрела богатырской стрелы. В героической песне о войне богатырей *Ай-ас-ойки* и *Тек ики* последний предстает как «человек в шапке из рыжего лисьего меха» и бежит прочь с поля боя «в облике лисицы» [2002а: 9—10, 29—30]. Питлярская *Амп ими* фигурирует под именем *Лев ими* — ‘Сосьвинской женщины’.

Божества в образе собаки или волка весьма популярны в Нижнем Приобье. Духа *Еври ики* (‘Старик-Волк’) хранили Яркины с р. Куноват (Со-

⁶ По представлениям северных хантов, *Тек ики* являлся одним из семи братьев-духов (*Кев ур ху ики*, *Мув верты ху*, *Ай ем вош ики*, *Вын ем вош ики*, *Ай ас ики* и *Кун авыт ики*) Нижней Оби.

рум-логась). Называть его «волком» нельзя, обычно его именуют *Улан ики* — 'В нартах старик'. По описанию хантов, изображение *Еври ики*, облаченное «в гусь из белой оленьей шкуры с надвинутым на лицо капюшоном», находится в священной нарте. К нему на святилище привозили отливки собак в случае их случайной гибели, так как, по пояснению хантов, «волк и есть собака». Мужчинам, взявшим замуж женщин Яркиных, запрещалось обдирать шкуру собак, они могли посещать святилище *Еври ики* в качестве гостей и участвовать в жертвоприношениях. Из даров-подношений Старик-Волк «предпочитал» оленя или белую ткань. В то же время куноватские ханты Толба обдирали собак и носили одежды из собачьих шкур.

«Собачий шайтан» *Кужит ем* известен на реках Казым и Назым. Казымские ханты «хоронят (закладывают ветками) умершую собаку, привязав к лапе тряпочку». По данным Е. И. Ромбандеевой, «овчаркой» или волком мог обернуться старший из семи братьев-богатырей *Лусум талих сат отыр* с р. Верхняя Лозьва. Изображения собаки и волка хранятся на их святилищах. Образ «сильной собаки» мог принять воинственный *Хонт торум ойка* — покровитель селения Мувынтес на р. Ляпин [1993: 38–39, 102–103]. В угорском фольклоре широко представлены сюжеты о сватовстве или выходе замуж хантэйской женщины за мужчину-собаку [Фольклорные тексты 1998: 87]. Пожалуй, среди многочисленных образов священных собак можно вычленить две линии: собака-волк, связанная с оленеводством и свойственная в большей степени приуральским и северным группам нижнеобских угров, и собака-охотник, присущая юго-восточным группам нижнеобских хантов и восточным хантам⁷.

В противоположность центрам «запретной» собаки, на р. Мал. Обь и в устье Оби прежде были распространены жертвоприношения собак. О жертвоприношении девушки-собаки в качестве выкупа духу *Курык ики* (Орлу-Старику) тремя родами войкарских хантов (*Ай вош ёх*, *Послан ёх* и *Нёрапса ёх*) мы уже упоминали, когда речь шла о версии вхождения в состав рода *Нёрапса ёх* самодийцев *ур ёх*. В ходе обряда молодую собаку (суку) наряжали, как девушку. А затем, посадив на лодку и совершив семь кругов «по солнцу», топили в священном озере. Обряд совершался раз в семь лет в знак примирения родов и духов — по легендам, *Най ими* (хозяйка р. Вой-

⁷ Наиболее ярким является образ «салымского Старика» с устраиваемым в честь него «собачьим праздником». Близки ему представленные К. Ф. Карьялайненом дух с реки Онкул и дух селения Пирчино восточных хантов. Они обеспечивали «удачу в собаках» и помогали в промысле, повреждая «ноги охотничьей добыче». На их святилища приносили «изображения собак из дерева» [1995. Т. II: 155–156].

кар и родовой дух *Ай вош ёх*) отказала сватавшемуся к ней *Курык ики* (родовой дух *Нёрапса ёх*), вместо нее Орлу-старика в качестве приданого была отдана девушка-собака и озеро Холом лор.

В прежние времена жертвоприношение собак и ношение одежды из собачьих шкур у остяков Нижней Оби было распространенным явлением. В донесении 1851 г. священник Мужинской церкви Андрей Кайдалов жаловался Тобольскому архиепископу: «Непросвященные священным крещением инородцы, перед промыслом, а особенно перед важным занятием закалывают домашнего пса своего, то же делают и после возвращения с ловли, и, если лов их был изобильный, тогда закалывают белого, а напротив — черного вида, и из этих шкур нашивают в честь иного идола себе одеяния, несмотря на то, что имеют довольно платья из оленьих шкур... Им подражают и сблизившиеся с их жителями православные инородцы. Они также привыкли украшать таковыми шкурами свое одеяние и входить в оных в храм Божий, и здесь зловонием песьих шкур... при богослужении заглушают даже благовонный фимиам» [ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 42: 5—5об.]. По словам И. Г. Георги, «зимнее одеяние» с опушкой «волосатым собачьим или волчьим брышчатый мехом» носили самоеды [1777: 9]. В то же время П. С. Паллас сообщал, что остяки парки «подбивают и опушают собачьей шкурою» [1788: 51]. По нашим полевым материалам, ношение панд из собачьих шкур до недавнего времени практиковалось среди войкарских (в частности представителей рода *Ай вош ёх* — Аляба и Тынзяновы), куноватских хантов (Толба) и питлярских (Ругины). Однако в связи с широкими брачными контактами между войкарскими и питлярскими хантами, а также с пришлыми Нензеловыми (по происхождению связанными с Тегами; по рассказам, *Тек ики* привозили в гости к Нензеловым) запрет на умерщвление собаки был распространен и на войкарских хантов (по угорской традиции табу распространяется и на зятев).

Еще одним центром жертвоприношений собаки следует считать устье Оби, где на одном из святилищ до сих пор можно увидеть остатки жертвоприношения собак. Лысая гора (*Вурты сангхам* — 'Кровавая возвышенность') — копия старого святилища хантыйского рода Тайшиных — Ангальского мыса, расположенного в нескольких километрах от археологического памятника Усть-Полуй. Капище на Ангальском мысе было перенесено ниже по Оби в связи с переселением Тайшиных в ю. Князьевы, когда на месте пребывания остяцкого князя в начале XVII в. была построена деревянная церковь [Иринарх 1910. № 2: 71, № 4: 183]. Прежде на Ангальском

мысе совершались человеческие жертвоприношения. «Клятва вечного мира» между остяками и самоедами, скрепленная человеческой кровью и совместной трапезой у священной лиственницы, на обрубленной вершине которой были оставлены остатки жертвенной пищи [Кушелевский 1868: 54], напоминает сегодняшний обряд на Лысой горе, где на вершину лиственницы крепятся рога забитого оленя, а у ее подножья приносится в жертву собака. По рассказам и описаниям путешественников, род Тайшиных держал отборных мохнатых псов, чьи шкуры шли на панды малиц. «Кроме ездовых собак, держат еще, впрочем, только ниже Березова, маленьких собак, единственно из-за длинной, мягкой, белой или черной шерсти, весьма употребительного здесь для опушки мужского и женского платья. Самых красивых собак этой породы видел я у князя Обдорского в Каянзъ-Юрте. Такие собачьи шкурки стоят нередко 6 руб. и дороже» [Финш, Брем 1882: 334].

Не случайно на святилище Тайшиных, политическом и культовом центре северных хантов и ненцев, пересекались обряды человеческого жертвоприношения, заключения мира между остяками и самоедами, а также жертвоприношение собак. Именно здесь возник культовый «родственный» союз между угорским *Орт ики* и ненцем *Яптик хэсе*, благодаря чему, в числе прочего, северными хантами была воспринята и традиция жертвоприношения собаки [см. Головнёв 1995: 399—413]. Не случайно северохантыйский *Орт ики* считается зятем ненецкого хозяина «жертвенных» собак *Яптик хэсе*, тогда как хантыйский вождь «запретных» собак *Тек ики* рисуется героем победителем ненецко-угорских военных столкновений.

Вероятно, изначальная самодийская традиция жертвоприношения собаки, сохранившаяся в наиболее отчетливой форме у ненецкого рода *Яптик* и хантыйского рода Тайшиных, соотносима с древним усть-полуйским жертвенником. Позднее с усилением притока на Нижнюю Обь угров с южных и западных территорий, она постепенно была вытеснена противостоящей «запретной» традицией.

«Свой» и «чужой» (медведь)

Одним из наиболее ярких явлений угорской культуры считается достигший сложных и разнообразных форм и проявлений культ медведя [см.: Шмидт 1989: 198]. В «классическом» угорском варианте, предполагающем проведение медвежьего праздника, культ медведя представлен в Нижнем Приобье у березовских, казымских, сынских и куноватских хантов, где, по словам их северных соплеменников, до сих пор «сильно медведя

пляшут» [см.: Соколова 1971а: 225; 1972: 57—59]. Здесь же распространены фольклорные сюжеты, рисующие медведя в различных ипостасях: как человека-оборотня (в записанном нами предании «Человек-медведь»), как брачного партнера женщины Мось (в сказке «О Мось нэ и двух Пор нэ»), как блюстителя священной клятвы.

По данным Е. Шмидт, существовало три центра «священного медведя»: 1) Средняя Сосьва и Ляпин; 2) Верховья рек Конда, Пельым, Лозьва, Сев. Сосьва; 3) Вежакоры [1989: 57—59]. Все они находились к югу или юго-западу от территории, населенной нижеобскими хантами. По нашим полевым материалам, о священном медвежьем городе (Ем-вош) имеют представление казымские и тегинско-березовские, в меньшей степени сынские и куноватские ханты. В пантеон тегинских хантов, наряду с главными духами — *Кейв ур ху ики*, *Кун авыт ики* и *Тек ики*, входят медведи-духи священных городков *Ай ем вош ики* и *Вын ем вош ики*. На спорадических медвежьих игрищах казымских хантов, наряду с прочими духами, приглашаются имевшие облик медведя вежакорский *Ем вош ики* и пельымский *Пул, ум ики* и исполняются их песни [Молданов 1999: 20—24, 33, 35—36, 38, 55, 58, 63—76; Молданов, Молданова 2000: 73—80].

В сказании сынских хантов «Человек-медведь» повествуется об одиноком старике-медведе, живущем рядом со священным мысом [Н. А. Нензелова, Васяхово, Мал. Обь, 1995]. Следуя мимо мыса пешком или на лодке, старик всегда двигался спиной вперед, а обойдя его, разворачивался так, что вновь оказывался спиной к святилищу. Разговаривая сам с собой, он рассуждал:

Живу я один-одинешенек, забытый всеми богами, и никого после себя не оставляю. Когда-нибудь я должен обзавестись семьей. В лесу много пушного зверя, в лесу много мясного зверя. Кроме живности, много *кулей* и *менквов*. Но я не обделен ни здоровьем, ни силой, могу побороть любого *куля*, любого *менква*. Но почему, проезжая мимо священного мыса, я не могу смотреть в сторону святилища? На лодке еду — духи-хозяева мыса не пропускают, в лес иду — лесные духи не пропускают. Много ли, мало ли времени прошло, не стал я убивать ни птиц, ни зверей, ни рыб. Сами они стали через отверстие в крыше сыпаться. Неловко даже мне, старику, перед людьми оттого, что сам на промысел не хожу, а зверь и птица сами ко мне спешат».

Однажды, проезжая на лодке по реке, увидел старик дымок. Пристал к берегу, подошел к людям, но, не поздоровавшись, стал прощаться с ними. Через некоторое время к людям жить перебрался. Как-то устраивали люди кровавое жертвоприношение, а старик со святилища

исчез куда-то. «Однажды одевшись в одну одежду, проходил он три года». Люди удивлялись, а шаманы их успокаивали: «О чем тоскуете, о чем плачете? Жив старик, иначе не было бы около поселка зверя, не было бы в воде рыбы». Проявляя заботу о людях своей деревни, «ушедший в лес» обеспечивал их и рыбой, и зверем.

Три года минуло со времени исчезновения старика. Собрались люди поселка устроить большое жертвоприношение. Поехали на р. Лесмиюган за большой щукой в человеческий рост, чтобы отнести на святилище *Ханжан кейв ики* ('Пятнистого камня старик'). Снарядили две лодки. «Ушедший в лес» всегда слышал, что люди вполголоса говорят, и был быстр, как летящая птица. Люди видят идущего вдоль реки медведя и шутят: «Человек, куда идешь? Тоже, думаешь, неводить, братишка? Помоги нам». Медведь в воду зашел. Шаман-мужик говорит: «Да это же наш ушедший в лес, не спешите ружья доставать». Медведь просит: «Перевезите меня на ту сторону, я тоже хочу неводить», и, сделав три кувырка вперед, обернулся человеком. Узнали его люди по голосу, удивились, что он за три года так преобразился, так поседел. Взяли с собой, а старик то медвежий облик примет, то человеческий. Поймав огромную щуку, люди устроили жертвоприношение, медведь зашел за камень *Ханжан кейв ики* и вновь обернулся человеком. Просит людей взять его в поселок, где он родился и вырос.

Человек-медведь поселился в своей избушке на краю поселка. Подходя к избушке, он снимал шкуру и оставлял ее на задней стене (со стороны леса), а потом уже входил в дом. Глаза его долго привыкали к яркому свету очага. Люди, глядя в сторону леса, всегда видели старика-медведя в облике зверя, а глядя в сторону деревни — в образе человека. Обращаясь к старику-медведю, невестки называли его *ошни ики* — 'человекоподобный' или *йпюх ики* — 'потусторонний сын', мужчины именовали его *мойпыр* или *апси* — 'братишка'. Благодарный человек-медведь не раз спасал людей поселка от *Лоон-верты ими* ('Жилы сущащей женщины') и прочих *менквов* и *кулей*. Он завещал своим людям: «Пока земля стоит, пусть клубится дымок; если он станет тонким, пусть как черенок топора тянется, если станет еще тоньше, пусть как ручка ножа тянется — пусть живет род, пока люди есть.

В сказании об оборотне-медведе нашли отражение, по крайней мере, два мифологических мотива: медведь — посредник между человеком и природой, медведь — член рода (в данном случае рода *Послан ёх*). Медведь выступает, с одной стороны, как олицетворение леса, где ему подвластны звери, птицы и духи, с другой стороны, ему свойственны человеческие характеристики — стремление жить с людьми и иметь семью, желание неводить и изготовить рыболовные ловушки. Задняя (внешняя) стена его дома

оказывается принадлежащей лесу, здесь висит его медвежья шкура, передняя (внутренняя), обогретая домашним очагом, встречает его «кушаньями, приготовленными невестками».

Мотив принадлежности медведя к человеческому роду выразился в том, что каждая из родовых групп *Сеня ёх* и *Послан ёх* стремилась обособить культ «своего медведя». И. Г. Юданов сообщал, что остяцкий праздник-чествование убитого медведя был обязателен для *Сеня ёх* и устраивался «по желанию без строго соблюдения всей обрядности» для *Послан ёх* [1932: 40]. По данным В. Н. Чернецова, медведь был духом-предком фратрии *Пор* [1939: 23, 36, 38—40]. Нами записана сказка о «О Мось нэ и двух *Пор нэ*», в которой Мось нэ выходит замуж за *Уйт ики* ('Лесного мужчину-медведя'), а две *Пор нэ* — за *Еври ики* ('Мужчин-Волков') [А. Вальгамова, п. Овгорт, р. Сыня, 1989]. В конце сказки мужчины-волки расправляются со своими женами *Пор нэ*, съевшими собственных детей, а жена мужчины-медведя женщина Мось нэ превращается в красавицу и благополучно живет со своим мужем и сыном. Тем самым медведь в мифологии хантов *Сыни* (и *Куновата*) наделяется «домашними» человеческими чертами. По сведениям А. В. Бауло, среди семейных святынь сынских хантов хранятся медвежья шкура и «чучела» медвежат [2004: 98—99].

Несколько иное отношение к медведю отмечается к северу от рек *Куноват* и *Сыня* [см.: Зуев 1947: 49]. Северные группы нижнеобских хантов считают медведя священным зверем, шкуру убитого медведя хранят в священных нартах. Вместе со шкурой, снятой с морды медведя, изображения домашних духов составляют *вош* — 'городок'. Но они добывают зверя в редких случаях. По замечанию И. С. Полякова, «медведь попадает в долине *Оби*, около *Обдорска*, в виде крайне редкого исключения» [1877: 125]. По свидетельству полуйских и вылпослинских хантов, роды *Пул ёх* и *Выл послан ёх* не только не добывали медведя, но и боялись его. Сравнивая себя с *куноватскими* хантами, которые специально организовывали охоту на медведя («приглашали младшего брата погостить»), более северные группы хантов утверждают, что они, как и самоеды, стараются не встречаться с медведем и «убивают его только в том случае, когда он сам об этом просит» — приближается к селению. К разрушению медведем святилищ (иногда он «раздевал идолов») нижнеобские ханты относились снисходительно, считая, что зверь совершает «грабежи» только с разрешения духов. По данным М. А. Кастрена, обдорские ханты хранили медные изображения медведя, «почитаемые, как божественные существа» [1858: 310—311]. По-

добное отношение к медведю свойственно ненцам, которые считают охоту на бурого медведя уделом *хаби* (хантов или ненцев хантыйского происхождения). Сами ненцы не только избегают участия в охоте на медведя, но и приходят в замешательство при виде священной шкуры в углу хантыйского дома [см.: Головнёв 1995: 461].

Войкарские ханты свидетельствуют, что «когда медведя убивают, то обязательно празднуют». Однако праздник отличался от распространенных в более южных районах «настоящих» медвежьих игрищ. Шкуру убитого медведя не вносили в дом (полагалось хранить только жир). Вареное медвежье мясо ели у священных нарт, где мужчины и женщины сидели раздельно (по разные стороны нарт, левая половина которых считалась женской, правая — мужской). Шкуру и лапы медведя укладывали в священные нарты, голову (сваренную отдельно) уносили в лес, а кости закапывали в землю, чтобы до них не смогли добраться собаки. Войкарский «праздник» в честь убитого медведя больше напоминает соответствующий ненецкий ритуал [см.: Хомич 1977: 15], чем широко известные угорские медвежьи игрища. «Плясали» на Войкаре крайне редко, приглашая для проведения праздника гостей с Сыни. При этом в праздники зачастую принимали участие ненцы (Худи, Веняно, Анагуричи).

На Нижней Оби среди хантов и ненцев был распространен ритуал клятвы на лапе, морде, когте или зубе медведя [Зуев 1847: 50—51; Поляков 1877: 113; Кушелевский 1868: 106—107]. Даже русская администрация признавала этот обычай, считая, что клятва на медвежьей шкуре не может быть нарушена остяком. Для присяги государю императору перед старшинами «кладут посередине топор, медведя или медвежину, потом дают каждому с ножа кусок хлеба», при этом старшины произносят: «Если я моему государю до конца жизни моей верен не буду, своевольно отпаду, должно ясака не заплачу и из земли моей уйду или другие неверности окажу: то чтоб медведь меня изорвал». По совершении присяги, стоя на коленях на медвежьей шкуре, «каждый из них должен откусить от медвежины, причем многие, для оказания ревности, зубами выщипывают шерсть» [Новицкий 1884: 54; Белявский 1833: 87—88].

В мифологии северных хантов клятва связана с «праздником» и «плясками» в честь медведя. А. В. Головнёв приводит записанную им на севере п-ова Гыдан легенду, главными героями которой выступают *хаби* и медведица. В начале сказания, исполняемого от лица медведицы, разыгрывается ссора между двумя женщинами, одна из которых обвинила другую в краже. «Она

развязала священную парту, достала черный лоб лесной медведицы, занесла в чум и положила на железный очажный лист. Она разрешила шкуру лба на три части. Я чувствую, будто моя голова раскалывается на три части». Медведица вершит суд, убивая ложноприсягнувшую женщину. В конце легенды медведица сама приходит к стойбищу *хаби* и ложится у священной нарты (*хэхэ-хан*). «Поутру меня зарезали у *хэхэ-хан*. Все *хаби* танцевали вокруг меня. Затем моей шкурой, разрезанной по брюху, вместе с головой и лапами, укрыли семь священных нарт» [1995: 459—461].

Приведенное сказание ненцев хантыйского происхождения соотносится с мифоритуальным комплексом медведя, распространенным у самой северной группы обдорских хантов (включая хантов Войкара). В отличие от представлений хантов и манси более южных районов (включая Сыно, Куноват, Казым, Вогулку и Обь в районах впадения перечисленных рек), где медведь считается прежде всего братом человека, ритуально приглашается в гости, располагается в переднем углу дома, у северных групп нижеобских хантов он выступает как блюститель порядка от имени природных сил, его шкура не вносится в дом, а оставляется снаружи, на священных нартах; там же проходит и праздник в честь убитого зверя. Если медведя южных районов с известной долей условности можно назвать «своим», то северного — «чужим». В отличие от южных территорий, где медведь нередко выступает в облике родового духа (*Ялпус ойка* и *Ял-юс ойка* на Сев. Сосьве, *Яун ики* на Бол. Югане, *Ем вош ики* в Вежакорах), у северных хантов отсутствуют представления о медведе как родовом духе-покровителе.

* * *

Отмеченные особенности представлений северных хантов о медведе и собаке обнаруживают географическое соответствие. Ареалу распространения «жертвенной» собаки приблизительно соответствует ареал «чужого» медведя, равно как соотносимы ареалы «запретной» собаки и «своего» медведя. Первый охватывает территорию расселения усть-обских хантов-*хаби* (самых северных групп), второй — хантов рек Сыня, Куноват, Казым, Вогулка и Обь. По облику культово-ритуальных традиций (по крайней мере тех, что рассмотрены в работе) первый явно тяготеет к культуре самодийцев, второй — таежных (более южных) хантов и манси. Промежуточное положение занимают районы Войкара и Питляра (где сочетаются черты «жертвенной» и «запретной» собаки).

Подобные ареальные различия можно проследить и по другим культово-ритуальным традициям северных хантов. Так, одной из особенностей духовной культуры самой северной группы нижнеобских хантов (*хаби*) считается изготовление куклы по умершему — *шонгот* (нен. — *сидрянг*). Данный признак «выступал едва ли не самым значимым этноопределителем... при дифференциации ‘чистых’ ненцев, практикующих изготовление *нытырма*, и ‘хаби’ — ненцев иноэтничного происхождения» [Головнёв 1985: 45]. Ханты более южных районов (Казыма, Сыни, Куновата, Войкара) называют куклу по умершему *иттарма*, отличая ее от *шонгот*. При этом *иттарма* функционально и лингвистически также обнаруживает определенное сходство с ненецкой *дытырма*. Однако можно допустить и угорское происхождение наименования *иттарма*. Е. И. Ромбандеева возводит его к мансийскому *ит>эт* — ‘ночь’ и *тырма>торма* — ‘небо’, ‘жизнь’, ‘Бог’ [1993: 109]. Возможна и версия перевода с хантыйского: *итта* (*ильта*) — ‘низ’ или ‘под’ (к примеру *итта мувен ики* — ‘под землей старик’), *торма* (*тэрма*) — ‘Торум’ или *торм-ма* — ‘земля Торума’; тогда понятие *иттарма* может быть истолковано как ‘нижняя земля’, ‘земля нижнего Торума’. Если принять перевод *иттарма* с мансийского или хантыйского, то в обряде заместительной инкарнации северных хантов определятся приблизительно те же географические различия, что и в отношении ритуалов, связанных с медведем и собакой: среди северной группы хантов-*хаби* выявляется преобладание традиции *шонгот—сидрянг*, среди южных групп — *иттарма*.

Отмеченные рубежи соотносимы и с ареалами распространения экзогамных традиций, в частности с территориями, охваченными влиянием ненецкой (Харюочи—Вануйто) и угорской (Мось—Пор) дуально-фратриальных систем. Им же приблизительно соответствуют районы существования различных типов оленеводства и циклов сезонных миграций: северные группы нижнеобских хантов практикуют оленеводство тундрового и лесотундрового типов, южные — стационарного и горно-таежного отгонного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общее в этнографических обзорах состоит в признании того, что в этнокультурном облике северных хантов обнаруживаются черты ненецкого (самодийского) влияния. Однако вопрос, какова его природа, является ли оно следствием долговременного соседства двух народов или результатом этногенетических процессов, и каких собственно, не ставился. Наше исследование показало, что этническая история северных хантов в XVII — начале XX в. была по существу финальной стадией этногенеза этой группы. Подобно восточной хантыйской общности, северная сложилась в эпоху позднего средневековья во многом под воздействием социально-политических и эколого-хозяйственных сдвигов, вызванных российской колонизацией. В ходе трех этапов колонизации (военно-политического, конфессионального и правового) в Северном Приобье формировалась этническая общность северных хантов на основе взаимодействия местного самодийского населения и мигрантов-угров. Российская колонизация вызвала движение угров с запада на восток через Урал и по р. Обь на север Приобья, где между самоедами и уграми сложились многообразные конфликтные и мирные связи. В XVIII в. благодаря совместному противостоянию политике христианизации возник «языческий союз» между обдорскими осятками и самоедами. Уже тогда четко обозначилась грань, разделившая северных хантов на «язычников» (северную группу) и «христиан» (южную группу).

Северные осятки и самоеды в силу отдаленности своей территории испытывали менее ощутимое воздействие российского управления и русской культуры, чем другие области Приуралья и Приобья. В эпоху разгрома угорских княжеств (на военном этапе колонизации) в Нижнем Приобье сохранялась и по-своему даже укреплялась власть туземных князей Тайшиных (в Обдорске) и Артанзеевых (на Куновате). С падением основных угорских военно-политических центров, Югры (разгром Ляпинского княжества и ослабление власти казымских и березовских князей) и Коды, Обдория долгое время оставалась источником «смуты». В XVIII в., когда в Приобье проходила массовая христианизация, в Обдории продолжала господствовать «отцовская вера». Стойкость северных осятков и самоедов во многом основывалась на сильной политической власти обдорских и кун-

ватских князей. Династия обдорских князей Тайшиных вплоть до конца XIX в. представляла собой политическое ядро, вокруг которого формировалось этническое сообщество северных остяков и самоедов. Этому по-своему способствовала российская политика управления самоедами через посредство Тайшиных. Сохраняя приверженность традициям, князья Тайшины, несмотря на формальное крещение, использовали свою власть для ограничения российского (в том числе христианского) влияния на нижнеобских туземцев. В XIX в., на правовом этапе колонизации, туземная элита (прежде всего князья) все более заметно усваивает нормы управления, привнесенные российской администрацией. Связанные с этим злоупотребления в практике сбора податей, регулирования земельных конфликтов не раз вызывали столкновения между остяцкими князьями и вождями самоедов (например восстания Ваули Ненянга и Пани Того).

В XIX в. контакты ненцев и хантов в Нижнем Приобье приобрели новую основу: на побережье Обской губы и в устье Оби сложилась смешанная группа населения, основным занятием которой было промышленное рыболовство. Все более значительная часть хантов осваивала тундровое оленеводство и перенимала ненецкий кочевой образ жизни. Эти социально-политические и экономические условия предопределили существенное участие самодийцев в формировании этнического состава и культуры северных хантов.

Смешанный (угорско-самодийский) облик культуры северных хантов изначально был обусловлен тем, что как этническая общность они сложились на территории, прежде населенной таежными самоедами, называемыми в преданиях *ур ёх*. Еще в XVII—XVIII вв. на притоках Нижней Оби проживали группы самодийцев: войкарская, сынская, ляпинская, кунная самоедь. В их земли направлялись переселенческие потоки угров — с запада (через Урал) и юга (по Оби), — называемые в фольклоре *мось*, *охаль*, *пастэр ёх* (западные мигранты), *пор*, *послан ёх*, *хурун ёх* (южные мигранты). Наиболее ранними были потоки угров-мигрантов *мось ёх* и *пор ёх*: завоевательные походы *мось* описываются, например, в преданиях куноватских хантов, переселение *пор* рисуется как движение на плотках во время потопа. За первыми переселенцами последовали новые потоки: с запада — *лев охаль*, *сак охаль* и *пастэр ёх*, с юга — *послан* и *хурун ёх*. Наслаиваясь одна на другую, эти миграционные волны создали в Нижнем Приобье пеструю этническую картину.

О значительных миграциях в Северное Приобье свидетельствует заметное увеличение общей численности остяков Нижней Оби середины XVII — конца XVIII в., в чем можно видеть финальную стадию формиро-

вания североугорской общности. С конца XVIII в. происходит дальнейшее увеличение численности северных остяков при относительной стабильности фамильного состава, что было связано с естественным приростом сложившейся общности. Некоторое уменьшение численности северных остяков, пачавшееся с середины XIX в., объясняется оттоком части населения в глубинные районы Нижнего Приобья, возросшей миграционной подвижностью и переходом части кочевых остяков в состав «самоедских родов».

Брачные связи остяков Обдорской, Куноватской, Подгородной и Казымской волостей в конце XVIII в. были сориентированы в двух направлениях: северном, с характерным для него высоким процентом браков с самоедами, и южном, в котором наблюдается большой удельный вес браков с угорским населением рек Сев. Сосьва и Ляпин. Отмеченное различие в брачных ориентациях «севера» и «юга», наряду с другими сопутствующими факторами (прежде всего разделением северных остяков на «язычников» и «христиан»), предопределило обособление обдорских хантов (*хаби*).

Одним из основных механизмов формирования многосоставной общности северных хантов было «территориальное», или «новое», родство. У хантов Нижнего Приобья выделяются две основные формы родства: *рат* и *сир*. Первое отражало генеалогическое единство социальной группы (обычно фамилии), второе основывалось на общности культа (*лодхов*) или связи через «служение *лодху*», долговременном брачном партнерстве, соседстве или совместном платеже податей (обычно несколько вариантов «нового» родства сочетались). Родство-*сир* являлось главным способом приобщения друг к другу различных по происхождению мигрантов. Возможно, в разные исторические периоды означенные варианты «нового» родства поочередно выступали на первый план (например «родство по *лодху*» в эпоху христианизации, «родство по *ясаку*» в период упрочения административно-фискальной системы управления). Гибкость родства-*сир* позволяла войти в состав северных хантов не только инородным, но иноэтничным группам. Механизм «нового» родства сыграл интегрирующую роль в формировании северохантыйского сообщества, создал возможность довольно быстрого развития культуры северных хантов за счет сочетания традиций западных (приуральских) и южных (кодских) угров, лесных и тундровых ненцев.

На основе полевых материалов нами выявлены роды нижнеобских хантов. Северохантыйские родовые группы заметно различаются по численности и территории расселения. Северные городки Обдорской волости представлены одним родом, хотя включали в свой состав неродственные и даже

иноэтничные (ненецкие) компоненты. Крупные родовые группы (например *Сыня ёх* и *Куновыт ёх*), охватывали почти половину населения притоков Оби — рек *Сыня* и *Куноват*. Обращает на себя внимание практически повсеместное присутствие родовых групп под названием *Послан ёх* ('Люди проток') и *Похрын ёх* ('Люди островов'). Небольшие роды, представленные одной фамилией (и даже частью фамилии), обычно были расселены на проходных местах по Мал. и Бол. Оби. Особо может быть упомянут род *Канась ёх* ('Княжеский народ'), включавший население самых многочисленных, Обдорских, городков.

В составе северных хантов сложились две группы: северная (*хаби / лаид* или *молай ёх*), включившая угорское население, проживавшее ниже Обдорска (условная граница приходила по рекам *Собь* и *Собтыеган*), и южная, охватившая территорию Подгородной, Казымской, Куноватской волости и часть Обдорской — по Бол. и Мал. Оби. Для северной группы, составившей население семи северных городков Обдорской волости, было особенно заметно ненецкое участие, для южной (в частности для сынской, куноватской, и в большей степени азовско-пословской, тегинской, березовской и казымской) — сосвинско-ляпинское. Отмеченные рубежи соотносимы и с ареалами распространения экзогамных традиций, в частности с территориями, охваченными влиянием ненецкой (*Харючи—Вануйто*) и угорской (*Мось—Пор*) дуально-фратриальных систем. Им же приблизительно соответствуют районы существования различных типов оленеводства и циклов сезонных миграций: северные группы нижнеобских хантов практикуют оленеводство тундрового и лесотундрового типов, южные — стационарного и горно-таежного отгонного.

Сходную картину можно обнаружить в распространении ряда культово-ритуальных традиций, в частности представлений северных хантов о медведе («свой» — «чужой») и собаке («запретная» — «жертвенная»), особенностей обряда заместительной инкарнации (*иттарма* — *шонгот*). Многие элементы мифоритуальных традиций северных хантов свидетельствуют об их промежуточном положении между уграми и самодийцами. Например, родовые духи хантов-*хаби* считались подчиненными ненецкому духу южного неба *Яв'мал*, имя духа сынских хантов *Кейв ур ху ики* означает 'Каменный ненец старик'. Возможно, традиция приглашения иноплеменников (в том числе ненцев) «для разведения огня» к родовым духам (*Сос ики*, *Нёл ики*, *Мукута чи*, *Кейв ур ху ики*) есть отражение «свойства» северных хантов и ненцев.

Таким образом, общность северных хантов, в основе своей сложившаяся в середине II тыс. н. э. (XV—XVII вв.) в результате продвижения угорских групп в земли таежных самодийцев, во многих отношениях представляет собой этническое новообразование, в культурном облике которого выражен синтез угорских и самодийских черт. Соотношение этих черт варьирует в зависимости от их распределения среди сфер культуры: в языковом отношении северные ханты относятся к угорской группе, в рыболовстве они — «угры», в оленеводстве (особенно группа *хаби*) — «ненцы», а в культовой практике сочетают самодийские и угорские традиции.

ОБДОРСКАЯ (ОСТЯЦКАЯ) ВОЛОСТЬ

[ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 44. Л. 80об.-116;
Д. 404. Л. 481об.-644; Д. 756. Л. 99-180;
Д. 992. Л. 427об.-517]

Обдорский городок

(Обдорский городок, юрты Пащерцовы, Харпоские, Ендырские,
Лабытнапские, Обдорский городок-2, 10)

Князь Яков и Матвей Тайшины, 4

Князь Матвей Яковлев Тайшин, 7

Князь Иван Матвеев Тайшин, 10

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
							Обдорский городок-1		
Тайшин	3	9	2	5	6	2	23	25	1
Дружинин ¹	-	-	-	-	-	-	3	2	1
Мураин	1	4	1	6	7	2	-	-	-
Ханзин	3	6	1	6	9	2	-	-	-
Ханзин (он же Мураин) -	3	2	1	-	-	-	-	-	-
Маузов ²	-	-	-	-	-	-	2	2	1
Сесмапов (он же Микишкин) <	18	17	5	44	49	7	-	-	-
Микишкин	-	-	-	-	-	-	8	3	1
Кобылин	-	-	-	-	-	-	9	9	2
Адер	-	-	-	-	-	-	11	5	4
Пукшин <	-	-	-	-	-	-	10	9	4
Куйбин	-	-	-	-	-	-	12	7	3
Волдамов	-	-	-	-	-	-	8	6	1
Васидин	-	-	-	-	-	-	8	4	1
Еленхов <	-	-	-	-	-	-	3	-	1
Матчин	-	-	-	-	-	-	4	2	1
Сераки ³	-	-	-	-	-	-	2	1	1
Никишкин -	6	8	1	11	16	2	-	-	-
Няпин ⁴	-	-	-	-	-	-	2	1	1
Найдышев -	10	9	2	15	17	2	-	-	-
Маульнов ⁵	-	-	-	-	-	-	2	3	1
Архинов	4	2	1	5	3	1	3	6	2
Неврасов	4	2	1	-	-	-	-	-	-
Иналиев	1	-	1	-	-	-	-	-	-

Олещикин	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Лабиг - Выхлин ⁶	2	1	1	-	-	-	-	-	-
Амчуков	1	-	1	1	2	1	-	-	-
Айхов	2	3	1	2	4	1	-	-	-
Сопин < Сиводушкин Черпаков ⁷	12	9	2	-	-	-	-	-	-
Каев - Кольмов ⁸	10	15	3	14	14	2	-	-	-
Матюшкин	2	2	1	6	12	2	-	-	-
Шеннахов - Матюев ⁹	4	2	1	-	-	-	-	-	-
Петлин	2	2	1	2	2	1	-	-	-
Моидасев	3	4	1	6	9	1	-	-	-
Шелеметьев	8	12	2	11	15	3	-	-	-
Мурутин	1	3	1	4	3	1	-	-	-
Нетин	6	2	3	2	6	1	-	-	-
Левин - Савурин ¹⁰	2	4	1	-	-	-	-	-	-
Чутков	4	3	1	10	9	1	-	-	-
Мелембин	-	-	-	-	-	-	7	6	2
Налымов	-	-	-	-	-	-	5	8	2
Почин	-	-	-	-	-	-	2	4	1
Тетин	-	-	-	-	-	-	3	6	1
Ныкылаю	-	-	-	-	-	-	6	4	1
Сеузин	-	-	-	-	-	-	3	1	1
Алымапов < Лангин ¹¹	-	-	-	-	-	-	5	3	2
Танзета	-	-	-	-	-	-	6	3	1
Танзета	-	-	-	-	-	-	1	1	1
Шиберов	-	-	-	-	-	-	1	1	1
							149	122	39
							ю. Пащериновы		
Тонин - Сушапов ¹²	8	10	3	14	14	4	-	-	-
Левшев - Чемахов ¹³	2	1	1	4	3	1	-	-	-
Асев - Селимон ¹⁴	3	2	1	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	4	2	1	11	8	2

Титиков - Ильин ¹⁵	6	10	3	8	5	1	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	2	4	1
Шокуров - Урасов ¹⁶	9	8	1	16	24	3	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	5	5	2
							38	25	9
							ю. Харпоские старшина Севун Тобольчин		
Марков < Одигин, Тобольчин ¹⁷	18	17	3	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	12	5	2	-	-	-
	-	-	-	30	31	6	31	23	8
Мурзин - Норпахтин - Паильдин ¹⁸	2	4	1	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	8	5	1	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	17	17	6
Абаков - Павызеруев ¹⁹	3	2	1	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	6	3	2	-	-	-
Шонгалхов - Ганзеров ²⁰	2	3	1	6	5	1	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	5	6	2
Хамбаев	-	-	-	-	-	-	1	4	1
Седин - Ешников ²¹	8	6	1	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	5	7	1	6	2	1
							60	52	18
							ю. Елдырские старшина Егор Поин		
Агишуигов - Игин (Агин) <	5	2	1	14	15	2	-	-	-
	4	7	2	5	1	1	-	-	-
Мандалов	-	-	-	-	-	-	4	-	1
Таминов	-	-	-	-	-	-	1	-	1
Теткин	-	-	-	-	-	-	4	2	1
Юркин	-	-	-	-	-	-	7	4	2
Волоткин <	-	-	-	5	2	1	3	3	1
Итлягин ²²	-	-	-	-	-	-	2	1	1
Неримов <	23	27	6	-	-	-	18	12	5
Поин <	-	-	-	62	50	8	19	13	3
Ропанов -	-	-	-	-	-	-	13	3	3
Яр	-	-	-	-	-	-	3	3	1
Ульмин	-	-	-	-	-	-	13	13	4
Муин	-	-	-	-	-	-	6	9	3
Ермаков	-	-	-	-	-	-	1	1	1
Лехтин	-	-	-	-	-	-	2	-	1
Карчевин	-	-	-	-	-	-	3	4	1

Шагаитин	-	-	-	-	-	-	3	-	1
Мастын	-	-	-	-	-	-	4	6	1
Хуэин	-	-	-	-	-	-	4	3	2
Хапгалин -	-	-	-	6	14	2	-	-	-
Таново ²³	-	-	-	-	-	-	2	3	1
Мандруев -	7	6	1	15	15	2	-	-	-
Колимов ²⁴	-	-	-	-	-	-	1	1	1
Айнохов -	9	7	1	12	9	2	-	-	-
Каин ²⁵	-	-	-	-	-	-	6	8	2
Пахлин -	4	3	1	-	-	-	-	-	-
Седомин -	-	-	-	12	11	2	-	-	-
Сенгин ²⁶	-	-	-	-	-	-	4	4	1
Гаду	-	-	-	-	-	-	2	-	1
Пельга	-	-	-	-	-	-	4	4	1
Нак ²⁷	-	-	-	-	-	-	2	1	1
							131	98	41
							Обдорский городок-2 старшина Мацца Нячин		
Тылдин <	27	30	4	39	44	5	-	-	-
Тетхов -	-	-	-	13	11	1	-	-	-
Нячин	-	-	-	-	-	-	79	79	21
Ярлин	-	-	-	10	12	2	-	-	-
Лему	-	-	-	-	-	-	3	-	1
Сибик ²⁸	-	-	-	-	-	-	16	11	5
Дураков -	7	11	2	9	17	3	-	-	-
Мазеркин ²⁹	-	-	-	-	-	-	17	14	4
Едышкин <	18	16	6	27	40	6	-	-	-
Матоби	-	-	-	-	-	-	15	15	3
Теткин ³⁰	-	-	-	-	-	-	5	4	2
Аки	-	-	-	-	-	-	24	14	5
							159	137	41
							ю. Лабитнанские		
Семлахон <	21	18	7	30	44	6	-	-	-
Теников	-	-	-	-	-	-	13	5	2
Ерэин	-	-	-	-	-	-	2	2	1
Ертуч	-	-	-	-	-	-	3	2	1
Тальчу	-	-	-	-	-	-	2	-	1
Выера	-	-	-	-	-	-	1	1	1
Паильданов ³¹	-	-	-	-	-	-	2	2	1
Еблин	3	1	1	4	6	1	-	-	-
(Облин) -	-	-	-	-	-	-	3	3	1
Мучин ³²									

Варрин -	3	5	1	-	-	-	-	-	-
Елжин -	-	-	-	2	6	2	-	-	-
Палатов ³³	-	-	-	-	-	-	1	3	1
Абаков- Егорков ³⁴	3	2	1	5	9	2	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	2	3	1
Шумхов	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Таныхов - Игин ³⁵	9	7	1	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	7	12	1	-	-	-
Березин - Сосвелтин ³⁶	3	4	1	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	3	8	1	-	-	-
Зайкин - Неляков ³⁷	10	11	3	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	5	14	3	-	-	-
Немысов ³⁸	-	-	-	-	-	-	8	4	1
Абысяков < Лохрымов	8	7	1	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	9	10	1	-	-	-
Руксыланов - Бабин ³⁹	-	-	-	8	13	1	2	1	1
	-	-	-	-	-	-	5	4	1
Ишкин < Тотхов ⁴⁰	6	6	2	1	4	1	-	-	-
	-	-	-	2	3	1	-	-	-
Агинпунов	6	7	1	10	12	1	-	-	-
Аделхов - Коин ⁴¹	4	5	1	6	7	1	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	12	9	2
Хотомытин (Хотомин) - Немков ⁴²	3	4	1	10	9	2	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	5	2	1
Аркин	3	3	1	-	-	-	-	-	-
Полятов	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Елгомдаев < Махлин	5	5	1	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	9	6	1	-	-	-
Тендин ⁴³	-	-	-	1	4	1	-	-	-
Седин < Недин - Некин ⁴⁴	-	-	-	2	5	1	-	-	-
	-	-	-	4	5	1	-	-	-
	-	-	-	7	1	2	3	2	1
Парин	3	3	1	3	5	1	-	-	-
Смиркин	8	15	1	17	16	2	-	-	-
Теников	-	-	-	-	-	-	4	5	1
Осьмаров;	-	-	-	-	-	-	2	3	1
Нембылев ⁴⁵	-	-	-	-	-	-	2	5	1
Губин ⁴⁶	-	-	-	-	-	-	23	29	6
Тозины ⁴⁷	-	-	-	-	-	-	7	3	1
							102	88	27
Итого	378	397	104	660	766	134	639	522	175

Обдорский городок

¹ Дружинины — переселенцы из Качегатского городка Куноватской волости.

² Мурзины и Ханзины (они же Мурзины) по 7-й ревизии числятся под фамилией Мурзин, по 10-й — Маузов (Антын Выдана Мурзин был записан как Антон Маузов). Часть Мурзиных по 7-й ревизии была зафиксирована в ю. Харпоских под фамилией Норпахтин (по отчеству Ивана Норпахтина Мурзина, 4).

³ Фамилия Сесманов по данным 7-й ревизии распадается на ряд дочерних: Микишкин (по 4-й ревизии при записи одной семьи указано «Сесманов, он же Микишкин»), Адер (фамилия образована от имени Одерума Сесманова), Кобылин (Кобыла Сесманов, 4–7), Пукшин и Васидин (Пуика Сесманов и его сын Васид, 4–7); к Пукшиным примыкают фамилии Куйбин и Волдамов (по 9-й ревизии числятся Куйбин Ялин Пукшин и Волдам Пукшин), а также Елепхов (Илепхо Сесмахов, 7) с производными фамилиями Матьпин и Сераки (по 9-й ревизии числится сын Хазина Арганиги Елепхова, Хазин Матьпин; брат Хазина, Супдо Серако, по 10-й ревизии записан отдельно).

⁴ Никишкины по 9-й ревизии записаны по имени Иги Выкрудина Никишкина — Игиными, по 10-й — Няниными.

⁵ Фамилия Маульнов образована от отчества Хупида Маулина Найдышева (7).

⁶ Лабин, по данным 7-й ревизии, числится под фамилией Выхлин, по 9-й — Ензоров (от имени Ензора Выхлина, 7); по 10-й ревизии фамилия не фиксируется.

⁷ Сонины по 7-й ревизии записаны по именам глав семейств как Сиводушкины (Сиводушка Сонин, 4) и Черпаковы (Сепрак Сонин, 4).

⁸ Фамилия Колымов образована от имени числившегося по 4-й ревизии Колыма Касва.

⁹ От имени Матчу Шешахова происходит фамилия Матюев.

¹⁰ По 7-й ревизии Левины записаны под фамилией Савурин (образована от имени Савура Кондратова Левина).

¹¹ Под фамилией Лангин по 10-й ревизии числится сын Ланги Алыманова.

ю. Пашецовы

¹² Фамилия Суханов образована от имени Сухана Тонина (4).

¹³ По данным 10-й ревизии, Левшевы числятся под фамилией Чемахов.

¹⁴ По 7-й ревизии Асевы записаны по имени Селима Асева (4) — Селимовыми.

¹⁵ Титиковы по 10-й ревизии записаны по имени Ильи Титикова (4) — Ильиными.

¹⁶ Фамилия Урасов происходит от имени Ураса Шокурова (4)

ю. Харпоские

¹⁷ По данным 4-й ревизии, в Обдорском городке числились «крещеные» и «некрещеные» Марковы, первые по 7-й ревизии записаны под фамилией Одигин (по отчеству Спиридона Одига Маркова, 4), вторые — под фамилией Тобольчин (по имени Тобольчи Негрова Маркова, 4). По 9-й ревизии население ю. Харпоских зафиксировано как «род Тобольчиных».

¹⁸ Мурзины по 7-й ревизии числятся в списке «крещеные остяки» под фамилией Норпахтин (по отчеству Иоана Норпахти Мурзина (4), по 10-й — под фамилией Паильдин).

¹⁹ Абаков по 7-й ревизии записан под фамилией Павызеруев. По всем переписям проходят как «крещеные».

²⁰ По 10-й ревизии Шонгалховы числятся под фамилией Танзеровы, образованной от имени главы Танзера Шоголхова.

²¹ Часть Сединых, по данным 7-й ревизии, записана по имени Ешнека Седина (4) — Ешнековыми, по 10-й ревизии они причислены к ю. Харпоским; другая часть Сединых зафиксирована под фамилией Некин в ю. Лабытнанских.

ю. Ендырские

²² По данным 4-й ревизии, сыновья Аги Агинпунгова записаны под фамилией Агин, по 7-й — Игин и Волоткин (по имени Володки Негопулина Агина, 4). По 10-й ревизии Игины числятся под фамилиями Юркин (по имени Ярки Игина, 7) и Мандалов (по отчеству Тигу Монгия Агина, 7). Фамилия Итлягин образована от имени Итлагая, сына Агие Волоткина, фамилия Таминовы — от имени Тимина Монгия Агина. Числившийся по 7-й ревизии Навы, сын Ярки Игина, по 10-й ревизии записан как Навы Теткин.

²³ По 7-й ревизии Неримовы записаны по именам глав семейств: Поин (Пою Неримов, 4) и Хангалин (Хангали Неримов, 4). По 10-й ревизии Поины числятся под новыми фамилиям: Ронанов и Лехтин (родоначальники фамилий — Ронана Поин и его сын Ляхта), Ульмин (Уима Поин), Неримов (Неорыма Поин), Муин (Муия Поин), Ермаков (Ермак Лобат Поин), Карчевин и Шагаитин (Харчи Лобата Поин и его сын Шагата), Хузин (Хози Поин). К Поиным по набору имен можно отнести фамилию Мастын. К ним же причислена фамилия Яр (по 9-й ревизии числится Ер Ронанов и братанники Неримовых — Яр, вероятно, фамилия происходит от имени Евра Ронына Поина). От другого корня Неримовых происходит фамилия Танову, в наборе имен которых встречается Хангалин.

²⁴ Фамилия Колимов происходит от имени Кыля, брата Кевуха Ермакова Мандруева.

²⁵ Часть Айпоховых по 10-й ревизии зафиксирована под фамилией Каин в ю. Ендырских (по 9-й ревизии числятся как Тозины, фамилия восходит к имени Този Сандрова Айпохова, 7). Другая часть Айпоховых по 9-й ревизии записана Губинными (по отчеству Абизи (Отта) Кубина Айпохова) и Тазинными (по имени Този Сандурова Айпохова) в ю. Лабытнанских.

²⁶ Пахлины по 7-й ревизии записаны по имени деда Седома Пахлина — Седоминами, а по 10-й — Сенгиными (Пахла и Лянка Сеньгины Седомины, 7).

²⁷ Фамилия Нак, вероятно, восходит к имени Ныка Серабчи Сиводушкина (9).

Обдорский городок-2

²⁸ Тылдины и Ярлины изначально составляли одну фамилию (Ярл Тылдин, 4). По 7-й переписи одна семья Тылдиных записана по имени главы Тетго Тылдина — Тетховыми; от имени его сына, Нячи, образована фамилия Нячин; от имени Сюбоко Тылдина — фамилия Сибик; от имени Хелю (сына Ерси Тылдина) — Лему (по 9-й — Хелу).

²⁹ Мазеркины по 9-й ревизии числятся под фамилиями Мазеркин и Таркан (Нечи Таркан — Ночь, он же Хосю Неочин Дураков). По-видимому, фамилии Дураков и Тылдин родственны (в наборах имен тех и других встречаются имена Нечи и Мазерка).

³⁰ Едышкины, по данным 10-й ревизии, записаны под фамилиями Матоби и Теткин.

ю. Лабытнанские

³¹ По данным 10-й ревизии, фамилия Семлахов распадается на ряд дочерних: от имени Тенека Семлахова и его сына Хеко образованы фамилии Теников и Выера (по 9-й — Хекин), от имени Ерзи Толчепова Семлахова — Ерзины и Тальчу (по 9-й — Хабыче Ерзин Тальчу). К ним же можно отнести Тохти Ертуч (по 9-й числился Тяхли Конлин, по 7-й Тохты и Конли записаны как сродные братья Упы Тоговы Семлахова).

³² Мучин по 9-й ревизии записан в варианте Музек (по имени Музек Оры Облина, 7).

³³ Ваврин по 7-й ревизии числится под фамилией Елжин (Ежи Ваврин, 4), по 10-й — Палатов (Полят Елжин, 7).

³⁴ Моля и Лоба Абаковы по 9–10-й ревизиям записаны как Егорковы (по имени Егорко Абаков, 4)

³⁵ Фамилия Игин образована от имени Иги Таныхова (4).

³⁶ Фамилия Березины заменена фамилией Сосвелтины, образованной от имени Сосвелта Березина (4).

³⁷ Зайкин по 7-й ревизии записан под фамилией Неляков (Неляк Зайков, 4).

³⁸ Родоначальниками фамилии Немысов могли быть: Няльмас Зайкин (по 7-й ревизии числится как бездетный), Немас Чутков (Обдорский городок) или Немас Сиводушкин.

³⁹ Фамилия Абысяков по 7-й ревизии распадается на два корня: Лохрымов (Лохрым Абысяков, 4) и Руксыланов (Руксылан Лохрымов Абысяков). Вероятно, к ним следует отнести и Вабиных (по набору имен).

⁴⁰ От фамилии Ишкин отделяется семья Тотховых; фамилия восходит к имени Тотхо Ишкина.

⁴¹ Аделховы по 9-й ревизии числятся под фамилией Яигин (Агие Конов Оделхов, 7), по 10-й — Коин.

⁴² Фамилия Хотомыгин по 7-й ревизии записана в варианте Хотомин, по 10-й — Немков (Немко Яйру, 9; Яйру Хотомытин, 4–7).

⁴³ Енгомдановы по 7-й ревизии числятся под фамилиями Махлин и Тендин.

⁴⁴ Седины и Нендины по 10-й ревизии записаны под фамилией Некин (Некка, он же Кольван Седин); часть Сединых фиксируется по 7–10-й ревизиям в ю. Харпоским под фамилией Ешнеков.

⁴⁵ Смиркины по 10-й ревизии числятся под фамилиями Теников (Теник Смиркин, 7) и Осьмаров (Ерзи, он же Осмар Смиркин, 7; по 9-й ревизии записаны как Сянду). К ним можно отнести Нембылевых (по 9-й ревизии записан Тядя Нембылев — «снохи Тындыли Сянду сын»).

⁴⁶ Губины ведут происхождение от Абизи (Отто) Кубина Айпохова; по предыдущим переписям числились в ю. Ендырских.

⁴⁷ От имени Този Сандурова Айпохова, числившегося в ю. Ендырских, образована фамилия Тозин.

¹⁹ Абаков по 7-й ревизии записан под фамилией Павызеруев. По всем переписям проходят как «крещеные».

²⁰ По 10-й ревизии Шонгалховы числятся под фамилией Танзеровы, образованной от имени главы Танзера Шоголхова.

²¹ Часть Сединых, по данным 7-й ревизии, записана по имени Ешнека Седина (4) — Ешнековыми, по 10-й ревизии они причислены к ю. Харпоским; другая часть Сединых зафиксирована под фамилией Некин в ю. Лабитнанских.

ю. Ендырские

²² По данным 4-й ревизии, сыновья Аги Агинпунгова записаны под фамилией Агин, по 7-й — Игин и Волоткин (по имени Володки Негопулина Агина, 4). По 10-й ревизии Игины числятся под фамилиями Юркин (по имени Ярки Игина, 7) и Мандалов (по отчеству Тигу Монгия Агина, 7). Фамилия Итлягин образована от имени Итлагая, сына Агие Волоткина, фамилия Таминовы — от имени Тимина Монгия Агина. Числившийся по 7-й ревизии Навы, сын Ярки Игина, по 10-й ревизии записан как Навы Теткин.

²³ По 7-й ревизии Неримовы записаны по именам глав семейств: Поин (Пою Неримов, 4) и Хангалин (Хангали Неримов, 4). По 10-й ревизии Поины числятся под новыми фамилиям: Ронанов и Лехтин (родоначальники фамилий — Ронана Поин и его сын Ляхта), Ульмин (Уима Поин), Неримов (Неорыма Поин), Муин (Муия Поин), Ермаков (Ермак Лобат Поин), Карчевин и Шагаитин (Харчи Лобата Поин и его сын Шагата), Хузин (Хози Поин). К Поиным по набору имен можно отнести фамилию Мастын. К ним же причислена фамилия Яр (по 9-й ревизии числится Ер Ронанов и братанники Неримовых — Яр, вероятно, фамилия происходит от имени Евра Ронына Поина). От другого корня Неримовых происходит фамилия Танову, в наборе имен которых встречается Хангалин.

²⁴ Фамилия Колимов происходит от имени Кыля, брата Кевуха Ермакова Мандруева.

²⁵ Часть Айпоховых по 10-й ревизии зафиксирована под фамилией Каин в ю. Ендырских (по 9-й ревизии числятся как Тозины, фамилия восходит к имени Този Сандрова Айпохова, 7). Другая часть Айпоховых по 9-й ревизии записана Губинными (по отчеству Абизи (Отта) Кубина Айпохова) и Тазиными (по имени Този Сандурова Айпохова) в ю. Лабитнанских.

²⁶ Пахлины по 7-й ревизии записаны по имени деда Седома Пахлина — Седомиными, а по 10-й — Сенгиными (Пахла и Лянка Сеньгины Седомины, 7).

²⁷ Фамилия Нак, вероятно, восходит к имени Ныка Серабчи Сиводушкина (9).

Обдорский городок-2

²⁸ Тылдины и Ярлины изначально составляли одну фамилию (Ярл Тылдин, 4). По 7-й переписи одна семья Тылдиных записана по имени главы Тетхо Тылдина — Тетховыми; от имени его сына, Нячи, образована фамилия Нячин; от имени Сюбоко Тылдина — фамилия Сибик; от имени Хелю (сына Ерси Тылдина) — Лему (по 9-й — Хелу).

²⁹ Мазеркины по 9-й ревизии числятся под фамилиями Мазеркин и Таркан (Нечи Таркан — Ночь, он же Хосю Неочин Дураков). По-видимому, фамилии Дураков и Тылдин родственны (в наборах имен тех и других встречаются имена Нечи и Мазерка).

³⁰ Едышкины, по данным 10-й ревизии, записаны под фамилиями Матоби и Теткин.

ю. Лабытнанские

³¹ По данным 10-й ревизии, фамилия Семлахов распадается на ряд дочерних: от имени Тенека Семлахова и его сына Хеко образованы фамилии Теников и Выера (по 9-й — Хекин), от имени Ерзи Толчепова Семлахова — Ерзины и Тальчу (по 9-й — Хабыче Ерзин Тальчу). К ним же можно отнести Тохти Ертуч (по 9-й числился Тяхла Конлин, по 7-й Тохты и Конли записаны как сродные братья Упы Тоговы Семлахова).

³² Мучин по 9-й ревизии записан в варианте Музков (по имени Музек Оры Облина, 7).

³³ Ваврин по 7-й ревизии числится под фамилией Елжин (Ежи Ваврин, 4), по 10-й — Палатов (Полят Елжин, 7).

³⁴ Моля и Лоба Абаковы по 9–10-й ревизиям записаны как Егорковы (по имени Егорко Абаков, 4)

³⁵ Фамилия Игин образована от имени Иги Ганыхова (4).

³⁶ Фамилия Березина заменена фамилией Сосвелтины, образованной от имени Сосвелта Березина (4).

³⁷ Зайкин по 7-й ревизии записан под фамилией Неляков (Неляк Зайков, 4).

³⁸ Родоначальниками фамилии Немысов могли быть: Няльмас Зайкин (по 7-й ревизии числится как бездетный), Немас Чутков (Обдорский городок) или Немас Сиводушкин.

³⁹ Фамилия Абысяков по 7-й ревизии распадается на два корня: Лохрымов (Лохрым Абысяков, 4) и Руксыланов (Руксылан Лохрымов Абысяков). Вероятно, к ним следует отнести и Вабиных (по набору имен).

⁴⁰ От фамилии Ишкин отделяется семья Тотховых; фамилия восходит к имени Тотхо Ишкина.

⁴¹ Аделховы по 9-й ревизии числятся под фамилией Яигин (Агие Конов Оделхов, 7), по 10-й — Коин.

⁴² Фамилия Хотомытин по 7-й ревизии записана в варианте Хотомин, по 10-й — Немков (Немко Яйру, 9; Яйру Хотомытин, 4–7).

⁴³ Енгомдановы по 7-й ревизии числятся под фамилиями Махлин и Тендин.

⁴⁴ Седины и Нендины по 10-й ревизии записаны под фамилией Некин (Некка, он же Кольван Седин); часть Сединых фиксируется по 7–10-й ревизиям в ю. Харпоским под фамилией Ешнеков.

⁴⁵ Смиркины по 10-й ревизии числятся под фамилиями Теников (Теник Смиркин, 7) и Осьмаров (Ерзи, он же Осмар Смиркин, 7; по 9-й ревизии записаны как Сянду). К ним можно отнести Нембылевых (по 9-й ревизии записан Тядя Нембылев — «снохи Тындыли Сянду сын»).

⁴⁶ Губины ведут происхождение от Абизи (Отто) Кубина Айпохова; по предыдущим переписям числились в ю. Ендырских.

⁴⁷ От имени Този Сандурова Айпохова, числившегося в ю. Ендырских, образована фамилия Тоэин.

Вылпослинский городок
(юрты Улпослинские, 10)
Старшина Кылим Кылимов, 10

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Гадымов	2	2	1	-	-	-	-	-	-
Шеншлахов <	9	9	1	14	4	2	-	-	-
Васкин <	-	-	-	5	4	1	3	3	1
Тохранов	-	-	-	-	-	-	17	12	4
Сабарин ¹	-	-	-	-	-	-	7	1	1
Кубляхов (Хубленов)	1	-	1	2	1	1	-	-	-
Вызыгарин	5	6	1	8	13	3	10	8	3
Кортлев (Кортлемов, 7)	3	7	1	4	7	2	-	-	-
Ходын ²	-	-	-	-	-	-	1	1	1
Шауров	2	3	1	1	4	1	-	-	-
Айхов	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Максаров <	10	11	3	7	3	1	-	-	-
Палин	-	-	-	6	3	1	6	5	2
Водимов	-	-	-	5	7	2	-	-	-
Мендин -	-	-	-	7	5	1	-	-	-
Юмин ³	-	-	-	-	-	-	11	5	3
Тявин <	21	15	7	20	13	3	8	7	1
Алатаев	-	-	-	4	4	1	-	-	-
Сандин	-	-	-	9	10	2	-	-	-
Хозин -	-	-	-	6	3	1	-	-	-
Ханзето	-	-	-	-	-	-	7	6	2
Ротнин	-	-	-	3	3	1	-	-	-
Поютавин -	-	-	-	1	3	1	-	-	-
Харвана	-	-	-	-	-	-	7	4	2
Айхов	-	-	-	-	-	-	5	3	1
Танзин	-	-	-	-	-	-	2	4	1
Мудасев	-	-	-	-	-	-	4	1	2
Неньпин	-	-	-	-	-	-	1	1	1
Сюизин ⁴	-	-	-	-	-	-	3	3	1
Вытохов <	11	10	2	-	-	-	-	-	-
Чехлымов	-	-	-	11	6	2	-	-	-
Мелехов -	-	-	-	17	17	5	-	-	-
Умбысев	-	-	-	-	-	-	7	7	2

Хабышев	-	-	-	-	-	-	7	5	2
Ударов	-	-	-	-	-	-	1	2	1
Моляков ⁵	-	-	-	-	-	-	4	5	1
Ютмасов -	7	6	1	-	-	-	14	10	3
Калимов ⁶	-	-	-	14	12	4	26	28	6
Семлахов -	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Лягтин ⁷	-	-	-	1	3	1	-	-	-
Немчинков <	15	13	2	-	-	-	-	-	-
Енгасов	-	-	-	6	3	1	-	-	-
Толов	-	-	-	2	2	1	-	-	-
Нельмипов	-	-	-	1	-	1	-	-	-
Сапгатов ⁸	-	-	-	11	7	3	5	3	1
Тимошкин <	7	5	1	9	9	3	12	8	3
Сюрумин ⁹	-	-	-	-	-	-	1	1	1
Паидин	-	-	-	-	-	-	5	5	1
Адин	-	-	-	-	-	-	3	3	1
Мануров	-	-	-	-	-	-	1	1	1
Невалев	-	-	-	-	-	-	15	16	3
Немгатов ¹⁰	-	-	-	-	-	-	11	7	2
Никовай	-	-	-	-	-	-	3	-	1
Суватшин	-	-	-	-	-	-	3	3	1
Хадыгин	-	-	-	-	-	-	1	1	1
Лазеруман	-	-	-	-	-	-	2	1	1
Итого	95	89	24	174	146	45	213	170	58

¹ По данным 7-й ревизии, от фамилии Шеншлаховы отделились Васкины (фамилия образована от имени главы семьи Васки Шеншлахова). По 10-й ревизии Шеншлаховы записаны под фамилиями: Сабарин (по имени Сабура Шеншлахова, 4-7) и Тохрасов (по имени Тограса Шеншлахова, 4-7).

² Кортлевы по 7-й ревизии числятся в варианте Кортлемовы, по 10-й — Ходыны (по имени Хотына Кортлемова, 4-7).

³ От трех корней Максаровых образовано три новых фамилии: от имени Пали Максарова ведут происхождение Максаровы и Палины, от имени Менда Максарова — Мендины (по 10-й ревизии они записаны по имени Юма Мендина — Юминьми), от имени Водима Максарова — Водимовы.

⁴ По данным 7-й ревизии, Тявины записаны под фамилиями, образованными от имен глав семейств: от имени Ала Тявина происходит фамилия Алатаев, от имени Сонда Тявина — Саидин, от Хови Тявина — Хозин, от имени его сына, Ротна — Ротнин, от слияния имени и фамилии Пою Тявина — Поютавин. В последующем дробление фамилий продолжается: Саидины числятся под фамилией Айхов (Айхой Саидин Тяви, 7), Хозины — Ханзето (Лазерума Томир Ханзета, сын Толя Хозина, 7-10). Вероятно, к Тявиным можно отнести и фамилию Мудасев (по 10-й ревизии

числятся Ханзета Мудасев, а в семье Али Мазина записан Константин Мойдасев; имена Мойдас и Ханзета встречаются только у Тявиных). По 10-й ревизии дети Хорова Тявина записаны под фамилией Харвана, сыновья Танги Тявина — под фамилией Танзин. Вероятно к ним же можно отнести Селя Неныпина и Омули Сюизина (по набору имен).

⁵ От имени Мелеха Выгтохов и его сына Чехлыма происходят фамилии Мелехов и Чехлымов. Числившиеся по 7-й ревизии Умбысь, Абысь и Удари Мелеховы дают начало фамилиям Умбысев, Хабысев и Ударов. От имени сына Умбыся, Моляка, образована созвучная первичной (Мелехов) фамилия Моляков.

⁶ От имени Калима Ютмасова (4) происходит фамилия Калимов. Сюда же отнесена семья Икара Итшапова (по 7-й — Игиша Калимов, по 9-й — Икара Игиштин).

⁷ Семлаховы по 7-й ревизии записаны по имени главы Ляхта Семлахова — Ляхтиными (4).

⁸ Фамилия Немчинков распадается на ряд дочерних: Енгасов (по имени Енгаса Немчинкова, 4), Толов и Нельымшопов (по имени сыновей Енгаса Немчинкова — Тола и Нельымшоп). От имени главы другой семьи, Синьгата Немчинкова, происходит фамилия Сангатов.

⁹ Тимошкины по 10-й ревизии записаны Сюруминными (по имени Сюрума Тимошкина, 7).

¹⁰ Невалев и Немгатов, вероятно, родственные фамилии (в обеих встречается имя Неваль).

Войтавжский городок
(юрты Войтавжские, 10)
Старшина Нюляк Валев, 10

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Чаков	2	2	1	-	-	-	-	-	-
Шившин <	8	11	1	-	-	-	-	-	-
Ухпеликов	-	-	-	13	13	2	-	-	-
(Охпеликов)	-	-	-	-	-	-	5	7	1
Кондин	-	-	-	-	-	-	-	-	-
(Кундин, 10)	-	-	-	5	7	2	2	2	1
Осипов ¹	-	-	-	-	-	-	5	7	2
Невлемов -	4	3	2	9	6	2	-	-	-
Тань ²	-	-	-	-	-	-	3	1	1
Евтюшкин <	17	11	5	33	33	8	-	-	-
Волев <	-	-	-	-	-	-	16	17	4
Везин	-	-	-	-	-	-	3	1	1
Нюляков	-	-	-	-	-	-	2	2	1
Толгасев <	-	-	-	-	-	-	9	9	2
Хани ³	-	-	-	-	-	-	1	3	1
Макаров	2	3	2	7	11	2	-	-	-
Максимов -	1	4	1	3	2	1	-	-	-
Сетин ⁴	-	-	-	-	-	-	21	13	2
Важин <	2	1	2	5	4	1	-	-	-
Мандуров	-	-	-	-	-	-	2	2	1
Явучин ⁵	-	-	-	-	-	-	2	4	1
Ляпов ⁶	-	-	-	1	4	1	-	-	-
Нек ⁷	-	-	-	-	-	-	2	1	1
Итого	36	35	14	76	80	19	73	69	19

¹ Фамилия Шившин, по данным 7-й ревизии, делится на две дочерние: Ухпеликов (Охпеликов) и Кондин (Кундин). Обе фамилии происходят от личных имен: первая, от имени родоначальника — Ухпелика Шившина, вторая, от имени его сына — Коди Ухпеликова Шившина. По 10-й ревизии появляется еще одна дочерняя фамилия — Осипов, образованная от имени Осима Конди Ухпеликова (7).

² Фамилия Тань происходит от имени Тани Сергунта Невлемова (4—7).

³ По данным 10-й ревизии, фамилия Евтюшкин распадается на четыре корня, вновь образованные фамилии восходят к личным именам: Вези Евтюшкин (4) дает начало фамилии Везин, Воль Евтюшкин (4) — Волев, Нюляк Евтюшкин (4) — Нюляков, Толгас Евтюшкин (4) — Толгасев, Хани Толгасев Евтюшкин (7) — Хани.

⁴ Фамилия Сетин происходит от имени Сотта Максимова (7); по 9-й ревизии его внуки записаны под фамилией Сотин, по 10-й — Сетин.

⁵ По данным 10-й ревизии, фамилия Важин распадается на две дочерние: Мандуров и Явучин. По 9-й ревизии сын Алтиса Важина, Явузи, записан под фамилией Мандуров, по 10-й — Явучин.

⁶ В наборе имен Важиных есть имя Ляп, возможно, что фамилия Ляпов родственна Важиным.

⁸ С большой долей условности можно предположить, что фамилия вновь крещеного Ивана Герасимовича Нека происходит от имени Сека Евтюшкина.

Воксарков городок
(юрты Ваксарковские, 10)
Старшина Вачу Вачин, 9

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизии, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Митрин - Якушкин ¹	15	7	5	9	10	2	-	-	-
Винопов - Вачин ²	5	6	1	10	6	2	-	-	-
Айнин	-	-	-	-	-	-	14	11	4
Айнин	3	4	1	-	-	-	-	-	-
Пынгырин < Менгласков	5	2	1	-	-	-	-	-	-
Вьнзин	-	-	-	3	3	1	-	-	-
Толманов < Осьхо ³	-	-	-	4	6	2	-	-	-
Охлатов	-	-	-	1	2	1	-	-	-
Охлатов	-	-	-	-	-	-	2	3	1
Охлатов	5	5	1	1	4	1	-	-	-
Хангин (Хонзин) - Лайшонов ⁴	3	7	4	2	4	1	-	-	-
Непляхов	-	-	-	-	-	-	3	1	1
Непляхов	2	1	1	-	-	-	-	-	-
Пехалисв	2	2	1	-	-	-	-	-	-
Агудин	2	1	1	2	5	1	-	-	-
Шешкин - Вонглин ⁵	9	11	3	8	8	3	-	-	-
Шешкин - Вонглин ⁵	-	-	-	-	-	-	28	15	6
Чечулин - Кузьмин - Сюрумпатин ⁶	5	5	1	-	-	-	-	-	-
Чечулин - Кузьмин - Сюрумпатин ⁶	-	-	-	4	4	1	-	-	-
Чечулин - Кузьмин - Сюрумпатин ⁶	-	-	-	-	-	-	1	-	1
Мартынов	6	4	1	6	5	2	-	-	-
Потлиссев - Тыксин ⁷	2	1	1	-	-	-	-	-	-
Потлиссев - Тыксин ⁷	-	-	-	1	4	1	-	-	-
Небондин - Выпиков ⁸	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Небондин - Выпиков ⁸	-	-	-	4	3	1	-	-	-
Коренов - Агудин - Тано ⁹	5	6	1	-	-	-	-	-	-
Коренов - Агудин - Тано ⁹	-	-	-	8	10	2	2	3	1
Коренов - Агудин - Тано ⁹	-	-	-	-	-	-	4	4	1
Едсков < Япа	6	9	4	8	10	3	-	-	-
Едсков < Япа	-	-	-	-	-	-	3	3	1
Едсков < Япа	-	-	-	-	-	-	1	1	1
Туванов ¹⁰	-	-	-	-	-	-	3	3	1
Итого	76	71	28	74	92	26	61	44	18

¹ По данным 7-й ревизии, от фамилии Митрин отделяется дочерняя — Якушкин, образованная от имени главы семьи — Якушки Митрина (4).

² Фамилия Вачин образована от имени Вотчина Летта Выюпова (7).

³ По данным 7-й ревизии, фамилия Пынгырин распадается на три дочерних: Ментлеков, Вынзин и Толманов (все фамилии образованы от личных имен). Фамилия Осьхо может быть производной от фамилий Вынзин и Толманов: по 9-й ревизии Котелко Осьхо записан вместе с братом Куди Тойма (имя Кади встречается как у Толмановых, так и у Вынзиных).

⁴ Хангин (Хонзин) по 10-й ревизии числится под фамилией Лайшопов (Луйшоп Улманов Хангин, 7). Возможно, фамилии Охлатов и Хангин генеалогически связаны: в материалах 9-й ревизии числится Луйшоп Охлатов.

⁵ Фамилия Вонтлин образована от имени, зафиксированного 4-й ревизией Вантли Шешкина.

⁶ Чечулины по 7-й ревизии записаны Кузьмиными (по имени родоначальника одной из семей, Козьмы Ченчулина). От имени Серымпади, сына Панду Ханбина Козьмина, происходит фамилия Сюрумпатин.

⁷ Фамилия Тыксин образована от имени Тынса Потлинеева (4).

⁸ От имени Выника Небондина происходит фамилия Вышиков.

⁹ Фамилия Корепов заменена на фамилию Агудин (Агуди Корепов, 4). К Кореповым—Агудиным восходит зафиксированная по 10-й ревизии семья Паильти Таню (по 9-й — Пакида Тыдылчи, сын Тынболчи Тыника Агудина).

¹⁰ Фамилия Ендеков по 10-й ревизии распадается на три корня: Туванов (Тувин Едеков, 4) Яна (Ян Тувин Едеков, 7) и Янза (в семье которого записаны племянники Тувановы).

Ворважский городок
(юрты Ворважские, Казымские, 10)
Старшина Аня Данилов, 9

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
							ю. Ворважские		
Чакилев - Рабчин ¹	13 -	13 -	3 -	12 3	15 3	3 1	- -	- -	- -
Костин < Мошкин Хановин ²	13 - -	16 - -	2 - -	32 - -	30 - -	6 - -	11 14 8	8 16 13	2 2 2
Калев < Данилов Ангипин Яр Нагагалов ³	12 - - - -	11 - - - -	2 - - - -	17 - - - -	21 - - - -	5 - - - -	- 9 3 2 9	- 6 - 2 8	- 2 1 1 2
							56	53	12
							ю. Казымские		
Мсенengi - Мендин < Ехначев Ягласов ⁴	2 - - -	3 - - -	1 - - -	- 8 - -	- 9 - -	- 2 - -	- - 11 2	- - 5 2	- - 1 1
Еблицин - Токолов ⁵	3 -	4 -	1 -	2 -	2 -	1 -	- 3	- 2	- 1
Вытохов - Саду ⁶	3 -	4 -	1 -	4 -	4 -	1 -	- 3	- 1	- 1
Кунемов - Ренов < Хами Рыму ⁷	8 - - -	4 - - -	1 - - -	- 16 - -	- 21 - -	- 5 - -	- - 3 2	- - 7 4	- - 1 1
Мелов	2	4	1	3	1	1	-	-	-
Вутин ⁸	-	-	-	-	-	-	3	2	1
Тохлымов ⁹	-	-	-	-	-	-	5	4	1
							32	27	8
Итого	56	59	12	97	106	25	88	80	20

¹ Фамилия Рабчин образована от имени Репчика Чакилева (4). По 9-й ревизии числятся Езек и Юкы Непчу, записанные по имени деда — Несепчу Чакилева (4) или по имени Непчу, сына Ханзи Несепчина Чакилева (4). В той же ревизии встречается Игишек Тавуля, вероятно, по 7-й ревизии он отмечен как Игишоп (он же Чеуль) Несепчин Чакилев. По 10-й ревизии Чакилевы не фиксируются. Возможно, фамилия Чакилев родственна фамилия Мененги (по набору имен): в материалах 4-й ревизии имеется запись «умершего Мененги дети».

² Фамилии Мошкин и Хановин восходят к личным именам Мошки Тагазина Костина и Ханга Тагазина Костина.

³ Калевы по 10-й ревизии записаны под фамилиями, образованными от имен глав семейств: от сыновей Ехтана Пангина Калева, Панила и Антипа (7) произошли фамилии Данилов и Антипин; от имени Негапауля Петрова Калева (4–7) — Нагапалов. По-видимому, к Калевым можно отнести фамилию Яр (только у них в наборе имен встречается имя Камар: по 4–7-й ревизиям числится Камар Петров Калев, по 10-й — Камар, сын Вечета Яр).

⁴ Мендины по 10-й ревизии записаны под фамилиями Ехначев (по 9-й — Ехласовы) и Ягласов (по 9-й — Непчу). Обе фамилии восходит к имени Егласа Мененги (4).

⁵ По 10-й ревизии Еблицины числятся под фамилией Токолов (племянник Токолова, Лайден Табель; данное имя, по материалам 7-й ревизии, встречается среди Еблициных (Тобыль Еблицин) и Менговых (Тобыль Херсомов Мелов)).

⁶ Фамилия Саду происходит от имени Саду Вытюхова (4).

⁷ Фамилия Ренов образована от имени Рену Кунемова (4). По 10-й ревизии Реновы записаны под фамилиями Рыму (Раму, 9) и Хами (по 7–9-й ревизиям числятся Лесли Хонин Ренов и его брат, по 10-й — только брат Хеури Хами).

⁸ Возможно, по 7-й ревизии Куняби Вутин зафиксирован как Кунема Ухынсыхов Ренов.

⁹ Тохлымов по 9-й ревизии числился в семье Вутиных как племянник, по 10-й ревизии его семья записана отдельно.

Надымский городок
Старшина Сераб Тонкин, 10

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизии, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Хатаев -	11	6	3	11	10	5	-	-	-
Тормасов <	-	-	-	6	6	2	3	1	1
Тонкин	-	-	-	-	-	-	11	8	2
Летягин ¹	-	-	-	-	-	-	7	5	2
Явлин	2	1	1	-	-	-	-	-	-
Кырсымов -	3	4	1	-	-	-	-	-	-
Седмин ²	-	-	-	1	2	1	-	-	-
Кортлев -	4	2	2	-	-	-	-	-	-
Потченов -	-	-	-	4	1	1	-	-	-
Селин	-	-	-	-	-	-	2	1	1
Тадебин ³	-	-	-	-	-	-	2	-	1
Мохнатов	1	2	1	-	-	-	-	-	-
Шеншлахов	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Кулатов (Хулетов)	2	-	1	4	3	2	-	-	-
Каулев	1	2	1	-	-	-	-	-	-
Удазиев -	10	7	4	9	6	3	-	-	-
Хындин ⁴	-	-	-	-	-	-	7	5	1
Кудин -	1	2	1	2	1	1	-	-	-
Кунзин ⁵	-	-	-	-	-	-	2	-	1
Потанин -	4	3	1	4	2	1	-	-	-
Пяды ⁶	-	-	-	-	-	-	1	2	1
Агин -	8	4	3	7	4	2	-	-	-
Нудин	-	-	-	-	-	-	1	2	1
Хегу ⁷	-	-	-	-	-	-	4	-	1
Мудымов	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Семенов	2	3	1	3	1	1	-	-	-
Котменков	-	-	-	2	2	2	-	-	-
Сонгутин	-	-	-	1	-	1	-	-	-
Ханато	-	-	-	-	-	-	1	4	1
Мохтасов	-	-	-	-	-	-	4	4	1
Вызыны -	-	-	-	-	-	-	2	-	1
Неччи ⁸	-	-	-	-	-	-	4	-	1
Итого	51	36	22	54	38	22	51	32	16

¹ Фамилия Тормасов образована от имени Тормаса Хатанева (4). По данным 10 ревизии, фамилия распадается на две дочерних: Тонкин (Тонка Тормасов, 4–7) и Летягин (Ляденга Ударов Хатанев, 4–7).

² Фамилия Седмин происходит от имени Седма Кырсымова (4).

³ Кортлевы по 7-й ревизии записаны по имени главы семьи Потчеповыми (Потчеп Кортлев, 4); по 9–10-й ревизиям они числятся под фамилией Селин (Сюли Потчепов, 7). Вероятно, фамилия Тадебин образована от имени Тиби Потчепова Кортлева (4).

⁴ Фамилию Удазиев можно соотнести с фамилией Хындин: Вачу и Пичу Хындины по 7-й ревизии могли быть записаны как Ротню и Удази Хайнины Удазиевы.

⁵ Кудин по 10-й ревизии числится под фамилией Кунзин.

⁶ Вайвако Саунд Пяды (9) можно сопоставить с Возако, сыном Тога Акко Потапина (7). По 10-й ревизии числится только брат Вайвако, Соуды, в составе семьи Пучу Хындина.

⁷ Сыновья Нучтыма Семалина Агина по 7-й ревизии записаны как Шога и Лайды Нудины. От имени брата Нучтыма — Тылди (он же Аги) — образована фамилия Тылтин, под которой записаны его сыновья — старшина Хету Тылтин и Юнай Тылтин. По 10-й ревизии числится только семья Юная, но под фамилией, образованной от имени брата-старшины — Хету.

⁸ По данным 9-й ревизии, в Надымском городке числятся Вызыны и Тысяда Сагын, по 10-й ревизии их дети записаны как Тысяда Вызыны и Семали Ненча. Определить их прежнюю фамильную принадлежность сложно: по набору имен их можно соотнести с Удазиевыми, среди которых встречается имя Созам (Сагын), или с Агинными с повторяющимся именем — Семали.

Полуйский городок
(юрты Полуйские, 10)

Старшина Омас Козы, 9; Старшина Етли Еплин, 10

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Качин - Амласов ¹	4	3	1	-	-	-	-	-	-
Емендесев - Хозин (Козы) - Кач ²	5	3	1	-	-	-	-	-	-
Дементьев	2	2	1	-	3	1	-	-	-
Пурисев	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Калев - Етлин - Еплин ³	6	3	1	-	3	2	-	-	-
Атаманков - Когасов < Кызырин ⁴	6	5	1	-	-	-	10	9	3
Игышев < Мартынов, Ленгуев - Сек Калев ⁵	9	12	3	10	9	2	-	-	-
Тюлдин	1	-	1	-	-	-	6	6	2
Лядин	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Урымов	2	3	1	-	-	-	-	-	-
Ямдуев - Евкин ⁶	3	6	1	-	-	-	-	-	-
Хаутов - Аймдуев ⁷	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Хазеков - Вабин ⁸	4	3	1	7	4	1	-	-	-
Нюляхов < Назаров < Лару Палев Куимылин Имаков ⁹ Сайгат	7	7	1	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	7	4	1	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	4	3	1
	-	-	-	-	-	-	2	1	1
	-	-	-	2	2	1	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	2	2	1
	-	-	-	-	-	-	3	3	1

Ленгин	3	1	1	3	4	1	-	-	-
Ачкалин - Тогы ¹⁰	4	2	2	-	-	-	-	-	-
Вьтлин - Комов ¹¹	4	8	2	-	-	-	-	-	-
Низимов	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Каль ¹²	-	-	-	2	3	1	-	-	-
Калев ¹³	-	-	-	-	-	-	3	1	1
Итого	64	59	22	68	69	23	62	50	20

¹ Фамилия Амласов происходит от имени Сомласа Качина (4).

² По 7-й ревизии Емендеевы записаны Хозиными (по имени Хожи Емендеева, 4). По 9-й ревизии числятся Омлас Козы и его брат Еменда, по 10-й — только Еменда под фамилией Кач (Еменда Козы, 9). Возможно, фамилии Амласов—Качин и Емендеев—Хозин родственны (наборе имен встречаются Омлас и Качи).

³ Фамилия Етлин образована от имени Етли Калева (4). По 10-й ревизии Етлин фигурирует как Еплин.

⁴ По 7-й ревизии Атаманковы записаны Когасовыми (по имени деда Хохаса Атаманкова). В дальнейшем фамилия Когасов распадается на две дочерних: Атаманков (по имени Атаманко Когасова, 4—7) и Кызырин (по имени Кызыри Когасова, 4—7).

⁵ По данным 4-й ревизии, Игышевы имели три корня: семьи Сидора Игышева, Ленгу Игышева и Кертыма Игышева. По 7-й ревизии семья Сидора Игышева записана под прежней фамилией, по 10-й — под фамилией Мартынов (по имени Мартына Сидорова Игышева). Внук Ленгу Игышева по 7-й ревизии зафиксирован по имени деда — Ляди Лешаков Ленгуев; его сын по 9-й ревизии числится как Ленгу Лядин, а по 10-й — Ленгу Сек. От имени сына Кертыма Игышева, Каля, происходит фамилия Калев.

⁶ Фамилия Евкина образована от имени Явки Ямдуева (4).

⁷ Алтавой Хаутов по 7-й ревизии записан как Алтавой Аимдуев.

⁸ Фамилия Вабин вобразована от имени Ваби Хазекова (4—7).

⁹ По данным 7-й ревизии, фамилия Ньюляхов распадается на две дочерних: Назаров (по имени Назара Ньюляхова, 4) и Куимылин (по имени Куимыли Назарова Ньюляхова). От имен внуков Назара Ньюляхова — Лорву Нервина Назарова и Пали Нервина Назарова происходят фамилии Лару (по 9-й ревизии записаны Семпелик Лару и Мину Тохмин, по 10-й последний числится как Мину Тохмин Лару) и Палев. От имени Яма Куимылина Назарова образована фамилия Имаков (Емак, 9). По 9-й ревизии Пурусь Сайгат записан как братанник Палевых, по 10-й ревизии его семья числится отдельно.

¹⁰ Сын Тога Ачкалина, Ендыль Тога по 10-й ревизии числится как Ачкали Тогы.

¹¹ От имени Комак Вьтлина образована фамилия Комов.

¹² По 7-й ревизии числится «новокрещеный» Тимофей Николаев Каль.

¹³ По 10-й ревизии записан «новокрещеный» Дмитрий Калев; определить его исходную фамилию невозможно (предположительно, сын Тимофея Николаева Каль).

Пелважский городок
(юрты Пелважские, 10)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Шибыров (Шиберов, 10)	6	5	1	11	18	4	19	11	4
Сязин - Сюлин ¹	6	11	4	-	-	-	13	10	4
	-	-	-	10	10	2	-	-	-
Нетип	2	2	1	-	-	-	-	-	-
Кормандиев	14	23	3	19	17	3	-	-	-
Тадин ²	3	4	2	6	12	2	-	-	-
Невин	5	2	4	9	9	3	20	17	4
Паильдин ³	-	-	-	-	-	-	15	14	5
Итого	36	47	15	55	66	14	67	52	17

¹ Сязины по 7-й ревизии записаны под фамилией Сюлин, по 10-й — под прежней фамилией (Сязин).

² Возможно, Тадины по 10-й ревизии были зафиксированы вместе с Невинными.

³ По материалам 9-й ревизии, числились Степан Паильдин Езек и Василий Паильдин Вытлин, по 10-й ревизии они записаны Паильдиными. Фамилия Паильдин встречается в ю. Харпоских, а фамилия Вытлин — в Полуйском городке. По набору имен пелважских Паильдиных можно соотнести с Кормандиевыми.

Собский городок
(юрты Собские, 10)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Тимошкин - Мухульхов ¹	4	2	1	7	10	1	-	-	-
Токуров < Комаров Сынгатов ²	10	12	3	9	3	1	-	-	-
Березин	3	2	1	4	5	1	-	-	-
Хондимов	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Разин - Тигоразин ³	3	4	2	-	-	-	-	-	-
Сюмахов < Чумаков Чурасхов ⁴	4	7	1	-	-	-	-	-	-
Рузилов	1	2	1	2	2	1	-	-	-
Лушиков - Леурин ⁵	4	4	1	3	7	1	-	-	-
Рымков	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Емандахов	1	2	1	3	1	1	-	-	-
Неликов	3	1	1	6	6	2	5	3	1
Итого	35	38	14	64	61	15	45	39	11

¹ Фамилия Мухульхов происходит от отчества Ивана Тоголхо Тимошкина (4).

² От имен, числившихся по данным 4-й ревизии Матвея Комара, Антона Тарыма и Дмитрия Сынгатова Токурова, образованы фамилии: Комаров, Тарымов—Токуров (по 9-й ревизии значатся Тарымовы, по 10-й в семье Сынгатовых записаны два племянника Токуровых) и Сынгатов.

³ Фамилия Тигоразин происходит от слияния имени и фамилии Тига Разина (4).

⁴ Сюмаховы по 7-й ревизии записаны Чумаковыми и Чурасховыми (обе фамилии происходят от имени и фамилии Чурасхо Сюмахова, 4).

⁵ Фамилия Леурин образована от отчества Алексея Левра Лушикова (4).

Шурьшкарский городок
(юрты Шурьшкарские, Вандияские, 10)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1856 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
	ю. Шурьшкарские								
Кельчин	8	8	2	11	17	4	23	31	6
Максаров	10	12	3	17	27	4	18	18	8
Бубинов	11	8	1	15	20	2	5	4	2
Тенкин	2	3	1	-	-	-	-	-	-
Тишкин < Емруев	14	14	2	24	12	5	-	-	-
Панзин ¹	-	-	-	-	-	-	17	25	4
	-	-	-	-	-	-	3	4	1
Игихов - Ондылев ²	2	8	1	3	5	1	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	1	6	1
Лепасов	2	4	1	-	-	-	-	-	-
Чангасов	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Родямов	8	3	1	12	19	4	9	11	2
Валенов	2	3	1	3	1	1	-	-	-
Мишкин	1	2	1	2	1	1	-	-	-
Марсин ³	2	4	1	4	3	1	-	-	-
Поняров - Ныков ⁴	2	2	1	7	4	1	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	10	6	2
Рукин ⁵	-	-	-	-	-	-	5	1	1
							91	106	27
	ю. Вандияские								
Лымбин - Шиянов ⁶	8	5	2	18	13	4	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	15	19	5
Тонгламов - Ешников ⁷	8	3	1	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	7	12	4	3	3	1
							18	22	6
Итого	81	79	20	123	134	32	109	128	33

¹ От отцов Федора Ямру и Афанасия Панзин Тишкиных образованы фамилии Емруев и Панзин.

² Дети Ондыль (Радионо) Федорова Игихова по 9-10-й ревизиям записаны по имени отца Ондылевыми.

³ По 9-й данным ревизии, Елисей и Иван Натымовы числились в семье Марсина как племянники.

⁴ По 10-й ревизии Поняров записан под фамилией Ныков.

⁵ По 9-й ревизии в семье Рукиных числились два племянника Хартагановых.

⁶ Лымбины по 10-й ревизии записаны в ю. Вандияских под фамилией Шиянов (Андрей Шиян Лымбин, 4).

⁷ Тонтлымовы по 10-й ревизии числятся в ю. Вандияских под фамилией Ешнеков (Семен Ешнек Тонтлымова, 4).

Таблица 11

Войкарский городок (юрты Войкарские, 10)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Алмин	5	2	1	8	6	3	-	-	-
Нестерков < Алябев ¹	7	6	2	9	5	1	7	5	2
Ребасов > Федкин ²	2	2	1	3	9	2	7	7	2
Тынзянов	6	3	1	8	7	2	2	2	1
Ханзин (Хунзин) < Возилев ³	15	18	4	30	40	8	17	15	6
Немчинов - Назаров ⁴	5	8	1	7	9	2	-	-	-
Олешкин < Манемов Паспелов ⁵	5	6	2	16	14	2	-	-	-
Сеисин (Сюзин) - Сюлисев ⁶	1	2	1	-	-	-	13	17	3
Ютмасов	10	5	1	22	27	7	19	17	8
Итого	1	3	1	-	-	-	-	-	-
	65	62	17	114	130	30	132	132	46

¹ Фамилия Алябев образована от отчества Матвея Алябай Нестеркова (4).

² Числившиеся по 9-й ревизии Антип Федкин, а также братья Иван и Козьма Елисеев Федкины, по 10-й ревизии записаны под фамилией Ребасов.

³ Фамилия Возилев образована от отчества Антона Возель Хунзина (4).

⁴ Фамилия Назаров происходит от отчества Степана Назара Немчинова (4).

⁵ По данным 10-й ревизии, одна семья Олешкиных записана под фамилией Манемов, другая — Паспелов (Никита Поспел Олешкин, 7).

⁶ По-видимому, Сеисины (Сюзины) и Сюлисевы составляли одну фамилию, родоначальником которых являлся Данила Сюлись Соин (4). По 7-й ревизии его дети записаны как Сюлисевы, по 10-й — Сюлисевы и Сюзины.

Аспукальский городок
(юрты Аспугольские, 10)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Пырин -	5	5	1	-	-	-	-	-	-
Вызепырин -	-	-	-	3	6	1	-	-	-
Возин ¹	-	-	-	-	-	-	2	2	1
Отчам ²	-	-	-	-	-	-	1	3	1
Ликуев	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Илюшкин	13	11	4	14	7	4	21	24	6
Романов -	3	6	1	-	-	-	-	-	-
Луцероманов ³	-	-	-	4	6	2	-	-	-
Айногов -	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Максимов ⁴	-	-	-	1	1	1	-	-	-
Андрюшкин -	5	6	2	4	10	1	-	-	-
Тыргутин ⁵	-	-	-	-	-	-	10	9	2
Конгин (Конзин, 7)	4	4	1	8	10	1	16	11	3
Тохлымвосв	3	3	1	1	-	1	-	-	-
Костин	5	3	2	8	5	2	6	3	1
Алексеев	1	1	1	2	-	1	-	-	-
Пасторов	4	2	1	2	2	2	3	4	1
Итого	45	42	16	47	47	16	59	56	15

¹ Фамилия Вызепырин образована при слиянии имени и фамилии числившегося по 4-й ревизии Везя Пырина. По 9-й ревизии Вызепырин записан под фамилией Везин, по 10-й — Возин.

² По данным 9-й ревизии, Роман Отчам числится как братанник Везиных, по 10-й ревизии записан отдельно. Возможна генеалогическая связь фамилий Отчам и Романов (только у них в наборе имен повторяется имя Роман).

³ Фамилия Луцероманов образована от слияния отчества и фамилии Ивана Луце Романова (4).

⁴ Фамилия Максимов происходит от отчества Антона Максимова Айногова (4).

⁵ По 10-й ревизии Андрюшкины записаны под фамилией Тыргутин.

Общая численность остяков Обдорской волости

Юртовый состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Обдорский городок	378	397	104	660	766	134	149	122	39
юрты Пащерцовы	-	-	-	-	-	-	38	25	9
юрты Харпоские	-	-	-	-	-	-	60	52	18
юрты Ендырские	-	-	-	-	-	-	131	98	41
Обдрский городок-2	-	-	-	-	-	-	159	137	41
юрты Лабытнанские	-	-	-	-	-	-	102	88	27
Вылпослинский городок (ю. Улпослинские)	95	89	24	174	146	45	213	170	58
Воятважский городок (ю. Войтважские)	36	35	14	76	80	19	73	69	19
Воксарков городок (ю. Ваксарковские)	76	71	28	74	92	26	61	44	18
Ворважский городок (ю. Ворважские)	56	59	12	97	106	25	56	53	12
юрты Казымские	-	-	-	-	-	-	32	27	8
Надымский городок	51	36	22	54	38	22	51	32	16
Полуйский городок (ю. Полуйские)	64	59	22	68	69	23	62	50	20
Пелважский городок (ю. Пелважские)	36	47	15	55	66	14	67	52	17
Собский городок (ю. Собские)	35	38	14	64	61	15	45	39	11
Шурьшкарский городок (ю. Шурьшкарские)	81	79	20	123	134	32	91	106	27
юрты Вандияские	-	-	-	-	-	-	18	22	6
Войкарский городок (ю. Войкарские)	65	62	17	114	130	30	132	132	46
Аспукальский городок (ю. Аспугольские)	45	42	16	47	47	16	59	56	15
Итого	1018	1014	308	1606	1735	401	1599	1374	448

КУНОВАТСКАЯ ВОЛОСТЬ

[ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 18–57об.;
Д. 404. 74–121об.; Д. 756. Л. 197об.–225;
Д. 992. Л. 683об.–719]

Таблица 1

Сынский городок
 (юрты Несьюганские, Увальинские, Тьльдинские, 10)
 Князя Яков и Петр Артанзеевы, 4
 Князь Михайло Артанзеев, 7
 Князь Назар Артанзеев
 Старшина Александр Талигин, 10

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
	Сынский городок								
Артанзеев	7	7	1	12	19	3	5	3	2
Шолидемов - Максимов - Патласов ¹	4 - -	2 - -	1 - -	- 9 -	- 5 -	- 2 -	- 6 -	- 6 -	- 3 -
Рыдин	3	3	2	1	1	1	-	-	-
Чаусов	1	1	1	1	-	1	-	-	-
Пырысев < Пугорчин ²	24 -	22 -	4 -	40 -	33 -	12 -	33 22	18 19	9 9
Лыхнов - Каггеров ³	4 -	4 -	1 -	8 -	3 -	2 -	- 10	- 7	- 3
Нюляхов	6	4	2	2	3	1	-	-	-
Сеунзиев	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Яшкин	1	1	1	1	1	1	-	-	-
Тасманов	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Оланов	2	2	2	-	-	-	-	-	-
Хаулев	2	-	1	5	2	1	-	-	-
Корымов	3	3	1	7	6	1	-	-	-
Серанзиев	2	8	1	1	1	1	-	-	-
Выдичупов	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Куртёмов	13	11	4	14	8	3	18	10	5
Марков (Макаров) ⁴	9	9	1	17	18	5	8	7	3
Манзин	2	1	1	2	1	1	-	-	-
Хорымхов	1	1	1	1	-	1	-	-	-
Тогазиев (Тогасев) ⁵	27	28	4	45	40	13	-	-	-
Мурышкин	5	5	3	14	8	2	-	-	-
Пендылев	1	3	1	-	-	-	-	-	-
							102	70	34

							ю. Несыоганские		
Рахматов (Рахтымов) ⁶	4	1	1	4	2	2	5	9	2
Шугаров ⁷	9	12	3	5	5	2	1	1	1
Макаров	2	6	1	4	2	1	4	4	2
Елриг ⁸	13	11	3	18	16	5	16	8	5
Сюзьрини	5	7	3	9	9	4	10	12	5
Волгамов	9	5	1	7	4	5	7	5	2
Муренков	-	-	-	-	-	-	3	3	1
Шулябин - Ляготин ⁹	2	2	1	1	1	1	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	2	2	2
							48	44	20
							ю. Увальнские старшина Миней Лонгортов		
Лонгортов	10	5	2	28	35	5	34	33	8
Рахтымов	-	-	-	-	-	-	5	3	1
Елрин	-	-	-	-	-	-	5	1	1
							44	37	10
							ю. Тыльдинские		
Талигин > Талигин - Мальцевов, Мальцевов ¹⁰	7	7	1	21	15	4	29	22	11
	3	4	2	4	2	1	-	-	-
	8	5	3	16	11	5	-	-	-
Канторов	-	-	-	-	-	-	2	1	1
Шугаров	-	-	-	-	-	-	5	1	1
							36	24	13
							ю. Ишварские		
Тогассвы ¹¹	-	-	-	-	-	-	12	9	5
							12	9	5
Итого	192	183	57	297	251	86	242	184	82

¹ Шолидемовы по 7-й ревизии записаны Максимовыми (по имени главы семьи Максима Шолидемова, 4), по 10-й — Патласовыми.

² Часть Пырысевых по 10-й ревизии фиксируется под фамилией Пугорчин.

³ Лыхновы по 10-й ревизии записаны Канторовыми; одна семья Канторовых проживала в ю. Тыльдинских.

⁴ По данным 4-й ревизии, в Сынском городке числились Марковы (по 7-й — Макаровы) и Макаровы. По 10-й ревизии Макаровы встречаются в юртах Ваоргорских, Несыоганских и Сынском городке. Определить их генеалогическую принадлежность к Марковым—Макаровым и Макаровым не представляется возможным, так как учет был проведен без указания отчеств.

⁵ Тогасевы в последующих ревизиях фиксируются в юртах Ишварских, Мужинских и Войкарских.

⁶ Рахтымовы, по данным 10-й ревизии, проживали в юртах Несьюганских и Увалынских.

⁷ По 10-й ревизии фамилия Шугаров фиксируются в юртах Несьюганских и Тыльдинских.

⁸ Еприны проживали в юртах Несьюганских и Увалынских.

⁹ Шулябин по 10-й ревизии числился в ю. Несьюганских под фамилией Ляготин.

¹⁰ По данным 10-й ревизии, Мальцевы и Талигины—Мальцевы записаны под фамилией Талигин.

¹¹ Ишварские Тогасевы ведут происхождение от Максима Тогазиева, числившегося по данным 4-й ревизии в Сынском городке.

Таблица 1-а

юрты Мужинские

Тогасев ¹	-	-	-	-	-	-	18	21	5
Панов ²	-	-	-	-	-	-	1	2	1
Итого	-	-	-	-	-	-	19	23	6

¹ Мужинские Тогасевы ведут происхождение от Ивана Тогазиева (4), числившегося, по данным 4-й ревизии, в Сынском городке.

² По предыдущим ревизиям Пановы были приписаны к Кееватскому городку.

Таблица 1-б

юрты Ваогортские

Макаров ¹	-	-	-	-	-	-	6	3	1
Итого	-	-	-	-	-	-	6	3	1

¹ По данным 4—7-й ревизий, фамилия Макаров отмечена в Сынском городке.

Таблица 1-в

юрты Нянинские

Сеулин ¹	-	-	-	-	-	-	24	18	6
Итого	-	-	-	-	-	-	24	18	6

¹ Сеулины числились прежде в Кееватском городке под фамилией Елнин.

юрты Войкарские

Ламбышов ¹	-	-	-	-	-	-	8	6	4
Топин	-	-	-	-	-	-	7	1	1
Ларов ²	-	-	-	-	-	-	5	4	2
Чуртанов ³	-	-	-	-	-	-	15	10	4
Тюльхов ⁴	-	-	-	-	-	-	11	10	1
Нензелов <	-	-	-	-	-	-	3	1	1
Килихов	-	-	-	-	-	-	1	2	1
Энзель ⁵	-	-	-	-	-	-	3	2	1
Тогасев	-	-	-	-	-	-	9	6	4
Итого	-	-	-	-	-	-	62	42	19

¹ Ламбышovy по 4–7-й ревизиям числились в Кышгортском городке как Лепашковы, по 9-й — в ю. Войкарских как Лепасовы.

² Ларовы по 4–7-й ревизиям приписаны к Кееватскому городку.

³ Чуртановы прежде были записаны в Кееватском городке под фамилией Сюртахов.

⁴ Тюльховы по предыдущим ревизиям числились в Кееватском городке под фамилией Телхов.

⁵ По 10-й ревизии Нензеловы, числившиеся в Кееватском городке, приписаны к ю. Войкарским под фамилиями Нензелов, Энзель и Килихов (по 9-й ревизии записаны: братья Филипп и Тимофей Энзель, а также Василий Энзель, по 10-й ревизии Филипп значится как Килихов, а Тимофей — под прежней фамилией).

⁶ Войкарские Тогасевы по 9-й ревизии записаны под фамилией Тяди, генеалогически восходят к семье Павла Тогазиева (4) из Сынского городка.

Куноватский городок

(юрты Куноватские, 10)

Старшина Андрей Данилов Муратов, 10

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Данилов - Шобсков ¹	4	5	2	6	4	2	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	5	10	3
Ярлин (Ермин, 7 Яркин, 10) ^с	8	7	3	19	14	5	14	12	4
Учников ²	-	-	-	-	-	-	5	1	1
Легасев - Навыюхов ³	9	12	5	16	12	5	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	5	1	1
Пыштин - Никитин ⁴	2	2	2	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	2	-	1	-	-	-
Поуртин - Мечин ⁵	7	9	3	7	11	4	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	4	2	1
Сернов	9	4	2	3	3	2	-	-	-
Сотруев	14	12	5	20	12	4	28	16	9
Тоголмачев ⁶	4	1	1	4	3	1	-	-	-
Салатов	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Выксимов (Уксимов, 10)	6	4	2	12	13	3	25	27	8
Муденхов	1	1	1	1	2	1	6	4	1
Леонтьев - Тояров ⁷	8	8	1	10	19	2	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	25	16	7
Возимов	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Васильев - Сарин (он же Сюзерин) ⁸	2	1	1	-	-	-	-	-	-
	-	-	-	3	2	1	-	-	-
Рочин	4	10	1	4	5	1	-	-	-
Сеулин	2	1	1	3	3	1	-	-	-
Тасманов - Сеулин ⁹	1	5	1	-	-	-	-	-	-
Муратов ⁹	-	-	-	-	-	-	5	5	2
Нахтымов (Рахтымов) ¹⁰	8	4	2	7	5	1	-	-	-
Жажимхов ¹¹	16	16	5	10	9	3	-	-	-
Адымов	2	1	1	3	3	1	-	-	-

Чагчулин	3	2	1	1	-	1	-	-	-
Елдомачев	4	3	3	2	2	1	-	-	-
Карчин	3	2	1	6	8	1	8	7	2
Отчёмов	1	2	1	2	1	1	8	8	2
Тульзин ¹²	-	-	-	-	-	-	8	11	3
Халахов	-	-	-	-	-	-	1	1	1
Мандин	-	-	-	-	-	-	2	2	1
Нюляхов	-	-	-	1	2	1	-	-	-
Итого	120	114	47	142	133	43	149	123	46

¹ По данным 10-й ревизии, Даниловы числятся под фамилией Шобеков.

² Фамилия Ярлин по 7-й ревизии записана как Ермин, по 10-й — Яркин. По данным 10-й ревизии, от фамилии Ермин отделяется дочерняя — Учников.

³ Одна семья Легасевых по 9-й ревизии числится под фамилией Легасев—Навыюхов, по 10-й — Навыюхов. Остальные семьи по 10-й ревизии не фиксируются.

⁴ По данным 4-й ревизии, числятся Изот Яковлев Пыштин. По 7-й ревизии Пыштины фигурируют как Никитины (Матвей и Леонтий Изотовы Никитины).

⁵ Поуртины по 10-й ревизии записаны Мечиными.

⁶ Тоголмачевы по 10-й ревизии не фиксируются (возможно, записаны как Сотруевы; по полевым материалам фамилии Тоголмачев и Сотруев считаются родственными).

⁷ Леонтьевы, по данным 10-й ревизии, числятся под фамилией Тояров.

⁸ Под фамилией Сарин (он же Сюзерин) записан внук Федора Васильева — Степан Алексеев.

⁹ По данным 4-й ревизии, числились фамилии Сеулин и Тасманов—Сеулин, по 7-й остаются только Тасмановы—Сеулины, по 10-й они записаны как Муратовы.

¹⁰ Фамилия Нахтымов по 9-й ревизии числится как Рахтымов, по 10-й они не фиксируются.

¹¹ Жажимховы, по данным 10-й ревизии, числятся в ю. Кушеватских.

¹² Не исключено, что Тульзины — часть Легасевых—Навыюховых (по полевым материалам фамилии Тульзин и Навыюхов считаются родственными).

Кушеватский городок
 (юрты Кушеватские, Лангивожские, 10)
 Старшина Иван Андреев Русмиленхов, 10

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
							ю. Кушеватские		
Семилатов	3	3	1	3	3	1	4	-	1
Каранчиев	2	1	1	-	-	-	-	-	-
Езлов	4	2	1	4	5	1	-	-	-
Путывелин (Кутылев, 7)	1	2	1	3	1	1	-	-	-
Русмиленхов ¹	20	20	2	32	40	9	44	40	14
Зажимхов ²	-	-	-	-	-	-	6	11	2
Пузылаков	-	-	-	-	-	-	7	4	2
Кепчиков	1	1	1	3	2	1	-	-	-
Сернов	14	15	4	15	13	5	10	7	2
Панжиев (Панзеев, 10)	4	5	1	6	2	1	8	6	2
							79	68	23
							ю. Лангивожские		
Тобылев ³	9	8	3	13	12	4	17	15	6
Нельмов	7	5	2	6	7	3	8	4	2
Демнин - Тулехов ⁴	6	4	1	9	7	2	-	-	-
							5	5	3
							30	24	11
Итого	71	66	18	94	92	28	109	92	34

¹ В материалах 7-й ревизии часть Русмиленховых записана под фамилией Емин (образована от числившегося по 4-й ревизии под двойной фамилией Андрея Русмиленхова Емина).

² Зажимховы по предыдущим ревизиям фиксируются как Жажимховы в Куноватском городке.

³ Тобылевы по 9-й ревизии записаны как Микишкины, по 10-й — Тобылевы.

⁴ Демнины по 10-й ревизии числятся под фамилией Тулехов.

Кееватский городок
(юрты Киеватские)
Старшина Дмитрий Сандрин, 10

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Шегасемов	2	1	2	-	-	-	-	-	-
Послов - Сандрин ¹	7	12	3	17	15	3	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	22	14	6
Шомин	2	4	1	3	4	1	4	3	2
Сеунзиев (Сеунзин, 10) <	12	12	4	16	7	3	10	5	2
Касьянов	-	-	-	-	-	-	2	2	1
Пасьмар ²	-	-	-	-	-	-	2	3	1
Шеголов	1	2	1	-	-	-	-	-	-
Сухарев	8	10	1	8	12	2	3	5	1
Елнин ³	10	7	3	14	17	4	-	-	-
Нензялин ⁴	8	13	2	14	18	4	-	-	-
Телхов (Тюльхов, 10) ⁵	3	3	1	3	3	1	-	-	-
Сюртахов ⁶	3	3	1	6	5	1	-	-	-
Лорахов ⁷	4	2	1	6	3	2	-	-	-
Панов ⁸	2	7	1	3	1	1	-	-	-
Итого	62	76	21	90	85	22	43	32	13

¹ Поеловы по 10-й ревизии проходят под фамилией Сандрин.

² По материалам 10-й ревизии, от фамилии Сеунзин отделились семьи Макара Васильева Пасьмарова и Иван Пасьмар Касьянова: фамилии образованы от имен и отчества Ивана Пасьмар и Касьяна Алексеева Сеунзиевых (4-7).

³ По 10-й ревизии Елнины записаны под фамилией Сеунин в ю. Нянинских.

⁴ По данным 10-й ревизии, Нензялины числятся в ю. Войкарских под фамилиями Нензелов (и, возможно, Энзель и Клихов).

⁵ По 10-й ревизии Телховы приписаны к ю. Войкарским (Тюльховы).

⁶ Сюртаховы в варианте Чуртановы числятся в ю. Войкарских.

⁷ Лораховы, по данным 10-й ревизии, приписаны к ю. Войкарским (Ларовы).

⁸ По 10-й ревизии Пановы числятся в ю. Мужевских.

Кышгорский городок
(юрты Кыжгорские, Войтские, 10)
Старшина Иван Тырлин, 10

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
							ю. Кыжгорские		
Тырлин	12	10	5	13	13	3	25	16	3
Копьяпов (Коптянов, 10)	15	15	6	15	10	4	9	8	3
Мошкин	6	7	2	15	14	3	27	20	8
Лорахов (он же Манзин)	2	2	1	1	-	1	-	-	-
Персохов	1	2	1	1	-	1	-	-	-
Лепашков ¹	3	3	1	5	8	1	-	-	-
Легчиков	2	5	1	3	6	2	-	-	-
Боснин	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Агысев ²	2	1	1	1	1	1	-	-	-
Сабеев	4	5	2	2	1	1	-	-	-
Рыбин	-	-	-	2	1	1	-	-	-
							61	44	14
							ю. Войтские		
Салтыков >	27	17	7	26	32	7	37	36	10
Салтыков-Чонжин	8	3	3	7	6	3	-	-	-
Чонжин ³	8	1	2	4	3	1	-	-	-
Марков (Нанг) ⁴	12	7	5	9	8	4	2	-	1
Папакули	-	-	-	1	-	1	3	4	2
							42	40	13
Итого	103	78	38	105	103	34	103	84	27

¹ По данным 10-й ревизии, Лепашковы числятся в ю. Войкарских (Ламбышovy).

² По данным 9-й ревизии, в ю. Мужинских записан братанник Григория Тяди (Тогасев) — Иван Огась.

³ По 10-й ревизии Салтыковы, Салтыковы-Чонжины и Чонжины числятся под одной фамилией — Салтыков.

⁴ Марковы (Макаровы) числятся в Сынском городке и ю. Мужинских. Войтские Марковы ведут происхождение от братанника Макара Сеузина — Макара Маркова Нанг.

Пугырский городок *

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Тосв	8	3	2	7	9	3	-	-	-
Колыванов	5	2	1	9	6	1	-	-	-
Чангулин	3	7	1	-	-	-	-	-	-
Осипов	-	1	1	-	-	-	-	-	-
Лукьянов	4	2	1	6	8	1	-	-	-
Тавлатов	3	5	1	-	-	-	-	-	-
Иванов	5	3	1	9	4	2	-	-	-
Итого	28	23	8	31	27	7	-	-	-

* По данным 10-й ревизии, Пугорский городок в составе Куноватской волости не фиксируется.

Таблица 7

Качегатский городок
(юрты Качегатские, 10)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Посемов ¹	8	4	1	3	3	2	-	-	-
Тарасов ²	6	2	1	10	5	3	7	8	2
Воломахов	2	3	2	6	9	2	7	4	2
Дружинин ³	3	2	1	3	3	1	-	-	-
Полунчепов	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Стефанов	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Нюляхов	-	-	-	-	-	-	2	1	1
Мальценов	-	-	-	-	-	-	4	6	2
Альмин	-	-	-	-	-	-	3	1	1
Итого	21	12	7	22	20	8	23	20	8

¹ По данным 10-й ревизии, Посемовы в дальнейшем записаны Тарасовыми.

² Тарасовы по 10-й ревизии приписаны к юртам Качегатским и Мегитнельским.

³ Дружинины по 10-й ревизии числятся в Обдорском городке Обдорской волости.

юрты Мегитнельские *

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Полетов	-	-	-	-	-	-	1	2	1
Альмин	-	-	-	-	-	-	3	4	1
Тарасов	-	-	-	-	-	-	3	4	2
Чубахов	-	-	-	-	-	-	3	6	1
Любаков	-	-	-	-	-	-	3	1	1
Итого	-	-	-	-	-	-	13	17	6

* Юрты Мегитнельские фиксируются по материалам 9–10-й ревизий, фамильный состав смешанный (включает ряд фамилий ю. Качегатских).

Таблица 9

Усасвинский городок
(юрты Усьсосвинские, Тегинские, 10)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
							ю. Усьсосвинские		
Ендин - Рындин ¹	3	3	1	-	-	-	-	-	-
Тимошкин (Мошкин, 7)	-	-	-	4	4	1	4	2	1
							-	-	-
							4	2	1
							ю. Тегинские		
Нетин	15	20	1	14	19	6	28	18	9
							28	18	9
Итого	21	26	3	19	25	8	32	20	10

¹ По данным 7–10-й ревизий Ендины записаны под фамилией Рындин.

Таблица 10

Питлорский городок
(юрты Питлярские, 10)
Старшина Михайло Хартаганов, 10

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Хартаганов	39	30	9	48	31	18	33	32	12
Итого	39	30	9	48	31	18	33	32	12

Вандиезский городок
(юрты Вандияские, Собские 10)
Старшина Тимофей Иванов Ковшин, 10

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
							ю. Вандияские		
Лорахов < Манин	20	22	8	32	32	6	23	20	10
Альгамов ¹	-	-	-	-	-	-	24	23	7
Лемелев ²	-	-	-	-	-	-	2	1	1
Пукшимов (Пукнямов, 10)	-	-	-	-	-	-	1	3	1
Тонгылев	4	3	1	6	5	2	5	6	2
Тонгылев	1	5	1	-	-	-	-	-	-
Пронькин	8	10	2	8	6	4	7	9	3
Дмитриев - Ковшин ³	2	-	1	5	3	1	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	3	2	1
Миткин	2	4	1	2	3	1	-	-	-
Менгаков ⁴	-	-	-	3	-	2	-	-	-
							65	64	25
							ю. Собские		
Пухрынков (Похрынков) ⁴	9	5	3	16	7	7	10	11	4
							10	11	4
Итого	46	49	17	72	56	23	75	75	29

¹ По данным 10-й ревизии, от фамилии Лораховы отделяются две дочерние: под фамилией Манин записана семья Осипа Федорова Лорахова (7), под фамилией Альгамов — сыновья Ивана Лорахова (9).

² По 9-й ревизии Лемелев числится в семье Никиты Лорахова как пасынок.

³ По данным 9–10-й ревизий, фамилию Ковшин можно соотнести с фамилией Дмитриев (в переписи не указаны отчества, соотношение определено по возрасту и набору имен).

⁴ В материалах 7-й ревизии имеется указание, что Менгаковы «поступили из самоедской породы».

⁵ По данным 10-й ревизии, Похрынковы числятся в ю. Собских.

Бродячие самоеды Куноватской волости

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Ерзин (Ерин, 7)	2	3	1	3	2	2	-	-	-
Негопулсв	4	3	2	1	-	1	-	-	-
Сезин <	4	4	1	7	4	2	-	-	-
Ази	-	-	-	-	-	-	3	1	1
Тыдыков ¹	-	-	-	-	-	-	4	1	1
Нытымов	1	2	1	-	-	-	-	-	-
Лесаев									
(Лечаев) <	3	3	1	1	4	1	-	-	-
Хотюев ²	-	-	-	3	2	1	-	-	-
Менгов									
(Менгаков) ³	3	1	1	-	-	-	-	-	-
Етин	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Помин -	4	3	1	7	5	3	-	-	-
Тояров ⁴	-	-	-	-	-	-	6	2	3
Тыткин	-	-	-	5	1	1	-	-	-
Максимов ⁵	-	-	-	-	-	-	3	2	2
Итого	22	19	9	27	18	11	16	6	7

¹ Не исключено, что фамилия Сезин по 10-й ревизии записана в варианте Ази (Сязи). Ази и Тыдыковы, вероятно, родственные фамилии: по 10-й ревизии Немзи Сязи (Ненги Ази, 9) и Лой Тыдыков числятся в одной семье.

² Фамилия Хотюев образована от имени Хотю Менга Лесаева (4).

³ В материалах 7-й ревизии имеется указание, что Менговы (Менгаковы) «выбыли в остяцкий род Вандиязского городка». Возможна генеалогическая связь Менговых (Менгаковых) и Лесаевых, родоначальником которых был Менг Лесаев.

⁴ По 9-й ревизии Помины записаны по имени главы семьи Тера Сея Помина — Тяриними, по 10-й — Тояровыми.

⁵ Максимовы числятся как «вновь крещенные», определить их прежнюю фамильную принадлежность не представляется возможным. Вероятно, фамилии Максимов и Менгаков родственны: числившийся по 4-й ревизии Максим Менгаков мог быть родоначальником фамилии Максимов, хотя по возрасту и набору имен данные последующих ревизий расходятся (по 7-й ревизии записаны братья Степан Степанов (7 лет) и Василий Степанов (2 года) Менгаковы, а также Макар Менгаков; по 10-й числятся Василий (31 год), Иван (27 лет) и Миней Максимовы (62 года)).

Общая численность населения Куноватской волости

Юртовый состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Сынский городок	192	183	57	297	251	86	102	70	34
юрты Несьюганские	-	-	-	-	-	-	48	44	20
юрты Тыльдинские	-	-	-	-	-	-	36	24	13
юрты Увальинские	-	-	-	-	-	-	44	37	10
юрты Ишварские	-	-	-	-	-	-	12	9	5
юрты Мужинские	-	-	-	-	-	-	19	23	6
юрты Ваоргортские	-	-	-	-	-	-	6	3	1
юрты Нянинские	-	-	-	-	-	-	24	18	6
юрты Войкарские	-	-	-	-	-	-	62	42	19
Куноватский городок (ю. Куноватские)	120	114	47	142	133	43	149	123	46
Кушеватский городок (ю. Кушеватские)	71	66	18	94	92	28	79	68	23
юрты Лангивожские	-	-	-	-	-	-	30	24	11
Кееватский городок (ю. Киеватские)	62	76	21	90	85	22	43	32	13
Кышгортский городок (ю. Кышгортские)	103	78	38	105	103	34	61	44	14
юрты Войтские	-	-	-	-	-	-	42	40	13
Пугырский городок	28	23	8	31	27	7	-	-	-
Качегатский городок (ю. Качегатские)	21	12	7	22	20	8	23	20	8
юрты Мегитнельские	-	-	-	-	-	-	13	17	6
Усавинский городок (ю. Усьсосьвинские)	21	26	3	19	25	8	4	2	1
юрты Тегинские	-	-	-	-	-	-	28	18	9
Питлорский городок (ю. Питлярские)	39	30	9	48	31	18	33	32	12
Вандиезский городок (ю. Вандийские)	46	49	17	72	56	23	65	64	25
юрты Собские	-	-	-	-	-	-	10	11	4
Всего остяков	703	657	225	920	823	277	933	765	299
самоедов	22	19	9	27	18	11	16	6	7
Итого	725	676	234	947	841	288	949	771	306

ПОДГОРОДНАЯ ВОЛОСТЬ

[ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 3. Д. 43. Л. 1—17;
Д. 404. Л. 2об.—25; Д. 992. Л. 145об.—168]

юрты Тушовы
(юрты Тугьянские, Непкины, Чуильские, 10)
князец Яков Непкин (Нитин), 4

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
							ю. Тугьянские		
Петров	2	3	1	-	-	-	-	-	-
Себуров ¹	-	-	-	-	-	-	15	11	6
							15	11	6
							ю. Чуильские		
Миляхов	15	11	3	25	22	5	29	15	6
Курыков -	2	3	1	4	2	1	9	3	2
Кадылев ²	3	4	2	3	4	2	-	-	-
							38	18	8
							ю. Непкины		
Непкин (Нитин)	6	4	2	7	4	2	2	4	1
							2	4	1
Итого	28	25	9	39	32	10	55	33	15

¹ По данным 4–7-й ревизий, фамилия Себуров фиксируется в ю. Чалкиных.

² Кадылевы причисляются к Курыковым: по 7-й ревизии зафиксирован Тимофей Алексеев Кадылев, по 9–10-й — Иван Тимофеев Курыков.

юрты Ванзеватские
(Етлаховы, 10)
Князец Иван Никишкин, 4

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Никишкин	14	9	4	13	10	3	11	6	3
Яуров ¹	10	5	3	12	12	5	7	4	2
Итого	24	14	7	25	22	8	18	10	5

¹ Одна семья Яуровых переселилась в ю. Шоганские на р. Вогулка.

юрты Чалкины

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Легомов	6	4	4	6	3	3	-	-	-
Пронькин	1	1	1	2	1	1	-	-	-
Тыманов ¹	8	3	2	7	8	3	-	-	-
Ишкин	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Мартышов	3	2	1	1	2	1	-	-	-
Игнатъев - Леонтъев ²	4 3	1 2	1 1	3 3	1 -	1 1	-	-	-
Матвеев ³	4	6	3	8	7	3	-	-	-
Нонтин	4	3	2	2	1	1	-	-	-
Евсин	3	1	1	1	1	1	-	-	-
Себуров ⁴	11	11	6	16	15	6	-	-	-
Миляхов	2	3	1	-	-	-	-	-	-
Итого	50	37	24	49	39	21	-	-	-

¹ Фамилия Тыманов по 10-й ревизии фиксируются в ю. Неремовых.

² Сын и внук Леонтия Алексеевича Игнатъева по 7-й ревизии записаны по имени отца (деда) — Леонтъевыми.

³ Числившийся по 7-й ревизии сын Николая Петровича Матвеева, Яков, по 10-й ревизии записан под фамилией Новьюхов (ю. Неремовы).

⁴ Фамилия Себуров по 10-й ревизии фиксируются в ю. Тугьянских.

юрты Пашерские
(Пашерцевы, 10)
Князец Семен Юркин, 4

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Еркин (Юркин, 10)	12	10	2	6	5	2	2	2	1
Карманов	9	2	1	9	5	3	6	10	2
Кундин	8	7	4	5	8	3	-	-	-
Егомин	3	3	1	1	1	1	-	-	-
Лелхов	2	2	1	1	2	1	11	8	2
Итого	34	24	9	22	21	10	19	20	5

Таблица 5

юрты Войтинховы
(юрты Войтинховы, Пугорские, 10)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
							ю. Войтинховы		
Яуров	12	11	3	11	6	4	12	5	3
Жданов	1	4	2	2	2	1	-	-	-
Кызыбин	-	-	-	-	-	-	2	1	1
							14	6	4
							ю. Пугорские		
Гындышев	7	6	1	2	2	1	15	13	4
Игнатъев ¹	-	-	-	5	2	3	-	-	-
Лелов	5	7	2	5	2	2	5	6	2
Кызыбин	4	7	2	4	3	2	4	4	2
							24	23	8
Итого	29	35	10	29	17	13	38	29	12

¹ По данным 7-й ревизии, семья Петра Гындышева записана под фамилией Игнатъев, по 10-й — Гындышев.

юрты Неримовы

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Пеганов	1	1	1	-	-	-	2	2	1
Матвесь ¹	5	4	1	2	2	1	-	-	-
Лебимков	4	1	1	-	-	-	-	-	-
Рубцов	4	4	3	1	-	1	-	-	-
Тыманов ²	-	-	-	-	-	-	10	11	5
Новьюхов ³	-	-	-	-	-	-	5	2	1
Амчуков ⁴	-	-	-	-	-	-	4	6	1
Итого	14	10	6	3	2	2	21	21	8

¹ Пегановы и Матвеевы — «родственные» фамилии. Фамилия Матвеев образована от отчества Семена Матвеева (4). По 7-й ревизии зафиксированы Никифор Матвеев и его сын Петр, по 9-й — Петр Никифоров Пеганов и его сын Иуда, по 10-й — Иван Иудин Пеганов.

² По данным 4–7-й ревизий, Тымановы были учтены в ю. Чалкиных.

³ Под фамилией Новьюхов записан сын Николая Петрова Матвеева, Яков Николаев, числившийся прежде в ю. Чалкиных.

⁴ По данным 4–7-й ревизий, Амчуковы были учтены в ю. Амчуковых.

юрты Тагеевские
(Кондрашкины, 10)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Ланбин	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Кондрашкин	11	8	4	10	7	6	3	4	2
Шогахов	5	4	3	2	1	2	-	-	-
Итого	17	13	8	12	8	8	3	4	2

юрты Вогульские
(Вогульской реки Шоганские юрты, 10)
Князец Иван Абрамов Новьюхов, 4
Князец Федор Новьюхов, 7

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Шоголхов	4	2	1	5	3	1	5	4	2
Разбойников	4	2	2	2	3	1	1	1	1
Морошкин	8	9	7	4	2	3	-	-	-
Рябчиков	9	5	2	19	15	4	26	21	6
Немчинок - Немзин ¹	5 -	8 -	2 -	5 -	6 -	2 -	- 1	- 1	- 1
Новьюхов	7	5	3	13	11	3	23	26	5
Коршунов	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Яуров ²	-	-	-	-	-	-	7	4	2
Итого	38	32	18	48	40	14	63	57	17

¹ По данным 10-й ревизии, Немчинковы записаны Немзинными: по 7-й ревизии числились Егор Леонтьев Немчинков и его сыновья — Дорофей и Леонтий, по 10-й — Леонтий Степанов Немзин.

² Яуровы — переселенцы из ю. Ванзеватских.

юрты Амчуковы

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Новьюхов - Амчуков ¹	2 -	1 -	1 -	- 2	- 1	- 1	- -	- -	- -
подгородный татарин Семенов	2	-	1	-	-	-	-	-	-
Итого	4	1	2	2	1	1	-	-	-

¹ Савва Павлов Новьюхов (4), по данным 7-й ревизии, записан как Савва Амчуков. По 10-й ревизии Амчуковы фиксируются в ю. Неримовых.

Общая численность населения Подгородной волости

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Вогульской реки Шоганские юрты	38	32	18	48	40	14	63	57	17
юрты Пашерские	34	24	9	22	21	10	19	20	5
юрты Войтниховы	29	35	10	29	17	13	14	6	4
юрты Пугорские	-	-	-	-	-	-	24	23	8
юрты Ванзеватские (Етлаховы, 10)	24	14	7	25	22	8	18	10	5
юрты Чалкины	50	37	24	49	39	21	-	-	-
юрты Неримовы	14	10	6	3	2	2	21	21	8
юрты Тушновы	28	25	9	39	32	10	-	-	-
юрты Тугьянские	-	-	-	-	-	-	15	11	6
юрты Чуильские	-	-	-	-	-	-	38	18	8
юрты Непкины	-	-	-	-	-	-	2	4	1
юрты Амчуковы	4	1	2	2	1	1	-	-	-
юрты Тагесвские (Кондрашкины, 10)	17	13	8	12	8	8	3	4	2
Итого	238	191	93	229	182	87	217	174	64

КАЗЫМСКАЯ ВОЛОСТЬ

[ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 443, 404, 756, 992]

Юлиньский городок
 Князец Григорий Колчин, 7
 Князец Егор Павлов Каксин (он же Колчин), 10

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Молданов	11	11	6	21	15	5	43	31	6
Мулеев,	1	1	1	3	2	1	-	-	-
Ленуев,	-	-	-	3	1	1	-	-	-
Юзин (Азин, 7) -	3	1	1	4	2	1	-	-	-
Тозин ¹	2	2	1	-	-	-	5	5	1
Тамгазин	3	2	1	3	-	1	-	-	-
Вабин	1	3	1	-	-	-	-	-	-
Шамарин	2	2	1	3	2	1	5	-	1
Немасов <	3	4	1	6	3	2	1	-	1
Нитов ²	-	-	-	-	-	-	2	1	1
Пендылеихов	1	1	1	2	1	1	-	-	-
(Пендыхов, 7) -	-	-	-	-	-	-	4	-	1
Хансаров ³	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Пентыхов -	3	2	2	-	-	-	-	-	-
Пентлахов (он же	-	-	-	7	2	1	-	-	-
Недушкин) -	-	-	-	-	-	-	15	12	1
Степанов	-	-	-	-	-	-	-	-	-
(Сенгепов, 9) ⁴	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Суусев	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Итого	31	30	17	52	28	14	75	49	12

¹ Зафиксированный по 10-й ревизии Иван Никифоров Тозин, может быть отнесен к Мулеевым или Ленуевым, так как в обеих фамилиях встречается имя Никифор. Вероятнее всего, сопоставить его с Мулеевыми. Мулеевы и Азины изначально составляли одну генеалогическую группу (по 4-й ревизии числился Иван Азин Мулеев, по 7-й — его дети записаны Мулеевыми).

² Федор Гаврилов Немасов по 9-й ревизии записан Намовым, по 10-й — Нитовым. Имеется запись, что часть Нитовых находится «в вынужденной отлучке».

³ Вероятно, числившийся по 7-й ревизии Михайло Григорьев Пендыхов в дальнейшем записан как Михайло Хансаров.

⁴ Федор Пентыхов по 4-й ревизии числится как племянник Афанасия Васкина. По 7-й ревизии он записан как Пентлахов с уточнением «он же Недушкин». По 9-й ревизии его дети зафиксированы под фамилией Сенгепов, по 10-й — Степанов.

Памытский городок
(юрты Помутские)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Тарлин	16	11	6	41	28	8	71	49	13
Такуров	3	7	2	-	-	-	-	-	-
Ромхов	2	1	2	-	-	-	-	-	-
Вапдымов	5	6	3	8	3	3	29	21	8
Алеков < Алеков (он же Хоров) ¹	8	12	4	14	7	3	8	8	2
Хоров	-	-	-	-	-	-	3	2	1
Хоров	6	3	3	13	6	3	10	9	3
Лоземов	6	6	1	13	8	4	25	20	6
Етлахов (Етныхов, 10)	2	2	1	2	2	1	2	3	1
Парапов	5	5	2	2	2	1	-	-	-
Тозин	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Мандазин	3	4	1	3	2	1	-	-	-
Рапдымов	4	3	1	9	7	1	7	8	3
Вагатов	3	5	2	9	4	2	16	10	3
Ложатков	1	4	1	1	-	1	-	-	-
Степанов	6	4	2	6	4	2	-	-	-
Исаков	1	2	1	1	-	1	-	-	-
Хоронзеев	8	7	2	11	11	2	9	10	2
Итого	80	83	35	133	84	33	180	140	42

¹Одна семья Алековых по 10-й ревизии записана с указанием «он же Хоров».

Кунларский городок
(юрты Хуллорские, 10)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Сизаров	4	3	1	10	4	3	16	10	6
Лоптахов ¹	3	4	1	4	1	1	-	-	-
Абыдин (Абатин, 10)	4	3	1	7	4	1	15	10	4
Таменов ²	2	2	1	3	2	2	-	-	-
Туйнов	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Ханзин < Григорьев ³	15 -	11 -	5 -	21 3	11 2	5 1	18 -	5 -	5 -
Песков	10	14	7	15	7	6	14	10	6
Сарамхов	1	2	1	-	-	-	-	-	-
Феткин	5	5	2	1	1	1	-	-	-
Вогалев	3	3	1	5	3	2	2	2	1
Иванов - Аманев ⁴	2 -	2 -	1 -	5 -	5 -	1 -	- 9	- 6	- 3
Алмадиев	1	4	1	-	-	-	-	-	-
Юрьев - Логинов < Григорьев ⁵	6 - -	5 - -	3 - -	- 9 -	- 5 -	- 2 -	- 5 3	- 1 6	- 3 1
Евтешкин	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Игин < Захаров ⁶	7 -	9 -	4 -	16 -	7 -	5 -	20 7	3 7	2 3
Тоголмасов < Степанов ⁷	10 -	7 -	2 -	13 -	15 -	4 -	8 5	4 -	3 1
Сандин	-	-	-	2	-	1	-	-	-
Хаймасов	-	-	-	-	-	-	2	2	1
Рандымов	-	-	-	-	-	-	8	7	1
Итого	75	76	33	114	67	35	132	73	40

¹ В материалах 9-й ревизии указано, что Лоптаховы находятся «в вынужденной отлучке», по 10-й — они не фиксируются.

² В материалах 9-й ревизии имеется запись о «вынужденной отлучке» Таменовых.

³ Иван Григорьев по 10-й ревизии записан Ханзиным.

⁴ В материалах 10-й ревизии Ивановы фигурируют как Амансвы.

⁵ От имени Логина Юрьева (4) образована фамилия Логинов. Пропущенный по 9-й ревизии Николай Семенов Григорьев по предыдущим ревизиям проходит под фамилией Логинов.

⁶ Часть Игиных записана Захаровыми по отчеству одного из глав семейств — Михаила Захарова Игина (7). В материалах 9-й ревизии указано, что по предыдущей переписи Захаровы «были пропущены».

⁷ Фамилия Степанов, вероятно, восходит к Тоголмасовым: по данным 9-й ревизии, она фиксируется как «прежде пропущенная», по 10-й ревизии указано, что они находятся «во временной отлучке».

Таблица 4

Амьянский городок
(юрты Амьянские, 10)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Колчин -	13	12	4	22	20	5	-	-	-
Каксин (он же Колчин) ¹	-	-	-	-	-	-	21	17	6
Яшкин	-	4	1	-	-	-	-	-	-
Никифоров -	4	1	1	-	-	-	-	-	-
Яковлев -	-	-	-	7	7	1	-	-	-
Ерныхов ²	-	-	-	-	-	-	25	13	2
Итого	17	17	6	29	27	6	46	30	8

¹ Колчины по 10-й ревизии числятся под фамилией Каксин с указанием «он же Колчин».

² По данным 7-й ревизии, сыновья Якова Никифорова (4) записаны по имени отца — Яковлевыми, по 10-й ревизии — Ерныховыми.

Кельчларский городок
(юрты Выргимские, 10)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Нехорасков - Нехорошков (он же Тосманов) ¹	2	5	1	5	2	1	9	5	1
Никишкин	-	1	1	-	-	-	-	-	-
Логинов	7	9	2	11	6	2	18	10	5
Тавдавин < Леонтьев - Шаров ²	6	5	2	6	2	2	-	-	-
	-	-	-	2	1	1	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	2	-	1
Бурундуков	3	4	1	-	-	-	-	-	-
Тыгылев	2	3	1	-	-	-	-	-	-
Итого	20	27	8	24	11	6	29	15	7

¹ Нехорасков по 10-й ревизии записан как Нехорошков с указанием «он же Тосманов».

² Сын Леонтия Тавдавдина (4) числится как Никита Леонтьев (7), по 10-й ревизии его внук внесен в реестр как Дмитрий Сергеев Шаров.

Мазьянский городок
(юрты Мазьянские, 10)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Пендахов	14	11	7	24	28	10	26	18	4
Семлахов	5	5	1	7	3	3	4	5	1
Сенгин (Сангин, 10) ¹	11	9	3	2	-	1	2	-	1
Ныгылев (он же Шеклин, 10)	3	2	2	-	-	-	2	3	1
Шихлимов (Шеклин, 10) ²	8	3	1	6	9	2	1	3	1
Енпожехов	4	7	2	-	-	-	-	-	-
Константинов < Игров	15	8	2	23	11	4	-	-	-
Прокопьев	-	-	-	-	-	-	7	6	1
Гусев ³	-	-	-	-	-	-	2	-	1
	-	-	-	-	-	-	13	7	2
Ростин	-	-	-	-	-	-	3	3	2
Хоронзеев	-	-	-	-	-	-	2	5	1
Инеров ⁴	-	-	-	-	-	-	4	3	1
Непомнящий	-	-	-	-	-	-	1	-	1
Тользенов	-	-	-	-	-	-	1	5	1
Антымов	-	-	-	-	-	-	1	-	1
Итого	60	45	18	62	51	20	69	58	19

¹ В 9–10-й ревизиях указано, что несколько хозяйств Сангиных находятся «в вынужденной отлучке».

² По 7-й ревизии фамилия Ныгылевы не фиксируется, Шихлимовы записаны Шеклиными. По 10-й переписи они фигурируют под фамилией Ныгылев с указанием «он же Шеклин».

³ По материалам 10-й ревизии, Константиновы записаны как Игровы, Прокопьевы (только у них встречаются имена Прокопий и Гаврил) и Гусевы (у одного из сыновей Тихона Константинова по 7-й ревизии зафиксировано прозвище «Гусев»).

⁴ Фамилии Инеров, Непомнящий, Тользенов, Антымов по 9-й ревизии были пропущены, поэтому соотнести их с прежними фамилиями не представляется возможным.

Полноватский городок
(юрты Полноватские, 10)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Гришкин	8	4	2	13	5	2	18	24	5
Саидин (Сандрины, 10) ¹	8	5	2	15	9	5	6	6	3
Семенов	3	2	1	-	-	-	-	-	-
Тынзин (Танзин, 10) ²	9	8	3	7	5	2	2	-	1
Рязанов	2	5	1	6	5	1	16	16	5
Ярин	7	2	1	9	6	2	-	-	-
Тубылев (Тобылев, 7; Туцалев, 10)	3	6	1	6	2	2	4	7	1
Лебымов Махов ³	- 8	1 7	1 3	1 5	- 5	1 3	- -	- -	- -
Итого	48	40	15	62	37	18	46	53	15

¹ По данным 9-й ревизии, часть Сандриных находилась «в вынужденной отлучке».

² По 9-й ревизии указано, что часть Танзиных была «в вынужденной отлучке».

³ Лебымов и Махов — фамилии «родственные», по 7-й ревизии числятся Василий Данилов Лебымов и Егор Лебымов Махов.

Ванзеватский городок
(юрты Тушевы, 4; Ванзеватские, 10)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
							ю. Ванзеватские		
Самарин	6	5	1	5	4	2	5	-	2
Молданов	6	6	3	15	7	3	39	14	9
Сагырваров	3	7	2	3	1	1	1	-	1
	15	18	6						
	ю. Тушевы								
Юмин	5	5	2	13	6	3	15	3	5
Пентлахов (он же Шириянин, 10) ¹	7	7	1	6	4	2	4	5	2
Нипин <	4	4	1	5	2	1	-	-	-
Дыбин	-	-	-	-	-	-	6	-	1
Типин ²	-	-	-	-	-	-	4	5	2
	16	16	4						
Итого	31	34	10	47	24	12	74	27	22

¹ Одна семья Пентлаховых по 10-й ревизии записана как «Пентлахов, он же Шириянин».

² Фамилия Нипин по 10-й ревизии фиксируются как Дыбин; к ним же, по-видимому, можно отнести фамилию Типин.

Общая численность остояков Казымской волости

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Юильский городок	31	30	17	52	28	14	75	49	12
Памытский гордок (ю. Помутские)	80	83	35	133	84	33	180	140	42
Куларский городок (ю. Хуллорские)	75	76	33	114	67	35	132	73	40
Амьянский городок (ю. Амьянские)	17	17	6	29	27	6	46	30	8
Кельчиларский городок (ю. Выргимские)	20	27	8	24	11	6	29	15	7
Мазьянский городок (ю. Мазьянские)	60	45	18	62	51	20	69	58	19
Полноватский городок (ю. Полноватские)	48	40	15	62	37	18	46	53	15
Ванзеватский городок (ю. Ванзеватские)	15	18	6	47	24	12	74	27	22
юрты Тушевы	16	16	4	-	-	-	-	-	-
Всего остояков	362	352	142	523	329	144	651	445	165
самоедов	300	207	158	218	198	99	324	159	97
Итого	662	559	300	741	527	243	975	604	262

Общая численность бродячих самоедов Казымской волости

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Авасида (Айвасседа)	38	21	23	40	36	17
Карцы	75	45	36	48	49	27
Недевятковой станицы	36	23	13	28	33	15
Ракли	72	66	41	42	27	17
Ванцын	39	27	16	29	34	12
Логачи	40	25	29	31	19	11
Итого	300	207	158	218	198	99

Ватажный состав	9 ревизия, 1851 г.			Ватажный состав	10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.		муж.	жен.	хоз.
Камина ватага	145	79	28	Каминская ватага	126	24	26
Нянзина ватаги	15	9	4	Нянчина ватага	32	18	12
Изюрюмина ватага	66	49	17	Изюрюмина ватага	59	52	19
Лабина ватаги	69	48	17	Старшины Нападей	37	26	14
Палдина ватаги	40	31	12	Палдина ватага	42	25	14
Лебинская ватага	35	23	14	Обачайская ватага	28	14	12
Итого	370	239	92	Итого	324	159	97

СОСЬВИНСКАЯ ВОЛОСТЬ

[ГФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 283–307;
Д. 404. Л. 170–227об.; Д. 992. Л. 225об.–306]

Искарский городок

(юрты Искарские, 10)

Князец Иван Сентлин, 4

Князца Григория сыновья Михайло и Егор Сентлины, 7

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Сентлин	4	3	1	2	4	1	4	2	2
Курыков,	4	4	2	3	2	2	23	15	7
Тимошкин <	15	19	6	16	15	5	4	1	2
Лолятов ¹	-	-	-	-	-	-	3	1	1
Монин	7	7	3	14	10	3	14	7	7
Тасманов	10	4	2	12	14	3	26	16	4
Таланов	4	2	1	7	11	1	-	-	-
Емасунов	6	4	2	2	-	1	1	-	1
Шемпенталов	10	8	1	27	17	6	40	27	12
Аметев	6	2	1	7	7	1	4	5	1
Содин	4	3	1	4	1	1	7	4	2
Ебов	1	-	1	2	1	1	-	-	-
Моисеев	2	1	1	2	3	1	-	-	-
Васкин	2	1	1	-	-	-	-	-	-
Копылов ²	-	-	-	-	-	-	2	2	1
Итого	75	58	23	98	85	26	128	80	40

¹ По данным 10-й ревизии, две семьи Тимошкиных числятся под фамилией Курыков. Михайло Васильев Тимошкин (7) по 9–10-й ревизиям записан как Михайло Логинов Лолятов (по отчеству деда — Логина Тимошкина, 4).

² Определить фамильную принадлежность «новокрещеного» Григория Николаева Копылова не представляется возможным.

юрты Няксимвольские

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Бадагов	12	11	2	10	10	4	12	9	3
Номин	4	1	1	3	10	1	10	4	2
Сыгенов	4	4	2	6	5	2	-	-	-
Юнахов	9	9	2	11	6	3	12	9	5
Итого	29	25	7	30	31	10	34	22	10

юрты Няроховские

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Попов	1	3	1	-	-	-	-	-	-
Уткин	5	9	1	4	3	1	14	13	3
Афонасьев	5	1	1	9	11	2	11	8	4
Никитин	3	2	2	5	1	1	-	-	-
Китаев	10	9	2	15	9	4	19	12	6
Перначупов	7	3	3	4	5	1	1	-	1
Таньшев	9	5	2	4	1	2	1	-	1
Итого	40	32	12	41	30	11	46	33	15

юрты Тапсуйские

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Лихадесв	8	4	1	-	-	-	-	-	
Афонькин	4	3	1	4	4	2	-	-	-
Дунаев	6	3	1	13	12	3	19	17	4
Сургушкин	8	7	1	10	13	3	7	8	3
Евсин	3	3	2	-	-	-	-	-	-
Анемхуров	3	3	1	8	9	2	7	7	1
Посланов	1	2	1	-	-	-	-	-	-
Трнев	1	-	1	-	-	-	-	-	
Пакин	5	6	2	4	6	2	6	1	1
Пеликов	4	4	2	10	6	2	19	16	3
Волчин	5	8	3	-	-	-	-	-	-
Торысев (Тырысев, 10)	17	19	5	7	13	3	4	2	1
Зюбин (Сюмин, 10)	3	3	2	6	5	2	6	3	1
Хожепов	2	3	2	-	-	-	-	-	-
Кугин	4	2	2	2	1	1	-	-	-
Разбойников	10	8	5	3	4	1	-	-	-
Чеков (Чектин, 10)	3	3	1	1	4	1	3	3	1
Итого	87	81	33	68	77	22	71	57	15

юрты Вышминские

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Ухремов	1	-	1	2	4	1	1	-	1
Шишталева	15	9	5	7	4	2	-	-	-
Полтырев - Контырев ¹	3	4	1	2	-	1	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	4	2	2
Емалев	6	-	2	2	1	1	3	-	2
Вахрушев	3	5	2	2	3	1	3	4	1
Тавлатов	4	4	2	10	7	2	17	14	8
Итого	32	22	13	25	19	8	28	20	14

¹ По данным 9-й ревизии, Иван Григорьев Контырев и Кирилл Дмитриев были пропущены, их можно соотнести с семьями Дмитрия Федорова Пполтырева или Дмитрия Гаврилова Шишталева.

юрты Хангальские

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Писмаров	4	4	1	7	5	2	-	-	-
Байндаков	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Адин	13	13	5	6	3	2	9	12	3
Спиридонов - Пуксунов ¹	3	2	2	6	5	2	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	5	5	3
Перначупов	1	4	1	-	-	-	-	-	-
Чумашев	3	1	1	-	-	-	-	-	-
Няриков ²	-	-	-	-	-	-	2	1	1
Итого	25	25	11	19	13	6	16	18	7

¹ Сын Игнатия Семенова Спиридонова, Филипп, по 9—10-й ревизиям записан под фамилией Пуксунов.

² В 9-й ревизии указано, что в предыдущую перепись ПНяриков «был пропущен», соотнести его с какой-либо из фамилий не представляется возможным.

юрты Хулимсонские

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Панов	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Паханцесв	4	5	1	3	4	1	2	2	1
Выртышников	5	5	1	9	6	1	16	16	5
Абарданов ¹	3	3	1	1	-	1	-	-	-
Чеков	8	6	3	3	3	1	5	6	2
Итого	21	19	7	16	13	4	23	24	8

¹ В материалах 9-й ревизии указано, что Абарданов находится «в вынужденной отлучке».

юрты Сарадейские

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Сандрин	2	3	1	2	3	1	-	-	-
Сюрбин	4	4	1	4	-	1	6	4	3
Бендахов	11	10	3	8	6	2	8	3	4
Муртасов	8	5	2	7	6	1	8	12	4
Амадиев	5	3	1	3	8	1	6	4	2
Мертгырев	8	6	3	7	8	2	-	-	-
Итого	38	31	11	31	31	8	28	23	13

юрты Вагульские

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Таратов	16	11	4	13	12	2	21	13	5
Апсаитов	6	5	4	6	5	2	-	-	-
Вадичупов	6	4	1	4	6	1	-	-	-
Пакин	3	1	2	3	3	1	-	-	-
Конов	6	2	1	4	4	1	-	-	-
Хымзин	5	2	1	9	7	2	8	5	2
Таликов	4	2	1	-	-	-	-	-	-
Костерин	3	1	1	3	2	1	1	2	1
Юмахов	9	4	3	15	10	5	12	9	2
Пауров	1	2	1	-	-	-	-	-	-
Итого	59	34	19	57	49	15	42	29	10

Таблица 10

юрты Нильдинские

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Афанасьев	4	4	2	5	8	2	-	-	-
(Афонькин, 7) - Пакин ¹	-	-	-	-	-	-	8	5	2
Кудырев - Колтырев ²	4	1	2	6	4	1	4	2	1
	-	-	-	-	-	-	9	7	3
Вынгылев	9	10	5	11	5	3	17	15	4
Комратов	4	4	2	-	1	1	-	-	-
Сулов	1	2	1	-	-	-	-	-	-
Итого	22	21	12	22	18	7	38	29	10

¹ По 7-й ревизии Афанасьевы были записаны как Афонькины, по 10-й — Пакины.² По 9--10-й ревизиям Кудыревы числятся под фамилией Колтырев.

юрты Беткажские

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Пангырев	5	2	1	3	4	1	-	-	-
Монин	1	-	1	2	2	1	5	3	2
Кобылев ¹	7	6	1	1	2	1	2	-	2
Итого	13	8	3	6	8	3	7	3	2

¹ Возможно, по 9–10-й ревизиям под фамилией Кобылев были записаны Пангыревы и часть Монинных.

юрты Рагакарские
(Сартынинские, 10)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
	ю. Рагакарские								
Лебымов	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Ярлин	1	-	1	-	-	-	-	-	-
							ю. Сартынинские		
Мелептьев	2	3	2	7	8	2	8	11	2
							8	11	2
Итого	4	3	4	7	8	2	8	11	2

юрты Тоболдинские

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Ярлин	5	7	1	4	4	2	2	3	1
Земданов (Ченданов, 10)	4	4	2	5	2	1	7	4	1
Майбуров	6	7	1	12	17	3	10	6	3
Гогалев	12	8	3	19	14	3	19	13	6
Малочупревс - Юркин ¹	2 -	2 -	1 -	- 1	- 1	- 1	- -	- -	- -
Мулимхов	9	4	1	7	6	2	3	2	2
Апсаитов - Амысов ²	2 -	4 -	1 -	2 -	- -	1 -	- 3	- 2	- 1
Итого	40	36	10	50	44	13	44	30	14

¹ Малочупревсы по 7-й ревизии записаны Юркиными (по отчеству Прокопия Юркина Малочупревева, 4). В материалах 10-й ревизии указано, что Юркины находились «в вынужденной отлучке».

² Апсаитов по 10-й ревизии записан как Амысов.

юрты Аныевские

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Яуров	6	3	2	2	1	1	-	-	-
Войтенхов - Волтемов ¹	7 2	6 2	2 1	- 3	- 3	- 1	- -	- -	- -
Явлин	5	6	2	8	9	2	2	2	2
Ендырев	10	10	3	6	7	4	11	6	4
Шангултепов	7	7	3	6	5	3	1	3	1
Достанов	6	1	1	11	7	2	-	-	-
Рухов	13	20	4	25	16	5	6	5	4
Сенглин	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Сандрин	-	-	-	-	-	-	1	2	1
Итого	57	55	19	61	48	18	21	18	12

¹ По данным 7-й ревизии, Войтенховы записаны Волтемовыми.

юрты Люликарские

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Курмин	7	8	3	8	7	3	3	2	2
Ельбанов	7	4	3	7	2	2	2	2	1
Тетхунов ¹	6	4	3	-	-	-	-	-	-
Костин	3	2	2	2	1	1	-	-	-
Легасев < Орлов ²	8	6	3	2	3	1	1	2	1
	-	-	-	-	-	-	1	4	1
Лескин	3	1	2	2	2	1	5	2	1
Айпащев	4	2	1	-	-	-	-	-	-
Шангулиев	6	3	1	6	4	1	6	7	1
Таликов	2	-	1	-	-	-	-	-	-
Тасманов	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Сандрин	4	5	2	7	6	1	8	5	3
Итого	51	35	22	34	25	10	26	24	10

¹ По данным 7-й ревизии, Тетхуновы зафиксированы как племянники Марко Яковлева Курмина.

² Иван Павлов Орлов по 7-й ревизии был записан под фамилией Легасев.

Таблица 16

юрты Резимовы

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Агысев	3	2	1	1	2	1	-	-	-
Таликов < Томанов	3	1	2	4	6	3	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	2	4	2
Новыхов ¹	-	-	-	-	-	-	2	2	1
Иналеков	3	1	2	3	2	1	-	-	-
Каюков	2	3	2	2	1	1	-	-	-
Аимхуров	8	6	3	5	8	1	3	1	2
Пушшауров	3	2	1	-	-	-	-	-	-
Семенов	2	1	1	-	-	-	-	-	-
Итого	24	16	12	15	19	7	7	7	5

¹ Таликовы по 10-й ревизии записаны Томановыми и Новыховыми (сын Василия Ивановича Таликова, Егор, зафиксирован как Егор Иванов Новыхов).

Общая численность населения Сосьвинской волости

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Искарский городок (ю. Искарские)	75	58	23	98	85	26	128	80	40
юрты Няксимвольские	29	25	7	30	31	10	34	22	10
юрты Няроховские	40	32	12	41	30	11	46	33	15
юрты Тапсуйские	87	81	33	68	77	22	71	57	15
юрты Вышминские	32	22	13	25	19	8	28	20	14
юрты Хангальские	25	25	11	19	13	6	16	18	7
юрты Хулимсонские	21	19	7	16	13	4	23	24	8
юрты Сарадейские	38	31	11	31	31	8	28	23	13
юрты Вагульские	59	34	19	57	49	15	42	29	10
юрты Нильдинские	22	21	12	22	18	7	38	29	10
юрты Беткажские	13	8	3	6	8	3	7	3	2
юрты Рагакарские (ю. Сартышинские)	4	3	4	7	8	2	8	11	2
юрты Тоболдинские	40	36	10	50	44	13	44	30	14
юрты Аньевские	57	55	19	61	48	18	21	18	12
юрты Люликарские	51	35	22	34	25	10	26	24	10
юрты Резимовы	24	16	12	15	19	7	7	7	5
Итого	617	501	218	580	518	170	567	428	187

ЛЯПИНСКАЯ ВОЛОСТЬ

[ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43. Л. 253—283об.;
Д. 404. Л. 321об.—408об.; Д. 992. Л. 169об.—254]

Ляпинский городок
(юрты Лобымважские, Оурьинские, Посолдинские, 10)
Князю Иван Шешкин, 4
Князю Семен Иванов Шешкин, 7—10

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
	ю. Лобымважские								
Шешкин	5	3	1	3	6	1	3	2	1
Артымов ¹	3	5	1	-	-	-	-	-	-
Гришкин	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Дьяков ²	2	3	1	2	1	1	-	-	-
Вырин	2	2	1	-	-	-	-	-	-
Аманов	17	9	4	17	21	6	6	8	2
Хорин	8	5	2	4	2	1	3	2	1
Кузимов	11	5	3	12	7	2	6	5	3
Еныхумов <	4	2	2	4	1	1	-	-	-
Шемялхуров	-	-	-	-	-	-	3	2	1
Васильев ³	-	-	-	-	-	-	4	4	1
Албин ⁴	-	-	-	-	-	-	15	8	3
Нобтин ⁵	-	-	-	-	-	-	2	-	1
Немдазин ⁶	-	-	-	-	-	-	2	1	1
Амадиев ⁷	-	-	-	-	-	-	1	1	1
Олысаров ⁸	-	-	-	-	-	-	8	5	1
							53	38	16
	ю. Оурьинские								
Кислопаев	8	8	3	15	9	4	10	13	5
Хабтаулев	9	6	3	9	8	4	2	2	1
Садомин	6	7	1	6	7	3	8	8	4
Лыскин	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Гындыбин	11	8	2	16	20	6	35	20	8
							55	43	18

							ю. Посолдинские		
Елины ⁹	4	6	1	-	-	-	1	-	1
Ворков	2	3	1	-	-	-	-	-	-
Кудырsev	4	-	1	-	-	-	-	-	-
Остеров	9	11	2	11	16	4	7	8	4
Парчин	5	1	1	6	6	1	4	3	3
Котлехумов	6	7	2	9	10	3	7	9	5
Сегопеликов	6	5	1	17	15	4	16	19	4
Кормандиев	1	1	1	4	3	1	-	-	-
Шанжилин <	8	10	3	8	8	2	-	-	-
Топрин	-	-	-	-	-	-	3	-	1
Сатчин ¹⁰	-	-	-	-	-	-	6	3	3
Холодиев	3	3	1	3	1	1	1	-	1
Гындыбин	-	-	-	-	-	-	2	4	1
							47	46	23
Итого	136	110	40	146	141	45	155	127	57

¹ По данным 7-й ревизии, Артымовы числятся как племянники Семена Шешкина.

² По 9-й ревизии, указано, что Дьяковы находились «в вынужденной отлучке».

³ Фамилия Еныхумов записана как Шемяхуров. По данным 7-й ревизии, в семье Петра Яковлева Еныхумова числился пасынок — Семен Иванов Баблаков; по 9-й ревизии его сын Николай Васильев Баблаков, записан отдельно, по 10-й он зафиксирован под фамилией Васильев.

⁴ В материалах 9-й ревизии указано, что Албины по предыдущей переписи «были пропущены»; соотносить их с какой-либо из имеющихся фамилий не представляется возможным, есть вероятность, что это Алмины, переселившиеся из Ляпинского (Обского) городка.

⁵ В материалах 10-й ревизии указано, что по предыдущей переписи Нобтины «были пропущены»; фамилия Нобтин встречается по 4—7-й ревизиям в Юильской городке.

⁶ В материалах 9-й ревизии указано, что Немдазин «в предыдущую перепись был пропущен»; фамилия Немдазин по 4—10-й ревизиям встречается среди самосдов.

⁷ Фамилия Амадиев отмечена в Юильском городке.

⁸ По данным 10-й ревизии, Олысаровы «были пропущены». Олысаровы — переселившаяся из Ляпинского (Обского) городка семья Константина Осиповича Еныхумова.

⁹ Дети умершего Григория Елина (4) по 7-й ревизии записаны в семье Кислопаевых, по 9—10-й числятся под отцовской фамилией.

¹⁰ Фамилия Шанжилин распадается на две дочерние: Топрин и Сатчин (в материалах 10-й ревизии указано, что они «были в неизвестной отлучке»).

Юильский городок
(юрты Цекурьинские, Хонгальские, 10)
Старшина Андрей Михайлов Тигаманов, 10

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
							Юильский городок		
Азин - Семенов ¹	7	3	1	10	13	2	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	5	3	1
Хатанев	6	6	2	14	17	4	12	16	5
Конбылин	2	2	1	-	-	-	-	-	-
Нобтин - Носкин ²	4	6	1	7	7	2	-	-	-
	-	-	-	-	-	-	5	1	1
Копозлин	-	1	1	-	-	-	-	-	-
Тарвазов	3	1	1	-	-	-	-	-	-
Менин	3	3	1	1	2	1	-	-	-
Тигаманов (Тигамов)	14	18	3	20	30	6	20	25	9
Томысев	6	3	3	3	5	2	-	-	-
Анадьев	5	6	2	6	7	3	6	8	3
Никитин	-	-	-	-	-	-	1	1	1
Сеснин	1	-	1	1	1	1	-	-	-
							49	54	20
							ю. Цекурьинские		
Сайнахов	29	28	6	67	70	15	69	69	20
Елин	3	4	2	-	-	-	-	-	-
Яптин	5	4	1	17	9	3	23	16	10
Алсмов	10	5	1	27	24	6	32	27	11
Воюптин	4	7	1	8	16	3	27	30	9
Топков (Токов, 10)	2	2	2	3	3	1	3	3	1

Ангурьев	7	5	2	10	8	3	8	5	3
Алмин	2	2	1	3	4	1	12	11	3
Наухов	-	-	-	-	-	-	3	1	1
							177	162	58
							ю. Хонггальские		
Качанов	7	8	1	15	8	3	8	6	3
Кумин -	2	2	2	-	-	-	-	-	-
Игнатьев -	-	-	-	5	6	1	-	-	-
Кунов ³	-	-	-	-	-	-	7	5	2
Сангопов (Сепов, 10)	3	2	1	2	1	1	-	2	1
Лендин	9	6	2	13	15	5	16	12	4
							31	25	10
Итого	134	124	39	232	246	63	257	241	88

¹ Азин по 9-й ревизии записан как Шсмин, по 10-й — Семснoв.

² Под фамилией Носкин числится племянник Леонтия Нобтина, Андрей Федоров.

³ Кумин по 7-й ревизии записан под фамилией Игнатьев, образованной от отчества Дмитрия Игнатьева Кумина (4), по 10-й — под фамилией Кунов.

Мункаский городок
(юрты Мункемские, Хошловские, 10)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
							ю. Мункемские		
Нестерков	5	8	3	4	5	2	3	1	1
Ромбандиев	8	12	2	12	12	4	24	12	6
Лончаков	1	1	1	4	3	1	3	3	1
Кымлин	4	9	2	4	6	2	5	2	1
Меров	6	6	2	13	14	4	10	8	3
Кумчин	4	1	1	1	-	1	-	-	-
Фетки 1	1	4	1	2	6	1	8	5	1
							53	31	13
							ю. Хошловские		
Авасев	24	14	5	26	20	5	15	10	6
							15	10	6
Итого	53	55	17	66	66	20	68	41	19

Шангалский городок
(юрты Хорумпаульские, Межуцаульские, 10)

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
							ю. Хорумпаульские		
Ныгылев	18	16	4	24	25	8	22	15	6
Волохов	19	15	5	12	11	3	8	8	4
Хажимков	6	5	2	16	17	3	-	-	-
Паланзеев ¹	22	17	4	24	26	5	43	38	13
Хозымов ²	-	-	-	-	-	-	7	2	2
Лышманов - Оммаков ³	5 -	2 -	1 -	1 -	3 -	2 -	- 3	- 1	- 1
Фстипи	11	7	3	5	3	2	-	-	-
Выртоенхов	3	2	1	6	4	1	-	-	-
Игин	4	7	2	1	3	1	-	-	-
							83	64	26
							ю. Межуцаульские		
Юрьев	10	6	2	6	9	2	14	15	3
Рахтымов	7	11	3	5	8	2	1	1	1
Кугин (Кузин, 10)	7	3	1	10	14	3	36	23	10
Четов	5	6	1	7	8	1	11	20	3
Лобитков ⁴	-	-	-	-	-	-	13	10	1
Лелин	1	1	1	1	2	1	-	-	-
Каулев	-	-	-	1	1	1	-	-	-
Возимов	1	3	1	-	-	-	-	-	-
Палипов	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Выжиин	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Таимапов	9	8	3	3	1	1	-	-	-
Рабахов	9	8	2	4	4	1	-	-	-

Рокин	3	3	1	2	-	1	-	-	-
Носков	2	3	1	1	1	1	-	-	-
							75	69	18
Итого	144	123	40	129	140	39	158	133	44

¹ По данным 9–10-й ревизий, Хажимковы и Паланзесвы записаны под одной фамилией — Паланзесвы.

² В материалах 10-й ревизии указано, что Хозымовы по предыдущим переписям находились «в вынужденной отлучке».

³ Лышманов по 10-й ревизии проходит под фамилией Оммаков.

⁴ В материалах 10-й ревизии указано, что Лобитковы по предыдущим переписям «были пропущены».

Шоминский городок

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Кышлобасов	15	7	2	29	23	7	18	15	7
Чаев	3	8	1	2	4	1	3	1	1
Сеулин ¹	3	3	1	5	3	1	-	-	-
Конев	4	2	1	4	2	1	-	-	-
Авасев	-	-	-	-	-	-	2	2	1
Итого	25	20	5	40	32	10	23	18	9

¹ По данным 9-й ревизии, Сеулины после 1816 г. находились на поселении.

Таблица 6

Кутинский городок

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Нихлимов	3	5	1	4	1	1	-	-	-
Лолятов	10	12	4	12	10	3	14	6	6
Сангатов	4	3	2	-	-	-	-	-	-
Смиренкин	1	3	1	-	-	-	-	-	-
Игнашкин	5	4	1	5	4	1	4	2	2
Лихачев	4	1	1	5	4	1	4	-	1
Итого	27	28	10	26	19	6	22	8	9

Ляпинский (Обской) городок *

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Тушев	6	7	3	3	2	2	-	-	-
Кондин	16	6	4	17	10	5	-	-	-
Сабуркин	4	5	1	3	2	1	-	-	-
Товлев	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Носков	9	9	2	7	8	2	-	-	-
Пуксиков	4	2	2	7	3	1	-	-	-
Кугин	3	1	1	6	3	2	-	-	-
Тобылсв	1	2	1	1	1	1	-	-	-
Авасев	9	6	1	18	15	4	-	-	-
Рахтымов	1	4	1	-	-	-	-	-	-
Еникилсв	4	6	1	7	7	3	-	-	-
Новьюхов	3	3	1	3	6	1	-	-	-
Вазинов (Вонзимов)	9	11	4	6	3	2	-	-	-
Лончаков	1	2	1	3	1	1	-	-	-
Махлин	3	1	1	4	4	1	-	-	-
Нилин	7	11	2	7	9	3	-	-	-
Силиманин	11	10	4	16	10	3	-	-	-
Сернов	1	1	1	-	-	-	-	-	-
Посланхов	2	3	1	-	-	-	-	-	-
Выртопенгов	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Енысоров	4	1	1	4	2	1	-	-	-
Нахрачев	14	13	4	17	6	4	-	-	-
Лыпчиков	4	2	1	6	4	2	-	-	-
Лышманов	2	2	1	1	1	1	-	-	-
Шелипууров	3	2	1	2	4	1	-	-	-
Алмин	4	2	1	6	4	1	-	-	-
Итого	127	113	43	144	105	42	-	-	-

* По данным 10-й ревизии, Ляпинский (Обской) городок в составе Ляпинской волости не фиксируется. Часть населения городка причислена к ю. Лобымвожским.

Некрещенные самоеды

Фамильный состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Верцегов < Тоев Албу ¹	12	16	3	17	11	7	11	7	2
Селмин < Лондо ²	27	25	6	20	11	7	7	5	4
Пинялиев	10	4	1	13	12	5	14	9	4
Сюптин	5	8	2	2	1	1	-	-	-
Пучин (Пузин, 10)	5	3	1	7	10	1	6	3	1
Хымин	5	2	1	3	1	1	-	-	-
Ероибиев	6	7	2	10	5	1	9	5	2
Немдазин	9	7	3	21	14	5	12	10	6
Шешкин	1	-	1	-	-	-	-	-	-
Визарков ³	-	-	-	-	-	-	3	2	1
Сербин	-	-	-	-	-	-	2	1	1
Легоров ⁴	-	-	-	-	-	-	7	3	1
Таиптин	5	5	1	-	-	-	-	-	-
Итого	85	77	21	96	66	29	74	46	24

¹ Фамилии Тоев и Албу образованы от имен Тое и Албу Верцеговых (4–7).

² Вероятно, Лондо — дочерняя фамилия Селминых (только у них в наборе имен встречается имя Лондо).

³ Определить прежнюю фамилию Визарковых не возможно, так как, по 10-й ревизии, они числятся как «крещенные» (под христианскими именами).

⁴ Прежняя фамильная принадлежность Легоровых (Егоровых, 9) не выяснена, так как по 9-й ревизии они были записаны как «вновь крещенные», с соответствующим изменением имен и отчеств.

Всего, по данным 10-й ревизии, из 167 самоедов Ляпиской волости учтено 47 чел. крещенных (28 муж., 19 жен.).

**Общая численность населения
Ляпинской волости**

Юртовый состав	4 ревизия, 1782 г.			7 ревизия, 1816 г.			10 ревизия, 1858 г.		
	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.	муж.	жен.	хоз.
Ляпинский городок	136	110	40	146	141	45	-	-	-
юрты Лобымважские	-	-	-	-	-	-	53	38	16
юрты Оурьинские	-	-	-	-	-	-	55	43	18
юрты Посолдинские	-	-	-	-	-	-	47	46	23
Юльский городок	134	124	39	232	246	63	49	54	20
юрты Щекурьинские	-	-	-	-	-	-	177	162	58
юрты Хонглаьские	-	-	-	-	-	-	31	25	10
Мункаский городок	53	55	17	66	66	20	53	31	13
юрты Хошловские	-	-	-	-	-	-	15	10	6
Шангалский городок	144	123	40	129	140	39	-	-	-
юрты Хорумпаульские	-	-	-	-	-	-	83	64	26
юрты Межупаульские	-	-	-	-	-	-	75	69	18
Шоминский городок	25	20	5	40	32	10	23	18	9
Кугинский городок	27	28	10	26	19	6	22	8	9
Ляпинский (Обской) городок	127	113	43	144	105	42	-	-	-
Всего остяков	646	573	194	783	749	225	683	568	226
самоедов	85	77	21	96	66	29	74	46	24
Итого	731	650	215	879	815	254	757	614	250

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- ГАОО. Ф. 3. Главное управление Западной Сибири. Оп. 1. Д. 300; Оп. 2. Д. 3220.
- РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 1. Д. 4064, 6887; Оп. 3. Д. 203, 221, 376, 419, 496; Оп. 5. Д. 757, 763, 1537, 2499.
- РГАДА. Ф. 462. Березовская воеводская канцелярия. Оп. 1. Д. 1, 2, 27, 42.
- ТФ ГАТО. Ф. 144. Протоиерей Александр Сулоцкий. Оп. 1. Д. 2, 43, 45-а, 48.
- ТФ ГАТО. Ф. 152. Тобольское общее губернское управление. Оп. 27. Д. 157; Оп. 31. Д. 82, 99, 1113; Оп. 33. Д. 596; Оп. 37. Д. 495; Оп. 39. Д. 5, 29, 116, 133; Оп. 40. Д. 18; Оп. 41. Д. 8, 418, 356; Оп. 42. Д. 358.
- ТФ ГАТО. Ф. 154. Тобольская казенная палата. Оп. 1. Д. 42; Оп. 8. Д. 43, 44, 404, 756, 992.
- ТФ ГАТО. Ф. 156. Тобольская духовная консистория. Оп. 26. Д. 432, 434, 440.
- НА ТГИАМЭ. № 46. С. Энгестрем. Обдорская волость в 1885—1886 гг. (записки писаря).
- НА ТГИАМЭ. № 84. В. Герасимов. Краткие сведения об Обдорске и Низовой миссии.
- НА ТГИАМЭ. № 88. Указ Ее Императорского Величества годовщику Обдорского острога Лихачеву.
- НА ТГИАМЭ. № 240, 255, 259. Казымский туземный район и отчеты Казымской культбазы.
- НА ТГИАМЭ. № 294, 295. Ямальская землеустроительная экспедиция.
- НА ТГИАМЭ. №№ 973, 1009, 1010. Обследования и экспедиции Общества изучения края при музее Тобольского Севера.
- Фонд ТГИАМЭ. Тм кп 12513/1—20. Прошение князя И. Тайшина против заселения Обдорских земель.
- Фонд ТГИАМЭ. Тм кп 16508. Квитанция, выданная М. Тайшину по сдаче ясака.
- Фонд ТГИАМЭ. Тм кп. 12849. Жалованная грамота казымскому князю Юзору Райдукову об управлении Казымской волостью и сборе ясака.

- Фонд ТГИАМЭ. Тм кп. 12850. Жалованная грамота Екатерины II, данная куноватскому князю Якову Артанзееву.
- Фонд ТГИАМЭ. Тм кп 13426/1–11. Переписка Березовского старшины Александра Худина. 1864 г.
- Фонд ТГИАМЭ. Тм кп 13428. Книга Обдорской управы для записи приговоров, по разбирательству тяжб, споров и проступков инородцев с 1881 по 1901 гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов Н. А. 1846. Филофей Лещинский, митрополит тобольский и сибирский // ЖМНП. № 12. С. 1–18.
- Абрамов Н. А. 1851. О введении христианства у березовских остяков // ЖМНП. Ч. 72. № 10–12. С. 1–22.
- Абрамов Н. А. 1957а. Об остяцких князьях // ТГВ. № 24. С. 217–222.
- Абрамов Н. А. 1857б. Описание Березовского края // Зап. РГО. СПб. Кн. 12. С. 327–448.
- Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг (в двух томах). (История Сибири. Первоисточники. Вып. 1). 1993. Новосибирск: Сибирский хронограф. 250 с.
- Акты служилых земледельцев XV — начала XVII века. 2002. Т. 3. М.: Древлехранилище.
- Аксянова Г. А., Аксянов Е. А. 2000. Сравнительная статистическая оценка антропологического разнообразия финно-угров // Антропология современных финно-угорских народов. М. С. 165–266.
- Алексеев В. П. 1977. Этногенетические предания, лингвистические данные, антропологический материал // Этническая история и фольклор. М.: Наука. С. 9–33.
- Алексеев М. П. 1932, 1936. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск: Крайгиз. Т. I, II.
- Алексеев М. П. 1935. Сказания иностранцев о России и ненецкий эпос // СЭ. № 4–5.
- Алквист А. 1999. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки / Перевод с немецкого и публикация Н. В. Лукиной. Томск: ТГУ. 178 с.
- Андреев А. И. 1947. Описание о жизни и упражнениях обитающих в Туруханском и Березовском округах разного рода ясачных иноверцев // СЭ. № 1. С. 84–103.
- Андреев А. И. 1960, 1965. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I. XVII век. Вып. II. XVIII век. М.;Л.: Наука. 261, 350 с.
- Анучин Д. Н. 1890. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Труды Московского археологического общества. М. Т. XIV.
- Бабаков В. Г. 1973а. Манси // ВИ. № 4. С. 214–218.
- Бабаков В. Г. 1973б. Территориально-племенные общности обских уг-

- ров и нарымских селькупов (XVII—XIX вв.). Дисс. ... канд. истор. наук. М. 210 с.
- Бабаков В. Г. 1988. Историческое место фратрии в структуре социальных связей западносибирских угров // СЭ. № 3. С. 36—47.
- Баландин С. Н., Вилков О. Н. 1977. Юильский городок на р. Казыме // История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX в.). Новосибирск: Наука. С. 268—280.
- Бартенев В. В. 1895а. Погребальные обычаи обдорских остяков // ЖС. Вып. 3—4. С. 487—492.
- Бартенев В. В. 1895б. Понятие о грехе у остяков // ЕТГМ. Вып. 5. С. 9—12.
- Бартенев В. В. 1896. На крайнем Северо-Западе Сибири (Очерки Обдорского края). СПб. 148 с.
- Бауло А. В. 2000. Небесный всадник (жертвенные покрывала северных хантов) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3. С. 132—144.
- Бауло А. В. 2002а. Культурная атрибутика березовских хантов. Новосибирск: ИиАЭ СО РАН. 92 с.
- Бауло А. В. 2002б. Древний металл из святилищ обских угров (новые находки) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2. С. 144—155.
- Бауло А. В. 2004. Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1. С. 89—101.
- Бахрушин С. В. 1948. Основные линии истории обских угров // Ученые записки ЛГУ. № 105. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. Л.: ЛГУ. С. 257—287.
- Бахрушин С. В. 1955а. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Ч. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР. С. 86—152.
- Бахрушин С. В. 1955б. Самоеды в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Ч. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР. С. 5—12.
- Бахрушин С. В. 1955в. Ясак в Сибири в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Ч. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР. С. 49—85.
- Белявский Ф. 1833. Поездка к Ледовитому морю. М. 274 с.
- Будинский П. Н. 1889. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков: Типография губернского правления. 340 с.
- Будинский П. Н. 1893а. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. Харьков. С. 33—98.
- Будинский П. Н. 1893б. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков. 93 с.

- Бушевич А. 1914. Экскурсия в бухту Находку летом 1912 г. // ЕТГМ. Вып. 22. С. 1–86.
- Варпаховский Н. А. 1898. Рыболовство в бассейне реки Оби. Т. I. Орудия рыболовства и продукты рыбного промысла. СПб.: Типография С.-Петербургского Градоначальства. 143 с.
- Василевич Г. М., Левин М. Г. 1951. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. № 1.
- Васильев В. И. 1974а. К проблеме этногенеза северосамодийских народов // Социальная организация и культура народов Севера. М.: Наука. С. 133–176.
- Васильев В. И. 1974б. Ляпинские ненцы: этническая судьба одной самодийской группировки // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г. Ч. 2. М.: Наука. С. 12–20.
- Васильев В. И. 1977. Исторические предания ненцев как исторический источник при исследовании этногенеза и этнической истории северосамодийских народов // Этническая история и фольклор. М.: Наука. С. 113–126.
- Васильев В. И. 1978. Куноватские ненцы: опыт этнической реконструкции // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 118–130.
- Васильев В. И. 1979. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука. 243 с.
- Васильев В. И. 1980. Проблема этногенеза северосамодийских народов (ненцы, энцы, нганасаны) // Этногенез народов Севера. М.: Наука. С. 41–67.
- Васильев В. И. 1987. Проблемы формирования фратриально-родовой организации у народов севера Западной и Средней Сибири в свете их этногенеза // Верования и быт народов Сибири. Новосибирск: Наука. С. 133–142.
- Васильев В. И. 1988. Ненецко-угорские взаимосвязи на Севере Сибири: история и современность // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск: ТГПИ. С. 102–108.
- Вдовин И. С. 1973. Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука.
- Вербов Г. Д. 1936. Лесные ненцы // СЭ. № 2. С. 57–70.
- Вербов Г. Д. 1939. Пережитки родового строя у ненцев // СЭ. № 2. С. 43–66.
- Верш П. 1975. Общественные и этнические группы манси в XVII–XVIII вв. // Congressus Quartus Internationalis Finno-Ugristarum: Thesen. Budapest.

- Вереш П. 1977. К вопросу происхождения дуально-фратриальной организации обских угров // Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры. М. С. 43—59.
- Вереш П. 1978. Этнокультурное развитие угорских народов // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 102—113.
- Вершинин Е. В. 1998. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: МУМЦ «Развивающее обучение». 204 с.
- Вершинин Е. В. 2002. Восстание Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: УрГУ. С. 98—110.
- Вершинин Е. В. 2003. Русская власть и сибирские самоеды в XVI—XVII вв. // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 2. Вып. 2. История. С. 5—21.
- Вершинин Е. В., Шашков А. Т. 2004. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут.
- Гемуев И. Н. 1990. Мирозозрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука. 232 с.
- Гемуев И. Н. 1991. Религиозно-мифологические представления манси. Автореф. ... док. дисс. Новосибирск. 45 с.
- Гемуев И. Н., Бауло А. В. 1999. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН. 240 с.
- Гемуев И. Н., Бауло А. В. 2001. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН. 160 с.
- Георги И. Г. 1776, 1777. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 1, 3. СПб.
- Герасимов В. Н. 1909. Обдорск (исторический очерк). Тюмень: Типография «Сибирской торговой газеты» А. А. Крылова. 83 с.
- Главацкая Е. М. 1992. Политика русского правительства в отношении коренных народов Севера Западной Сибири в XVII в. (На материалах Верхотурского, Пельымского, Березовского уездов) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург. 22 с.
- Главацкая Е. М. 1999а. Классификация религиозных изменений среди хантов // Обские угры. Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12—16 декабря 1999 г., Тобольск). Тобольск; Омск. С. 131—135.
- Главацкая Е. М. 1999б. Ханты в составе русского государства // Очерки истории традиционного землепользования (Материалы к атласу). Екатеринбург: Тезис. С. 67—112.
- Глушков И. 1900. Чердынские вогулы // ЭО. Т. 15. Вып. 2. С. 15—78.

- Головнёв А. В. 1983. Некоторые вопросы формирования экзогамных систем в процессе этногенеза и этнической истории тундрово-самодийских народов Сибири // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Тез. докл. Омск: ОмГУ. С. 26—31.
- Головнёв А. В. 1985. О культе нытарма и сидрянг у ненцев // Мирозрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск: ТГУ. С. 45—48.
- Головнёв А. В. 1987. Экономические факторы миграций коренного населения Северо-Западной Сибири // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 50—53.
- Головнёв А. В. 1988а. Социально-экономические аспекты ненецко-угорских контактов // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск: ТГПИ. С. 86—101.
- Головнёв А. В. 1988б. Экзогамия в социальной истории народов Северо-Западной Сибири // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Вып. I: Досоветский период. Тез. докл. Новосибирск. С. 88—89.
- Головнёв А. В. 1989а. К истории ненецкого олсневодства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск: НГПИ. С. 94—108.
- Головнёв А. В. 1989б. Проблемы изучения экологической культуры народов Северо-Западной Сибири // Современная духовная культура Сибири и Севера. Омск: ОмГУ. С. 114—122.
- Головнёв А. В. 1991. «Свое» и «чужое» в представлениях хантов // Обские угры (ханты и манси). Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 7. М.: ИЭА. С. 187—224.
- Головнёв А. В. 1992а. Модель в культурологии // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург: УрО РАН. С. 142—169.
- Головнёв А. В. 1992б. Русское влияние на культуру народов Северо-Западной Сибири в XVII—XIX вв. // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. Новосибирск: НГПИ. С. 3—18.
- Головнёв А. В. 1993. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: НГУ. 204 с.
- Головнёв А. В. 1995. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН. 607 с.
- Головнёв А. В. 1996. Этнографическое предпочтение в археологии: замечания к концепции В. Н. Чернецова // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. 1. Новосибирск; Омск. С. 89—93.
- Головнёв А. В. 1998. Югра и самоэль // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы Международного симпозиума). Т. 2. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН. С. 133—144.

- Головнёв А. В., Персвалова Е. В. 1994. Пояс и сумка // Северные Просторы. № 3. С. 48—51.
- Голодников М. К. 1878. Поездка на Обдорскую ярмарку // ТГВ. № 14. С. 2—4.
- Голодников М. К. 1881. От Тобольска до Обдорска летом и зимою // ТГВ. № 3—11.
- Гондатти Н. Л. 1886. Следы языческих верований у маньзов // Труды этнографического отделения императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Кн. VII. М. С. 50—73.
- Городков Б. Н. 1926. Краткий очерк населения крайнего северо-востока Западной Сибири // ИРГО. Т. VIII. Вып. 2. С. 50—78.
- Губарев К. 1863. Обдорск // «Современник». Т. 99. Отд. I. С. 219—234.
- Давыдова Г. М. 1989. Взаимоотношения северных манси и северных хантов (по антропологическим данным и фамильному составу) // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 1. М.: Наука. С. 165—167.
- Даль В. Толковый словарь в четырех томах. Т. IV. М.: Рус. Яз. 683 с.
- Дмитриев-Садовников Г. М. 1917, 1918. Река Надым // ЕТГМ. Вып. 28, 29. С. 1—24, 25—43.
- Долгих Б. О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // ТИЭ, н. с. Т. 55. М. 622 с.
- Долгих Б. О. 1964. Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М.
- Долгих Б. О. 1970. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука. 270 с.
- Долгих Т. Б. 1977. Фольклор как источник для изучения этногенеза (по энецким материалам) // Этническая история и фольклор. М.: Наука. С. 127—140.
- Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. 1851. Т. 4, 5; 1862. Т. 8. СПб.
- Дунин-Горкавич А. А. 1915. Сведения о рыболовных угодьях Тобольского Севера (по регистрации 1914 г.). Тобольск: Губернская типография. 97 с.
- Дунин-Горкавич А. А. 1995, 1996. Тобольский Север. Т. I, II, III. М.: Либерия. 376, 432, 208 с.
- Енов В. Е. 1994. Обряды проводов умершего у шурьшкарских хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 1. Томск: ТГУ. С. 86—91.
- Жеребцов Л. Н. 1982. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами (X — начало XX в.). М.: Наука. 224 с.

- Житков Б. М. 1913. Полуостров Ямал // Зап. ИРГО по общей географии. Т. 49. М. 249 с.
- Загадки мансийские (вогульские) / Авт.-сост. Т. Д. Слинкина. 2002. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист» 178 с.
- Земля Кошачьего Локотка. 2001. Томск: ТГУ. 244 с.
- Зенько А. П. 1995. Хантыйские легенды о древнем народе // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: исторический опыт и современность. Тобольск. С. 35–37.
- Зенько М. А. 2001. «Этническое лицо» лесных ненцев: проблемы формирования традиционной культуры // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск. С. 114–118.
- Зибарев В. А. 1990. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск: ТГУ. 207 с.
- Золотарёв А. М. 1964. Родовой строй и первобытная мифология. М. 328 с.
- Золотарёв А. М., Левин М. Г. 1940. К вопросу о древности происхождения оленеводства // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. Т. I. М.; Л.
- Зуев В. Ф. 1947. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов // Материалы по этнографии Сибири XVIII в. ТИЭ, н. с. Т. 5. М.; Л. 65 с.
- Иринарх (И. С. Шемановский). 1903, 1905. Из дневника обдорского миссионера // Православный благовестник. № 17 (1903); №№ 1, 3, 8 (1905).
- Иринарх. 1906. История Обдорской духовной миссии. 1854–1904 гг. М. 188 с.
- Иринарх. 1909, 1910. В дебрях крайнего северо-запада Сибири // Православный благовестник. № 9 (1909); №№ 2, 4 (1910).
- Иринарх. 1911, 1912, 1913, 1915, 1916. Хронологический обзор // Православный благовестник. № 5, 22 (1911); №№ 1, 2, 22 (1912); №№ 2, 7–8, 19 (1913); № 11 (1915); №№ 8–9, 22 (1916).
- История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века: Хрестоматия. 1999. Екатеринбург: Волот. 304 с.
- Источники по этнографии Западной Сибири. 1987. Томск: ТГУ. 284 с.
- Итс Р. Ф. 1974. Введение в этнографию. Л.: ЛГУ. 160 с.
- Караулов Ю. Н. 1976. Хантыйский язык // Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). М. С. 239–252.

- Карьялайнен К. Ф. 1994, 1995, 1996. Религия югорских народов. Перевод с немецкого Н. В. Лукиной. Т. I, II, III. Томск: ТГУ. 152, 284, 247 с.
- Кастрен М. А. 1858. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838—1844 гг. // Этнографический сборник РГО. Вып. 4. СПб. С. 219—320.
- Кастрен М. А. 1860. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838—1844, 1845—1849 // Магазины земледения и путешествий. Т. 6, Ч. 2. М. 495 с.
- Касум-Ёх (материалы для обоснования проекта этнической статусной территории). Ред. А. В. Головин. 1993. Шадринск. 109 с.
- Книга Большому Чертежу. 1950. М.; Л.
- Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. 2003. Екатеринбург: Волот. 496 с.
- Ковальский М. 1853. Северный Урал и береговой хребет Пай-хой. Т. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук.
- Козьмин В. А. 1980. К вопросу о времени появления олсневоводства у обских угров // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука. С. 163—170.
- Козьмин В. А. 1986. Традиции в развитии современного олсневоводства тасежной зоны Западной Сибири // Культурные традиции народов Сибири. Л.: Наука. С. 42—56.
- Конев А. Ю. 1995. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII — начало XX вв.). Серия БРЭ. М.: ИЭА. 212 с.
- Косарев М. Ф. 1984. Западная Сибирь в древности. М.: Наука. 246 с.
- Косарев М. Ф. 1991. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука. 302 с.
- Косвен М. О. 1963. Семейная община и патронимия. М.
- Косинская Л. Л., Федорова Н. В. 1994. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург: ИИА УрО РАН. 114 с.
- Крупник И. И. 1976. Становление крупнотабунного олсневоводства у тундровых ненцев // СЭ. № 2. С. 57—69.
- Крупник И. И. 1989. Арктическая этноэкология. М.: Наука. 272 с.
- Крупник И. И. 2000. Люди в чумах, цифры на бумаге. Русские источники в демографической истории Ямала, 1695—1992 гг. // Древности Ямала. Вып. I. Екатеринбург; Салехард. С. 123—151.
- Кулемзин В. М. 1984. Человек и природа в ворованиях хантов. Томск: ТГУ. 192 с.

- Кулемзин В. М., Лукина Н. В. 1976. Новые данные по социальной организации восточных хантов // Из истории Сибири. Томск: ТГУ. Вып. 21. С. 232—240.
- Кулемзин В. М., Лукина Н. В. 1977. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв. Томск: ТГУ. 226 с.
- Кулемзин В. М., Лукина Н. В. 1978. Материалы по фольклору хантов. Томск: ТГУ. 216 с.
- Кулемзин В. М., Лукина Н. В. 1992. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: Наука. 136 с.
- Кушелевский Ю. И. 1864. Путевые записки, веденные во время экспедиции 1862, 1863 и 1864 гг. Тобольск. 66 с.
- Кушелевский Ю. И. 1868. Северный полюс и земля Ямал. СПб. 156 с.
- Лашук Л. П. 1972. Формирование народности коми. М. 292 с.
- Лапина М. А. 1995. Хантыйская этика, связанная с пищей // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 2. Томск: ТГУ. С. 118—124.
- Лапина М. А. 1996. Нормативные установки хантов в обращении с рыбой // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 3. Томск: ТГУ. С. 66—70.
- Лапина М. А. 1998. Этика и этикет хантов. Томск: ТГУ. 115 с.
- Лапина М. А. 2002. Образ Тэк ики в фольклоре и верованиях хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 9. Томск: ТГУ. С. 172—175.
- Лебедев Н. 1915. Самоеды крайнего русского севера и история их христианского просвещения (этнографический и церковно-исторический очерк) // Православный благовестник. № 2 (февраль). С. 139—164.
- Лёзова С. В. 2000. Сибирские ненцы (самоеды) в середине XIX в.: диалог кочевников и чиновников // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН. С. 191—206.
- Львова Э. Л. 1976. Этнографические материалы как источник по этнической истории чулымских тюрков // Языки и топонимия. Томск.
- Лукина Н. В. 1972. Об этнических связях васюганско-ваховских хантов // Материалы по этнографии Сибири. Томск: ТГУ. С. 67—92.
- Лукина Н. В. 1976. Некоторые вопросы этнической истории восточных хантов по данным фольклора // Языки и топонимия. Томск. С. 158—161.
- Лукина Н. В. 1984. Некоторые вопросы происхождения оленеводства // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука. С. 10—17.
- Лукина Н. В., Кулемзин В. М., Титаренко Е. М. 1975. Ханты р. Аган (По материалам экспедиции 1972 г.) // Из истории Сибири. Вып. 16. Томск. С. 130—177.
- Мартынова Е. П. 1986. Южные ханты в конце XVIII — XIX вв. // Автореф. дисс... канд. истор наук. М. 23 с.

- Мартынова Е. П. 1988а. Этнодемографические процессы в среде южных хантов в XVIII–XIX вв. // Вестник МГУ. № 1. С. 66–75.
- Мартынова Е. П. 1988б. Южные ханты в конце XVIII в. (по материалам IV–V ревизий) // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск: ТГПИ. С. 74–85.
- Мартынова Е. П. 1990. Структура социальной организации хантов в XVIII–XIX вв. // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 84–87.
- Мартынова Е. П. 1991а. Волостная организация хантов // Экспериментальная археология. Вып. 1. Тобольск: ТГПИ. С. 128–139.
- Мартынова Е. П. 1991б. Община-юрт у хантов // Обские угры (ханты и манси). Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 7. М.: ИАЭ. С. 62–77.
- Мартынова Е. П. 1994. Пор-ёх и Мось-ёх в представлении ханты // Сургут, Сибирь, Россия. Международная научно-практическая конференция, посвященная 400-летию города Сургута. Тез. докл. 22–25 марта 1994. Екатеринбург. С. 112–114.
- Мартынова Е. П. 1995. Общественное устройство в XVII–XIX вв. // История и культура хантов. Томск: ТГУ. С. 77–120.
- Мартынова Е. П. 1998. Очерки истории и культуры хантов. М. 235 с.
- Мартынова Е. П. 2001. К истории формирования надымских ненцев // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск: ОмГПУ. С. 136–139.
- Методические рекомендации по использованию хантыйских загадок. 1990. Ханты-Мансийск. 18 с.
- Миддендорф А. Ф. 1878. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II. Отд. VI. СПб. 833 с.
- Миллер Г. Ф. 1937, 1941. История Сибири. Т. 1, 2. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. 392, 535 с.
- Миненко Н. А. 1969. К вопросу о расселении и родовом составе народов Нижнего Приобья в XVIII в. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Новосибирск: Наука. Вып. 2. № 6. С. 79–86.
- Миненко Н. А. 1975. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XX в. Новосибирск: Наука. 308 с.
- Миненко Н. А. 2000. Судьба православия на Обском севере (XVIII — начало XX века) // Очерки истории Югры. Екатеринбург: Волот. С. 209–259.
- Мифология хантов. 2000. Энциклопедия уральских народов. Т. III. Томск: ТГУ. 310 с.

- Мифология манси. 2001. Энциклопедия уральских народов. Т. II. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН. 196 с.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси. Составитель Н. В. Лукина. 1990. М.: Наука. 568 с.
- Могильников В. А. 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука. С. 163–235.
- Могильников В. А. 1995. Формирование коренного населения севера Западной Сибири // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: исторический опыт и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тобольск. С. 72–75.
- Молданов Т. А. 1999. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск: ТГУ. 141 с.
- Молданов Т. А., Молданова Т. А. 2000. Боги земли казымской. Томск: ТГУ. 114 с.
- Молданов Т. 2002. Песни, сопровождающие индивидуальные хантыйские танцы // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 9. Томск: ТГУ. С. 162–165.
- Молодин В. И. 1995. Этногенез // История и культура хантов. Томск: ТГУ. С. 3–44.
- Морган Л. 1934. Древнее общество. М. 350 с.
- Морозов В. М., Пархимович С. Г. 1985. Городище Перегребное I: к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тыс. н. э. // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень. С. 89–99.
- Морозов В. М., Пархимович С. Г., Шашков А. Т. 1995. Очерки истории Коды. Екатеринбург: Волот. 192 с.
- Морозов В. М., Чемякин Ю. П. 1991. Культуры Нижнего Приобья эпохи железа и их связи с Европейским Северо-Востоком // Проблемы историко-культурной среды Арктики. Сыктывкар. С. 100–102.
- Мошинская В. И. 1953. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья (МИА. № 35). М. С. 72–106.
- Мошинская В. И. 1965. Археологические памятники Северо-Западной Сибири // САИ. Вып. Д 3–8. М.
- Мошинская В. И. 1978. Современное состояние вопроса о роли южного компонента в древней культуре населения Крайнего Севера и Западной Сибири // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 56–72.

- Мошинская В. И. 1979. Некоторые данные о роли лошади в культуре населения Крайнего Севера Западной Сибири // История, археология и этнография Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 34—45.
- Мошинская В. И., Лукина Н. В. 1982. О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья. Томск: ТГУ. С. 46—60.
- Напольских В. В. 1991. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонистический миф) // Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. 5. Народы уральской языковой семьи. М.: ИЭА. 189 с.
- Напольских В. В. 1998. О происхождении названия Югра // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Т. 2. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН. С. 343—351.
- Населенные пункты Уральской области 1928. Т. XII. Тобольский округ. Свердловск. 71 с.
- Неттина—Лапина М. А. 1999. Фольклор Тэк ёх. СПб: Алфавит. 88 с.
- Новицкий Г. 1884. Краткое описание о народе остячком. СПб. 116 с.
- Оглоблин Н. Н. 1895. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). Ч. I. Документы воеводского управления. М.: Университетская типография.
- Оглоблин Н. Н. 1900. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). Ч. III. Документы по сношениям местного управления с центральным. М.: Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете.
- Оглоблин Н. Н. 1891. Остяцкие князья в XVII в. // РС. № 8. СПб. С. 395—401.
- Огрызко И. И. 1941. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л.
- Оксенов А. 1889. Сибирь до эпохи Ермака // Том. губ. вед. №№ 2—4, 6.
- Описание Тобольского наместничества 1982. Новосибирск: Наука. 309 с.
- Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. 1998. Древний Обдорск и заполярные города-легенды. Серия: Древнерусское деревянное зодчество. Вып. 1. М.: Ополо. 400 с.
- Очерки истории Югры. / Отв. ред. Д. А. Редин, Н. Б. Патрикеев. 2000. Екатеринбург: Волот. 408 с.
- Палашенков А. Ф. 1963. Ляпинская крепость // Известия Омского отдела географического общества СССР. Вып. 5 (12). С. 153—159.
- Паллас П. С. 1786, 1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб. Ч. 2. Кн. 1; Ч. 3. Кн. 1. 624 с.

- Памятная книжка Западной Сибири. 1881. Хронологический перечень событий, относящихся к истории Западной Сибири. Омск: Типогр. Округн. Штаба. С. 49–142 (390 с.).
- Памятная книжка Тобольской губернии. 1884. (составлена А. И. Дмитриевым-Мамоновым и К. М. Голодниковым). Тобольск: Типография Тобольского Губернского правления. 468 с.
- Памятники Сибирской истории XVIII века. 1882, 1885. Кн. I, II. СПб. 551, 551 с.
- Папай Й. 1995. Обработка наследий Регули // Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII–XX вв.). Новосибирск: Ин-т истории СО РАН. С. 184–199.
- Патканов С. К. 1891а. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и сказаниям. СПб. 75 с.
- Патканов С. К. 1891б. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая Старина. Вып. 3–4. СПб. С. 85–116, 67–108.
- Патканов С. К. 1911. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. II. // Зап. РГО по отделению статистики. Т. XI. Вып. 2. СПб. 432 с.
- Патканов С. К. 1999. Сказания о поездках остяцких князей к русским царям // Очерк колонизации Сибири. Т. 2. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрыки. С. 113–121.
- Перевалова Е. В. 1988. Культурно-ритуальный комплекс восточных хантов в социальном аспекте // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск. С. 109–111.
- Перевалова Е. В. 1990. К вопросу о брачно-родственных отношениях нижнеобских хантов // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 78–80.
- Перевалова Е. В. 1991. Брачно-родственные отношения северных хантов // Экспериментальная археология. Тобольск: ТГПИ. Вып. I. С. 118–128.
- Перевалова Е. В. 1992. Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург: УрО РАН. С. 85–97.
- Перевалова Е. В. 1996. Две традиции в сакральном отношении к собаке у нижнеобских хантов // Интеграция археологических и этнографических исследований. Новосибирск; Омск. Ч. II. С. 83–87.
- Перевалова Е. В. 1999а. О значении жалованных грамот остяцких князцов // Обские угры. Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12–16 декабря 1999 г., Тобольск). Тобольск; Омск. С. 156–161.

- Перевалова Е. В. 1999б. Последний князь Коды // Северные просторы. № 1—2. С. 80—83.
- Перевалова Е. В. 2001а. Беглецы: к истории родов лесных ненцев // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10—12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск. С. 143—147.
- Перевалова Е. В. 2001б. В погоне за ногатым зверем // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург: Банк культурной информации. С. 169—172.
- Первое столетие сибирских городов. XVII век. (История Сибири. Первоисточники. Вып. III). 1996. Новосибирск: Сибирский хронограф. 192 с.
- Песни реки Аган. 2003. Мегион; Варьёган. 88 с.
- Пивнева Е. А. 1999. Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (VIII—XX вв.). М.: ИЭА РАН. 306 с.
- Пика А. И. 1982. Сосьвинские манси как этносоциальная общность (XVII—XX вв.). Автореф. канд. дисс. М. 21 с.
- Пика А. И. 1988. Биоресурсы западносибирского Севера и их использование аборигенным населением в XVII—XIX вв. // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск: ТГПИ. С. 131—140.
- Под стягом России. Сборник архивных документов. 1992. М.: Русская книга.
- Полное собрание русских летописей. 1959. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.
- Полное собрание русских летописей. 1982. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи. Л.: Наука. 227 с.
- Полное собрание русских летописей. 1987. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука. 379 с.
- Полное собрание русских летописей. 1989. Т. 38. Радзивилловская летопись. Л.: Наука. 178 с.
- Полное собрание русских летописей. 2000. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Т. IV. Ч. 2. Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры. 720, 728 с.
- Поляков И. С. 1877. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии Наук. СПб. 187 с.
- Поляков И. С. 1884. Старинное и современное Лукоморье // ЖР. Т. XI. СПб. С. 139—178.
- Попов Т. 1890. Остяцкие князья (1864—1884) // Русская старина. № 11 (ноябрь). СПб: Типография В. С. Балашева. С. 157—160.

- Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.). Сост. и коммент. В. Темплинг. 2002. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрыки. 224 с.
- Резун Д. Я., Васильевский Р. С. 1989. Летопись сибирских городов. Новосибирск.
- Ромбандеева Е. И. 1991. Душа и звезды. Предания, сказания и обряды народа манси. Ленинград; Ханты-Мансийск: Стерх — Белый журавль. 112 с.
- Ромбандеева Е. И. 1993. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Северный дом. 208 с.
- Руденко С. И. 1914. Иногородцы Нижней Оби. СПб. 16 с.
- Русская историческая библиотека. 1875. Т. 2. СПб.
- Русские летописи. 2001. Т. 12. Лаврентьевская летопись. Рязань: Александрия. 585 с.
- Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения). Ред. А. В. Головнёв. 1992. Шадринск. 76 с.
- Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. (История Сибири. Первоисточники. Вып. VI). 1996. Новосибирск: Сибирский хронограф. 310 с.
- Сирелиус У. Т. 1907. Домашние ремесла остяков и вогулов // ЕТГМ. Вып. 16. С. 42–69.
- Сказки манси. 1991. Ханты-Мансийск; Ленинград: Белый журавль. 16 с. (препринт).
- Славин П. 1911. Самоеды-грабители в Обдорском крае. Тобольск: Тобольский Губернский музей. 10 с.
- Словцов П. А. 1838. Историческое обозрение Сибири (1585–1742). Кн. 1. М. 583 с.
- Словцов П. А. 1844. Историческое обозрение Сибири (1742–1823). Кн. 2. СПб. 522 с.
- Соколов Андрей. 1910. Из дневника Ханды-батько // Православный благовестник. № 12. С. 530–538.
- Соколова Э. П. 1970. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири. М.: Наука. С. 103–153.
- Соколова Э. П. 1971а. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX вв. Л.: Наука. С. 211–238.
- Соколова Э. П. 1971б. Ханты // ВИ. № 8. С. 213–218.
- Соколова Э. П. 1972. Ханты рр. Сыня и Куноват (этнографический очерк) // Материалы по истории Сибири. Томск: ТГУ. С. 15–66.

- Соколова Э. П. 1973. О сложении этнографических и территориальных групп у обских угров // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Тез. док. Новосибирск. С. 123—125.
- Соколова Э. П. 1975а. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука. С. 186—210.
- Соколова Э. П. 1975б. Наследственные или предковые имена у обских угров и связанные с ними обычаи // СЭ. № 5. С. 42—52.
- Соколова Э. П. 1975в. Находки в Шишенгах (культ лягушки и угорская проблема) // СЭ. № 6. С. 143—154.
- Соколова Э. П. 1976а. Общественный строй у обских угров в XVII—XIX вв. // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск: ТГУ. С. 220—231.
- Соколова Э. П. 1976б. Проблема рода, фратрии и племени у обских угров // СЭ. № 6. С. 13—38.
- Соколова Э. П. 1977. Загадка Юильского городка // СЭ. № 4. С. 129—138.
- Соколова Э. П. 1979а. К происхождению современных манси // СЭ. № 6. С. 46—58.
- Соколова Э. П. 1979б. Ляпинско-сосьвинская группа манси по материалам брачных связей в XVIII—XIX вв. // История, археология и этнография Сибири. Томск: ТГУ. С. 112—130.
- Соколова Э. П. 1979в. Миграционные процессы и их факторы у обских угров в прошлом // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: ТГУ. С. 108—111.
- Соколова Э. П. 1979г. Формирование этнографических групп северных хантов и северных манси // К истории малых народностей Европейского Севера. Петрозаводск. С. 34—48.
- Соколова Э. П. 1980а. Имя и прозвище у обских угров // Народы и языки Сибири. Новосибирск. С. 266—270.
- Соколова Э. П. 1980б. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М.: Наука. С. 89—117.
- Соколова Э. П. 1981. Развитие этнических связей обских угров во второй половине XIX—XX вв. // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск. С. 50—60.
- Соколова Э. П. 1982. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М.: Наука. С. 8—47.
- Соколова Э. П. 1983. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. Проблемы рода и фратрии. М.: Наука. 319 с.
- Соколова Э. П. 1985. Современное культурное развитие и этнические процессы у обских угров // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М.: Наука. С. 93—120.

- Соколова Э. П. 1986. Некоторые аспекты формирования казымской группы хантов // Проблемы этнической истории народов Сибири. Кемерово. С. 71–78.
- Соколова Э. П. 1987. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора) // Верования и быт народов Сибири. Новосибирск: Наука. С. 118–132.
- Соколова Э. П. 1990. Эндогамный ареал и этническая группа (на материалах хантов и манси). М.: АН СССР. 207 с.
- Соколова Э. П. 1991. Еще раз о роде у хантов и манси // Семья и социальная организация финно-угорских народов. Труды ИЯЛИ Коми научного центра УрО РАН. Вып. 49. Сыктывкар. С. 94–104.
- Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI — начало XX века): Сборник правовых актов и документов. 1999. Тюмень: ИПСО СО РАН. 238 с.
- Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Свод этнографических понятий и терминов. 1986. Вып. 1. М.: Наука. 239 с.
- Список населенных мест по сведениям 1868–1869, 1871. Т. LX. Тобольская губерния. СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета внутренних дел.
- Старцев Г. 1928. Остяки: социально-географический очерк. М.: Прибой. 130 с.
- Стракач Ю. Б. 1973. Периодизация этнической истории как научная проблема // Бахрушинские чтения. Вып. 1. Новосибирск.
- Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941). Сборник документов. Ред. Д. И. Копылов. 1994. Тюмень. 317 с.
- Сулоцкий А. 1915. Жизнь святителя Филофея, митрополита Сибирского и Тобольского, просветителя сибирских инородцев. Шамардино, Калужской губ.: Типография Казанской Амвросиевской женской Пустыни. Издание М. Д. Усова. 66 с.
- Сязи А. М. 1995а. Современное декоративно-прикладное искусство хантов Ямало-Ненецкого автономного округа. Автореф. дисс... канд. истор. наук. Новосибирск. 23 с.
- Сязи А. М. 1995б. Семантика в орнаменте хантов Ямало-Ненецкого округа // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 2. Томск: ТГУ. С. 91–105.
- Сязи А. М. 2000. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск: ТГУ. 248 с.

- Талигина Н. М. 1995. Описание похоронного обряда сынских хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 2. Томск: ТГУ. С. 130–140.
- Талигина Н. М. 1998. Потусторонние субстанции человека в представлениях сынских хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 6. Томск: ТГУ. С. 42–48.
- Терёшкин Н. И. 1966. Хантыйский язык // Языки народов СССР. Т. 3. М. С. 319–342.
- Терёшкин Н. И. 1981. Словарь восточнохантыйских диалектов. Л.: Наука. 542 с.
- Титов А. 1890. Сибирь в 17 в. М. 216 с.
- Тобольские губернские ведомости 1858. № 6.
- Тобольский архиерейский дом в XVII в. (История Сибири. Первоисточники. Вып. IV). 1994. Новосибирск: Сибирский хронограф. 293 с.
- Тоболяков В. 1930. К верховьям исчезнувшей реки. Свердловск. 120 с.
- Токарев С. А. 1949. К постановке проблем этногенеза // СЭ. № 3. С. 12–36.
- Томилов Н. А. 1983. О соотношении понятий «этногенез» и «этническая история» // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск: ОмГУ. С. 10–13
- Томилов Н. А. 1987. Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Омск. 60 с.
- Томилов Н. А. 1993. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск.: ТГУ. 219 с.
- Тыликов П. И. 1996. Из истории селений по реке Сыне // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 4. Томск: ТГУ. С. 72–75.
- Устав об управлении инородцев // Учреждение для управления сибирских губерний. 1822. СПб.
- Фёдорова Е. Г. 1994. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб: МАЭ РАН. 286 с.
- Фёдорова Е. Г. 1996. Обские угры: этнокультурная ситуация в период с XI по XVI в. // Сибирь: древние этносы и культуры. Ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН. С. 6–38.
- Фёдорова Е. Г. 1998. Люди Пор и люди Мось в представлениях современных манси и хантов (по полевым материалам последней четверти XX в.) // Материалы полевых этнографических исследований. Вып. 4. СПб.
- Фёдорова Е. Г. 2000. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский дом. 367 с.
- Финш О., Брем А. 1882. Путешествие в Западную Сибирь. М. 575 с.
- Фишер И. Э. 1774. Сибирская история. СПб. 631 с.

- Фольклорные тексты тегинских хантов. Записи и публикация Лапиной М. А. // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 5. Томск: ТГУ. С. 77–87.
- Хайду П. 1985. Уральские языки и народы. М. 430 с.
- Хантыйские сказки. 1991. Ханты-Мансийск; Ленинград: Белый журавль. 19 с. (препринт).
- Хомич Л. В. 1966. Ненцы. М.; Л.: Наука. 329 с.
- Хомич Л. В. 1976. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука. 189 с.
- Хомич Л. В. 1977. Религиозные культы у ненцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера (СМАЭ. № 33). Л.: Наука. С. 5–28.
- Хондажевский Н. К. 1880. Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарово и северных тундр между Обскою губою и Сургутом // Зап. ЗСО РГО. Кн. 2. С. 1–32.
- Хроника музея за 1899 г. 1902. // ЕТГМ. Вып. 13. С. 53–75.
- Хэнкель И. 2001. Почитание духов и дуальная система у угров (к проблеме евразийского тотемизма) / Пер. с нем. и публикация Н. В. Лукиной. Томск: ТГУ. 108 с.
- Чернецов В. Н. 1927. Жертвоприношение у вогулов // Этнограф-исследователь. № 1. С. 21–25.
- Чернецов В. Н. 1935. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. № 4–5. С. 109–133.
- Чернецов В. Н. 1937. Термины средств передвижения в мансийском языке // Памяти Богораза (1865–1936). М.; Л. С. 349–366.
- Чернецов В. Н. 1939. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. № 2. С. 20–42.
- Чернецов В. Н. 1947. К истории родового строя у обских угров // СЭ. № 6–7. С. 159–183.
- Чернецов В. Н. 1953. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. № 53. М. С. 221–241.
- Чернецов В. Н. 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. № 58. М. С. 136–245.
- Чернецов В. Н. 1959. Представления о душе у обских угров // ТИЭ, н. с. Т. 51. М. С. 117–156.
- Чернецов В. Н. 1971. Наскальные изображения Урала // САИ. В4-12(2). М.: Наука. 120 с.
- Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. 2003. Т. 1. Факсимильное издание. Т. 2. Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели. М.: ФГУП ПКО «Картография». 176 с.

- Чиндина Л. А. 1991. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: ТГУ. 183 с.
- Шавров В. Н. 1871. Краткие записки о жителях березовского уезда // Чтения в обществе истории и древностей российских. Кн. 2. СПб. С. 1–21.
- Шатилов М. Б. 1931. Ваховские остяки: этнографические очерки // Труды Томского краеведческого музея. Томск. Т. IV. 175 с.
- Шашков А. Т. 1998а. К истории основания Обдорского острога // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI — XX вв. Материалы третьей региональной научной конференции. 19–20 ноября 1998 г. Новосибирск. С. 10–16.
- Шашков А. Т. 1998б. Княжества Нижнего Приобья в конце XVI—XVII веков // Югра. №№ 1, 2. С. 22–25, 20–23.
- Шашков А. Т. 1999. О сборе ясака с обдорских самоедов в XVI—XVII вв. // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI — XX вв. Материалы четвертой региональной научной конференции. 11–12 ноября 1999 г. Новосибирск. С. 223–230.
- Шашков А. Т. 2000а. Княжеские династии обских угров в XV—XVII вв. // Северный регион: экономика и социокультурная динамика. Сборник тезисов к Всероссийской научной конференции, ноябрь 2000 г. Ханты-Мансийск; Сургут. Сургут: СурГУ. С. 7–9.
- Шашков А. Т. 2000б. Северный Урал и Нижнее Приобье в конце XV—XVI вв. (по русским и иностранным источникам) // Историческая наука на рубеже веков. Статьи и материалы научной конференции, посвященной 60-летию исторического факультета УрГУ им. А. М. Горького. Екатеринбург. С. 94–108.
- Шмидт Е. 1989. Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя. Канд. дисс. Л. 224 с.
- Шухов И. Н. 1913. Поездка в низовья р. Оби и Обскую губу // Известия Зап. Сиб. отдела РГО. Т. I. Вып. 2. С. 1–5.
- Шухов И. Н. 1914. Река Щучья // ЕТГМ. Вып. 22. С. 1–31.
- Шухов И. Н. 1916. Река Казым и ее обитатели // ЕТГМ. Вып. 26. С. 1–51.
- Щеглов И. В. 1993. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Сургут: Северный дом. 463 с.
- Юданов И. Г. 1932. Река Сыня и ее значение для рыболовства Обского Севера // Работы Обь-Иртышской научной рыбохозяйственной станции. Тобольск. 89 с.
- Ядринцев Н. М. 1891. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб. 308 с.

- Якобий А. И. 1895. Остяки северной части Тобольской губернии // ЕТГМ. Вып. 4. С. 1—25.
- Golovnev A. V. 1994. From One to Seven: Numerical Symbolism in Khanty Culture. In: Arctic Anthropology. Vol. 31, No 1. P. 62—71.
- Patkanov S. 1900. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. 2. SPb.
- Sommier S. 1885. Un`Estate in Siberia fra ostiacchi, samoiedi, sirieni, tatari kirgisi e baskiri. Torino; Roma.
- Steinitz W. 1938. Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien // Ethnos. № 4, 5.

СОКРАЩЕНИЯ

- БРЭ — Библиотека Российского этнографа
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВИ — Вопросы истории
ГАОО — Государственный архив Омской области
ГМПич — Государственный музей Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск)
ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией
ЕТГМ — Ежегодник Тобольского губернского музея
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЖР — Живописная Россия
ЖС — Живая старина
ЗСО РГО — Западно-Сибирский отдел Русского географического общества
ИАиЭ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск)
ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН (Тюмень)
ИРГО — Императорское русское географическое общество
ИЭА — Институт этнологии и антропологии РАН (Москва)
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МУМЦ — Муниципальный учебно-методический центр
НА ТГИАМЗ — Научный архив ТГИАМЗ
НГПИ — Новосибирский государственный педагогический институт
НГУ — Новосибирский государственный университет
НИИ ВОУН — Научно-исследовательский институт возрождения обско-угорских народов (г. Ханты-Мансийск)
ОмГУ — Омский государственный университет
ОмГПУ — Омский государственный педагогический университет

- ПСИ — Памятники сибирской истории XVIII в.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- РГО — Русское географическое общество
- РИБ — Русская историческая библиотека
- САИ — Свод археологических источников
- СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
- СЭ — Советская этнография
- ТГИАМЭ — Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
- ТГВ — Тобольские губернские ведомости
- ТГПИ — Тобольский государственный пединститут
- ТГУ — Томский государственный университет
- ТИЭ — Труды института этнографии
- Тм кп — Тобольский музей, книга поступлений (фондовый номер коллекций ТГИАМЭ)
- ТФ ГАТО — Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
- УрГУ — Уральский государственный университет
- Фонд ТГИАМЭ — рукописный и печатный фонд Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника
- ЭО — Этнографическое обозрение

Научное издание

Елена Валерьевна Перевалова

**Северные ханты:
этническая история**

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института истории и археологии
и НИСО УрО РАН
ЛР № 020764 от 24.04.1998 г.

Редактор Л. А. Урядова
Компьютерная верстка Е. М. Иванова

НИСО УрО РАН № 66(04)
Подписано в печать 17.08.2004. Формат 60х90 1/16
Печ. л. 26,0. Уч-изд. л. 29,0
Бумага ВХИ 80 гр./м. Тираж 1000 экз.
Заказ № **348**

НИСО УрО РАН
622019, Екатеринбург, ГСП-169, ул. Первомайская, 91

Институт истории и археологии УрО РАН
620026, Екатеринбург, ГСП-340, ул. Р. Люксембург, 56

Отпечатано с готовых диапозитивов в
ООО «Корпорация типографий «Циркон»
623751, Свердловская область, г. Реж, ул. Ломоносова, 6